

Министерство образования и науки Российской Федерации
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ
В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Материалы конференции
Кострома, 24–25 марта 2011 года

Кострома
2011

УДК 947я43
ББК 63.3(2)55-7я43
Р 693

Печатается по решению организационного комитета
конференции и редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия

А. М. Белов, М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
И. А. Едошина, А. Г. Кирпичник, А. Р. Наумов,
Н. М. Рассадин, А. Д. Шипилов

Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах российских земель : материалы конф., Кострома, 24–25 марта 2011 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 361 с. ISBN 978-5-7591-1222-8

В сборник вошли материалы IV Романовских чтений, состоявшихся в Костроме 24–25 марта 2011 г. Научный форум объединил усилия ученых историков и философов, школьных педагогов и служителей Русской православной церкви в исследовании различных аспектов взаимоотношений центра и регионов в модернизационном развитии России XVII – начала XX в., роли провинции в становлении и развитии отечественной культуры, а также в проведении научно-исторических изысканий в российских регионах XVIII – начала XX в.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, а также всем, кто интересуется историей России.

УДК 947я43
ББК 63.3(2)55-7я43

ISBN 978-5-7591-1222-8

© А. Д. Шипилов, составление, 2011
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011

ВСТУПЛЕНИЕ

Исполнилось четыре года с момента проведения первых Романовских чтений. За это время расширяется, обогащается тематика докладов, появляются новые сюжеты и участники. Среди постоянных членов можно видеть ученых, музейных работников, краеведов из Москвы, Владимира, Санкт-Петербурга, Самары, Ярославля, Иванова, Пензы, Великого Новгорода. Новые сюжеты истории регионов в правление Романовых представили участники из Сибири (Омска, Тобольска), Урала (Перми, Челябинска), черноземных губерний (Орла, Белгорода), представители Украины (Чернигов) и др.

В небольшой период времени – с XVII по XIX век – Россия из относительно небольшого образования превращается в мощное государство. В эпоху Петра I страна становится империей, а для удобства управления ею проводится, начиная с 1708 года, губернская реформа. К концу XVIII века страна была разделена на 50 губерний.

XVIII–XIX века становятся временем хозяйственного и культурного освоения огромных пространств от Атлантики до Тихого океана. В это же время складывается механизм управления империей. С 1802 года появляются министерства внутренних дел, финансов и другие, призванные наладить административное управление, сбор налогов и пошлин, подбор и расстановку наместников и губернаторов.

Начиная с правления Екатерины II и предоставления вольности дворянству, помещики охотно селятся в своих поместьях, занимаются рационализацией своего хозяйства. Дворянские усадьбы становятся очагами распространения культуры в провинции.

После победы в Отечественной войне 1812 года идет активное архитектурное строительство, формируется облик провинциальных городов. Строятся каменные соборы и церкви, губернаторские дома, здания городских дум, присутственных мест, дворянских собраний, духовных семинарий, классических гимназий. Вместе с ними растут дома богатых горожан – представителей знати, столбового дворянства, купцов и промышленников.

Новый поворот в развитии империи начинается с 1860-х годов: отмена крепостного права, проведение земской, судебной, городской реформ дали новый импульс развитию провинции. Происходит бурное промышленное развитие, капиталистические фабрики, как грибы после дождя,

появляются в сельских уездах Костромской губернии, строятся подъездные пути, железные дороги, осваиваются речные пути. С появлением земских самоуправлений налаживается местная жизнь: в уездах возникают фельдшерские пункты, начальные школы для детей крестьян, пункты помощи крестьянам в ведении сельского хозяйства – семенами, инвентарем и др.

Конечно, были трудности, но такой показатель развития губерний, как рост численности населения неизменно свидетельствовал о существенном, из года в год, прибавлении россиян. К моменту создания в 1778 году самостоятельного Костромского наместничества, здесь проживало 806 922 человека, в 1853 году – около 1 млн, в 1899 году – более 1,5 млн, а в 1913 году – 1 819 239 жителей.

Вошедшие в настоящее издание научные статьи посвящаются судьбам российской провинции в правление царской династии Романовых.

Материалы чтений не только развивают и представляют во всей целостности историю России в правление Романовых, но и восстанавливают страницы во многом забытых, почти утерянных деяний наших предков. Хочется надеяться, что исторические сюжеты помогут лучше понять пути возрождения нашей родины в XXI веке.

Редколлегия

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. С. Соболев

ИМПЕРАТОР ПЁТР I И СОЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО ФЛОТА (ПО ДОКУМЕНТАМ РГАВМФ)

Реформы императора Петра Великого придали ускорение процессу просвещения в России, стали мощным импульсом для превращения её в европейское государство. Реформирование страны было бы невозможным без создания своего собственного флота. Развитие России во многом зависело от возможности свободного выхода к морям, поэтому данное обстоятельство и определило главное содержание внешней политики, проводимой правительством Петра I.

Свой флот России пришлось создавать в сложных исторических условиях, практически весь этот трудный процесс по времени совпал с многолетней Северной войной, которая началась в 1700 году. Балтийское море в этой войне со Швецией стало важным театром боевых действий для обеих воюющих сторон.

Архивные источники показывают, что уже с 1702 года началось строительство отечественных боевых кораблей. В основном это были гребные суда – галеры, но начали вступать в строй и парусные корабли. Так, в конце 1702 года на воду был спущен 28-пушечный корабль «Архангел Михаил».

За первую четверть XVIII века в России был создан целый ряд верфей для строительства военных кораблей разного назначения. Прежде всего, они создавались на северо-западе страны – в самом Санкт-Петербурге, Кронштадте, Шлиссельбурге, Олонце, Лудейном поле. Но этот процесс быстро развивался и вширь, подобные предприятия были построены в Архангельске, Нижнем-Новгороде, Казани, Воронеже. В данном случае это не был процесс «милитаризации экономики», так как всё создавалось впервые. Более того, военное кораблестроение дало импульс развитию всей этой отрасли. Вскоре были построены Партикулярные верфи в Санкт-Петербурге, Вышнем Волочке, Новой Ладого, Твери и Ярославле, на них за счёт казны строились морские и речные суда уже для мирного судоходства.

Приведём несколько конкретных примеров из истории военного судостроения. В 1714 году Пётр I повелел приступить к постройке скампавей на Казанской верфи (это боевые парусно-гребные корабли для шхерного плавания). Для этой цели в Казань были направлены необходимые мастера и плотники¹.

В октябре 1716 года состоялся императорский Указ о постройке четырёх новых линейных кораблей на Архангелогородской верфи².

В октябре 1722 года Пётр I подписал Указ об «изготовлении в Нижнем Новгороде 30-ти гекботов» (это небольшой парусный корабль с вооружением

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

6–8 пушек). Для этой цели было приказано командировать туда «якорных и канатных мастеров» и других работников³.

Строительство кораблей было бы невозможно без продукции металлургии, она обеспечивала их оснастку и вооружение. Для нужд флота работали металлургические заводы в Олонце, Сестрорецке и на Урале. Так, в июне 1714 года император приказал ускорить изготовление на Петровских заводах «штан-кугельсов различного калибра» (т. е. пушечных ядер) «по посылаемым образцам»⁴. В июле 1723 года Пётр I повелел заводам в Олонце срочно «отлить 320 железных пушек и доставить их в Петербург». Одновременно с этим на заводы были отправлены и чертежи новых орудий⁵.

Костромской край также внёс свою лепту в создание флота России. Здесь надо вспомнить о знаменитых тогда костромских корабельных лесах. Пыщугские крестьяне для строительства флота заготавливали дубовый лес и занимались его сплавом. Этот лес гнали в половодье по реке Юг, потом по Малой Северной Двине в Северную Двину и на верфи Архангельска (по нашим подсчётам, на 40-пушечный фрегат уходило около 600 вековых дубов). Уже с середины XVIII века дубовые рощи в Российской империи считались важным стратегическим ресурсом и подлежали строгому государственному учёту и охране.

Для нужд военно-морского флота работала и полотняная фабрика в селе Опалиха (это недалеко от нынешней Берендеевки). Тогда и Опалиха, и сама фабрика принадлежали графу Р. И. Воронцову. В кирпичном корпусе фабрики в 70 станков работали его крепостные крестьяне. В архивных документах говорится об этом следующее: «А ткут на оной фабрике флотские полотна, ревендуки и коломянки ценою от 10 копеек до 14 и отправляют в Санкт-Петербургский порт». Костромское флотское полотно и парусина в России считались одними из лучших⁶.

Пётр I, ранее на верфях Голландии и Англии овладевший корабельным мастерством, иногда сам принимал участие в строительных работах (под именем «корабельного мастера Петра Михайлова»). В РГАВМФ хранятся несколько уникальных документов об этом необычном явлении. Так, сохранилась ведомость на выдачу жалованья мастерам и их расписки в получении его, в том числе и «корабельному мастеру Петру Михайлову 366 рублей»⁷.

С созданием первых боевых кораблей пришли и первые морские победы. В октябре 1702 года гребная флотилия и сухопутные войска под общим командованием Петра I после долгой осады овладели крепостью Нотебург (была переименована в Шлиссельбург – «Ключ-город»). В мае 1703 года в устье Невы гребная флотилия под командованием Петра I и Александра Даниловича Меншикова атаковала два шведских корабля «Гедан» и «Астрильд» и после жестокого боя русские их захватили.

Император считал необходимым лично руководить действиями недавно созданного флота. В РГАВМФ хранится более четырёхсот документов – автографов Петра I, и среди них его переписка со своими сподвижниками по многим вопросам создания и действия флота⁸. Так, царь своим письмом от 3 октября 1706 года, направленном в Кронштадт, приказал командующему флотом

вице-адмиралу Корнелиусу Крюйсу выйти в море в связи с активизацией шведского флота: «Взять десять кораблей и над ними доброго командира, для того, чтоб неприятель не так смело поступал, о чём и прежде я с Вами говаривал, и диверсии чтоб не учинил. Питер»⁹.

Как уже упоминалось выше, параллельно с боевыми действиями на море продолжался и процесс строительства флота. Вот одно из многочисленных писем Петра I в этом плане. Это собственноручное послание от 12 августа 1714 года адмиралтейскому советнику Александру Васильевичу Кикину с приказанием построить к весне 1715 года пять полугалер и двадцать пять скампавей, обеспечить это строительство мастеровыми, а также о постройке одной опытной бригаантины мастером Юрием¹⁰.

Император лично контролировал ход становления отечественного кораблестроения, находил возможность вникать подчас во все детали работ. Так, среди архивных документов имеется выполненный Петром I собственноручно чертёж «Модель – камеры», где должны были изготавливаться чертежи будущих кораблей. На полях чертежа имеются и несколько помет императора: «В сей камере полы лутче деревянными гвоздями прибить, а не железными дабы не мешали чертить»; «Полам надлежит быть зело из сухого сосновоа дерева и гораздо плотно сплочённые и стругом выструганные» и др.¹¹

Приведём выдержку ещё из одного документа – довольно характерного и энергичного послания Петра I. Это письмо от 7 февраля 1716 года Корнелиусу Крюйсу в связи с неготовностью Ревельской эскадры к предстоящей кампании: «Господин вице-адмирал, Я с великим неудовольствием слышу, что Ревельская эскадра так у Вас и не управлена. Ежели впредь так поступать станете, можете живот свой потерять. Пётр»¹².

Благодаря кипучей энергии императора строительство флота шло невиданно высокими для мировой практики темпами. Так, в 1712 году со стапелей сошёл первый русский линейный 54-пушечный корабль «Полтава»; в 1715 году в состав флота вошли два 64-пушечных корабля «Ингерманланд» и «Москва»; в 1718 году – 90-пушечный корабль «Лесное» и т. д. Именно эти новые корабли уже европейского класса и позволили нашему флоту одержать ряд замечательных побед в ходе Северной войны. Достаточно вспомнить Гангутское сражение 1714 года, ставшее первой крупной победой регулярного русского флота над шведским (в этом сражении принял тогда участие и 19-й Костромской пехотный полк, о чём свидетельствует запись на мемориальной доске, установленной на одной из стен Пантелеймоновской церкви в Санкт-Петербурге). Это было и сражение у острова Эзель (ныне – Сааремаа) в 1719 году, которое стало самым крупным в ходе Северной войны. В результате его только в плен было взято три шведских судна: линейный корабль, фрегат и бригантина.

Всего же за период с 1702 по 1725 год (т. е. до кончины императора Петра I) было построено и вошло в состав флота 647 парусных и гребных кораблей, и только 35 из них были заграничной постройки¹³.

Существование любого флота немыслимо без мест постоянного его базирования. Санкт-Петербург, основанный Петром Великим в 1703 году, стал новой

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

столицей империи, и, вместе с тем, он стал и главной базой флота. Вот как ярко и образно говорится об этом в самом первом дошедшем до нас описании Петербурга: «Всемогущий Бог повелел Петру Великому на сей древле отечественной наследной Ижёрской земле, при Море Варяжском построить царствующий Град, который да будет яко прекрепкое забрало и стена оплоту в защищение всему Российскому Государству. В сём Граде повелел быть Адмиралтейству, и в нём корабельному строению; тут быть великому флоту российскому и действо иметь в Море Варяжском»¹⁴.

В 1704 году по Указу Петра I началось строительство Санкт-Петербургского адмиралтейства. В РГАВМФ хранится план-чертёж Адмиралтейства с собственноручными пометами императора на полях: «Сей верфь делать как лучше государственными работниками и подрядом, и жилья делать мазанками, кузницы обе каменные, амбары и сараи делать основу из брусьев»¹⁵.

Одновременно с этим началось строительство базы флота на острове Котлин – будущего Кронштадта. Географическое положение острова давало флоту большие возможности в оперативном отношении, кроме того, Кронштадт стал надёжным щитом Северной столицы, прикрывающим её с запада.

Пётр I также возглавил всю тяжёлую работу по строительству этой базы флота. Мы позволим себе рассказать ещё об одном архивном документе – автографе царя. Это собственноручный рисунок острова Котлин и знаменитого Толбухина маяка, который ещё только предстояло построить на Котлинской Косе¹⁶.

Создание флота потребовало организации постоянных органов управления им. В 1700 году в Москве был создан Адмиралтейский приказ, а с 1712 года по Указу императора центр управления флотом переместился в Санкт-Петербург и был позднее преобразован в Адмиралтейств-коллегию. В ведении её находилось строительство кораблей, их вооружение, сооружение портов и баз, подготовка специалистов для флота, разработка нормативных документов и др. Ряд лет Морским ведомством руководил верный сподвижник Петра I – генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин. Важное значение для организации флотской службы имела разработка соответствующих нормативных актов и инструкций. В 1716 году Адмиралтейств-коллегией был издан специальный альбом – «Рисунки до мореплавания относящиеся и книга пропорций оснастки кораблей».

Петр I лично редактировал текст первого российского Морского устава, который на многие годы стал главной нормативной базой всей жизни флота. Становление флота потребовало и организации работы по подготовке кадров командного состава для него. Для этой цели в 1701 году в Москве была учреждена «Школа математических и навигацких наук» – первое в России военно-морское учебное заведение. Располагалось оно в верхнем ярусе известной Сухаревой башни. Высота башни позволяла вести занятия по астрономии и навигации, столь необходимых для моряков. В 1702 году в школе насчитывалось уже двести учащихся, а первый выпуск специалистов состоялся в 1705 году¹⁷. По Указу императора в 1715 году в Санкт-Петербурге была основана и Морская академия, которая начала подготовку офицеров для флота.

Таким образом, во многом благодаря государственному уму, инициативе и энергии императора Петра Великого, в России за исторически короткий срок был создан современный для той эпохи военно-морской флот, который обеспечил победу в Северной войне.

Флот сыграл огромную роль в закреплении за Россией статуса морской державы, что во многом определило её переход в разряд великих европейских государств.

Примечания

- ¹ РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 11. Л. 57–59.
- ² Там же. Д. 13. Л. 85–86.
- ³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 86.
- ⁴ Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 11. Л. 74–75.
- ⁵ Там же. Д. 30. Л. 52.
- ⁶ Григоров А. А., Соболев В. С. Полотно и парусина из Опалихи // Северная правда. 1976. 25 июня.
- ⁷ РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.
- ⁸ Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ: каталог. СПб., 2002. 152 с.
- ⁹ РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.
- ¹⁰ Там же. Д. 11. Л. 70–71.
- ¹¹ Там же. Д. 19. Л. 19.
- ¹² Там же. Д. 13. Л. 68.
- ¹³ Балтийский флот. Три века на службе отечеству. СПб., 2002. С. 22.
- ¹⁴ Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. 1749–1750 / отв. ред. К. И. Логачёв, В. С. Соболев. СПб., 1997. С. 123.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 34. Л. 77–78.
- ¹⁷ Флот Российской империи. СПб., 1996. С. 26.

А. М. Белов

О СИМВОЛЕ И ЗНАЧЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

Самодержавие как историческая форма управления страной складывалась постепенно, вместе с утверждением и распространением христианства, вместе с ростом могущества России, восстановлением территориальной целостности, а также с присоединением новых земель на западе и востоке страны в XVII–XIX вв.

Между тем, сам титул «самодержец» – это славянский перевод¹ византийского императорского титула *αυτοκράτωρ*. В то же время Иван III титулуется себя *царём всея Руси*. Этот термин, как известно (по Ключевскому), есть сокращённая южнославянская и русская форма латинского слова *цесарь*, или по старинному написанию *цьсарь*. Титул царя есть уже в актах внутреннего управления при Иване III, и при Иване IV обыкновенно стал соединяться со сходным по

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

значению титулом самодержца. Оба термина в Древней Руси имели другой смысл, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, не зависимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не плативший дани².

Интересно, что история донесла до нас то понимание власти самодержца, которое было установлено московским великим князем Иваном III в ответе посланнику германского императора Николаю Поппелю. Напомню, что пораженный красотой и богатством Руси немецкий рыцарь Поппель рассказал об увиденном германскому императору. Удивленный этим известием, император вновь направил Поппеля к Ивану III с предложением королевского титула московскому князю. Но Иван III поблагодарил за предложение и ответил: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы божьей милостью государи на своей земле изнача, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы... Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал до века так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим»³. Сын Ивана III, Василий III, в 1518 году впервые назвал себя официально царём, а внук – Иван IV – в 1547 году уже торжественно венчается на царство.

Значение власти русских правителей поднимается и по другой причине. В 1453 году пал Второй Рим – Константинополь – под ударами турок-османов. В конце XV – начале XVI века в Россию перемещается центр вселенского православия, что также находит выражение в известном учении инок Филофея «Москва – Третий Рим». Сохранилось послание архиепископа Ростовского Вассиана, адресованное Ивану III 1480 году, во время знаменитого его противостояния татарскому хану Ахмату, вошедшего в историю как «Стояние на реке Угре». Иван III был строителем Руси, но воевать не любил. Узнав об этом, старец Вассиан (брат преподобного Иосифа Волоцкого) отправил великому князю обличительное письмо, сопровождая послание словами: «Наше дело говорить царям истину... ревностно желая утвердить твою душу и державу»⁴. Душа и держава не случайно оказались в письме. Княжьи служение таково, пишет Вассиан, что управишь державу и душу спасешь, призвав Ивана решительно противостоять разорению Руси, гибели тысяч людей. Это бремя власти будет сопровождать все последующие века самодержавие. Державный долг государя архиепископ сблизал с долгом пастыря – хранителя душ, ответственного пред Богом не только за внешнее благополучие, но и за внутреннее преуспевание. На сочетании и взаимном равновесии державного и соборного, царского и пастырского будут в дальнейшем строиться отношения светской и церковной власти в России. Эта «симфония властей» станет идеалом их взаимоотношений и твердо запечатлется в народном сознании. Таким образом, в конце XV–XVI веках складывается, а в XVII столетии окончательно утверждается особый тип власти России – самодержавие царей. В связи с тем, что самодержавие пришло из Византии, логично было бы посмотреть и на смысл власти.

Самодержец считал себе ответственным за всех своих поданных. В свою очередь, в царе народ видел верховную власть, на каждом шагу смотрящую на

себя, как на ответственное орудие Бога, исполняющую не свою волю, а божественную справедливость, как власть, посланная Богом для служения на добро подданных. Важнейший же смысл верховной власти был в том, что самодержец был служителем Божиим, т. е. призван осуществлять справедливость, исходящую не от людей, не от республики, не от «большинства», но Бога⁵. От него он получал обязанность и, стало быть, полномочия. Таким образом, самодержавие является представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а воплощением народного нравственно-религиозного идеала. При этом речь идет об идеале христиан, сплоченных в церковь. Интересно и восприятие подданными самодержавной власти. Подчинение земной жизни религиозному идеалу, приводить православных к исполнению политических идеалов и исканию носителя власти, подчиненного воле Божьей, т. е. монарха-самодержца, подчинение одному человеку, вершителю дел по совести. Причем русский народ в возможность устроить общественно-политическую жизнь посредством только юридических норм не верит. Он требует от общественно-политической жизни большего, чем способен дать закон, вроде как принятый раз и навсегда. Это чувство русских выразил А. С. Пушкин, говоря, что «закон – дерево не может угодить правде, и поэтому нужно, чтобы один человек был выше всего, выше закона»⁶. В известных пословицах народ описывает то же самое воззрение на неспособность закона быть высшим выражением правды, искомой им в общественных отношениях: «Закон – что дышло...»; «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет»⁷.

Таким образом, самодержец выступал властью верховной в отношении подданных, а важнейшим сдерживающим моментом было то, что он служил Богу, волю и закон которого он выполнял. Около этой власти постоянно стояла церковь, хранительница Божественной нравственной воли, а сам самодержец был лишь членом, но не господином церкви. Отсюда мерка законности власти была одинаковой и для самодержца, и для подданных, одинаково предстояла и перед самодержцем, и перед подданными.

Важным элементом внутреннего сплочения народов России была веротерпимость. Законы православия были терпимыми к другим традиционным верованиям России с древности. Интересно, что этому с испокон века следовали и русские самодержцы. Нам известно, с XV века ряд мусульманских правителей поступили на службу московскому самодержцу. В Касимове (и других мусульманских уделах) татарские владыки имели собственную администрацию, управляли свои религиозные обряды. Как заявляли русские послы за рубежом, в переданных ханам городах «мусульманской веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольтбищ их не рушит, всякий иноземец в своей вере живет»⁸.

Эту сторону жизни самодержца подмечали с удивлением англичане, отмечая, что Николай II имел хорошие и равные отношения с правителями (ханами Средней Азии), присвоив им генеральские звания и приняв на службу в русскую армию⁹. В этом отношении русские правители установили начиная с Петра I и особенно с Екатерины II отношения равенства административного устройства

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

страны, проведя губернскую реформу и фактически сделав жесткими только внешние границы. Свобода духа и быта людей позволяли при всей громадности империи в целом обеспечить мирный труд и согласие между народами. Интересно, что в старой самодержавной России в послужных списках чиновников не указывали национальность и вероисповедание, которое отнюдь не мешало представителям разных религий занимать высшие должности. К указанным выше мусульманам добавлю лютеранина барона Фредерикса, занимавшего ответственный пост министра двора императора Николая II, или католика гофмаршала царского двора графа Бенкендорфа¹⁰. Каждый русский самодержец чувствовал и понимал самодержавие по-своему. Во многом на это чувство оказывали воздействие и эпоха, окружение, особенно с раннего детства. В этой связи, к сожалению, не всегда самодержавие действовало в согласии с православием.

Самодержавие имело источник легитимности в вере, т. е. нравственным регулятором была православная вера. Однако именно в вере в середине XVIII века русские люди увидели рознь. Как следствие, было потеряно бесспорное, абсолютное мерило правды. В этой ситуации власть царя в церковных делах не могла не возрасти до чрезмерности, когда церковь распалась на иерархию и народ. Новый никоновский обряд имел на своей стороне царскую власть и верхние служилые слои, а старый обряд – народную массу. Во время стрелецких бунтов при Софье не церковные иерархи стали опорой власти, а сама царская власть – опорой архипасторства. Естественно, царская власть приняла значение преувеличенное. Как известно, Петр I патриаршество отменил, учредив духовную коллегия – синод. В этом деле церковное управление стало отраслью государственного управления под началом государственного сановника. Отсюда пошло бессилие церкви и смута мировоззрения. Следствием стали податливость внешним, и прежде всего западным, влияниям и последующий подражательный характер реформ Петра. Что касается коллегии церковного управления с подчинением церкви государству, то это была идея протестантской Европы, которой во всем подражал Петр¹¹. Для самой же верховной власти логика церкви открыла еще одну сторону развития: самодержавие стало эволюционировать в абсолютизм.

Таким образом, вслед за религиозным и в государственно-правовом отношении стали искать принципов «на западе». Но растерявшись в понятиях о правде, Петр не потерял любви к истине и жить хотел не своим, а тем, в чем «правда». Он готов был откинуть все свое, если оно не есть истина. И этим он был верен величайшему достоинству русского человека, достоинству, которым русский был обязан православию. Петр стал величайшим выразителем русского человека в решимости жить только истиной, хотя бы она и была «лютеранская», «голландская», какая угодно. Интересна и эволюция царского долга в представлении Петра: монарх как носитель царского долга имел обязанность взять на плечи тяжелую задачу – привести Россию возможно быстрее к полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос «быть или не быть». Страшно даже подумать, отмечали

исследователи, если бы мы не сравнивались с Европой до конца XVIII века: «Мы и при петровской реформе попали в доселе дрящущую кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до времен фридрихов великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европой всего мира. Петр, железной рукой принудивший Россию учиться работать, был спасителем всего национального будущего». Как считают исследователи монархической государственности, «Петр был прав и в своих насильственных мерах... Россия была настолько отставшей, ей предложат такой страшный труд, чтобы сколько-нибудь догнать Европу, что добровольно целая нация не могла этого сделать. Петр... заслужил вечную благодарность отечества за то, что употребил весь свой царский авторитет и власть на то, чтобы создать жесточайшую диктатуру и силой двинуть страну, и за слабостью ее средств закабалить всю нацию на службе целям государства»¹². Другого исхода не было для спасения России. Это объясняет нам причины столь длительного по сравнению с Западной Европой крепостного права в России. Буквально все было подчинено в стране устремлению в будущее.

Тем не менее и в XVIII, и в XIX, и в XX веках Россия оставалась православной державой, а во главе страны стоял православный русский царь, с 1721 года – император. В этой связи интересно посмотреть и напомнить смысл, а также идею венчания на царство православных самодержцев.

13 мая 1896 года их величество Николай Александрович и Александра Федоровна переехали в Кремль. Здесь необходимо указать, что русские коронационные торжества 1896 года были первым большим государственным праздником, запечатленным в кинематографе (кинематограф Люмьер)¹³. В торжествах участвовали представители всех европейских дворов, а также делегация из Китая.

14 мая – в день коронации – в карауле стоял Преображенский полк. К 9 часам утра в Успенском соборе собрались почетные гости. На паперти собора государя встретило духовенство, и московский митрополит Сергей обратился к нему со словами, среди которых были следующие: «Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить на себя Царский венец и воспринять священное миропомазанье. Если же предлежит Тебе воспринять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так нет и труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее царского служения. Чрез помазанье видимое да подаст Тебе невидимая сила, свыше действующая и возвышению твоих царских доблестей озаряющая Твою самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных»¹⁴.

В соборе государь и государыня заняли места на троне под балдахинем напротив алтаря. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий, взойдя на площадку трона, предложил государю прочесть «Символ Веры», далее, облачившись в порфиру и венец, взяв в руки державу и скипетр, он прочел коронационную молитву. После этого молитву от лица всего народа огласил митрополит Палладий, после которого хор спел «Тебя Бога хвалим». Литургию

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

государь выслушал стоя, сняв с себя венец, он воспринял миропомазание. В этот миг колокольный звон и салют из 101 выстрела возвестил городу, что таинство совершилось. Митрополит Палладий ввел государя в алтарь через Царские врата, и там он приобщил Святых Таин по «царскому чину». С этой минуты Россия получила нового помазанника Божьего – императора Николая II.

Таким образом, в самой символике и обряде венчания царь как бы венчался с Россией. В самой идее самодержавия было заложено независимое от внешних воздействий развитие России, единение русских людей, русских земель под скипетром православного царя. Эта идея опиралась на общее понимание высшей справедливости, которую несет православие, и воплощение этой правды в земной жизни. Все это и призван был претворять русский император-самодержец всероссийский.

Примечания

- ¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 115.
- ² Там же. С. 115–116.
- ³ Там же. С. 119.
- ⁴ *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5. История России с древнейших времен. М., 1989. С. 77–78.
- ⁵ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 143–144, 239.
- ⁶ *Пушкин А. С.* Золотой том. Собр. соч. М., 1993. С. 797.
- ⁷ *Тихомиров Л. А.* Указ. соч. С. 239.
- ⁸ История внешней политики России. М., 1998. Т. 1. С. 235.
- ⁹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 497.
- ¹⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. Т. 1. 1994. С. 497.
- ¹¹ *Тихомиров Л.* Указ. соч. С. 284–285.
- ¹² Там же. С. 282–283.
- ¹³ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 57.
- ¹⁴ Там же.

РАЗДЕЛ I

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ
В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ
XVII – НАЧАЛА XX ВВ.**

К. Е. Балдин

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ДУХОВЕНСТВО
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ)**

Несмотря на существовавшие в дореволюционной России межсословные перегородки, после реформы 1861 г. контакты различных сословий друг с другом и стирание вышеупомянутых средостений происходили ускоряющимися темпами. Это касалось в том числе и связей такого привилегированного сословия, как духовенство, с той социальной стратой, которая считалась в то время «полупривилегированной», т. е. купечества, составлявшего (по крайней мере, в первые пореформенные десятилетия) абсолютное большинство класса буржуазии. Предпринимателям приходилось сталкиваться с духовенством часто, и не только потому, что купцы регулярно посещали церкви.

Традиционное в этой среде уважение к религии и Русской православной церкви переносилось и на ее клириков. Православный человек достаточно часто сталкивался с сакральными вещами (например, иконами, богослужебными вещами), сакральными местами (храмы, монастыри), сакральными временными отрезками (двунадесятые праздники, посты), а также с сакральными личностями. Здесь имеются в виду не святые подвижники, официально канонизированные или не канонизированные РПЦ, а служители культа, которые постоянно общались с мирянами. При этом нужно учитывать, что сакральные качества они приобретали не только в силу своих исключительных личностных характеристик, а вследствие благодати, получаемой любым священником при его рукоположении или епископом в результате хиротонии.

В среде провинциальных предпринимателей в ходе семейной и внесемейной социализации традиционно культивировалось уважение к священнослужителям. От священника ожидали благодатных советов в сложных жизненных случаях, духовного окормления, а также утешения в горе. Разумеется, особым почитанием пользовались талантливые проповедники слова Божия, нравственно чистые и сердечно добрые, обладавшие тем, что сейчас называется термином «харизма».

© К. Е. Балдин, 2011

К таким людям относился выдающийся церковный деятель дореволюционной России отец Иоанн Кронштадтский. Хотя большая часть его жизни прошла в столице, но он был тесно связан с Верхним Поволжьем, не раз бывал здесь, здесь жили его духовные чада. Мемуарные источники оставили нам свидетельства о впечатлении, которое о. Иоанн производил даже на тех людей, встреча с которыми была очень краткой.

Текстильный фабрикант И. К. Коновалов из Кинешмы оставил воспоминания о посещении И. Кронштадтским его родного города. Из его мемуаров известно, что отец Иоанн посетил в апреле 1887 г. его тетку Александру. Когда он уезжал в Петербург, на кинешемском вокзале собралась толпа его восторженных почитателей, в том числе почти вся кинешемская ветвь семьи Коноваловых. Особенно много было женщин, которые обнимали его колени, целовали ноги. И. К. Коновалов свидетельствовал, что на этого священника местное общество смотрело «как на чудо». Встреча с о. Иоанном произвела такое большое впечатление на молодого Ивана Коновалова, что он после этого серьезно взялся за чтение его проповедей, выпущенных церковным издательством¹. Встреча с И. Кронштадским в Ярославле надолго осталась в душе юной девушки Елизаветы Дьяконовой, в том числе в ее памяти особенно запечатлелись слова пастыря о том, что «кто-то не от мира сего явился с приветствием в грешный мир». В комнате Елизаветы долгое время на видном месте стояла фотокарточка отца Иоанна².

Большим почитанием пользовался среди купечества Костромской губернии преосвященный Платон (Фивейский), владыка Костромской и Галичский, который занимал кафедру с 1857 г.³ Один из богатых купцов Кинешмы А. И. Поленов узнал о том, что Платон решил испросить себе у синодального начальства увольнение на покой и удалиться в полюбившуюся ему Макарьевскую Решемскую пустынь. Тогда Поленов выстроил в ней на свои средства уютный дом для почитаемого им владыки⁴.

Предприниматели оказывали подчеркнутое внимание тем священнослужителям своих приходов, которые окормляли свою паству в течение долгих лет и пользовались у нее уважением. Юбилей их жизни или пастырской деятельности устраивались при участии местного купечества и с большим размахом. В 1899 г. в г. Плесе предприниматели отметили 40-летний юбилей службы о. Николая Лаговского, который в местной Воскресенской церкви являлся иереем 38 лет и исполнял должность благочинного. Ему был поднесен чтимый в Костромской губернии образ Федоровской Божией Матери от старост местных церквей (в большинстве своем это были местные купцы) с резной надписью о пожертвовавших на нее. Был также прочитан прочувствованный адрес от имени паствы⁵.

Показателен также юбилей, устроенный в 1891 г. в честь 50-летия служения о. Василия Богородского – настоятеля Крестовоздвиженского храма в Иваново-Вознесенске. Торжественное чествование было организовано по инициативе и на средства богатых прихожан – текстильных фабрикантов А. Н. Новикова и А. М. Гандурина. После церковного богослужения в особняке А. Н. Новикова был дан «роскошный обед» в честь юбиляра⁶.

Полувековой юбилей жизни другого иваново-вознесенского священника – Г. А. Лепорского, настоятеля Ильинской церкви, был также широко отмечен местными промышленниками в 1903 г. Празднование проходило в особняке церковного старосты фабриканта А. И. Гарелина и на его средства, здесь присутствовало несколько сотен человек, в том числе фабриканты, духовенство города, гласные городской думы и члены управы⁷.

Обычно такие торжества широко освещались в местной печати, в том числе в «Епархиальных ведомостях», по итогам их на средства тех же предпринимателей выпускались небольшие брошюры с описанием торжеств, в них печатались речи, сказанные на юбилейных обедах, краткие жизнеописания юбиляров. Эти статьи и отдельные издания были направлены на повышение авторитета священнослужителей, деньги на это промышленники и торговцы жертвовали охотно.

Некоторые благочестивые представители предпринимательства предпочитали исповедоваться и причащаться не у белого духовенства, а у монахов. Если в родном городе или поблизости от него находился монастырь, то чаще они шли туда, а не в приходской храм. Эта особенность купеческого религиозного менталитета была подмечена Н. М. Никольским, который писал, что купцы почему-то полагали, что благодать черного духовенства выше священнической⁸.

О том, что такая тенденция имела место, свидетельствуют воспоминания дочери муромского купца Н. П. Воцининой. Она вместе со своей матерью и бабушкой регулярно посещала один из местных монастырей (скорее всего, это была Троицкая женская обитель). За советом в сложных жизненных ситуациях они обращались к сестре, которую автор называет в мемуарах «Пашенька-монашенка». Она не занималась, в отличие от других монастырских насельниц, физическим трудом и чаще всего сидела за книгами. Она также наставляла посетителей в вопросах веры, укрепляла их дух при постигшем горе, оделяла святой водой и святым маслом, в том числе в лечебных целях. Судя по всему, местные жители относились к ее советам с большим доверием.

В той же обители представители купеческой семьи Воцининых часто навещали сестру Нину, которая занималась стежкой одеял и изготовлением для детей тряпичных кукол и даже одежды для них. Несмотря на столь мирское занятие, монахиня Нина также пользовалась большим доверием мирян⁹.

Особым явлением в истории Русской православной церкви было старчество. Эта традиция получила широкое распространение в XIX столетии. Жившие в монастырях монахи, искушенные в духовной сфере, брали на себя по просьбам мирян руководство их духовной жизнью, наставляли в сложных жизненных обстоятельствах. Общение пасомых со старцем могло быть личным (во время паломничества духовных чад) или же путем переписки. Важным центром старчества стала широко известная Оптина пустынь в Калужской губернии. Шуйская семья фабрикантов Поповых поддерживала контакты с известным оптинским старцем Иосифом. Исследовательница из Шуи Т. А. Добычина обнаружила в фондах местного музея очень интересную и поучительную переписку о. Иосифа с Поповыми. Целесообразно процитировать одно из этих

писем, поводом для которого послужило поздравление с праздником Рождества Христова. Старец Иосиф писал Е. И. Поповой:

«Евдокия Ивановна! Милостию и долготерпением Божиим достигли праздника Рождества Христова. Приношу Вам поздравление мое со всемирным и преславным торжеством Рождества Христова, даруй Вам Господи радостным и благоговейным сердцем встретить и проводить, а проведив и окончив прошедший год, вступаем в новый год, то и с Новым годом примите мое усердное поздравление и искреннее желание Вам в мирном и спокойном устроении встретить и провождать сей год на поприще нашего делания, и проводя мимошедший год, течением будущих стремиться к тому времени, где и “един день яко тысяща лет”, а лучше сказать к неокончаемому дню, идеже сияет свет незаходимый. Чего от всей души богомольнически желаю и призываю мир и благословение Божие. Иеромонах Иосиф 1908 г. декабрь»¹⁰.

Довольно короткий текст письма свидетельствует о том, что главными его целями является укрепление адресата в вере, внушение покорности Богу и христианской любви. Причем в известной канонической триаде, провозглашавшей всемогущество, всеведение и всеблагость Господа, старец делает акцент именно на последнем, т. е. на любви Бога к людям. Как нам представляется, о. Иосиф стремился к тому, чтобы его духовные чада, поднявшись над бытовой религиозностью, сумели осознать смысл жизни перед лицом вечности.

На рубеже XIX–XX вв. в России происходил процесс постепенной секуляризации сознания, который затронул прежде всего интеллигенцию и дворянство. В этих социальных кругах нарастает равнодушие к религии, показательный атеизм либерально и революционно настроенных интеллигентов перестал быть исключением и даже не вызывал осуждения в определенной среде. Что касается предпринимательских кругов, то они были гораздо меньше затронуты этим процессом. Однако истовая религиозность в этой социальной среде становится не правилом, а, скорее, исключением. Одной из важных причин секуляризации сознания было то, что духовенство постепенно попадало в своего рода зависимость от деловых людей. Чаще всего только благодаря добротным даяниям купца удавалось отремонтировать храм, поновить образа в иконостасе, обзавестись новой церковной утварью. Некоторые пожертвования предпринимателей (за исполнение треб, «добротные даяния» на Пасху и Рождество) попадали непосредственно в карман священнослужителей.

Все это создавало новую ситуацию, когда не купец зависел от батюшки, а наоборот. Поэтому у многих предпринимателей почтительное отношение к причту своего прихода сменялось покровительственным, а в дальнейшем эта психологическая дихотомия переносилась и на иных представителей духовенства (разумеется, имелся в виду рядовой клир, а не епископат, авторитет которого для купца был по-прежнему высок).

Например, руководитель крупной ярославской чайной фирмы Г. М. Огнянов приглашал в храм по случаю престольного праздника, где являлся ктиторм, самого архиерея, что придавало литургии особую торжественность. После окончания богослужения владыка и сопровождавшее его духовенство отправлялись

к Огняновым обедать. На Пасху и Рождество причты ярославских церквей являлись в дом к этим купцам с поздравлениями, в том числе и для того, чтобы получить конверт с заранее приготовленными деньгами. Некоторые купцы даже не удостоивали личным вниманием явившееся для поздравлений духовенство, а поручали своим домочадцам или даже слугам выслушать подобающие празднику песнопения и вручить конверт. Аналогичная процедура происходила на праздники во всех купеческих домах, и не только в Ярославле¹¹.

Совершенно дикий случай произошел в 1906 г. в Шуе, о нем рассказала губернская газета «Клязьма», выходившая во Владимире. Речь шла о местном купце-самодуре, скрытом под инициалами Ф. И. Г., которые нам пока не удалось расшифровать. Он держал в страхе свою семью, приказчиков, грубо обращался с членами причта церкви местного духовного училища, в ней он состоял церковным старостой и, разумеется, делал в нее пожертвования. Его бестактное поведение вынужден был терпеть настоятель храма о. Александр, зависевший от грубияна. В один из дней Пасхи Ф. И. приехал к всенощной, но она не начиналась вовремя, так как священник запаздывал. Купец встретил о. Александра на паперти со словами: «Ты что же там спишь до сих пор? Или не знаешь, что тебя ждут?», а затем начал обзывать его, в том числе «дураком». Училищное начальство, также зависевшее от купеческой благотворительности, попустительствовало самодуру. Он же не постеснялся рассказать о своей выходке знакомым купцам. Когда кто-то ему заметил, что так нельзя обращаться с духовенством, Ф. И. только посмеялся: «Вот невидаль какая! Стоит написать два слова Никону – завтра же придет пятерых на выбор» (владыка Никон являлся в то время епископом Владимирским и Суздальским).

Случай этот весьма характерен. С одной стороны, непочтение к человеку и к сану, возложенному на него, было налицо, и выражалось оно в крайне грубой и открытой форме, что свидетельствовало о том, что священник утратил для купца все черты сакральности. С другой стороны, явно зарвавшийся грубиян остался в меньшинстве и даже в одиночестве. Его осудили и собратья по профессии, и широкая общественность города, и даже либеральная газета, издатели и корреспонденты которой, надо думать, не отличались истовой религиозностью. Заметку о Ф. И. Г. местное образованное общество Шуе, в том числе и предприниматели, читали с нескрываемым удовольствием, все «были довольны уроком, данным спесивому богачу»¹². Этот случай показал то, что обладание большими деньгами порой творит с человеком, считающим себя православным, самые неожиданные метаморфозы. В то же время, реакция на такой случай среди местных предпринимателей была вполне здоровой с духовной точки зрения, т. е. однозначно негативной. Это означало, что духовенство все же оставалось для деловых людей частью сакрального мира, и обращаться с этим сословием было принято соответствующим образом.

Примечания

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М., 2004. С. 57.

³ Смолч И. К. История Русской церкви. 1700–1917. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996. С. 707.

⁴ Костромские епархиальные ведомости. Кострома. 1892. № 21.

⁵ Там же. 1899. № 20.

⁶ Торжество 50-летия священства протоиерея г. Иваново-Вознесенска Крестовоздвиженской церкви Василия Павловича Богородского. Вязники, 1891. С. 3, 10, 31.

⁷ Васильев И. 50-летний юбилей протоиерея Ильинской г. Иваново-Вознесенска церкви Григория Афанасьевича Лепорского. Владимир, 1903. С. 1, 19, 30.

⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1983. С. 409.

⁹ Воицинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания (Семейная хроника купцов Воицининых). Муром, 2007. С. 33, 50-51.

¹⁰ Добычина Т. А. Поздравление из Оптиной пустыни // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. VI. Шуя, 2008. С. 55-56.

¹¹ Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 142-143, 175.

¹² Клязьма. Владимир. 1906. 16 и 19 апреля.

А. В. Репников

ИМПЕРСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП В ИДЕОЛОГИИ РУССКИХ МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАЧАЛА XX В.¹

Работы, связанные с изучением национализма, вызывают устойчивый интерес в академических кругах. Это касается как книг иностранных авторов, переведенных в последние годы на русский язык², так и монографий отечественных историков (Д. А. Коцюбинского, С. М. Саньковой и др.)³. В 2009 г. П. Б. Стукаловым была защищена кандидатская диссертация, посвященная анализу националистических взглядов М. О. Меньшикова и П. И. Ковалевского⁴. Отдельные проблемы, связанные с данной тематикой, раскрываются в монографии А. В. Репникова «Консервативные концепции переустройства России»⁵. В 2010 г. вышла монография ярославского историка М. Л. Размолодина «О консервативной сущности черной сотни», в одной из глав которой дается анализ места имперской и национальной проблематики в идеологии правомонархических организаций⁶. Из статей, касающихся темы нашей работы, нужно выделить публикации А. А. Иванова⁷ и Д. А. Коцюбинского⁸. Большое значение имеет вышедшая в 2010 г. энциклопедия «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века»⁹. В нее вошли статьи о русских националистических организациях, их идеологах и лидерах, впервые представленные с такой максимальной полнотой¹⁰. Наконец, с одной стороны, мы имеем выходящий долгие годы в Казани журнал «Ab imperio», специализирующийся на исследованиях «по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве»; с другой стороны, вышедшие за 2010 г. 4 номера (каждый тиражом в тысячу экземпляров) объемного московского журнала «Вопросы национализма», заявленного как орган «научной и общественно-политической мысли». Можно констатировать, что историками, занимающимися изучением русских правых организаций, опубликована серия работ (не без эле-

ментов внутренней дискуссии), в которых рассматривался вопрос: можно ли отождествлять консерваторов, черносотенцев и националистов? В первую очередь это было связано с оценкой «Всероссийского национального союза» как организационно оформленной структуры, ставившей во главу угла именно русский национализм¹¹.

В начале XX в. консерваторы, черносотенцы и националисты отводили первенствующее положение в Российской империи русскому народу. «Надо раз и навсегда совершенно определенно установить, что развитие русского государства должно совершаться именно в русском направлении. Великое государство, населенное многими разнообразными по своему национальному происхождению, культуре и прошлой истории народами, может существовать только в таком случае, и до сих пор, если и пока среди этих народов имеется один в духовном, экономическом и физическом отношении сильнейший, налагающий печать своего гения на все общежитие, *народ-хозяин*, народ-господин. Обычно таким народом является тот, который и создал данное государство... *Господствующий в государстве народ* должен представлять собой *всестороннее могущество*», – писал по этому поводу юрист П. Е. Казанский¹². Однако разногласия в «правом лагере» начинались уже при обсуждении того, как именно надлежит обеспечить это «первенствующее положение» и в чем оно, собственно, заключается. Казалось, что приоритет русских – это нечто само собой разумеющееся, и когда появился Всероссийский национальный союз, газета Союза русского народа возмущалась: «Совершенно непонятно, каким образом коренные русские люди могли додуматься до абсурда применения к себе слова “национализм” и создания русской “националистической” партии в своем собственном государстве»¹³.

М. Л. Размолодин полагает, что взгляды русских националистов в начале XX в. «формировались под явным влиянием “новейших достижений”¹⁴ передовой европейской мысли, прежде всего западного социал-дарвинизма и расизма (Ж.-А. Гобино, Г.-С. Чемберлен¹⁵, В. Дарре¹⁶). Идеолог ВНС М. О. Меньшиков стал первым в России пропагандистом расистских теорий и теоретиком русского этнического национализма»¹⁷. Действительно, работы Меньшикова, как и публикации других видных деятелей ВНС и Всероссийского национального клуба (ВНК), были попыткой идеологического оформления доктрины русского национализма, который они ставили выше, чем православие и самодержавие. Например, для Ковалевского¹⁸, как и для других идеологов ВНС, самодержавие и православие вытекали из национального начала русского народа, а само российское самодержавие представлялось как органическая национальная потребность, без которой Россия *до поры до времени* существовать не сможет. Эта оговорка важна, так как Ковалевский допускал мысль о том, что в перспективе от самодержавия можно будет отказаться. Другой видный националист, Н. О. Куплеваски ставил обеспечение интересов русского народа на первое место: «Если русский народ не может отстоять свои интересы, свое достоинство при конституции, пусть будет другая форма правления – монархия неограниченная, даже военная диктатура, даже республика»¹⁹.

Как это ни странно, но, за исключением небольшой группы идеологов ВНС, мало кто из русских правых начала XX века озаботился формированием идеи русского национализма. Не в последнюю очередь это объясняет и тот факт, что упомянутые идеологи возмущались тем, что некоторые видят в национализме «несколько замаскированное черносотенство»²⁰. Предложенная Строгановым платформа для объединения была новым шагом по сравнению с пропагандируемой черносотенцами опорой на традиционализм. «Громадное заблуждение, – писал он, – рассматривать национализм с точки зрения узкой партийной программы. Он значительно шире, всеобъемлюще. На его почве могут объединиться все существующие партии, исключая только анархистов... и практика западноевропейских парламентов доказывает это с полной очевидностью. Национализм, пожалуй, можно рассматривать, скорее, как религию, которая тоже объединяет людей самых различных политических партий, социальных положений, даже различных народов и рас»²¹.

На вопрос о том, что же представляет собой русский национализм, попытался ответить и Меньшиков. В его публикациях разных лет, посвященных этому вопросу, правда, можно обнаружить немало противоречий. Объясняется это не только переменчивыми симпатиями и антипатиями публициста, но и тем, что доктрина русского национализма еще оформлялась. В статье «Третья культура» Меньшиков признает, что русский национализм только начал свое становление: «в течение долгих веков народ вырабатывал себе “православие” и “самодержавие”», пока «его “народность” пребывала в некотором забвении», и вот, «просыпающийся к сознанию», он «видит себя во власти иноземных и инородных стихий»²². Т. е. «пробуждение» русского национализма – реакция на вмешательство «инородных сил»; объединение по принципу не веры, а крови! В другой статье с характерным названием «Русское пробуждение» у Меньшикова опять возникает тема становления национального самосознания: «Мы, русские, долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, – но ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде – и извне, и изнутри»²³. Агрессивно-наступательный национализм использовался Меньшиковым в качестве мобилизационного фактора: «Империя – как живое тело – не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнчавым. Русская Империя есть живое *царствование русского племени*, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага – нужно довести победу до конца... до претворения нерусских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных “членов семьи”, лучше разграничиться с ними начисто. Но отказываться от своего тысячелетнего царства ради какой-то равноправной империи, но менять державную власть на какое-то “водительство” и “руководство” – на это живая Россия не пойдет»²⁴. За всеми этими пафосными словами просматривалось... признание кризиса империи и готовность к ее демонтажу. От имени националистов Меньшиков обращался к «бунтующим» окраинам: «Вражда совершенно неизбежна при основном неравенстве, от которого ни вы, ни мы

отказаться не можем. Вы... пламенно дорожите своим национальным своеобразием. Вы не хотите и *не можете* изменить ему. Мы, русские люди, то же самое... Остается, стало быть разойтись... “Направо – твое, налево – мое”. Национализм русский, по крайней мере *в моем* понимании, не есть захват и не есть насилие. *Национализм есть честное разграничение...* Завоевав чуждые племена, мы имели несчастную ошибку удержать их у себя»²⁵. Стиль Меньшикова вызывал неприятие в среде «старых правых». Тихомиров, вполне в духе леонтьевской критики национализма, признавал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества: «В узких порывах патриотизма... у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости»²⁶. В концептуальной статье с характерным названием «Что значит жить и думать по-русски?» (1911) Тихомиров критикует идеологов русского национализма: «У нас нынче среди правых иногда появляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, который приличествует разве какой-нибудь бискайской “национальности”. Но это в высочайшей степени антирусская черта... русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в *своем* деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других, для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно все забрать себе. Это настроение и точка зрения, против которых вопиют вся русская история, вся жизнь русского народа, все лучшие его мыслители и деятели. Только во имя своей великой общечеловеческой миссии русский народ может требовать себе руководства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, думают и живут не по-русски»²⁷. Эта цитата очень важна, так как отражает точку зрения не только Тихомирова, но и тех, кто с правых, консервативных, позиций критиковал русский национализм Меньшикова, Ковалевского и их единомышленников. Важно отметить, что Тихомиров неоднократно употребляет выражения об *общечеловеческой* миссии русских, которые есть «*мировая национальность*»!

Анализируя причины отторжения идеи русского национализма значительной частью правящего слоя дореволюционной России, историк С. М. Сергеев приходит к выводу, что это абсолютно логично в том случае, «если мы поймем, что она (Российская империя. – *А. Р.*) была *самодержавно-дворянским государством*»²⁸. Дворянская аристократия, (принадлежностью к которой гордился

Леонтьев) и бюрократически-чиновничья верхушка поддерживали «имперские аппетиты самодержавия, нашедшего себе верную опору в служилом дворянстве»²⁹. Но всегда ли то, что «выгодно» для империи «выгодно» для русской нации? М. Н. Лукьянов верно отметил, что «основным источником разногласий между консерваторами и правительством, а равно и в самом консервативном лагере, было различное понимание соотношения интересов империи с интересами этноконфессионального большинства. Как казалось одним, благо русского населения и государственное благо полностью совпадали. По мнению других, имперский характер российской государственности требовал, чтобы государство действовало не только в интересах русских, но и всех других народов империи»³⁰. Русские консерваторы, делавшие шаги на пути познания национального вопроса, обозначили еще одну проблему: можно ли найти верное соотношение имперского и национального?

В своей монографии М. Л. Размолодин отмечает, что «идеи разделения народов империи по этническому принципу уходили корнями во вторую четверть XIX в., получив свое развитие в трудах основоположника русского национализма Н. Г. Дебольского»³¹. Однако дальше автор переключает свое внимание на анализ национализма Меньшикова и о Дебольском больше не упоминает. А зря, ибо биография и труды Николая Григорьевича Дебольского (1842–1918) практически неизвестны. Есть только несколько публикаций о нем Н. П. Ильина³². В отличие от любителей «публицистического философствования» (определение С. Овчинникова), Дебольский предпринял попытку обосновать идею этического национализма с философских позиций³³. Дебольский полагал, что «хотя народный дух может поглотить и слить в себе различные породы», для надлежащей устойчивости народного союза должна существовать «господствующая в данной народности порода» (в русской народности – «великорусская порода»)»³⁴. Н. П. Ильин пишет, что понятие «порода» (биологическое, в отличие от понятия «народ») в ряде случаев стоит у Дебольского ближе к понятию раса, чем этнос (племя) и Дебольский отмечал, что «различие между составляющими нацию “породами” не должно заходить слишком далеко», а во многих (хотя и не во всех!) случаях язык «служит лучшим признаком народности, чем порода, т. к. с языком связано понятие духовного общения»³⁵.

Обратим внимание на тот факт, что Дебольский выступал против «господства идеи теократии», подчеркивая «несоизмеримость» задач церкви с задачами национального самосохранения. Национальное самосохранение для него было более важно. Именно этим он и ряд других националистов (Меньшиков, Ковалевский, Сикорский) раздражали православных консерваторов-ортодоксов. В отличие от Тихомирова (см. приведенную выше цитату), Дебольский не одобрял идею подчиненности народности государству. Он писал: «Племя, становясь началом и источником государственного единства, обращается в *национальность*. Отсюда видно, что не всякое племя в состоянии возвыситься до значения национальности, но только такое племя, которое имеет в себе достаточно внутренних сил для подчинения своей идеи – идее государства, для осуществления себя в виде государственного единства»³⁶. Для Дебольского народность

была силой, которая создала государство и могла придать ему новый импульс в развитии: «Народность есть одухотворение государства, т. е. замена его насильственного характера свободным»³⁷. Н. П. Ильин указывает на определенную преемственность: «...Стройное, продуманное в важнейших деталях выражение философия русского национализма получила... в трудах Н. Н. Страхова, П. Е. Астафьева и особенно Н. Г. Дебольского»³⁸. Не без доли иронии Н. П. Ильин пишет о том, что незнание «современными идеологами “русского национализма”» работ Дебольского «вынуждает их изобретать “велосипеды”»³⁹. Ильин справедливо отмечает, что при жизни Дебольского наблюдалась его дистанцированность от партийно-политической борьбы. Это было связано с тем, что национализм Дебольского был несовместим с идеологией правых (черносотенных) партий и официальным курсом власти, в котором «народность» оказывалась «довеском» к «православию и самодержавию», не имея самостоятельного содержания. Но Дебольский вряд ли мог «уложиться» и в прокрустово ложе ВНСовской трактовки национализма, хотя если уж определять его идеологическую близость к тем или иным вышеупомянутым персонажам, то он, скорее, будет ближе к Ковалевскому и Сикорскому.

Национализм «черной сотни» – А. И. Дубровина, Н. Е. Маркова и др. опирался на православие. В конце ноября 1915, когда уже всюду шла война, Н. Е. Марков заявлял (почти по Ф. М. Достоевскому): «Русский народ крепко связан своими верованиями, и если он перестанет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»⁴⁰. В январе 1916 г. «Русское знамя» рисовало такую картину: «Русский человек, совершающий в баптизм или другую секту, перестает быть русским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма, его родиной становится Германия, и облик этого русского делается весьма немецким»⁴¹. Вот так, отошел от православия и... сразу повесил на стену портрет кайзера. Д. А. Коцюбинский обращает внимание на то, что понятие русский трактовалось порой очень широко и «те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые качества, присущие (по мнению националистов. – А. Р.) русской национальности, – автоматически переставали быть русскими»⁴². «Настоящим русским мог считаться только православный, и только монархист», – утверждает М. Н. Лукьянов, приводя слова из статьи Н. Н. Жеденова в «Русском знамени» от 2 апреля 1913 г.: «Тот, кто не православен, тот не русский человек: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский»⁴³. Зато немец, поляк, грузин или молдаван по происхождению, верно служивший царю и отечеству, наоборот, «становился» русским. А. А. Киреев в своем дневнике записывал 28 октября 1909 г.: «Я придерживаюсь того мнения, что крещенный еврей – русский (если не сам – то его дети). Поляки придерживаются этого правила... и дело ассимиляции идет хорошо. Правда, польские евреи большей частью принимают протестантство»⁴⁴. Киреев был не одинок. В. А. Бобринский заявлял в Думе: «Фамилия ведь ничего не значит, само название не есть признак национальности»⁴⁵.

С другой стороны, высказывалось мнение, что вероисповедание «не есть еще признак национальности» и религия не оказывает первостепенного значения на

национальный характер, так как «религиозные догмы, всегда чистые и высокие, сплошь и рядом извращаются... догмами “расовыми”...», которые «в отличие от религиозных, вечны и неизменны»⁴⁶. Коцюбинский обращает внимание на попытки Меньшикова придать при определении национальности «приоритетное значение природно-биологическим факторам»⁴⁷, но меньшиковский национализм противоречив. Публицист то склоняется к апологии расы (в духе некоторых современных ему европейских националистов), то в дневниковых записях 1918 г. подчеркивает (причем, неоднократно), что «суеверие национальности пройдет, когда все узнают, что они – смесь, амальгама разных пород, и когда убедятся, что национализм – переходная ступень для мирового человеческого типа – культурного. Все цветы – цветы, но высшей гордостью и высшей прелестью является то, чтобы василек не притянул быть розой, а достигал бы своей законченности. Цветы не дерутся между собою, а мирно дополняют друг друга, служа гармонии форм и красок», и поможет в этом война, которая есть «нейтрализация национальностей, проникновение их друг в друга и окончательное погашение... настал момент окончательного (благодаря пробившимся путям) смещения и налицо – мировая война»⁴⁸. Обращаясь к эволюции взглядов Меньшикова на национализм, современные исследователи приходят к выводу, что «это напоминает отчасти позднего Шульгина»⁴⁹... Как человек, по Ницше, есть нечто, что должно преодолеть, так и национализм, по Меньшикову и Шульгину, есть нечто, что должно быть преодолено. Но преодолено не отменой, не упразднением самого субъекта национализма – живой исторической нации, а, напротив, путем максимального ее развития, возрастания к той “общечеловечности”, о которой грезил в своей Пушкинской речи Достоевский»⁵⁰. Критически оценивающий националистические взгляды Меньшикова историк М. Н. Лукьянов тоже отмечает его эволюцию накануне Первой мировой войны, при этом делая общий вывод, согласно которому «националистический дискурс кануна Первой мировой войны носил заметный отпечаток либеральной, демократической риторики. Едва ли это можно объяснить чисто терминологическими ухищрениями идеологов русского национализма, пытавшихся создать новые “обертки” для старых идей. Мысль о насущной необходимости синтеза, с одной стороны, либеральной, демократической идеи, а с другой – идеи национальной, получила самое широкое распространение в русской политической публицистике рассматриваемого периода»⁵¹. С. М. Сергеев считает: «“Интегральный”, “нововременский” национализм, чьим главным выразителем являлся М. О. Меньшиков, по внешности имел много общего с национал-либерализмом... Фразеология Меньшикова порой удивительно напоминает формулировки его постоянного и жесткого оппонента Струве... Так почему же Михаил Осипович и Петр Бернгардович не нашли общего языка? Прежде всего, принципиально отличны общефилософские предпосылки их мировоззрений: Струве, отказавшись от марксизма и позитивизма, перешел к “этическому идеализму”» «Меньшиков же был биологическим детерминистом и социал-дарвинистом с сильной примесью нищезанятия», для которого главной ценностью было благо этноса как биологического организма, и национальность определялась принадлежностью

к «расе», «крови», «породе»⁵². При этом у Меньшикова и Ковалевского биологизаторский подход к национализму уживался с «либерализмом», но этот «либерализм», по своей сути, «был предельно далек от струвовского социал-либерализма, да и от классического либерализма тоже»⁵³. Те, кто пытается представить Меньшикова исключительно как «национал-либерала», оставляют вне поля зрения расовый аспект его публицистики. Другие же публикаторы-националисты сегодня поднимают на щит именно эту часть его наследия. Разобраться в этом без проклятий или апологетики мало кто пытается. В целом же, в спорах рубежа веков «сторонники отождествления Российской империи с русским национальным государством и вытекающего из этого действительно утопического стремления к поголовной русификации всего населения империи неизменно составляли среди русских националистов заведомое меньшинство»⁵⁴.

Можно сделать вывод, что хотя на рубеже XIX–XX веков консерватизм в России имел национальную окраску, но мало кто из теоретиков этого течения серьезно задумывался о разработке философско-политической доктрины русского национализма. Констатация этого факта заставляет нас задуматься о возможности существования национализма как особой и отдельной идеологии в европейском и российском пространстве и признать, вслед за исследователями, что есть основания считать национализм «служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать в своих целях любые идеологии»⁵⁵.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00040а («Русский национализм и патриотизм в государственно-политической жизни страны: история и современность»).

² *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999; *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; *Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М., 2005.

³ *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; *Сидорина Т. Ю. Поляников Т. Л.* Национализм: теории и политическая история : учеб. пособие для студентов, обуч. по направлению подготовки «Экономика». М., 2006; *Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917 гг.). Орел, 2006; *она же.* Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма: историографический аспект. СПб., 2007.

⁴ *Стукалов П. Б.* Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи Всероссийского национального союза : дис. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2009.

⁵ *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

⁶ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010.

⁷ Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. Осень 2007. Национальный вопрос в России. С. 92–101.

⁸ Коцюбинский Д. А. Русский народ глазами русских националистов. Идеологи Всероссийского национального союза (1908–1917) об особенностях русского национального характера // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 161–175.

⁹ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев, отв. секр. А. В. Репников. М., 2010.

¹⁰ См. первые рецензии на энциклопедию: [Рецензия] // Русское время. Журнал консервативной мысли. 2010. № 2. С. 122; Архангельский В. [Рецензия] // Завтра. 2011. № 4. С. 7.

¹¹ См.: Омелянчук И. В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95–104; Иванов А. А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

¹² Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 20.

¹³ Цит. по: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 230.

¹⁴ Обратим внимание на кавычки, поставленные исследователем.

¹⁵ Правильно Х. С.

¹⁶ Упоминание Вальтера Дарре в этом ряду выглядит странным. Не отрицая близости идей этого деятеля гитлеровской Германии, автора книг «Кровь и почва» и «Крестьянство как источник жизни нордической расы», к идеям Гобино и Чемберлена, отметим значительную временную разницу между ними. Годы жизни Дарре 1895–1953. См.: Дарре Вальтер Рихард Оскар // Залесский К. СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004. С. 206–207.

¹⁷ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 185.

¹⁸ См.: Ковалевский П. И. Александр III. Царь-националист. Спб., 1912; он же. История России с национальной точки зрения. Спб., 1912; он же. Основы русского национализма. Спб., 1912; он же. Значение национализма в современном движении балканских славян. Ростов н/Д, 1913; он же. Психология русской нации. Пг., 1915.

¹⁹ Цит. по: Иванов А. А. Были ли русские националисты черносотенцами? С. 172.

²⁰ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 23.

²¹ Там же. С. 24.

²² Нация и империя в русской мысли начала XX века / сост., вступ. ст. и прим. С. М. Сергеева. М., 2004. С. 42.

²³ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. С. 174–175.

²⁴ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 186.

²⁵ Там же. С. 176.

²⁷ Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 221.

²⁸ Там же. С. 220.

²⁹ Сергеев С. М. Апология «очернительства» // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 224.

³⁰ Там же. С. 225.

³¹ Лукьянов М. Н. «Россия – для русских»... С. 36.

³² Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 225.

³³ Ильин Н. П. Этика и метафизика национализма в трудах Н. Г. Дебольского // Русское самосознание. 1995. № 2. С. 7–64; он же. Дебольский Н. Г. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. С. 150–151. Подробнее см.: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М., 2008 (в работе рассматриваются взгляды И. В. Киреевского, Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, И. С. и К. С. Аксаковых, П. Е. Астафьева, Н. Я. Данилевского, Н. Г. Дебольского, Ф. М. Достоевского, А. С. Хомякова и др.). Отрывок из цикла статей Дебольского «О содержании нравственного закона» был републикован Н. П. Ильиным. См.: Русское самосознание. 1995. № 2. С. 65–79.

³⁴ См.: Дебольский Н. Г. О высшем благе. Спб., 1886.

³⁵ Ильин Н. П. Дебольский Н. Г. С. 150.

³⁶ Там же. С. 150–151.

³⁷ Цит. по: Ильин Н. П. Этика и метафизика национализма в трудах Н. Г. Дебольского. С. 23.

³⁸ Ильин Н. П. Дебольский Н. Г. С. 151.

³⁹ Ильин Н. П. Урок немецкого // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь – июнь. 2005. № 1. С. 189.

⁴⁰ Ильин Н. П. Трагедия русской философии. С. 23.

⁴¹ Цит. по: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 198.

⁴² Там же.

⁴³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 98.

⁴⁴ Лукьянов М. Н. «Россия – для русских»... С. 38.

⁴⁵ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910 / сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 340.

⁴⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 98.

⁴⁷ Там же. С. 103. По мнению Коцюбинского, с которым мы согласны, это рассуждение, высказанное в 1913 г. на страницах газеты «Киевлянин» в статье автора, под псевдонимом «Викт. Соседов», принадлежало В. В. Шульгину. Размышления «Соседова» схожи с более поздними работами Шульгина: «Я уверен, что в какую бы идеальную религию вы ни обратили евреев – они не изменятся. У них в крови те “особенности”, за которые их “изгоняли”, за которые их “гонят” до настоящего времени», и которые «неистребимы, как неистребима свирепость у коршуна и глупость у осла. Это “расовое”, а потому “вечное”» // Там же. С. 269.

⁴⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 99.

⁴⁹ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии / публ.

М. Б. Поспелова. М., 1993. С. 17, 89. Подробнее см.: *Репников А. В.* «Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век» (Михаил Меньшиков о революции) // *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Материалы XX Международ. науч.-теорет. конф.: Иваново, 24–26 сент. 2009 г. Иваново, 2009. С. 156–161; Репников А. В., Санькова С. М.* Меньшиков М. О. // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. С. 6–18.*

⁵⁰ Подробнее об эволюции взглядов Шульгина см.: *Репников А. В., Христофоров В. С.* Шульгин Василий Витальевич // *Российская история. 2009. № 5. С. 155–169; Репников А. В., Гребенкин И. Н.* Василий Витальевич Шульгин // *Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25–40; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М., 2010.*

⁵¹ *Поспелов М., Лисовой Н.* Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // *Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С. 427.*

⁵² *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 96.

⁵³ *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 14–15.*

⁵⁴ Там же. С. 15.

⁵⁵ *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 153.

⁵⁶ *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX века. С. 9.

С. М. Усманов

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ II И СУДЬБА ИМПЕРИЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ГЕОРГИЯ ФЕДОТОВА

В 2011 году исполняется 125 лет со дня рождения и 60 лет со дня кончины одного из ярких авторов русского зарубежья XX столетия Георгия Петровича Федотова. Его наследие уже более двух десятилетий возвращается в научный и культурный фонд нашей страны. При всем том многое из созданного этим интересным исследователем и мыслителем еще недостаточно изучено и слишком мало востребовано в современной России. Это особенно очевидно в нынешних обстоятельствах, когда именно история России, в том числе и сравнительно недавняя, стала полем ожесточенной идеологической и политической борьбы.

К числу подобных проблем относится историческая судьба Российской империи, в том числе и вопросы об истоках, характере и особенностях революционных

потрясений в нашей стране в начале XX века. Как справедливо отмечал один из исследователей наследия Федотова – А. Ф. Киселев, данные проблемы еще не нашли должного отражения в литературе, посвященной творчеству Федотова¹. Зато находятся в центре внимания книги самого Киселева «Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции)», которая, как нам представляется, вносит немалый вклад в изучение и осмысление именно этих сторон наследия Георгия Петровича.

Надо признать, что в своей монографии А. Ф. Киселев подробно освещает целый ряд существенных наблюдений и открытий Федотова о российском самодержавии, эволюции его отношений с обществом и возможностях власти в условиях существования Российской империи избежать революционной катастрофы. Совершенно справедливо, на наш взгляд, этот современный российский исследователь творчества Федотова опирается здесь в значительной степени на программную статью Георгия Петровича «Революция идет» (1929). Ведь именно в ней Федотов дал развернутый анализ тех тенденций и противоречий развития в имперской России, которые и сделали возможной ее сокрушение в огне революции. Заслуживают внимания и итоговые оценки А. Ф. Киселева по интересующей нас проблематике: «В Георгии Петровиче преобладали чувства человека, глубоко пережившего трагедию самодержавия, буквально выстрадавшего новейшую историю России. <...> Г. П. Федотов с удивительной глубиной показал, что в принципе русскому самодержавию история не оставила места в XX в., а его рассуждения о том, что крови можно было избежать – при условии более эффективной реформаторской деятельности власти, – относятся к рассуждениям человека, которому крайне горько соглашаться с тем диагнозом болезни императорской России, который он сам с выверенной точностью поставил»².

Можно ли согласиться с этими оценками исследователя творчества Георгия Петровича Федотова? Думается, что далеко не во всем. И прежде всего потому, что в интересном и очень доброжелательном к наследию Г. П. Федотова анализе А. Ф. Киселева есть один очень существенный изъян. Дело в том, что Киселев, как и очень многие другие читатели (и почитатели) Федотова, как бы не замечает существенной эволюции мироощущения Георгия Петровича, которая произошла в его сознании в годы Второй мировой войны.

Впрочем, в такой эволюции творчества Федотова мы обнаруживаем нечто весьма противоречивое, что отчасти выражает неоднозначность самосознания русской интеллигенции, в том числе и в русском зарубежье. В сущности, можно обнаружить два весьма отличающихся друг от друга ученых и мыслителя в одном лице – Георгия Петровича Федотова. Первый – русский ученый в Париже, сотрудник известных изданий русской эмиграции, повествующий о русских святых студентах Богословского института. Второй – житель Нью-Йорка, преподаватель истории Свято-Владимирской православной семинарии, выпускающий свои программные труды по-английски. Первый – патриот России, ищущий пути ее возрождения. Второй – атлантист, обсуждающий варианты подчинения своей родины «новой власти победоносных демократий» (статья «Новое Отечество», 1943).

До известной степени таков был путь и всей эмиграции из Российской империи и Советского Союза, не только русской: от отчетливого национального патриотизма к прозападному космополитическому либерализму. Вот в каком контексте предстает интересующая нас тематика в наследии Г. П. Федотова.

Первая ее версия в наиболее отчетливом виде сформулирована Георгием Петровичем в статье 1929 года «Будет ли существовать Россия?». Главное здесь для самого Федотова – это задачи возрождения России, включающие и осознание того, что «Россия – не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет – как Россия»³. А потому, как подчеркивал мыслитель, «мы должны показать миру (после крушения стольких империй), что задача империи, т. е. сверхнационального государства – разрешима»⁴.

Так думал Г. П. Федотов в конце 20-х годов, так он предлагал тогда трудиться для будущего, причем в то время империя сама по себе для мыслителя есть еще нечто предпочтительное. Иная картина возникает в его трудах периода американской эмиграции полтора – два десятилетия спустя. Тогда Федотов уже прямо заявлял, что «в мире уже нет места старым Империям»⁵.

Впрочем, как он полагал, возможна «новая, универсальная Империя» – либо более мрачный вариант «распространения коммунистической системы по всему земному шару», либо «более светлый» вариант Империи: «Рах Atlantica, или лучше Рах Americana»⁶. В последнем случае «Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Велико-россия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов»⁷.

В своих работах 40-х годов Федотов дает понять, что более обещающей была бы федерация народов и земель бывшей Российской империи: «Трудно возразить что-либо против идеи федерации. Это прекрасная, разумная программа. Для малых народов она обещает и свободу, и преимущества жизни в великом, веками сложившемся организме. Экономические блага имперской кооперации бесспорны, так же, как и преимущества военной защиты. Может быть, если бы федеративный строй России осуществился в 1905 году с победой освободительного движения, он продлил бы существование Империи на несколько поколений. Но, к сожалению, народы – по крайней мере в наше время – живут не разумом, а страстями. Они предпочитают резню и голод под собственными флагами»⁸.

При всем том, как полагал тогда русский мыслитель-эмигрант, «нет оснований бояться порабощения народов в случае победы Америки», хотя и «нужна большая воля и большая гибкость, чтобы добиться повиновения слабых в рамках демократической законности»⁹.

В чем причина столь значительных изменений в сознании мыслителя? Что привело Федотова к увлечению идеологией «атлантизма»? Ведь это увлечение, как справедливо отмечает российская исследовательница нашего времени,

О. И. Ивонина, сопровождалось ревизией ряда мировоззренческих постулатов его историософии¹⁰.

Для полноценного ответа на эти вопросы нужно было бы очень основательно знать некоторые обстоятельства биографии Георгия Петровича. Но, во всяком случае, очень характерны мемуарные свидетельства о Федотове периода его американской эмиграции, данные весьма известным автором русского зарубежья, Юрием Павловичем Иваском: «У него было классическое для большинства русской интеллигенции недоверие к империи (...) Вспоминаю, – Г. П. как-то смущало, что его отец был крупный чиновник, правитель дел при губернаторе, а любимый дед – отставной полицмейстер»¹¹.

Есть и другие отклики в кругах русской эмиграции на размышления Георгия Петровича Федотова о «судьбе империй». В числе резких критиков «позднего» творчества Федотова надо отметить Ивана Александровича Ильина. «Мы уже давно привыкли к тому, – отмечал И. А. Ильин, – что писания этого “профессора” (Федотова. – С. У.) безответственны, двусмысленны и соблазнительны. Он ненавидит “дореволюционную Россию” слепой ненавистью и всегда готов очернить ее вопиющей неправдой»¹². «Фанатики федерализма», к которым И. А. Ильин относил и Г. П. Федотова, по словам Ивана Александровича, «мечтают превратить Россию во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов – и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам»¹³.

Действительно ли Георгий Петрович Федотов ненавидел старую Россию «слепой ненавистью»? Как нам представляется, это отнюдь не так. Хотя имеется существенное обстоятельство, которое усложняло восприятие Георгием Петровичем имперского опыта России – это его социалистические предпочтения. Но ведь они были у Федотова с юности и до конца его дней.

Если вернуться к парижской эпохе эмиграции Федотова, то стоило бы особо отметить статью «Революция идет», в которой федотовская версия крушения Российской империи была представлена с наибольшей полнотой. Она имеет три главных положения. Первое – «судьба России до самого конца висела на острие...». Второе – «абсолютизм нигде и никогда себя не ограничивал, а в России не было силы, способной ограничить его извне». Третье – «...для России были даны еще два последних шанса. Первый шанс – революция 1905 года. Второй – контрреволюция Столыпина»¹⁴. Однако, как утверждал Г. П. Федотов, здесь роковую роль сыграл император Николай II, который и «спустил революцию». А ведь он «имел редкое счастье видеть у подножия своего трона двух исключительных, по русской мерке, государственных деятелей: Витте и Столыпина. Он ненавидел одного и предавал обоих»¹⁵.

Подобного акцента на личности государя Николая II мы не найдем уже в работах Федотова времени его американской эмиграции. В них лейтмотивом проходит мысль об обреченности империй, а фатальными, пусть невольными, губителями Российской империи выступают уже оба последних императора – не только Николай II, но и его отец Александр III: «Два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства,

игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень»¹⁶. Заметим, что эта более поздняя – «нью-йоркская» – версия выглядит куда более схематичной, а вместе с тем и менее убедительной, нежели более ранняя, «парижская».

Но в любом случае фактом остается полное нечувствие Георгия Петровича Федотова как историка и мыслителя к трагедии государя Николая II и его семьи. Трагедии, которая, несомненно, была и трагедией всей России. Причины такого нечувствия – вопрос особый. Возможно, здесь сказались определенные стереотипы и предрассудки, усвоенные Георгием Петровичем в годы революционного угара его юности. Однако, невзирая на возможные мотивы игнорирования мыслителем самого чудовищного преступления, кровавой расправы над государем и его семьей, делают его размышления неполными, недостаточными в своих существенных основаниях и в значительной степени нравственно неубедительными.

Вот почему, как нам представляется, рассматривая размышления Г. П. Федотова о прошлом и будущем России, в том числе и проблему ее имперского наследия, следует учитывать эволюцию его представлений за четверть века эмиграции, в частности, существенные отличия «нью-йоркского» ее этапа от «парижского». Только принимая во внимание все упомянутые нами особенности, мы можем адекватно воспринимать и учитывать размышления мыслителя-эмигранта о судьбах России и всего мира.

Примечания

¹ *Киселев А. Ф.* Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М., 2004.

² Там же. С. 107–108.

³ *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ *Федотов Г. П.* Судьба империй // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. Т. 2. СПб., 1992.

⁶ Там же. С. 312–313.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Там же. С. 322.

⁹ Там же. С. 314.

¹⁰ *Ивонина О. И.* Между народом и империей: Г. П. Федотов о культурных трансформациях российского общества // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.

¹¹ *Иваск Ю.* Эсхатология и культура // Федотов Г. П. Святой Филипп Митрополит Московский. М., 1991. С. 123.

¹² *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 173.

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ *Федотов Г. П.* Революция идет // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 1. СПб., 1991. С. 167, 169.

¹⁵ Там же. С. 170, 172.

¹⁶ *Федотов Г. П.* Судьба империй. С. 322.

Т. В. Белова

ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сокращение промышленного производства в ряде отраслей в годы Первой мировой войны, разруха на транспорте, продовольственный и финансовый кризис не могли не сказаться на изменении жизненного уровня рабочих.

В губерниях Верхнего Поволжья заработная плата рабочих была значительно ниже, чем в Петрограде, Прибалтике, Польше, южных губерниях России. По подсчетам М. Г. Мейеровича в 1905–1915 годах она составила, в процентах от общероссийской, в Ярославской губернии 84 %, во Владимирской и Костромской соответственно – 80 и 73 %¹. Это объясняется как отраслевой структурой промышленности в регионе (преобладание низкооплачиваемых рабочих-текстильщиков), так и историческими условиями формирования пролетариата (сохранение связи рабочих с землей). Анализ источников позволяет проследить динамику номинальной заработной платы за весь период с 1913 по 1917 год.

Во Владимирской губернии она составляла в 1913, 1914, 1915 и 1916 годах соответственно 188, 191, 208 и 358 рублей в год. В Костромской – 189, 187, 220 и 371 рубль. В Ярославской губернии – 214, 216, 259 и 398 рублей в год². Приведенные данные показывают, что в различных губерниях заработки рабочих не были одинаковы. В Ярославской губернии рабочие в среднем зарабатывают несколько больше, чем в Костромской и Владимирской губерниях. Причиной тому – разница в оплате труда по отраслям промышленности. Низкооплачиваемые текстильщики составляли в Костромской и Владимирской губерниях 89,8 и 87,8 % всех рабочих, а в Ярославской – 55,4 %. Характерно, что и заработки текстильщиков в разных губерниях также не были одинаковы. Важную роль здесь играла степень концентрации рабочих. Так, в хлопкообрабатывающей промышленности Ярославской губернии заработная плата рабочих равнялась 211 рублям, в Костромской – 195, во Владимирской – 189. А на фабрики с числом рабочих свыше 1 000 человек в этих губерниях соответственно приходилось 99,9; 78,8 % и 73 % отрасли³.

Анализ статистических данных свидетельствует, что номинальная заработная плата в регионе росла на протяжении всех военных лет, причем наибольшего прироста достигла в 1916 году, когда увеличилась в среднем в 1,9 раза. И хотя темпы роста зарплаты в губерниях Верхнего Поволжья были выше средних по стране, разрыв ее с общероссийским уровнем в 1916 году стал большим, чем в довоенные годы. Зарботная плата составила в процентах к общероссийской соответственно 74,8; 77,6 % и 83,2 % во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях.

Заметное увеличение номинальной заработной платы в годы войны, однако, еще не свидетельствовало о росте материального благополучия рабочих, ибо их жизненный уровень зависел, прежде всего, от изменения уровня цен на предметы первой необходимости. Основные продукты питания за годы войны

РАЗДЕЛ I

вздорожали в несколько раз. Вот некоторые примеры: килограмм ржаной муки в 1914 году стоил 9 копеек, а в 1915 и 1916 годах соответственно 12 и 23 копейки, килограмм пшеничной муки 18, 20 и 44 копейки за килограмм. Десяток яиц стоил в 1914 году 20 копеек, в 1915 – 55 копеек, а в 1916 их вообще не было в продаже. Килограмм сахара вырос в цене от 70 копеек в 1914 году до 1 рубля 26 копеек в 1916; сливочное масло – от 1 рубля 20 копеек до 5 рублей 50 копеек; мужская рубашка в 1914 году стоила 90 копеек, в 1915 – 2 рубля 50 копеек, в 1916 – 3 рубля; пара сапог – соответственно 6, 20 и 30 рублей. Расходы на квартиру растут от 3 рублей в месяц в 1914 году до 8 рублей в 1916. Таким образом, цены на хлеб выросли в 2,5 раза, на мясо – в 3 раза, масло и сахар – в 4,5 раза, на картофель – в 6 раз. В три раза увеличились расходы на жилье, в 6 раз – на обувь. В целом затраты на предметы первой необходимости в декабре 1915 года возросли по сравнению с августом 1914 в 1,9 раза, а в декабре 1916 – в 3,2 раза. Общие затраты в месяц одного рабочего выросли с 12 рублей 16 копеек в августе 1914 года до 22 рублей 42 копеек в декабре 1915 и 39 рублей 27 копеек в декабре 1916, а общие затраты в год увеличились от 146 рублей в 1914 году до 269 рублей в 1915 и 471,5 рублей в 1916. Если в 1914 году заработная плата покрывала затраты на предметы первой необходимости, то в 1916 ее не хватало даже на самое необходимое. Реальная заработная плата по нашим расчетам составила во Владимирской губернии в 1915 году 57,9 % к уровню 1913 года, а в 1916 – 58,9 %. В Костромской губернии – 60,9 и 60,7 %, в Ярославской – 63,4 и 57,5 %.

Анализируя данные о реальной заработной плате, мы видим, что в целом по региону идет резкое ее снижение. Этот процесс характерен и для России в целом, хотя проходит он не везде одинаково. По данным Ю. И. Кирьянова, в Донбассе реальная заработная плата составила от 57 до 89 %⁴. В Петрограде и Москве, по данным С. Г. Струмилина, соответственно 55–76,4 и 60–65 %⁵. На Урале, по данным П. В. Волобуева, реальная заработная плата упала еще ниже, составив примерно 50 % довоенного уровня⁶. Имея в виду низкий предвоенный уровень жизни рабочих России, нельзя не признать указанное падение реальной заработной платы более чем существенным.

Рассматривая реальную заработную плату в каждой из губерний Верхнего Поволжья, необходимо отметить, что во Владимирской губернии в 1915 году ее падение было самым низким, ниже, чем в 1916. Очевидна связь между падением жизненного уровня рабочих и рабочим движением, пик которого приходится в данной губернии именно на 1915 год.

Таким образом, положение рабочих региона, как и России в целом, в годы Первой мировой войны характеризовалось резким падением реальной заработной платы, дальнейшим усилением интенсификации их труда, увеличением сверхурочных работ, ухудшением питания рабочих, жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания. Это явилось главной причиной усиления стихийного недовольства рабочих. Именно на этой почве разворачивается массовое рабочее движение как в стране в целом, так и в регионе Верхнего Поволжья.

Примечания

¹ Мейерович М. Г. Изменение номинальной и реальной заработной платы рабочих центрального промышленного района России в период империализма (1897–1914) // Рабочий класс центра страны и Сибири. Конец XIX – начало XX веков. Новосибирск, 1981. С. 64.

² Статистический сборник за 1913–1917 гг. С. 118–122; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Всероссийская промышленность и профессиональная перепись 1918 г. С. 156.

³ Мейерович М. Г. Указ. соч. С. 64–65.

⁴ Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. М., 1971. С. 77.

⁵ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1964. С. 488, 490.

⁶ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 92.

В. Ю. Карнишин

РЕАЛИИ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯЗЯ В. А. ДРУЦКОГО-СОКОЛИНСКОГО

Изучение общественно-политического процесса в позднеимперской России предполагает активное привлечение новых источников, к корпусу которых относятся воспоминания современников событий, и поныне вызывающих оживлённую полемику в научном и экспертном сообществах. Воспоминания князя В. А. Друцкого-Соколинского, увидевшие свет в издательстве «Русский путь»¹, могут привлечь внимание в силу ряда обстоятельств. Мемуарист смог получить богатый опыт административной деятельности в губерниях, отличающихся как по своему национальному составу, так и по уровню социально-экономического развития. Небезынтересно отметить и то обстоятельство, что автор воспоминаний являлся самым молодым в губернаторском корпусе страны начала XX века, что позволяет сопоставить его суждения с точками зрения более известных коллег. Наконец, карьера В. А. Друцкого-Соколинского завершилась в двух губерниях Белоруссии – Могилёвской и Минской, что позволило ему общаться с известными государственными деятелями – Николаем II, А. В. Кривошеиным, Б. В. Штюрмером, А. А. Хвостовым, генералом М. В. Алексеевым.

Жизненный путь потомка Рюриковичей был связан с Императорским училищем правоведения в Санкт-Петербурге, после чего последовала двухлетняя служба в Петрокове (Польша) правителем канцелярии местного губернатора. Особо тёплые воспоминания были связаны с Костромской губернией, где он занял должность советника губернского правления. Сын мемуариста свидетельствует: «Ему там пришлось по сердцу и люди, и работа, и природа. Пользуясь отпусками и командировками в самые отдалённые уезды губернии, он смог познакомиться с суровой, дикой красотой северного края. Отец был страстный охотник и отлучался иногда на несколько дней

сопровожаемый “своим человеком” Михаилом, а подчас и один в дебри девственных лесов Варнавинского, Ветлужского и других уездов губернии»². Очевидно, историкам предстоит выяснить, насколько был существенен вклад В. А. Друцкого-Соколинского в организацию костромских торжеств по случаю празднования 300-летия царствования дома Романовых (ему была поручена выдача билетов желающим присутствовать на парадах и церемониях, устроенных в честь Николая II и его семьи). Во всяком случае, не случайно повышение по службе автора воспоминаний, назначенного за несколько дней до костромских торжеств вице-губернатором Могилёвской губернии, а в августе 1916 года занявшего должность минского губернатора.

Каковы были представления В. А. Друцкого-Соколинского о службе губернатора? Во-первых, он выразил принципиальное несогласие с точкой зрения об административном произволе начальников губерний. Рассматривая обвинения либеральной общественности в адрес губернаторского корпуса, автор разделил их на две части – во незаконном произволе вообще и в сознательном игнорировании закона и замене его административным произволом. Суждения о незаконном произволе мемуарист счёл несущественными в силу того обстоятельства, что реалии политической и общественной жизни провинции предопределяют необходимость применения «личного усмотрения», которое, в свою очередь, предопределяет корректировку и дополнение писаного права, разработка которого явно отставала от стремительных перемен. Второе суждение В. А. Друцкого-Соколинского отличается достаточной категоричностью: «Никогда русский губернатор не только не попирает закона, но и не дерзал извращать сознательно его смысл или давать ему заведомо ложное толкование»³. В конечном итоге, автор выразил убеждение в том, что «будущую Россию надлежит строить в части её местного государственно-административного управления на старых основаниях, то есть с сильной и независимой ЕДИНОЛИЧНОЙ властью на местах, хотя бы в абрисах губернаторской»⁴.

Суждения мемуариста свидетельствуют прежде всего о мифологичности представления о всемогущей власти губернатора. С. В. Любичанковским справедливо отмечалось, что широка подчиняющихся губернатору учреждений (более полутора десятков) оказалась обманчивой. Степень управляемости системы губернаторской власти самим губернатором была невысокой. Это означало, что возложенная на «начальника губернии» ответственность не соответствовала его реальным возможностям⁵.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что на деятельность губернаторов в период Первой мировой войны оказывал воздействие «кадровый голод» в административном аппарате. Во всеподданнейшей записке министра внутренних дел Б. В. Штюрмера констатировалось, что «за призывами в войска на своих местах осталось не более 1/3 части всех чинов». «Работа призванных, сама по себе возросшая, – жаловался министр внутренних дел, – по обстоятельствам военного времени падает на оставшихся, которые находятся в тяжёлых условиях существования ввиду значительного вздорожания жизни»⁶.

Таким образом, проблема эффективности местного управления в условиях войны приобрела особую остроту. Следует заметить, что В. А. Друцкой-Соколинский вскользь упоминает о намерении создать при губернаторе «губернский совет из местных людей с решающим голосом»⁷. Речь идёт о его отношении к преобразованиям, проекты которых рассматривались в Совете по делам местного хозяйства. Так, проект губернской реформы предусматривал создание губернского совета с общим, распорядительным, административно-судным и дисциплинарным присутствиями во главе с губернатором⁸. Судя по этой реплике мемуариста, он являлся сторонником проекта В. А. Плеве, высказывавшегося за наделение «начальника губернии» всей полнотой власти на подведомственной территории, в то время как проект П. А. Столыпина полагал губернатора местным органом исполнительной власти, т. е. Совета министров⁹. В. А. Друцкой-Соколинский особо отмечает роль губернатора как «доверенного лица» Короны. Указывая на место губернаторского отчёта в системе взаимоотношений между местной властью и Санкт-Петербургом, он утверждает, что именно здесь «допускались самые серьёзные обобщения, самая откровенная и смелая критика не только отдельных действующих законоположений и правительственных распоряжений, но и общего положения вещей, всей внутренней политической и экономической жизни»¹⁰. Такова была одна из мотиваций в пользу того, чтобы оставаться доверенным лицом монарха, нежели становиться исключительно чиновником МВД.

Немаловажное значение приобретала проблема, связанная с неопределённостью в вопросе разделения функций гражданской и военной администраций на фоне сдвигов между управленческими кланами, а также противостоянием администраторов и общественных кругов. Как справедливо отмечается в новейшем исследовании, империю поразила организационный коллапс: депортационные и миграционные процессы не согласовывались с разделением сферы управления на военную и гражданскую; усилия Земского и Городского союзов наткнулись на противодействие бюрократических ведомств; маргинализация социального пространства наложилась на растущую психологическую усталость людей от «непонятной войны»¹¹.

В этих условиях, когда власть демонстрировала достаточно очевидную неспособность решать новые задачи, активизация деятельности общественных организаций (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Центральный военно-промышленный комитет) была достаточно правомерна. Д. В. Друцкой-Соколинский в своих заметках далёк от восхваления деятельности союзов и Земгора. Автор, признавая очевидную неэффективность работы интендантского, санитарного, инженерного ведомств, тем не менее, предпочитал не фокусировать внимание на примерах откровенных провалов в их попытках организации снабжения продовольствием, вооружением, обмундированием, организации госпиталей и больниц. Общественные деятели предстают под пером мемуариста в качестве лиц, устроивших вакханалию, в которой «интерес дела тонет в личных вождениях тысяч примазавшихся к делу лиц,

искавших, с одной стороны, способа уклониться от опасной службы в строю, с другой – стремившихся к личной наживе, в-третьих нашедших в учреждении союзов способ для революционной пропаганды в самой армии и в её ближайшем тылу»¹². Достаточно чётко подчеркнута негативное отношение В. А. Друцкого-Соколинского к небезуспешным попыткам политизации местного самоуправления (особо было отмечена склонность к политическим выступлениям гласных губернских земств). Симптоматично в этой связи указание на конфликт между костромским губернатором и губернским земским собранием, сутью которого являлось искажение содержание текста выступления «начальника губернии» А. П. Веретенникова при разработке и принятии постановления собрания. Впрочем, тенденции политизации в работе костромских земцев совсем не отразились в эффективности принятых мер в период войны. Губернской земской управой было выдано семьям воинов казённого пособия на сумму 6 155 586 рублей¹³.

В целом же, мемуарист принципиально высказался в пользу создания земской единицы в виде бессословной волости, что являлось одним из сегментов реформаторской программы П. А. Столыпина. Необходимость этого преобразования была в своё время скрупулёзно исследована П. Н. Зыряновым. Речь шла, во-первых, о явной неэффективности волостного управления; во-вторых, о необходимости передачи власти в сельской глубинке от общинного крестьянства к хуторянам, отрубникам и поместным дворянам; в-третьих, о привлечении к работе в волостных структурах компетентных специалистов; в-четвёртых, о развитии земской составляющей в самой волости¹⁴.

В воспоминаниях уделено внимание описанию впечатлений о встречах с Николаем II и Александрой Фёдоровной. На склоне лет В. А. Друцкой-Соколинский сохранил достаточно эмоциональное впечатление о костромских торжествах в честь 300-летия дома Романовых: «Глядя на Царя и Царицу, я не видел в них простых людей, подобных нам, смертным. Это были полубоги...»¹⁵. Впрочем, подобные эмоции были свойственны не только чиновнику. Известно, что один из костромских крестьянских старшин при изъявлении чувств преданности от имени народа при виде царя затрепетал, онемел и не произнес ни слова. Император обнял старика, и крестьяне закричали от радости¹⁶. Заметим, что празднование юбилея династии происходило в губернии, известной массовым участием рабочих в забастовочном движении¹⁷, и эйфория при встрече императора охватила далеко не всех костромичей.

Иным было восприятие царственной четы в Могилёве: «Я увидел и Царя, а затем и Царицу, простыми людьми, равными нам и подверженными всем общечеловеческим слабостям... Отсутствие вообще всякой яркости, обилие серых, минорных, грустно-печальных тонов – всё это сближало Государыню с подданными»¹⁸. Как оказалось, это впечатление было поверхночным. Заслуживает внимание мнение автора новейшей биографии последнего русского царя: «Императрица стала главным советником супруга, не стеснялась давать советы по вопросам военного и государственного управления, что, разумеется, не могло вызвать симпатии не только общественности,

но и генералов Ставки, опасавшихся мифических “германских симпатий” императрицы¹⁹.

Воспоминания В. А. Друцкого-Соколинского – один из ярких источников, реконструирующих не только события последних лет существования Российской империи, но позволяющих осмыслить систему мировоззренческих ценностей представителя элиты, пытавшегося внести вклад в спасение страны, находящейся на грани революционных потрясений.

Примечания

¹ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010.

² Друцкой-Соколинский А. В. Вступительное слово ко второму изданию книги // Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора. С. 7.

³ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург, 2005. С. 290–298.

⁶ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. 1929. Т. 2(3). С. 148.

⁷ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 108.

⁸ Столыпин П. А. Программа реформ: Документы и материалы Т. 1. М., 2003. С. 330–352.

⁹ Могилевский К. И. Столыпинская реформа и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 241.

¹⁰ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 51–52.

¹² Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 109.

¹³ Судавцов Н. А. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 2. М., 2005. С. 257.

¹⁴ Зырянов П. Н. Крах внутренней политики третьиюньской монархии в области местного управления : дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 253–255.

¹⁵ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 53.

¹⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 641.

¹⁷ Белов А. М. Политические партии и рабочие Центрального Промышленного района в 1905–1907 гг. : дис. ... д-ра истор. наук. Кострома, 1998; *он же*. Рабочие и самоопределение политических партий России в 1905–1907 гг. // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы // Материалы V Междунар. науч. конф. Ч. 1. Кострома, 2010. С. 150–156; Белова Т. В. Социокультурное самочувствие рабочих Верхнего Поволжья в годы Первой мировой войны // Там же. С. 183–186; Новиков А. В. Эволюция протестных выступлений рабочих периода первой российской революции как смена поведений в условиях социально-политического кризиса // Там же. С. 87–102; Новиков А. В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895–1905 гг. Вып. 1. Кострома, 2003.

¹⁸ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 53.

¹⁹ Фирсов С. Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. 380.

Н. Г. Карнишина

**РЕФОРМЫ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.:
ВОСПРИЯТИЕ И МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ
В ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Опора в крупномасштабных реформах сверху на бюрократический канал трансляции опыта в самодержавном государстве вполне оправдана и объяснима, но зачастую сама суть реформ терялась на огромных просторах Российской империи, оказавшись заложницей начальника губернии или чиновника по особым поручениям при губернаторе, доводившего до населения, например, Манифест и Положение по отмене крепостного права.

Механизм взаимосвязи столицы и провинции по бюрократическому каналу замыкался на канцелярии губернатора в силу специфики объема его полномочий как центрального звена в структуре местного управления Российской империи. Связи губернатора с центром заставляли его выступать в трех противоречивых ипостасях. Во-первых, он был наместником императора на своей территории; во-вторых, он являлся государственным служащим, который осуществлял общий надзор вне обычной министерской иерархии; в-третьих, губернатор был главным губернским агентом МВД, обязанным писать отчеты и дублировать работу департамента полиции, осуществляя через чиновников по особым поручениям координацию работы губернского жандармского управления. Сама провинция в министерских канцеляриях воспринималась как единое нерасчленимое и чаще всего безликое пространство, поэтому циркуляры МВД составлялись без учета особенностей разных территорий. Все оставлялось на откуп местной администрации, чаще всего действовавшей, в свою очередь, также формально.

Примером может служить практика выражения верноподданнических чувств императору по случаям коронации, именин ила смерти. Губернатор выступал от лица жителей своей территории, при этом большей частью не наладив диалога с местным обществом. Выражая верноподданнические чувства от «представителей городского общества, военного и гражданского ведомств и всех сословий», на деле губернатор старательно дистанцировался от населения своей губернии.

Пример организации «волеизъявления чувств» императору показывал, с одной стороны, стремление сановников продемонстрировать монарху единение столицы и провинции в едином верноподданническом порыве, а с другой стороны, узость и косность оторванной и изолированной бюрократической машины, привыкшей действовать только «циркулярно и секретно».

Получив циркуляр из МВД с требованием организовать «выражение верноподданнического чувства», начальник губернии строго в соответствии с иерархией пропускал по чиновничьим инстанциям рапорты с требованием «выразить радость» или «выразить скорбь». Такие рапорты отправлялись даже

директорам тюремных комитетов. Малейший отход от запланированного бюрократического сценария в виде пожелания организовать молебен или возвести часовню вызывал поток дополнительной переписки с губернской канцелярией или с МВД. Так, например, в стремлении угодить губернатору Городищенская городская дума Пензенской губернии «во ознаменование чудесного спасения драгоценной жизни Государя Императора и всего августейшего Семейства при крушении поезда 17 октября 1888 г. на Курско-Азовской железной дороге» предложила соорудить часовню не где-нибудь, а на местном кладбище. Потребовалась специальная депеша правителя канцелярии МВД пензенскому губернатору, в которой столичный чиновник указывал, что «надо признать неудобным предположение Городищенской городской думы ознаменовать чудесное избавление августейшей семьи от опасности 17 октября 1888 г. сооружение часовни на том месте, где находится кладбище». В общей сложности переписку по этому вопросу между столичным и провинциальным ведомствами ушло два года, причем об этой инициативе было доложено Александру III, который, как было указано в извещении канцелярии Министерства внутренних дел, «всемилоостивейше изволил благодарить Городскую думу уездного города Городища Пензенской губернии»¹.

Инициатива снизу в бюрократическом канале не предполагалась даже в выражении верноподданнического чувства. Небольшой отход от запланированного протокола со стороны уездного головы г. Городища имел последствием лишь задержку уже заготовленной благодарности с факсимильной подписью императора уезду за «волеизъявление чувств» на те два года, пока длилась переписка. Уездный голова получил такое письмо, в отличие от других уездов, лишь 18 октября 1890 г.

В этой связи заслуживает внимания мнение И. Блинова, который в своей книге пришел к неутешительным выводам: «Нет в нашей провинции гармонии, а царит борьба и недоброжелательство, и это, прежде всего, объясняется недостатками закона, определяющего юридическое положение как представителей правительственной власти, так и органов местного самоуправления. Если мы в провинции дадим власть лишь представителям центрального правительства, без какого-либо участия местного общества, то наступит время страшнейшего деспотизма, несмотря на самодержавную форму правления государства. Если же мы устраним представителей центрального правительства, которые служат связью провинции с центром и предоставим все местному обществу, то государство перестанет быть единым целым и в лучшем случае обратится в федерацию провинций. А раз оба элемента существуют, то естественно задаться вопросом, как они должны быть организованы?»².

Эту дилемму осознавали и в министерских кабинетах, и в губернской администрации. Попытки реорганизации органов местного управления, предпринятые в 1860–1870-х гг., так же как введение института земских начальников в 1880-х гг., имели целью при сохранении существующей вертикали власти и сохранении положения начальника губернии сократить разрыв, существовавший между управленческим аппаратом любого уровня и населением как столицы, так и провинции.

Как подчеркивалось автором «Внутреннего обозрения» журнала «Вестник Европы» в 1885 г.³, разговоры о проекте «улучшения местных учреждений», введение института земских начальников никоим образом не решило вопроса реорганизации управленческого аппарата, так как неизменным осталось «самое зерно – это восстановление в новых смягченных формах власти одного сословия над другим».

Автор «Вестника Европы» выделил ключевую проблему всего пореформенного периода – сохранение неизменной структуры сословий, при которой, как было видно из приведенных выше материалов, с одной стороны, шел процесс «одворянивания» чиновников среднего и высшего уровней иерархии, а с другой стороны, местная администрация и особенно начальник губернии с неизбежностью оказывались заложниками местных землевладельцев, в значительной степени определявших и влиявших на общественное мнение местного общества. В силу того, что местные землевладельцы, как правило, имели связи и контакты в столицах, губернатор так или иначе должен был считаться с их мнением, осознавая, что негативные отзывы могут отразиться на его карьере.

Так, например, недовольство в начале 1860-х гг. саратовским дворянством губернатором М. Н. Игнатьевым выразилось в потоке жалоб в С.-Петербург. Дворяне просили своих чиновных родственников взять Игнатьева в Петербург и «посадить» его в один из департаментов. Один из корреспондентов просил своего родственника, состоявшего при Министерстве уделов, «составить безыменную записку» о качествах и действиях М. Н. Игнатьева, чтобы потом переслать ее по почте или другим способом в Сенат. В записке саратовский дворянин предлагал изложить факты службы Игнатьева в Вятской губернии, где «бывшим Управляющим Палатою Государственных Имуществ, он прославился своим взяточничеством и бывший тамошним Губернатором Хомутов, живущий ныне в Москве, при всем терпении своем, вынужден был неоднократно доносить о его поведении Министру»⁴.

МВД на все эти донесения отреагировало краткой аттестацией: «Саратовский губернатор Игнатьев – с благородным направлением и желанием быть полезным, но очень медлительны, недоверчивы и несчастливы в выборе чиновников, следствием чего дела идут неудовлетворительно. До крайности тщеславен и уважением не пользуется»⁵. Однако при первом благовидном предлоге М. Н. Игнатьев был удален из Саратова и заменен «лучшим представителем саратовского дворянства кн. Щербатовым», который был уважаем местным обществом как «честный человек», но о котором по прошествии некоторого времени местное общество будет отзываться, как о «вялом и нерешительном» чиновнике, который «редко бывает в Саратове, ездит то в Петербург, то за границу, да и вообще мало занимается делами, передоверив все вице-губернатору Давыдову»⁶.

В данном случае непопулярность начальника губернии в местном обществе привела к его отставке. Как правило, МВД ограничивалось формальными отписками в ответ на жалобы на деятельность провинциальной администрации.

По мере продолжения политики реформ более всего жалоб со стороны провинциальных жителей было именно на «небрежное отношение губернатора

к своим обязанностям». Как писал, например, начальник губернского правления г. Самары А. Котляревский в письме К. П. Победоносцеву, «Губернатор К. К. Грот приехал из Петербурга, ковырнул поверхностно два, три дела, принял надлежащее количество обедов, балов, представлений, а также и жалоб на меня от лиц, которые, служа из-под палки и из-за подачки, недовольны мною за то, что я не давал им в отсутствие Губернатора спать, своевольничать и обдѣлывать свои делишки, а побуждал и словесно, и взысканиями к одному делу общественного служения. На словах Губернатор обвинил меня в отступлении от служебного приличия»⁷.

Губернаторов обвиняли в «своекорыстии, полной апатии, глупой рутине, взяточничестве, казнокрадстве, злоупотреблениях по службе». Но, как следовало из «Выписки из записки министра внутренних дел о служебной деятельности пензенского губернатора Александровского в связи с поступлением жалоб о превышении им служебной власти» от 2 апреля 1866 г., «д. с. с. Александровский действительно обращается к грубым формам и самоуверен в денежных средствах, но «до времени его некуда перевести, да и, с другой стороны, нельзя давать ни полной веры его обвинителям, ни полного простора стремлениям части местных жителей удалить его из губернии, без достаточного к тому повода»⁸.

В качестве основного объекта этого расследования МВД было «отношение Губернатора к Дворянству». Это был достаточно редкий случай в чиновничьей иерархии, в котором, в конечном счете, победила бюрократическая взаимоподдержка. В то же время это яркая иллюстрация отношения правительственных чиновников к общественному мнению провинциального общества.

В период реформ 1860–1870-х гг. компетенция губернаторов была несколько сужена: они потеряли право ревизии судебных мест. Отдельно от их ведомства создавались новые учреждения: контрольные палаты, губернские акцизные управления и т. д. Однако власть начальника губернии от этого существенно не ограничилась. Губернатор являлся председателем до полутора десятков различных совещательных учреждений: присутствий, комитетов, комиссий, составленных из чиновников губернии, часто с представителями земских и городских учреждений. В ряде присутствий министерствами назначались непременные члены. С помощью этих учреждений губернатор осуществлял надзор за новыми пореформенными учреждениями. В их число входили: губернское и уездное по крестьянским делам присутствие, губернское присутствие, губернское по городским делам присутствие и губернское по земским и городским делам присутствие, губернское по фабричным делам присутствие, губернское по воинской повинности присутствие, губернское по питейным делам присутствие, губернский распорядительный комитет.

В 1866 г. губернаторы получили право ревизии всех гражданских учреждений независимо от ведомства, а в 1876 г. – право для «правильного исполнения узаконений о благополучии и безопасности» издавать так называемые «обязательные постановления», т. е. запрещать в своей губернии издание органов печати, закрывать собрания и т. д. В 1889 г. губернатор становится председателем губернского присутствия и органов надзора за ними, т. е. земских

РАЗДЕЛ I

начальников. Губернатор, как основная фигура в местной администрации, был в центре внимания. Министры внутренних дел осознавали это и стремились поддерживать личный престиж и авторитет начальника губернии в глазах подчиненных. Поэтому Министерство внутренних дел, рассматривая губернаторов как своих чиновников, в то же время «закрывало глаза» на их стремление к самостоятельности и невыполнение некоторых распоряжений МВД, в частности еженедельных отчетов.

Предоставление губернаторам самостоятельности в действиях предполагало наличие сложившейся культуры политического лидерства, которой, к сожалению, в большинстве случаев российские губернаторы не обладали в должной степени. Губернаторы в большинстве своем были не готовы к такой широте действий в своей провинции. Министерство внутренних дел редко использовало дисциплинарные меры наказания, бывшие в его распоряжении, такие как выговор, отказ в поощрении в виде орденов и наград, перевод на другое место службы и, в самом крайнем случае, увольнение. Увольнение применялось только в том случае, если действия губернатора подрывали государственную безопасность или порочили столичную администрацию в глазах общественности, что происходило, если информация о происшествии попадала в печать.

В рамках бюрократической системы организации существование безличных правил и централизация власти по принятию решений позволяли одновременно сохранить абсолютистскую концепцию управления и проводить реформы, не затрагивая основ иерархической модели. В значительной степени в пореформенной России такие особенности реформаторской политики были связаны с неустойчивым положением чиновничества в общественной иерархии в силу того, что бюрократия являлась и особой социальной группой, но и одновременно ограничивалась рамками профессиональной группы, объединенной по особому способу организации совместной деятельности.

В контексте политического процесса особенно ярко вырисовывается проблема взаимоотношений общества и административного аппарата именно как институционального воплощения политической власти. При всей тесной связи власти и организации общества в рамках бюрократической системы организаций даже проведение реформ, затрагивавших интересы большинства населения, возможно без широкой и постоянной апелляции к общественному мнению. Опыт работы Редакционных комиссий и губернских комитетов в ходе подготовки и проведения крестьянской реформы показал поверхностный интерес правительства к рефлексивной работе политического и общественного сознания, оценивающего ситуацию. Стремление реформаторов, в том числе и из среды просвещенных бюрократов, учитывать групповые предпочтения различных социальных слоев общества уже в ходе первой крупной реформы 1861 г., затронувшей интересы большинства, разбилось о косность и неповоротливость бюрократической модели, не рассчитанной на лавирование внутри социальной организации общества.

Примечания

¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6204. Л. 4, 9, 19, 24, 106, 128, 130.

² *Блинов И.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. – Спб., 1905. С. 5, 7.

³ Вестник Европы. 1885. Кн. X. 1 октября. С. 818.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1297. Л. 1, 4, 5, 5 об.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1297. Л. 11 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1294. Л. 1.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1231. Л. 2

А. В. Лебедев

**ВКЛАД ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В ИСТОРИЮ
СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ**

Династия Романовых сыграла исключительно важную роль в истории России. Она повлияла на все без исключения стороны жизни русского государства. Без изучения её прошлого невозможно понять всё то, что происходило в стране на протяжении трёх столетий. Своей целью мы видим исследование влияния оказанного представителями этой династии на развитие одной из наиболее древних и стратегически важных транспортных артерий России – Северной железной дороги. Несмотря на обилие исследовательской литературы, посвящённой Северной железной дороге, в таком ракурсе её история ещё не рассматривалась. Интерес исследования взаимоотношений между августейшими особами и руководством выделенной магистрали заключается в том, что он вскрывает многочисленные увлекательные факты из истории транспортной политики правительства по отношению к отечественным железным дорогам во второй половине XIX – начале XX века.

Итоги Крымской войны со всей наглядностью показали всю слабость положения России и наметили контуры необходимых преобразований. Поражение в этой войне отчасти стало следствием провала транспортной политики, проводимой Николаем I. Необходимость вовлечения России в мировой рынок подтолкнула её правительство взяться за разработку первых проектов отечественной железнодорожной сети, ориентированной на реализацию основного продукта, производимого в её недрах. Недостаток необходимого для этого первоначального капитала и отсутствие свободного рынка труда, обусловленные наличием крепостного права, определили единственно возможный в сложившихся условиях государственный способ сооружения железных дорог. Однако «казённое железнодорожное строительство и его замедленные темпы не могли разрешить неотложную задачу той эпохи – форсированное развитие железнодорожной сети в короткие сроки»¹. Несмотря на это, в рамках данного периода были заложены основы ведения железнодорожного хозяйства и создана база для дальнейшего расширения строительства железных дорог в России².

© А. В. Лебедев, 2011

«Стомилионная нация, играющая важную роль в мировой истории, не могла бы при современных экономических... условиях продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась... до Крымской войны, – отметил Ф. Энгельс. – ...Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счёте только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают своё дело по-разному – хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него... последствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием»³.

Александр II, взойдя на престол, оказался в очень тяжёлом положении, поскольку перед ним оказался целый ряд проблем общегосударственного значения, решение которых не могло быть отложено ни при каких условиях. Ключевое место в проводимых преобразованиях отводилось модернизации транспортного комплекса. «В периодических изданиях повсюду встречались сетования на безденежье, на застой и упрёк на бездействие русских в постройке железных дорог, но как же быть?.. Нужны деньги, а их то и нет. Государственная казна, как всем известно, в самом жалком... положении и немисливо ожидать от неё устранения [данного] застоя и бедствия»⁴.

Поэтому Александр II был вынужден повернуть основной вектор транспортной политики, отказавшись от сооружения и эксплуатации железных дорог за счёт государственных средств. Изменившиеся обстоятельства вынудили оставить тот путь, по которому вначале шло железнодорожное строительство. Война совершенно расстроила финансовую систему государства, вследствие этого нужно было отказаться работать в том направлении, с которого начались первые шаги железного транспорта в России. «Постройка средствами казны была по необходимости оставлена, и широко открылись двери для частного предпринимательства, – подчеркнул О. Мертенс. – Это был единственный свободный путь, чтобы в сравнительно скором времени дать стране такие средства сообщения, без которых не могла быть обеспечена её оборона вовне и её экономическое развитие внутри»⁵. Таким образом, Александр II изменил основное направление транспортной политики России «в пользу... исключительного поощрения частного железнодорожного строительства»⁶.

«Менялись экономические условия, раскрепощалась частная инициатива, и наиболее дальновидные и предприимчивые представители купечества стали смелее браться за осуществление смелых проектов транспортного освоения России»⁷. Вокруг идеи создания первой русской железной дороги, проектируемой исключительно за счёт отечественных капиталов, сплотилась небольшая группа людей, искавших выгодного помещения своих состояний. Собравшись на праздничный обед в доме у Шиповых, приуроченный к празднованию масленицы, они приняли решение о создании новой железнодорожной концессии.

27 июня 1858 г. было юридически оформлено Общество Московско-Ярославской железной дороги. (Общество Московско-Ярославской жел. дор. за время своего существования, по мере расширения своей деятельности, сменило

несколько названий: с 1872 г. оно называлось Московско-Ярославско-Вологодской жел. дор., с 1894 г. – Московско-Ярославско-Архангельской жел. дор., а с 1907 г. – Северными жел. дор.) В состав его правления вошли: действительные статские советники Н. Г. Рюмин и А. П. Шипов, статский советник Н. П. Шипов, полковник Д. П. Шипов, инженер генерал-майор барон А. И. Дельвиг и почётный гражданин И. Ф. Мамонтов, каждый из которых, в виде вступительного взноса, внёс в формирующийся акционерный капитал по 3 тыс. руб. серебром⁸.

«Мая 29 дня 1859 г., Высочайшее повеление, объявленное правительственному Сенату... господином главноуправляющим Путиами Сообщения и Публичными Зданиями. Государь Император... высочайше соизволил утвердить... Устав Общества Московско-Ярославской железной дороги». Капитал проектируемой магистрали образовывался выпуском 27 тыс. негарантированных правительством акций на общую сумму 4,05 млн руб. Таким образом, это общество получило концессию на строительство железной дороги от Москвы до Ярославля. Однако финансовые сложности сильно тормозили развитие данного предприятия. Темпы строительных работ были медленными: к 1862 г. был завершён только один участок пути от Москвы до Сергиева Посада, общей протяжённостью 65,7 вёрст.

Страшный голод 1868 г., свирепствовавший в Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Новгородской губерниях, заставил правительство серьёзно заняться решением транспортного освоения северных регионов России⁹. С этой целью была создана специальная правительственная комиссия, которую возглавил наследник престола, будущий император Александр III. Она признала одним из основных средств для предотвращения неблагоприятных последствий голода в северных губерниях Европейской части России железнодорожное строительство¹⁰, поскольку стоимость гужевой перевозки зерна на 200–400 вёрст равнялась его цене на месте производства¹¹.

Поэтому 10 ноября 1868 г. Московско-Ярославская железная дорога была переведена из разряда второстепенных в категорию первостепенных, наиболее необходимых и значимых железнодорожных путей. Это позволило добиться распространения правительственной гарантии на ценные бумаги рассматриваемой транспортной артерии и в короткие сроки завершить её строительство. К 1 января 1870 г., в рекордные сроки, было проложено 200 вёрст железнодорожного пути, а Москва была соединена с Ярославлем. Помимо этого был возбуждён вопрос о соединении рельсовым путём бассейна Верхней Волги и Сев. Двины.

24 июля 1870 г. были высочайше утверждены дополнительные статьи к уставу Общества Московско-Ярославской железной дороги, по которым ему разрешалось построить узкоколейную дорогу от Ярославля до Вологды, общей протяжённостью 196 верст. Строительство Вологодской линии по утверждённому Александром II 27 марта 1870 г. плану развития отечественной железнодорожной сети проходило в два этапа. На протяжении первого из них устройство железнодорожного полотна велось на участке от Ярославля

до Данилова, в течение второго железная дорога прокладывалась от Данилова до Вологды. В 1872 г. сооружение Вологодской линии было успешно завершено. Таким образом, был создан транспортный коридор, соединивший центральные регионы России с Верхней Волгой и Сев. Двиной. Это позволило сгладить продовольственный вопрос в зависимых от поставок продовольствия северных окраинах страны, но не решить его окончательно.

Естественная преграда в виде р. Волги создавала необходимость перегрузки товаров, следовавших из центральных губерний на север и обратно. Затраты на переправу значительно повышали стоимость перевозки (до 2 коп. на пуд груза, что давало в общей сложности свыше 300 тыс. руб. ежегодно)¹². Помимо этого в период осеннего ледостава, весенней оттепели и вскрытия рек, продолжавшихся в среднем около 2 месяцев каждый год, передача грузов, перевозка пассажиров и почты по северному транспортному коридору прекращалась полностью. Весной, когда р. Волга вскрывалась ото льда, она преграждала путь товарному потоку, на севере (в Вологодской и Архангельской губерниях) в это время ещё в течение месяца удерживался устойчивый санный путь. В конце апреля, когда кончался ледоход, а товар достигал станций назначения, на севере начиналась полная распутица, и приходилось ждать более месяца, чтобы просохли дороги.

«Я, осторожный из осторожнейших, второй сапог из пары с твоим батюшкой, – хочу и почти требую, чтобы ты, наследник наш, двинул железный путь к Ледовитому океану, – категорично заявил Фёдор Чижов Савве Мамонтову, передавая ему бразды правления Московско-Ярославско-Вологодской железной дороги, в одной из последних бесед, незадолго до смерти. – Там Север! Край непочатых сокровищ. Лес, пушной зверь, рыба... Я думал, Савва, я много думал. Север – это мой завет, а не исполнишь – моё тебе проклятие. Мы живём мелко... Кругом алтынники... Вздыбить Север – это будет посильнее, чем рубить окно в Европу. Для русского человека преображение Севера... есть единственный способ преодолеть всяких там Ротшильдов. Вы не раз попомните меня старика!.. Теперь такое время, что лошадёнок своих надобно загонять насмерть. Не успеете поднять Север – крышка, всей России крышка, а царю в первую очередь»¹³.

Исполняя завет своего «великого учителя», 2 декабря 1893 г. С. И. Мамонтов обратился к С. Ю. Витте, с просьбой поддержать его проект транспортного освоения северных регионов¹⁴. На следующий день министр финансов написал царю прошение, в котором он озвучил эту просьбу. В тот же день Александр III приказал образовать комиссию для изучения вопроса о возможности строительства железных дорог в северных губерниях России.

Комиссию, созданную при Министерстве путей сообщения, возглавил генерал-лейтенант И. П. Петров. В её состав вошли представители всех министерств, губернаторы северных регионов и представители местных земств. Работа этой комиссии продолжалась в течение всей зимы 1893/94 гг. За ней с большим интересом следила вся Россия, поскольку на этой волне поднялся необычайный интерес к потребностям и повседневной жизни населения северных регионов страны.

27 мая 1894 г. по запросу главы Московско-Ярославско-Вологодской железной дороги было получено предварительное согласие. После чего С. Ю. Витте пригласил С. И. Мамонтова совершить ознакомительную поездку вдоль Кольского полуострова с целью выбора наиболее выгодного направления проектируемой магистрали. По её результатам был составлен отчёт, на основании которого 11 июня 1894 г. были подписаны дополнения к уставу Общества Московско-Ярославской железной дороги, регламентировавшие сооружение Архангельской ветви. При этом обращает на себя внимание следующий факт, который имел определяющее значение для всего дальнейшего хода событий: С. Ю. Витте отдавал предпочтение направлению на Мурманск, а С. И. Мамонтов склонялся к тому, чтобы вести железную дорогу в Архангельск. Таким образом, мнения разошлись, и, по всей видимости, каждый из них проявил принципиальность в отстаивании своей позиции. Имевшиеся разногласия привели к ссоре, которая сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе С. И. Мамонтова.

Когда в 1893 г. по карте вычерчивали направление проектируемой ветви, местность казалась весьма удобной для постройки. Она проходила по равнине, покрытой лесами, изобиловала хорошим балластом, земляным и каменным строительным материалом, но стоило инженерам углубиться в дебри северной тайги, как они убедились в том, что девять десятых зеленых пятен на карте представляли не ровные лесистые местности, а непроходимые болота. На деле оказалось, что сооружаемая дорога, за исключением первых 30 вёрст от Вологды до р. Сухоны, проходит по совершенно ненаселённой местности, покрытой непроходимыми лесами и болотами. В скором времени С. И. Мамонтов осознал, что стройка не укладывается в смету.

«Я как-то не пойму, – сказал однажды С. И. Мамонтов своему другу К. Коровину, – есть что-то странное, не в моём понимании. Открыт новый край, целая страна... огромного богатства. Строится дорога... туда нужно бросить людей... нужны капиталы, золото, кредиты для того, чтобы поднять энергию живого сильного народа, а у нас все сидят на сундуках и не дают деньги... Заказы дают, торгуясь так, что нельзя исполнить. Мне один день стоит целого сезона оперы»¹⁵.

На ликвидацию последствий чрезвычайных происшествий С. И. Мамонтов бросил все имеющиеся в его распоряжении финансовые ресурсы, а когда кредиты иссякли, ему пришлось направить на это большую часть своих личных сбережений. Затраты на сооружение Архангельской линии возросли с 19 млн руб. до 25 млн руб. (в конечном итоге одна верста пути обошлась не в 32 тыс. руб., а в 42 тыс. руб.), а объём ремонтно-восстановительных работ был настолько велик, что Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги оказалось на грани краха.

В подобной ситуации С. Ю. Витте занял крайне циничную позицию по отношению к человеку, которому до этого покровительствовал. Он не собирался рисковать своей репутацией и благополучием для защиты С. И. Мамонтова. Вспомнились и недавние разногласия, которые появились между ними некоторое время назад.

Занимавший в 1899 г. должность прокурора Московского окружного суда А. А. Лопухин позднее заметил: «То самое министерство финансов, которое в лице его главы, С. Ю. Витте, только что выступило в качестве инициатора в вопросе о предоставлении названному обществу выгодной концессии (Петербург – Вятка), выступило в лице того же С. Ю. Витте с требованием об отобрании у него этой самой концессии и о принятии мер, которые были сознательно направлены к финансовой гибели и железнодорожного общества, и крупных его акционеров»¹⁶.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, С. И. Мамонтов преступил закон, тем самым дав повод для своих противников, которым они не преминули воспользоваться. 11 сентября 1899 г. он был арестован в своём доме на Садово-Спасской улице и с позором – пешком, под конвоем – препровождён в Таганскую тюрьму, где в одиночной камере он провёл 5 месяцев¹⁷. Известный живописец В. Серов, писавший в то время портрет Николая II, решился ходатайствовать перед царём за своего покровителя, чьё здоровье было подорвано неблагоприятными условиями содержания в тюрьме. Благодаря настойчивости придворного живописца, тюремное заключение было заменено на домашний арест, хотя и с прежними ограничениями.

В конечном итоге, на рассмотрение присяжных заседателей прокуратурой было выдвинуто 28 пунктов обвинения, и по всем пунктам, кроме гражданских исков на незначительную сумму, суд вынес оправдательный вердикт. После оглашения приговора все подсудимые под громогласные аплодисменты были освобождены из-под стражи прямо в зале суда¹⁸.

Влиятельная петербургская газета «Биржевые ведомости» писала: «Итак, делу Мамонтова наступил конец – факт, которому ввиду существенного влияния, оказанного этим делом на нашу торгово-промышленную жизнь, нельзя не порадоваться. Вместе с тем, однако, не наводит ли известие из Москвы на грустные мысли, не бросается ли в глаза странное несоответствие спокойного, основанного на взаимных уступках финала “мамонтовской эпопеи” с той шумихой, которая была поднята при ее возникновении?»¹⁹.

Прямо из суда С. И. Мамонтов поехал в Петербург в Министерство финансов, где он, как основной фигурант громкого дела, должен был дать объяснения по поводу всего произошедшего. Там он был принят С. Ю. Витте, который, как ни в чём не бывало, торжественно, взяв его за руку, провел по всем залам министерства, подчёркивая этим свою полную непричастность к судебному процессу и верность компаньону. В конце визита он демонстративно произнёс: «Я и ожидал, что Вас непременно оправдают»²⁰. После этого Николай II лично принял Савву Ивановича и выразил своё искреннее сожаление по поводу всего случившегося. Самодержец даже дал слово восстановить его во всех правах, но, конечно, исполнено это обещание не было. Разбираться в том, как всё произошло, никто и не собирался. Таким образом, был поставлен жирный крест на карьере «последнего железнодорожного короля».

Закончилась история Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, но началась история Северной железной дороги (которая и сейчас

служит интересам России), а спустя 18 лет была свергнута династия Романовых и расстреляна царская семья. Слова Ф. В. Чижова стали пророческими. 24 марта 1918 г. умер С. И. Мамонтов. Похоронили его в Абрамцево, рядом с родными и близкими. Сама церемония была очень скромной. В последний путь он отправился по родному детищу с Ярославского вокзала, куда для транспортировки до места захоронения привезли гроб с телом. Проходя по перрону, старый железнодорожник, случайно оказавшийся на пути у траурной процессии, поинтересовался о том, кого хоронят. Узнав, что провожают Мамонтова, тот снял шапку и с сожалением, взирая на скудность церемонии, произнёс: «Эх, буржуи, такого человека похоронить не можете как следует»²¹. Так, почти одновременно, прекратили своё существование две династии, чьи судьбы плотно переплелись между собой. Они канули в историю, оставив нам не только память, но и плоды своего созидательного совместного труда, который и сейчас живёт и успешно развивается.

Примечания

- ¹ Соловьёва А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 134.
- ² *Haywood R. M. Russia Enters the railway age 1842–1855.* N. Y., 1998. – 653 p.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 450–451.
- ⁴ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1859. Л. 28.
- ⁵ *Мертенс О.* Тридцать лет русской железнодорожной политики и её экономическое значение [пер. с нем. изд. 1919 г.]. М., 1923. С. 4.
- ⁶ *Кислинский Н. А.* Наша железнодорожная политика по документам Комитета министров. Исторический очерк. Т. 1. Спб., 1902. С. 55.
- ⁷ *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 127.
- ⁸ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1859. Л. 1.
- ⁹ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1855. Л. 2.
- ¹⁰ *Кислинский Н. А.* Наша железнодорожная политика по документам Комитета министров. Исторический очерк. Т. 2. Спб., 1902. С. 52.
- ¹¹ Соловьёва А. М. Указ. соч. С. 134.
- ¹² ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1839. Л. 28.
- ¹³ *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. М., 2000. С. 164.
- ¹⁴ *Теребов В. Н.* Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Сооружение Вологодско-Архангельской линии (1894–1897). Саранск, 1998. С. 3.
- ¹⁵ Константин Коровин вспоминает... / сост. И. С. Зильберштейн. М., 1990. С. 169.
- ¹⁶ *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1997. Т. 1. С. 153.
- ¹⁷ *Думова Н. Г.* «Особенный человек» // Кентавр. 1993. № 4. С. 153.
- ¹⁸ Дело Мамонтова, Арцибушева, Кривошеина, рассмотренное московской судебной палатой. М., 1900. С. 71.
- ¹⁹ Биржевые ведомости. 1902. 14 февр. С. 3.
- ²⁰ *Каплан А. А.* Северные железные дороги: к столетию железнодорожного транспорта в России. М., 1926. С. 49.
- ²¹ *Копищев М. И.* Савва Мамонтов. М., 1972. С. 242.

**КОСТРОМСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ
И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В.**

Предприниматели в начале XX в. испытывали повышенный интерес к деятельности местных городских дум. Это объяснялось не только бескорыстным служением городу, но и вполне прагматичными целями.

На основании Городового положения 1870 года выбирать местные органы самоуправления и избираться в них имели право все горожане (всесословный принцип), которые уплачивали налоги и другие платежи в городскую кассу. Выборы в городскую думу проходили один раз в четыре года по трем избирательным съездам (крупных, средних и мелких налогоплательщиков). Неимущая часть населения не допускалась к голосованию.

Вместо общей городской думы и шестигласной думы, в Костроме был создан распорядительный орган – городская дума. Состояла она из 72 гласных¹. Дума избирала из своего состава исполнительный орган – городскую управу – в составе городского головы и членов управы. Городской голова возглавлял думу и управу, координируя работу этих органов.

Городские органы самоуправления выбирались на четыре года плательщиками городских налогов. Часть этих налогов поступала в кассу городских органов самоуправления.

С принятием Городового положения 1892 года усилился государственный контроль. Для избирателей был введен имущественный ценз, и многие горожане потеряли свои избирательные права. Выборы проводились по трем избирательным съездам (крупных, средних и мелких налогоплательщиков-избирателей первого, второго и третьего разрядов), избиравшим по равному числу гласных. Рабочие, ремесленники, лица свободных профессий – все, кто не платил налогов, избирательных прав не имели. В число избирателей включались владельцы торгово-промышленных заведений города, имеющие гильдейские свидетельства. Мелкая и часть средней буржуазии лишались избирательных прав. Число избирателей по городам России, имевшим городское «самоуправление», сократилось в несколько раз. Отстранение от участия в «самоуправлении» городов мелкой и части средней буржуазии означало усиление роли и места крупной буржуазии, в ведении которой находились городские думы и управы². Предприниматели активно старались участвовать в деятельности думы, еще в 70-х годах XIX века из 72 гласных 56 человек были купеческого и мещанского сословия³.

Вся хозяйственная деятельность органов местного самоуправления находилась под контролем губернского по городским (затем и земским) делам присутствия под предводительством губернатора. Губернатор контролировал по Положению 1870 года «законность» действий городской думы, а по Положению 1892 года «законность» и «правильность» действий думы.

Несмотря на то, что законодательство признавало самостоятельность городского самоуправления, постановления городских дум должны были предостав-

ляться губернатору, обладавшему правом в двухнедельный срок приостановить их исполнение как незаконных. Более того, важнейшие из постановлений, касавшиеся, например, изменений планов городов, отчуждения принадлежащих городу земель, получения крупнейших займов, поручительства от имени города и установления новых сборов, утверждались центральным правительством или соответствующим министерством. Кроме того, и сметы городского управления утверждались губернатором. Хотя жесткого противостояния между губернаторской властью и думами не было, напротив, складывались вполне конструктивные взаимоотношения. Дума занималась сугубо муниципальными вопросами, была «политически благонадежна»⁴. Вместе с этим отношения отдельных представителей торгово-промышленного мира губернии с властью в лице губернатора были не столь однозначно «верноподданническими».

В прямой зависимости находились органы местного самоуправления и от полиции, так как не существовало четкого и законного разграничения полномочий между органами городского самоуправления и полицейского управления.

Попечительству городской думы подлежали вопросы городского благоустройства (городской транспорт, освещение, отопление, канализация, водопровод, уборка мусора, благоустройство мостовых, набережных, мостов), а также заведывание образованием, медицинским и благотворительным делом, городской торговлей, городским кредитом⁵.

Руководил думой городской голова⁶. Одним из первых эту должность в конце XVIII – начале XIX века в г. Костроме занимал купец первой гильдии, основатель и владелец полотняной мануфактуры, Василий Иванович Стригалева⁷. Городской голова был наделен довольно широкими полномочиями. Он отдавал распоряжения о созыве думы и определял повестку дня заседаний. Под его личную ответственность печатались доклады по делам, назначенным к слушанию. Только через посредство городского головы дума могла пригласить на свои заседания посторонних лиц. Предоставляя значительную власть, правительство придавало большое значение персональному подбору кандидатур на этот пост. Лица, избранные на указанную должность в губернских городах, утверждались министром внутренних дел.

До революции 1917 г. в Костроме из 29 городских голов лишь последние двое не принадлежали к купечеству – В. А. Шевалдышев и Н. И. Воробьев (1917). Но Шевалдышев был ко времени избрания директором фабрики и, соответственно, принадлежал к числу крупных предпринимателей. А Воробьев занимал свой пост непродолжительное время в эпоху революции⁸. Схожая ситуация наблюдалась и в негубернских городах: городскими головами и городскими старостами на 1901 г. являлись почти исключительно купцы или мещане и лишь 3 должности были заняты отставными чиновниками⁹. Схожая ситуация наблюдалась и в Ярославской губернии. Среди 60 гласных Ярославской городской думы избранных на четырехлетие 1905–1908 годов 20 были купцами, т. е. 30 %¹⁰. В тот же период в уездных городах гласных купеческого сословия было около половины.

РАЗДЕЛ I

Наиболее важным для предпринимателей вопросом, которым ведала дума, несомненно, был вопрос налогообложения. Налоговые тяжбы и споры были не так уж редки. Дело в том, что по городскому положению 1892 года думе предоставлялось:

- определение размера установленных действующими узаконениями местных сборов;
- переложение натуральных земских повинностей обывателей в денежные, с обращением оных на общие средства городского поселения;
- сложение безнадежных к поступлению или неправильно числящихся недоимок по городским сборам.

В пользу городского поселения устанавливались следующие сборы:

- 1) оценочные с недвижимых имуществ;
- 2) с документов на право торговли и промыслов;
- 3) с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавок.

Оценочному сбору подлежали все состоящие в пределах городского поселения имущества. Размер оценочного с недвижимого имущества сбора определялся думой в процентах с чистого дохода с имуществ, определенного общественным управлением посредством оценки, или, при невозможности определения чистого дохода, по стоимости имуществ. Размер его не мог превышать десяти процентов чистого дохода с имуществ или одного процента стоимости их. Оценочный сбор взимался на основании следующих правил: 1) дума назначала срок, к которому сбор должен быть внесен; 2) управа после производства надлежащих оценок распределяла сбор на основании этих оценок и доводила их до всеобщего сведения¹¹.

Вот поэтому у предпринимателей был нешуточный интерес к заседаниям думы, поскольку от этого зависела сумма уплачиваемого налога. Время, которое тратилось на участие в заседаниях и «безвозмездность»¹² исполнения должности гласного, с лихвой окупалось возможностью лоббирования постановлений выгодных им.

Гласные-предприниматели нередко вступали в ожесточенную полемику с другими гласными. Например, когда дело касалось повышения арендной платы за землю. Вспоминались суммы обложения 40–30-летней давности. Оппоненты пытались уличить друг друга в недоимках. Переходили на личности. Так, Александр Петрович Преображенский и Владимир Андреевич Зотов (крупный предприниматель) разругались прямо на заседании 27 октября 1900 года. «Причину инцидента, происшедшего в думе, я могу только объяснить желанием г. Преображенского порисоваться и похвалиться, ибо он вообразил, что сумел извлечь из 40-летней пыли такие факты, о существовании которых в течение стольких лет никто и подозревать не мог», – писал В. Зотов¹³. Тяжбы по неправильно уплаченным сборам могли тянуться годами. Например, в ноябре 1907 года правление «Товарищества льнопрядильни бр. Зотовых» после обращения в Правительствующий Сенат о неправильности наложения сбора на недвижимое имущество добилось возврата взысканной недоимки 1903 года в сумме 1 804 руб. 52 коп.¹⁴ Сумма по тем временам крупная. Для сравнения:

размер средней поденной платы чернорабочим на предприятиях Костромской губернии в 1907–1910 годах колебался от 25 до 65 коп. в зависимости от возраста и пола работающего¹⁵.

В июне 1901 года министр внутренних дел Д. С. Сипягин совершил визит в Костромскую губернию. Заняв пост министра, он поставил перед собой задачу «объездить всю Россию в 12 очередей за 12 лет». Однако он успел предпринять только одну такую поездку, во время которой посетил Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую и Владимирскую губернии, чтобы их осмотреть «во всех отношениях». Первой губернией, которую посетил Сипягин, была Ярославская. После поездки Д. С. Сипягин составил план законодательных и административных работ, осуществление которого растянулось бы на несколько лет, и в своем докладе императору сделал вывод: «Мы сидим на вулкане»¹⁶.

Министр внутренних дел во время своей поездки не только инспектировал положение дел в губерниях, но и встречался с представителями различных слоев провинции. В 20-х числах июня 1901 года Сипягин принял предложение обедов от Крылова, Куломзина, Кокорева, Коновалова, Красильникова, Горбунова¹⁷. Таким образом представители предпринимательского класса могли поведать министру о своих проблемах непосредственно. Все чаяния промышленников представил в докладе министру председатель местного Комитета торговли и мануфактур Кашин, заявив о следующих проблемах в городском налогообложении:

«1) О неправомерности по отдельным местностям оснований оценки фабричных сооружений: в одних местностях таковая оценка производится по доходности, в других по стоимости сооружений, откуда происходит неравномерное, по местностям, обложение этих сооружений земельными и городскими сборами, ставящие фабрики в различные условия конкуренции между собой.

2) О неравномерности оценки фабричных сооружений по сравнению с прочим недвижимым имуществом – строениями и землями, которые в ущерб фабрикам оцениваются местными учреждениями, в виду крайне слабого в них представительства интересов промышленности, сравнительно очень низко»¹⁸.

Таким образом, к 1901 году в среде костромских предпринимателей окончательно утвердились мысли об ущемлении их интересов, особенно в налогообложении местными сборами. В среде костромских предпринимателей созрели определенные предложения по улучшению создавшегося положения.

Кашин ходатайствовал перед министром:

1) об освобождении от двойного обложения городских фабрик – городского и земского сборов, оставив лишь городской сбор;

2) освободить от городского обложения помещения школ, театров, больниц, казармы для рабочих, принадлежащих фабрикам; они, «не являясь для предпринимателей источником извлечения доходов, служат в то же время целям улучшения духовного и материального положения рабочих» (земства налогом их не облагали);

3) учитывать при оценке износ фабрик и оборудования, расходы на ремонт, возможный простой;

4) фабричные сооружения облагать «не по их стоимости, а по доходности, как основанию более уравнительному и справедливому»;

5) сосредоточить оценку фабричного оборудования и доходность фабрик в центральном органе. Изъять это дело от земств и городского управления «как неприспособленных, в силу их организации и условий деятельности»¹⁹.

Причем требования эти, по мнению Сипягина, были справедливы и исходили от представителей промышленников всех губерний. Проблема была рассмотрена Сипягиным уже по приезду в столицу, выяснилось следующее.

В 1901 году Костромское городское управление, переоценив расположенные в Костроме фабрики и заводы, повысило их оценку с 1 328 тыс. до 6 760 тыс. руб., т. е. в 5 раз. На 1901 год городской сбор совместно с городским налогом на недвижимое имущество возрос с 13 284 до 53 730 руб. (т. е. на 32 %), а «обложение прочих недвижимых имуществ, владельцы коих составляют большинство гласных в среде местной городской думы, наоборот значительно сократилось»²⁰.

В журнале Костромской городской думы (заседание 1 ноября 1901 года) читаем: «Произведена оценка вновь возведенных в 1900 г. фабрично-промышленных заведений в гор. Костроме, а именно: 1) при фабрике т-ва новой Костромской льняной мануфактуры; 2) при фабрике бр. Зотовых; 3) при фабрике анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной; 4) при фабрике И. С. Сидорова; 5) при механическо-токарно-слесарном заведении Н. П. Прянишникова; 6) при мастерской серебряных и золотых вещей бр. Савельевых, и 7) при винокуренном заводе И. П. Третьякова. Оценка выразилась в сумме 530 139 р. 93 к.»²¹.

Губернатор приостановил это решение, направил его в Сенат, который, видимо (как полагал Сипягин), отменил данное постановление.

Таким образом наиболее злободневным для предпринимателей являлся вопрос налогообложения. «8 ноября 1906. Я узнал очень неприятную вещь: губернатор приказал полиции взыскать с нас все недоимки по государственному обложению, пока я полиции не видал, но знаю, что дело можно немного потянуть»²². Механизмы задержки выплаты налогов, а также недоимок были разработаны виртуозно. В ход шли личные связи, продвижение нужных кандидатов и использование пробелов в законодательстве.

Прения в городской думе на протяжении 1907 года велись по поводу изменения оценки для обложения недвижимых имуществ, от этого зависела величина уплачиваемого налога. В результате 31 декабря была принята новая оценка. С ней фабриканты были в корне несогласны. Костромской фабрикант И. М. Чумаков заявлял: «Доход с частновладельческих имуществ уменьшится на 3 146 руб. 37 коп., а доход от фабрик увеличится на 18 413 руб. 81 коп., т. е. не только весь дефицит по смете будет погашен за счет фабрик, но и часть прежнего налогового бремени с частно-владельческих имуществ будет перенесено на фабрично-заводские предприятия. Это ненормальное положение вещей вытекает из-за неправильной системы обложения, против которой неоднократно протестовали представители фабрично-заводских предприятий в городе». Тут же маленький шантаж: «Владельцы предприятий не могут не протестовать против такого ненормального положения вещей, а их протесты

могут приостановить поступление в город оценочного сбора, что поставит Управу и Думу гор. Костромы в тяжелое положение»²³.

Все постановления думы, касающиеся налогов, тем паче их увеличения, сразу становились известными. В письме С. Н. Третьякову от 8 января 1908 года В. А. Шевалдышев писал: «Я узнал, что Городская дума в экстренном заседании от 31 дек. 07 г. постановила взыскать налог по новой оценке... налог с фабрики увеличится. Сегодня я был у Чумакова и Морганова, причем и тот и другой просят тебя обратиться к присяжному поверенному, чтобы подать ряд и однообразных жалоб в Губернское Присутствие. Завтра повидаю Аристову, Зотова и Толстопятова, чтобы поговорить с ними, так как жалобы всех промышленников вместе [имеют] больше значения...»²⁴.

В этой ситуации В. А. Шевалдышев, как присяжный поверенный (юрист), становится центром противодействия увеличению налога. «25 января 1908 года... жалобу в губернское присутствие я подал. Тут у меня собрались все фабриканты и все в один голос согласились с нашим планом, так что сегодня уже начали поступать... жалобы и от других. Кроме того все в один голос говорят, что необходимо подать губернатору еще и докладную записку, перед заседанием Губер[нского] Прис[утствия] записку напишем я и Вахрамеев (прис[яжный] пов[еренный]), зять Аристова»²⁵.

Противодействие при этом велось на нескольких уровнях. Письмо В. А. Шевалдышева от 28 января 1908 года: «...вчера меня вызывал к себе губернатор поговорить о городском деле. Как я полагал, он очень заинтересован не столько делом, сколько желанием напакостить городу и земствам. ...Он обратился ко мне со следующей просьбой: не могу ли я позондировать всех фабрикантов Костромской губернии по поводу земских и городских налогов, и если все фабриканты считают поведение земств несправедливым, то не могут ли фабриканты собраться у губернатора... причем он заранее при такой постановке дела обещает встать на сторону фабрикантов. Таким образом, как я это понимаю, ему желательно, чтобы о “съезде фабрикантов” у него в доме стало известно в Петербурге, т. к. он со всеми перессорился и ему необходимо будет на кого-нибудь опереться»²⁶.

В то же время губернатор помогал предпринимателям не только из желания упрочить свое положение. «Конечно, за то, что делает услугу фабрикантам, он стал просить их пожертвовать денег на постройку дома трудолюбия, но этот вопрос можно будет поставить так: мы возьмем подписной лист и, если его степенство действительно поможет фабрикантам, то мы ему пожертвуем, а пока мы должны подумать и потолковать, какой дом? какой план? И т. д.? Конечно, к этому вопросу нужно отнестись осмотрительно, т. к. Веретенников (губернатор. – М. Р.) – человек ненадежный, но использовать его можно...»²⁷.

Экстренное собрание городской думы 30 декабря 1908 года было посвящено оценке вновь возведенных трех строений при фабрике т-ва Новой костромской льняной мануфактуры. В результате была сделана значительная скидка в оценке стоимости фабрики – с 94 833 руб. 96 коп. до 80 095 руб. 72 коп. Нужно учесть, что на заседании думы, между прочим проходившей в канун Нового

РАЗДЕЛ I

года, в основном присутствовали гласные предприниматели, которые единогласно согласились на уменьшение: «Г.г. Городской Голова и гласные А. Д. Разсадин и Н. М. Москвин в целях избежание протеста со стороны администрации фабрики, согласиться принять все исправления в оценках, указанные Правлением Товарищества, и сделать соответствующую скидку»²⁸.

Письмо В. А. Шевалдышева 15 февраля 1908 года: «Сегодня я был в земской управе. На собрании мне удалось отстоять Василия Семеновича Соколова, этот вопрос решится в желательном для него смысле. После собрания я выяснял дело о взыскании с нас недоимки в пользу земства с членом управы Прохоровым (сторонник Вас. Сем.), который теперь ходит за председателя, причем он уверял меня, что полиция это творит по собственному почину и что Управа, списавшись с Соколовым, почти, наверное, откажется от взыскания недоимки. Полицмейстеру я на днях дам рублей 200, как награду за организацию сыскного отделения. Во всяком случае, сразу платить 84 т. мы не будем, так как рассрочку дадут непременно»²⁹.

Основной целью работы предпринимателей в местных органах самоуправления была не забота о благе города, а удовлетворение личных меркантильных интересов. Предприниматели старались использовать все доступные им средства для уменьшения уплаты налоговых сборов, не гнушаясь сговором и подкупом должностных лиц.

Примечания

¹ Костромские губернские ведомости. 1871. № 8.

² *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России : учеб. для студентов высш. учеб. заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1983. С. 234–235.

³ *Голубева И. В.* Из истории местного самоуправления в крае: Костромская городская дума (1870 – нач. 900-х гг. XX в.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. «Волжский рубеж». 2006. № 5. С. 39.

⁴ Там же. С. 51–52.

⁵ История становления местного самоуправления в Костромском крае. Кострома. 2002. С. 92–93.

⁶ Свод законов Российской империи. Городовое положение. Том II. Спб., 1892. С. 12.

⁷ Градоначальники Костромы, 1785–2003: От городского головы до главы самоуправления / Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2003. С. 15.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 549. Л. 68 об. См. подробнее состав городских голов: *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л. 1984. С. 134–148.

¹⁰ Ярославские губернские ведомости. 1905. 4 февр.

¹¹ Свод законов Российской империи. Городовое положение. Том II. С. 14, 30.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Журнал Костромской городской думы за 1900 год. Кострома : Губерн. тип. 1900. С. 254–259.

¹⁴ Журнал Костромской городской думы за 1907 год. Кострома, 1910. С. 266–267.

¹⁵ Государственный архив Костромской области. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

¹⁶ *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004. С. 8.

¹⁷ ГАКО. Ф. 133 б/ш. Д. 1154. Л. 3, 12.

¹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 549. Л. 90 об. – 91.

¹⁹ Там же. Л. 91–92.

²⁰ Там же. Л. 93.

²¹ Журнал костромской городской думы за 1901 год. Кострома, 1902. С. 237.

²² ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

²³ Журнал Костромской городской думы за 1907 год. Кострома, 1908. С. 304–305.

²⁴ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Журнал Костромской городской думы за 1908 год. Кострома, 1910 г. С. 320.

²⁹ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.

В. М. Марасанова

1913 ГОД: РОМАНОВЫ В ЯРОСЛАВЛЕ

Одной из памятных страниц в истории Ярославля стало единственное посещение его семьей императора Николая II по случаю 300-летия дома Романовых. Это путешествие повторяло путь первого царя этой династии Михаила Федоровича Романова от Костромы до Москвы в 1613 году. Так сложилось в истории, что начало и завершение правления династии Романовых были отмечены трагическими для России событиями. Перед избранием Михаила Фёдоровича на царствие в 1613 году и после отречения Николая II от власти в 1917-м наше государство оказалось раздираемо внутренними смутами и нашествием внешних врагов. Но в 1913 году ещё ничто не предвещало столь близкой катастрофы. Напротив, великая империя готовилась встретить юбилей правящей династии со всем русским размахом. Стране было чем гордиться, ведь Россия занимала шестую часть земной поверхности и имела 160 млн населения. Современникам казалось, что «ещё более великое будущее ждет в дальнейшем нашу родину, когда она, крепкая верой Христовой и русским народным духом, укрепленная просвещением, проникнувшим во все слои населения, широко разовьет свои могучие силы»¹. Синод специально к этой дате подготовил и издал 18 брошюр по истории династии Романовых и России².

Подготовка и ход юбилейных торжеств весьма детально освещены в местной периодической печати, делопроизводственной документации государственных учреждений и источниках личного происхождения. Губернские власти начали готовиться к юбилею царствующего дома уже осенью 1910 года. На совещании у ярославского губернатора графа Д. Н. Татищева 5 октября обсуждались разные предложения о том, как отметить в Ярославле юбилей династии Романовых. Губернатор напомнил, что 21 февраля 1613 года Земский

собор избрал Михаила Федоровича на царство и в марте Михаил выехал в Москву. Однако по дороге он на 26 дней задержался в ярославском Спасо-Преображенском монастыре и только 2 мая прибыл в Москву, где 11 июля венчался на царство. На этом совещании местные деятели Я. А. Ушаков и П. П. Щапов предлагали соорудить памятник основателю города князю Ярославу Мудрому, А. П. Крылов высказался за памятник 300-летию дома Романовых. После долгого обсуждения было принято предложение князя И. А. Куракина об устройстве «общепольного учреждения, посвященного знаменательному дню». Было решено устроить воспитательный дом для детей всех сословий и назвать его в память 300-летия дома Романовых³.

Комитет по подготовке к юбилею возглавил губернатор Д. Н. Татищев. По предварительному подсчету, дворянские организации, земства и города должны были выделить на праздник 50 тыс. руб. и дополнительно предполагалось провести подписку. В 1912 году Ярославская городская дума ассигновала тысячу рублей на памятник Ярославу Мудрому⁴, но тогда реализовать этот замысел не удалось, и эти средства пошли на торжества 1913 года.

Для сравнения отметим, что в соседней Костромской губернии подготовка к Романовскому юбилею началась при губернаторе П. П. Шиловском, занимавшем этот пост в 1910–1912 годах. Он был весьма неординарной личностью и всю жизнь, наряду с государственной службой, активно занимался техническим творчеством. Однако у нового костромского губернатора не сложились отношения с высшим начальством, и уже в 1912 году он был перемещен на пост губернатора в Олонецкую губернию, а затем и вовсе вышел в отставку⁵. 31 декабря 1912 года костромским губернатором был назначен действительный статский советник, егермейстер П. П. Стремоухов. С 1904 года он был сувалкским губернатором, а с 1911 – саратовским губернатором⁶. В Костроме подготовка к празднованию 300-летия дома Романовых стала одной из его основных задач.

К 300-летию правящей династии в Ярославле приурочили открытие нового железнодорожного моста через Волгу, подготовительные работы по строительству которого начались с лета 1910 года. 21 февраля 1913 году, когда по мосту впервые прошел поезд с пассажирскими вагонами, губернатор Татищев отправил Николаю II телеграмму: «Священный для всей России день трехвековой годовщины вступления на Всероссийский престол первого венценосного предка Вашего Императорского Величества ознаменовался в Ярославле освящением выдающегося по размерам сооружения – Волжского железнодорожного моста». Император ответил тоже телеграммой: «Население губернии, а также всех присутствовавших на освящении железнодорожного моста благодарю за молитвы и выраженные чувства преданности». Мост позволил устранить разрыв в 5 вёрст в железнодорожной линии и избавиться от необходимости постоянной перегрузки и перевозки пассажиров и грузов, прибывавших по железной дороге, с одного берега реки на другой. Новый мост император смог лично увидеть в мае 1913 года.

Торжества, посвященные юбилею царствующего дома, в Санкт-Петербурге прошли 20–24 февраля 1913 года. За обеспечение безопасности во время праздничных мероприятий отвечал командующий Отдельным корпусом жандармов

В. Ф. Джунковский. Он предполагал организовать охрану царской семьи и сопровождающих ее лиц по примеру Бородинских торжеств 1912 г., когда все прошло весьма успешно. Прежде всего 13 марта Джунковский выехал в Кострому, чтобы лично познакомиться с ситуацией на местах. Приехав в Кострому 14 марта, В. Ф. Джунковский остановился в доме губернатора П. П. Стремоухова. За два дня пребывания в городе Джунковский объехал все места, предназначенные для осмотра царской семьи, и провел заседание комиссии по выработке мер охраны «высочайшего посещения»⁷.

16 марта В. Ф. Джунковский прибыл в Ярославль. По его мнению, ярославский губернатор запросил слишком большие наряды для встречи царской семьи, и они были сокращены в семь раз. 17 марта командующий корпусом выехал в Ростов и Петровск, а затем через города Владимирской губернии Переславль-Залесский и Суздаль прибыл в губернский центр. 21 марта командующий Отдельным корпусом жандармов встречался уже с нижегородским губернатором В. М. Борзенко, а через два дня отправился в Москву. Итоги принятых мер подвело совещание 5 апреля у министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Было признано, что юбилейные торжества были детально спланированы и тщательно подготовлены.

Николай II с семьей отправился из столицы в свое юбилейное путешествие по России 15 мая 1913 года. Первым из городов Верхнего Поволжья 16 мая император посетил Владимир, откуда сначала на автомобиле отправился в город Суздаль, а вечером – в Боголюбово. Как отметил в своем дневнике Николай II, «совсем не устал, впечатления были такие сильные и хорошие»⁸. Приняв депутации от хуторян, рабочих, крестьян и земств, уже тем же вечером царь выехал на поезде в Нижний Новгород.

19 мая царская семья была в Костроме. Здесь важнейшее значение имело посещение Ипатьевского монастыря, откуда Михаил Романов начал свой путь к Москве в качестве нового царя. В городе по инициативе земства была специально устроена кустарно-промышленная выставка. На основе экспонатов музея Костромской губернской ученой архивной комиссии был устроен «Романовский музей». Его здание строилось в 1909–1913 годах по проекту Н. И. Горлицына⁹. Значительный вклад в организацию музея внесло Костромское научное общество по изучению местного края. 20 мая императрица с детьми поехала в Богоявленский женский монастырь, а Николай II принимал в саду дома губернатора «должностных лиц и волостных старшин и представителей белопащцев»¹⁰.

Программа пребывания царской семьи в Ярославской губернии включала города Ярославль, Ростов и Петровск. Государю было разрешено подносить только иконы и хлеб-соль. Согласно распоряжению губернатора Д. Н. Татищева от 11 апреля 1913 года, губернские депутации должны были до 23 апреля подать заявления, а о своих подношениях известить власти до 1 мая¹¹. 14 мая «Ярославские губернские ведомости» опубликовали «Высочайше утвержденный порядок дней пребывания Их Императорских Величеств в пределах Ярославской губернии с 21 по 23 мая».

21 мая Ярославль принял праздничный вид, магазины и учреждения были закрыты, предприятия не работали. Очевидцы вспоминали, что на улицах наблюдалось «необычное движение: масса новых лиц, экипажей, автомобилей». Дома в центральной части города украшали электрические гирлянды, вензеля и флаги. Новое здание Волковского театра, открытое в сентябре 1911 года, было задрапировано красной материей и зеленью. На набережной, бульварах и улицах уже ранним утром собрался народ, окраины практически обезлюдели. В 9 часов утра к пристани причалил пароход «Межень», на борту которого прибыли Николай II с императрицей и детьми в сопровождении свиты и министров. С государем были председатель Совета министров В. Н. Коковцев, министр внутренних дел Н. А. Маклаков, министр путей сообщения С. В. Рухлов, член Государственного совета Б. В. Штюрмер, сенатор А. А. Римский-Корсаков и другие. Таким образом, Ярославль посетили два бывших губернатора. Император сошел на берег, принял рапорт Д. Н. Татищева и осмотрел почетный караул 181-го пехотного Остроленского полка. Сам Николай II был в форме Эриванского полка.

Ярославль встречал императора колокольным звоном всех 113 церквей (2010 г. – 28). По мнению Николая II, «город выглядел таким чистым и красивым с реки». Императора приветствовали высшие должностные лица Ярославля и губернии. Губернатор Д. Н. Татищев представил Николаю II присутствовавших на пристани городского голову П. П. Щапова, губернского предводителя дворянства князя И. А. Куракина, председателя Ярославской губернской земской управы Л. А. Каратыгина и др. Городской голова П. П. Щапов поднес Николаю II хлеб-соль на деревянном блюде и произнес торжественную речь. В открытых колясках высокие гости отправились в Успенский кафедральный собор, где их встречал архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон.

У стен кафедрального Успенского собора на Стрелке – собора, который возрожден к 1000-летию города, архиепископ Тихон произнес речь, в которой, в частности, говорилось: «300 лет тому назад Промысел Божий судил граду Ярославлю иметь важное благодетельное значение в судьбах нашего отечества. В смутное время здесь окончательно сформировалось и отсюда двинулось для освобождения Москвы от поляков знаменитое ополчение Минина и Пожарского. В Ярославле действовало тогдашнее временное правительство. Сюда же направился из Костромы и Царь Михаил Фёдорович по избрании Своём на Царство и пробыл здесь в древней обители боголепного Преображения Господня (Спасский мужской монастырь, ныне в его стенах располагается Ярославский музей-заповедник. – В. М.) 26 дней. Отсюда были отправлены Его первые Царские грамоты и отдавались Им первые распоряжения по государственным делам».

После молебна царская семья поклонилась мощам св. князей Василия и Константина и приняла депутацию хоругвеносцев. Государыня с цесаревичем Алексеем вернулись на пароход. Затем император посетил Спасо-Преображенский монастырь, где его ждала депутация от «Союза русского народа». И. Н. Кацауров передал императору икону Григория Победоносца.

Император осмотрел церковь Ильи Пророка и принял в подарок от рыбинского городского головы К. И. Расторгуева живых волжских стерлядей. На завтраке, устроенном на пароходе, присутствовало сто человек. Потом Николай II встречал делегации от римско-католического духовенства, лютеран, магометан, еврейской общины, биржевого комитета, мещанского общества и студентов Демидовского юридического лицея¹². Николай II и великие княжны осмотрели приют, открытый в честь 300-летия дома Романовых. На его организацию под руководством губернатора Д. Н. Татищева было собрано 80 тыс. руб. Романовский приют для мальчиков находился на улице Дворянской (ныне проспект Октября), и его здание сохранилось.

Император с дочерьми принял парад вольно-пожарной дружины и посетил «земскую выставку производств Ярославской губернии»¹³. На ней были представлены разные отделы – землеустройства, агрономический, луговодства, книгоиздательства. От К. Ф. Некрасова государь принял издание о живописи церкви Иоанна Предтечи. Далее император отбыл в Толгский монастырь. Вечером с Ольгой и Татьяной он присутствовал на дворянском рауте в Екатерининском Доме призрения ближнего (сейчас это один из корпусов Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова на ул. Андропова), с ними была императрица Александра Федоровна. На концерте этим вечером выступали Л. В. Собинов, Н. В. Плевицкая, Б. С. Трояновский. За полночь царская семья отбыла на поезде в Ростов.

22 мая Николай II с семьей посетили в Ростове Успенский собор, слушали здешние колокольные звоны, осмотрели Кремль, Белую палату и Княжьи терема. После завтрака в императорском поезде они отправились в Яковлевский монастырь¹⁴. Затем гости посетили деревянную церковь Иоанна Богослова на р. Ишне; там их сопровождали ученики земских школ. После этого гости уехали в Петровск. 23 мая Николай II принял делегацию от города, от волостных старшин и хуторян. Из Петровска император на автомобиле ездил в Переславль, затем из Петровска царская семья отбыла на поезде в Сергиев Посад.

Император остался доволен посещением Ярославской губернии и наградил восемь должностных лиц орденами и чинами¹⁵. Вице-губернатор В. П. Кисловский получил орден св. Анны первой степени. Регент ярославского архиерейского хора Василий Зиновьев получил золотой наперсный крест, а самому хору император пожаловал 500 руб. Среди подарков императора были золотые и серебряные часы, запонки, жетоны и портсигары с государственным гербом. 40 серебряных часов и 300 руб. царь передал нижним чинам полиции и конно-полицейской стражи и ещё 10 тыс. руб. – для раздачи беднейшему населению Ярославля и Ростова.

На границе Владимирской губернии императора встречал губернатор И. Н. Сазонов. Он сопровождал Николая II через Переславль-Залесский. Далее царская семья проследовала в Сергиев Посад и далее на поезде в Москву. 25 мая состоялся торжественный выход императора в Успенский собор. Царь посетил Чудов монастырь, Знаменский монастырь и дом бояр Романовых на Варварке. Вечером был устроен парадный обед в Кремле. 27 мая было

РАЗДЕЛ I

последним днем юбилейных торжеств, и царская семья отбыла в Царское Село. Как писал в дневнике Николай II, «въехали в свой дом с отградным чувством исполненного долга по милости Божией»¹⁶.

Визит Николая II потребовал больших усилий от всего губернского начальства. В частности, было проведено расследование о крестьянине «Ярославской губернии и уезда, Толгобольской волости, села Толгобол» К. А. Позднякове. Находясь в с. Новом Бурмакинской волости, он «отговаривал местных крестьян представляться от хуторян, ехать в г. Петровск для представления ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, при этом высказывал, что возможно, что в г. Петровске будет совершено покушение на жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»¹⁷. О данном событии было донесено в Департамент полиции 19 мая 1913 года для сведения и сообщено всем должностным лицам в места пребывания царской семьи по предмет розыска и ареста К. А. Позднякова, однако он был обнаружен только в 1915 году, во время призыва на действительную военную службу в г. Гельсингфорсе.

Как писал в своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский, во время юбилейных торжеств «все везде прошло так поразительно хорошо, не было нигде ни сучка, ни задоринки. Все были довольны, и губернаторы, и обыватели, и полиция, было довольно и высшее начальство, а что главнее всего, Государь остался в восторге от того, что везде он непосредственно соприкасался с народом»¹⁸.

Путешествие царской семьи стало важнейшим событием в жизни страны, региона и в деятельности местной администрации. Это был смотр достижений каждой губернии. В память о пребывании царской семьи в Ярославской губернии издали великолепный альбом с фотографиями, запечатлевшими хронику пребывания императора в нашем городе¹⁹. Однако уже следующий после юбилея – 1914 год – принёс России новые беды. Началась Первая мировая война, которая расшатала вековые устои российской государственности и привела к свержению правящей династии.

Примечания

- ¹ Россия под скипетром Романовых. 1613–1913. Б. м., [1913]. С. 317.
- ² Ярославские губернские ведомости. 1910. Неофициальная часть. 9 нояб. № 88.
- ³ Ярославские губернские ведомости. 1910. Неофициальная часть. 8 окт. № 79.
- ⁴ Ярославские епархиальные ведомости. 1912. Неофициальная часть. 4 марта. № 10.
- ⁵ Черненко Г. Чудо-поезд губернатора Шиловского // Губернский дом. Кострома, 1994. № 2. С. 21–23.
- ⁶ Список лиц, служащих по ведомству МВД 1914 г. (исправлен по 1 января). Ч. II. Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства. Спб., 1914. С. 261.
- ⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 163–164.
- ⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 399.
- ⁹ Бочков В. Н. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 99.
- ¹⁰ Дневники императора Николая II. С. 400.
- ¹¹ Ярославские губернские ведомости. 1913. Официальная часть. 12 апр. № 30.
- ¹² Ярославские губернские ведомости. 1913. Неофициальная часть. 25 мая. № 40.
- ¹³ Дневники императора Николая II. С. 401.

¹⁴ Ярославские губернские ведомости. 1913. Неофициальная часть. 25 мая. № 40.

¹⁵ Ярославские губернские ведомости. 1913. Официальная часть. 11 июня. № 45.

¹⁶ Дневники императора Николая II. С. 403.

¹⁷ Государственный архив Ярославской области. Ф. 906. Оп. 1. Д. 157. Л. 140.

¹⁸ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 215.

¹⁹ Пребывание Их Императорских Величеств в Ярославской губернии в лето 1913 мая в 21–23 день. Ярославль, 1914.

И. Н. Матвиевский

ЛИБЕРАЛЫ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Начало войны сопровождалось в Костроме, как и по всей стране, подъемом патриотических настроений, охвативших все слои общества. 19 и 20 июля в городе проходили многолюдные патриотические манифестации. Перед толпой в несколько тысяч человек выступали губернатор П. П. Стремоухов, городской голова В. А. Шевалдышев. Не остались в стороне от этих настроений и местные либералы. Для самой многочисленной группы костромских либералов, кадетов, руководством к действию стало воззвание партии «Народной свободы» по поводу начала войны. В нем «...руководители партии народной свободы высказывают твердую уверенность, что их политические друзья и единомышленники, где бы они ни были, и в каком бы положении ни застала их война, до конца исполнят свой долг российских граждан в предстоящей борьбе»¹. Лидеры кадетов, обращаясь к своим сторонникам, отмечали: «...каково бы ни было... отношение к внутренней политике отечества, наш первый долг – сохранить нашу страну единой и неразделенной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагом»². В воззвании содержался призыв отложить все внутренние споры и разногласия ради победы.

Патриотический подъем, охвативший страну в начале войны, вызвал создание общероссийских организаций, сосредоточившихся на военно-санитарной и благотворительной деятельности. 30 июня 1914 года был создан «Всероссийский земский союз помощи раненым», 9 августа «Всероссийский союз городов». С этого времени основное внимание в своей деятельности либералы, и в первую очередь кадеты, уделяют работе в этих организациях и их филиалах, возникших по всей России.

Инициатива организации «Всероссийского земского союза» принадлежала московскому земству, на его призыв откликнулись земские организации по всей стране, в том числе и костромское губернское земство. Примкнув к союзу, костромское губернское земство выделило в его распоряжение 100 тыс. рублей, в Костроме было организовано бюро по сбору пожертвований и организации

труда. В тот период во главе Костромского губернского земства находился Б. Н. Зузин, бывший депутат IV Государственной думы от партии прогрессистов. Будучи одним из «самых видных... работников»³ фракции прогрессистов, Б. Н. Зузин в мае 1914 года слагает с себя полномочия члена Государственной думы ради должности председателя губернской земской управы. Свое решение он прокомментировал следующим образом: «Я ухожу из Думы, превращенной в говорильный аппарат, опять к земской работе, которую я люблю и ценю»⁴.

В августе состоялось организационное заседание бюро при костромском губернском земском комитете по оказанию помощи больным и раненым воинам. Были оглашены результаты выборов в члены правления бюро. В числе избранных оказались Б. Н. Зузин и городской голова В. А. Шевалдышев (бывший в свое время лидером костромского отделения торгово-промышленной партии). В качестве местного органа всероссийского земского союза губернская земская управа организовала губернский земский комитет, на пост председателя которого был единогласно избран Б. Н. Зузин.

24 августа в Костроме состоялся съезд городских голов со всей губернии. По предложению председательствовавшего на съезде В. А. Шевалдышева было постановлено: «Всем городским управлениям Костромской губернии признать необходимым немедленно присоединиться к Всероссийскому городскому союзу помощи больным и раненым воинам»⁵. Таким образом, уже в первые месяцы войны костромская общественность включилась в общероссийское движение в помощь фронту. Как и в других губерниях, местные либералы, широко представленные в земствах и городском самоуправлении, приняли активное участие в работе возникших общественных организациях.

31 октября в помещении общественного собрания состоялось собрание членов бюро при губернском комитете по оказании помощи больным и раненым воинам. Согласно докладу, деятельность бюро выразилась за это время, главным образом, в привлечении пожертвований как деньгами, так и вещами, бельем и материалом для шитья вещей первой необходимости. По предложению В. А. Шевалдышева собрание постановило поблагодарить Зузину (стоящая во главе бюро супруга Б. Н. Зузина) за энергичную деятельность.

Возникшее в Костроме в августе 1914 года «Общество помощи семьям воинов» в октябре насчитывало более десятка отделов: Семеновский, Челпановский, Пушкинский, в поселке Большие Соли, Красносельский, Кузнецовский (при Кузнецовском обществе потребителей), Васильевский, Парфеньевский, в селе Андреевском, Сухорукове, Иваникове, Воронье и пр.

На состоявшемся 2 ноября в помещении городской управы собрании этого общества был принят отчет о его деятельности за прошедшие с начала войны три месяца. Согласно отчету, деятельность общества, главным образом, выразилась в выдаче пособий нуждающимся семьям лиц, призванных на военную службу. За два с половиной месяца обществом было произведено 729 выдач на сумму, превышающую 3,5 тыс. руб. Средний размер выдачи колебался около пяти рублей. Общее количество семей, пользовавшихся пособием общества, около 600. Среди них преобладали семьи жителей Костромы,

преимущественно фабричная беднота, и население пригородов. На собрании комитета разными членами поднимались такие важные вопросы, как организация продажи детям молока и о вступлении для этого в сношение с кооперативами; об устройстве яслей и организации работ для безработных солдаток; об оказании юридической помощи; о снабжении дровами и одеждой наиболее нуждающихся из семей запасных; об открытии для детей, больных, женщин столовой и о помещении в приюты круглых сирот. Как отмечалось на собрании, некоторые из этих вопросов были осуществлены если не полностью, то частично.

Средства общество получало от пожертвований, общая сумма которых насчитывала к ноябрю около пяти с половиной тысяч рублей. В состав «Общества помощи семьям воинов» входило 280 человек.

Некоторые видные костромские либералы не ограничивали свою общественную деятельность работой только в пределах губернии. В ноябре 1914 года депутат Государственной думы от Костромской губернии, член кадетской фракции П. В. Герасимов выехал на северо-западный фронт в качестве уполномоченного общеземской организации. В этом же месяце другой известный костромской общественный деятель, кадет, депутат первой Государственной думы П. А. Сафонов выезжает на театр военных действий – в Галицию. Там он работал в составе Красного Креста по устройству питательных пунктов. Позднее, в феврале 1915 года, деятельность П. В. Герасимова была оценена государственной наградой. «Четвертый передовой отряд всероссийского земского союза, работающий на передовых позициях северо-западного фронта, успел развить энергичную деятельность. Помимо устройства чайных, пекарен и бань для солдат, отряд успешно работает по подаче первой помощи и по вывозке раненых с позиций.

За личное руководство работой отряда во время последних боев... в местности, подвергавшейся все время обстрелу неприятельских орудий, уполномоченный отряда член Гос. Думы П. В. Герасимов представлен военными властями к ордену св. Станислава 2-й степени с мечами»⁶.

Не обошлось и без потерь. Один из лидеров костромских кадетов, гласный городской думы В. А. Висконт скончался в августе 1915 года на фронте, куда прибыл в составе санитарного отряда биржевого комитета.

В январе 1915 года костромское земство приступило к формированию земского передового врачебно-питательного отряда. В связи с этим вопросом состоялась поездка Б. Н. Зузина в Варшаву, для выяснения вопроса о местоположении на позициях будущего отряда.

В конце февраля 1915 года Костромское губернское земство ассигновало 50 тысяч рублей на организацию передового врачебно-питательного отряда имени Костромского губернского земства и предложило Всероссийскому земскому союзу взять на себя оборудование и содержание этого отряда. 17 марта этот отряд, в составе четырех врачей, двух фельдшеров, двенадцати сестер милосердия, семидесяти пяти санитаров и пятидесяти человек наемной прислуги, отбыл из Костромы на фронт. Возглавил отряд в качестве уполномоченного Земского союза лично Б. Н. Зузин.

РАЗДЕЛ I

Бурная деятельность костромских земцев не осталась без внимания местных властей. Вот как ее характеризует начальник Костромского жандармского управления:

«Постоянное стремление земцев подчеркнуть свою деятельность и необходимость ее в общей жизни Государства и доказать ее превосходство, в настоящее время нашло себе обширное применение в той работе, которая вызывается всеми обстоятельствами, сопряженными с войной. Снаряжение полевых подвижных перевязочных пунктов, отправка их на театр военных действий, забота о прибывающих раненых и устройство их, а также и семейств ушедших на войну, заботы об устройстве беженцев – все это нашло широкий отклик в среде Костромского земства и получило от него несомненную поддержку... но все-таки несомненно, что здесь также не малое значение имеет и затаенная мысль земцев выставить перед обществом себя и полезность своей работы, для того чтобы привлечь на свою сторону большее количество сердец»⁷.

Помимо земского и городского союзов, война привела к возникновению еще одной общероссийской организации. В конце мая 1915 года на съезде представителей промышленности и торговли было решено создать по всей стране военно-промышленные комитеты для мобилизации частной промышленности на выполнении военных заказов.

Надо сказать, что попытка создания Костромского губернского военно-промышленного комитета сопровождалась значительными трудностями. В мае 1915 года в Костроме было созвано собрание из представителей земства и фабрик Костромского района, обсуждавшие этот вопрос. Но в ходе собрания «ясно выразился полный раскол во взглядах между земцами и фабрикантами и последние категорически решили ни в каких, совместных с земством организациях, по снабжению армии военными припасами не участвовать»⁸.

Земство, не сумев договориться с фабрикантами, все же нашло способ осуществлять поставки некоторых военных припасов военному ведомству, посредством кооперативов. Кооперативное движение в России находилось в годы войны на подъеме, не была исключением и Костромская губерния. По числу объединенных в Московском союзе потребительских обществ она занимала шестое место, вместе с Рязанской губернией. На январь 1915 года в Московском союзе из числа обществ с потребительскими лавками (которых насчитывалось более 150) из Костромской губернии было 44.

Из донесений начальника Костромского жандармского управления от 27 октября 1915 года мы узнаем, что в губернии «замечается особо усилившееся движение в смысле разрешения деятельности уже существующих кооперативов и потребительских обществ и к созданию новых... в прошлом году кооперативных организаций в губернии было 535, а в текущем году их уже 670, причем общее число членов в них определяется приблизительно в 100 тысяч человек»⁹.

Руководство кадетской партии придавало кооперативному движению не меньшее значение, чем земскому и городскому самоуправлению. На состоявшемся 11–15 июня 1915 года совещании Союза городов кооперативы были уравнены с земскими городскими органами самоуправления. С целью

укрепления правовой базы кооперативного движения кадеты через свою фракцию в Государственной думе развернули широкую кампанию вокруг обсуждения проекта кооперативного закона. Суть этого выдвинутого кадетами законопроекта сводилась к освобождению кооперативных объединений от административных пут, явочный порядок их открытия и проведения съездов, право на культурно-просветительскую деятельность. В ходе этой кампании от кооперативных обществ депутатам Государственной думы поступали обращения с требованиями принятия кооперативного закона. Так, в июле 1915 года всем членам Государственной думы от костромской губернии было отправлено, по предложению губернской кассы мелкого кредита, следующее обращение:

«Препровождая доклады по кооперации сессии 1914 года к которым приложены постановления губернского собрания о возбуждении ходатайства об устройстве явочным порядком союза кооперативов – правление кассы мелкого кредита просит вас поддержать проведение общекрепостного закона, который будет внесен в Государственную Думу.

В Костромской губернии имеется свыше 500 кооперативов объединяющих десятки тысяч населения, но в виду отсутствия кооперативного закона и административных затруднений, встречающихся на пути к объединению кооперативов в союзы – наша кооперация не может развить всех заложенных внутри нее сил, которые необходимо развивать ей в переживаемые исторические дни.

Для дальнейшего укрепления кооперации и для возможного развития работы по борьбе с дороговизной, по реализации урожая, помощи жертвам войны и обороны страны – является необходимым немедленное проведение кооперативного закона»¹⁰.

Все в том же 1915 году прошел ряд съездов деятелей кооперативного движения в Москве, Твери, Перми, Чите, Одессе, Ростове-на-Дону и в Костроме. Их участники не ограничивались только обсуждением кооперативных дел, на съездах поднимались общеполитические вопросы государственной жизни, раздавалась критика в адрес властей.

В Костроме губернский кооперативный съезд прошел (как сообщает местная пресса, с большим успехом) в двадцатых числах августа 1915 года. Открыл его председатель Центрального сельскохозяйственного общества (в котором были сильны позиции кадетов) А. И. Зимин. На съезде выступал с докладом известный российский деятель кооперативного движения В. А. Кильчевский. Он упрекал правительство за препятствия, чинимые общественной инициативе: «...говорят, что не дело кооперативов вмешиваться в гражданскую жизнь страны. Но кооперативы – организация общественно-хозяйственная и отказаться от гражданской свободы им совершенно невозможно...»¹¹. Война, по мнению Кильчевского, обнаружила отсталость страны, в том числе в вопросе просвещения и народного образования: «...для того, чтобы казаться гражданами мы должны иметь право не только умирать, но и право устраивать свою жизнь... Для того, чтобы помогать родине не надо быть слепым исполнителем неразумных приказаний, нужно самим делать ту работу, которую за нас не сделают другие... Нам надо сказать: “Довольно медлить, довольно

РАЗДЕЛ I

потоков крови и жертв. Дайте нам права, которыми свободно пользуются другие народы. И только тогда, когда сознание необходимости этого проникнет в массы народа, тогда мы сможем сделать вывод: или 170 миллионов не слабее 70 миллионов противников, или 170 миллионов были заперты в такую клетку, что оказались бессильнее 70 миллионов!»¹².

Окончание речи Кильчевского сопровождалось взрывом «продолжительных и бурных аплодисментов». На съезде единогласно было принято решение о создании губернского кооперативного комитета. А закончился съезд отправкой телеграммы Государственной думе следующего содержания:

«Губернский Костромской кооперативный съезд заявляет, что попытки населения прийти на помощь родине в деле обороны страны встречали и продолжают встречать препятствия со стороны органов власти.

Съезд признает, что успешная оборона страны невозможна без немедленной перемены министерства и замены его людьми пользующимся доверием народа.

Государственная Дума ни при каких обстоятельствах не должна прерывать своих занятий без проведения в жизнь амнистии, гражданских свобод и общекооперативного законов»¹³.

Следует отметить, что в течение 1915 года произошли серьезные изменения в общественных настроениях. Эйфория первых месяцев войны прошла. Военные неудачи русской армии, сопровождавшиеся потерей обширных территорий на западе страны, все возрастающие людские жертвы, обострившиеся экономические проблемы развеяли иллюзии о легкой и скорой победе. Пришло осознание того, что война будет долгой и кровопролитной. На этом фоне призывы к единению народа с правительством, раздававшиеся в начале войны в оппозиционных кругах, сменяются все возрастающей критикой существующей власти.

В Костроме в это время наблюдается стремительный рост цен, в первую очередь на продовольствие. «Вопрос о борьбе с дороговизной занял в жизни населения доминирующее положение...»¹⁴. Ситуация усугублялась наплывом в губернию беженцев из оккупированных противником западных областей. Все это ведет к постепенному росту недовольства среди населения. Вот как характеризует ситуацию начальник Костромского жандармского управления:

«К местным властям и высшей правительственной власти и крестьянство, и рабочие относятся сдержанно. Что же касается отношения этих масс к Священной Особе Государя Императора, то в той бережности, которая здесь наблюдалась до сего времени, к сожалению замечен некоторый сдвиг...»¹⁵. Наиболее «ожесточенные нападки» со стороны населения вызывало «неумение правительства распорядиться громадными запасами продуктов первой необходимости находящимися в стране»¹⁶.

Что же касается костромской интеллигенции, то самые активные ее представители с началом войны были полностью поглощены работой в местных отделениях земского и городского союза и других общественных организациях, созданных «в целях помощи делу победы в... войне»¹⁷. Первоначально эти союзы были «хорошей отдушиной, дающей выход энергии, вызываемой и политическими страстями». Поэтому проявления оппозиции не принимали особо острой формы,

«сглаживаясь главными интересами, связанными с непосредственным делом войны»¹⁸. Но в течение 1915 года ситуация начинает постепенно меняться. Все громче звучит критика в адрес властей, на которые возлагается ответственность за военные неудачи и тяжелое положение страны. Примером подобных настроений могут служить приводившиеся выше заявления, звучавшие на губернском кооперативном съезде. Требование ответственного перед Государственной думой правительства, ставшее в это время главным лозунгом российских либералов, неоднократно звучало на выступлениях костромских земцев. Так, на чрезвычайном собрании земства Костромского уезда, проходившего в первых числах сентября 1915 года, была принята резолюция, гласившая: «Чрезвычайное Костромское уездное земское собрание, обсудив вопрос о... общем положении страны, постановило присоединиться к принятым Московскую и Петроградскую думами резолюциями и... высказывает глубокое убеждение, что борьба с врагом может быть успешной лишь в том случае, если во главе власти будет стоять министерство, облеченное народным доверием и ответственное перед Государственной Думой»¹⁹. Была принята и другая резолюция, требующая политической амнистии «Ввиду настоятельных просьб народа, выразившихся в постановлениях городских дум, кооперативных съездов и других общественных организаций... а также ввиду недостатка интеллигентных и ремесленных работников, особенно ощутимый в переживаемый грозный час родины, чрезвычайное уездное земское собрание признает насущную необходимость в общей политической амнистии, о чем и постановляет довести до сведения правительства и депутатов Государственной Думы от Костромской губернии»²⁰.

Практически в это же время, 3 сентября, в Петрограде Государственная дума была временно распущена. Это событие вызвало большой резонанс среди либеральной общественности по всей стране. В столице и на местах представители оппозиционных партий, земского и городского самоуправления, общественных организаций осуждали этот шаг. На состоявшемся через месяц в Костроме чрезвычайном губернском земском собрании с подачи Б. Н. Зузина и при всеобщем одобрении была принята резолюция отражавшая эти взгляды:

«Костромское чрезвычайное губернское земское собрание в переживаемые родину дни тяжких испытаний не может остаться молчаливым зрителем совершающихся грозных событий... В такие важные, исторические моменты, в интересах самосохранения и независимости народа от иностранного ига, в целях ведения успешной борьбы и достижения победы над врагом, силы страны должны быть объединены, должна быть организована оборона, основанная на полном единении правительства и народа.

Наше народное представительство вступило на этот путь, но правительство не внимлет голосу жизни... продолжает оставаться глухим к призыву страны вступить на путь действительного единения с обществом.

Губернское земское собрание... почитает обязательным высказаться, что для успешной борьбы с врагом необходимо сохранение внутреннего спокойствия в стране, необходимо искреннее единение правительства с народом, нужна облеченная доверием страны власть честная и твердая и свободная

от вредных влияний безответственных кругов, нужна немедленная работа государственной Думы...

...Чрезвычайное губернское земское собрание единодушно присоединяет свой голос к резолюциям Всероссийского съезда земских деятелей в Москве»²¹.

На этом же собрании Б. Н. Зузин подчеркивал возросшую роль земств в государственной жизни: «Вчера мы были единицей хозяйственной, теперь мы единица государственная»²². И это, по его мнению, давало земствам право обсуждать «положения об обновлении власти и созыве Государственной Думы»²³.

Все в том же октябре 1915 года на экстренном заседании костромского дворянского собрания, связанном с роспуском Государственной думы, было решено немедленно выйти из Совета объединенных дворянских организаций. Основанием для выхода из этой общеимперской организации послужили действия руководства Совета, способствовавшего роспуску Государственной думы.

Местное городское самоуправление, в лице Костромской думы, также поддержало идею ответственного министерства, в связи с чем была принята соответствующая резолюция. Правда, в выражении своих взглядов гласные думы были осторожней земцев. Предшествовавшее принятию резолюции заседание, на котором раздавались «речи, с резкими порицаниями существующих дел, в удовольствии произнести которые не могли отказать себе местные либералы»²⁴, было совершенно закрытым для публики и прессы.

В этот период мы можем наблюдать, с одной стороны, рост влияния общественных организаций общероссийского и местного характера, а с другой – все более усиливающуюся критику с их стороны в адрес властей. Последнему обстоятельству в немалой степени способствовало то, что большинство общественных деятелей были выходцами из либеральных кругов.

Кадеты, крупнейшая и наиболее оппозиционно настроенная по отношению к государственной власти либеральная партия, играли большую роль в охватившем страну общественном движении. Благодаря этому, даже несмотря на отсутствие у их партии легализации, они могли вести активную общественную работу, завоевывая себе симпатии населения. На заседании кадетского ЦК 9 июня 1915 года А. И. Шингарев сказал: «...партия и не нуждается в легализации: сейчас много кадетов свободно работают в земском и городском союзах и т. п. ...Легализация общественной работы наступает сама собой»²⁵.

Из донесений начальника Костромского губернского жандармского управления от 4 декабря 1915 года мы узнаем о положении костромских кадетов: «Группа в настоящее время не имеет какой-либо определенной партийной организации, но отдельные лица ее являются активными деятелями и в местных земских собраниях, и в губернском Центральном Сельскохозяйственном обществе, и на кооперативных съездах, и в функционирующих теперь земских и городских организациях по делу помощи армии и беженцам»²⁶. И далее: «...названная партия проявляет исключительную по своей энергии деятельность как в стремлении распространить свое влияние на широкие слои оппозиционно настроенного общества, так и главным образом на всякого рода союзы и возникшие с объявлением войны общественные организации»²⁷.

Общественные организации фактически заменили кадетам их развалившиеся из-за репрессий региональные структуры. Руководство партии «Народной свободы» считало работу в них важнейшим условием укрепления своего влияния в демократических кругах общества. Земский и Городской союзы (в июле 1915 года объединившиеся в Земгор), кооперативное движение стали центрами концентрации оппозиционных сил, параллельными государственным органам структурами, взявшими на себя часть их функций.

В условиях мировой войны, когда государству все сложнее было справляться с возникшими перед ним проблемами, возглавляемые либералами общественные организации демонстрировали свою эффективность. Это, с одной стороны, способствовало росту влияния либералов, а с другой – ослабляло позиции правящего режима.

Эти тенденции мы можем проследить на примере Костромской губернии. Местные кадеты и, шире, либеральная общественность, широко представленные в земском и городском самоуправлении, с началом войны активно включились в работу по оказанию помощи армии и населению. Работа осуществлялась как в рамках уже существовавших органов самоуправления (земства, городские думы), так и во многих новых организациях, часть из которых являлись чисто местными (Костромское общество помощи семьям воинов), а часть были участниками общероссийских объединений (Костромской губернский земский комитет). Масштабы развернувшейся в них деятельности впечатляют. Даже представители местной власти, весьма настороженно относившиеся к либеральной интеллигенции и любым ее объединениям, признавали их большую позитивную роль.

Вместе с тем мы можем видеть, как со временем среди местной общественности усиливаются оппозиционные, антиправительственные настроения. Общественные деятели, большинство которых были представителями либеральной интеллигенции, изначально были весьма скептически настроены по отношению к властям. В начале войны у них возникла надежда, что правительство, оценив их усилия, согласится на демократизацию политического строя. Но эти надежды не оправдались. Общественные организации, почувствовавшие свою силу, больше не желали мириться с ролью исключительно хозяйственных структур и претендовали на участие в решении важнейших политических вопросов. Ситуацию усугубляли обрушившиеся в связи с войной на страну проблемы военного, экономического и социального характера. Неспособность правительства эффективно решить их демонстрировала его слабость и побуждала оппозицию к все возрастающему давлению на него.

Этот процесс носил общероссийский характер, костромские либералы были также вовлечены в него. Начиная с 1915 года, в их выступлениях звучит все более резкая критика как местных, так и центральных властей. Действующие в губернии общественные организации стали трибуной для публичного выражения этих взглядов.

Примечания

¹ Костромская жизнь. 1914. 24 июля.

² Там же.

РАЗДЕЛ I

- ³ Костромская жизнь. 1914. 29 марта.
- ⁴ Костромская жизнь. 1914. 3 апреля.
- ⁵ Костромская жизнь. 1914. 24 июля.
- ⁶ Поволжский вестник. 1915. 13 февраля.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 11.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 12.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 11.
- ¹⁰ Поволжский вестник. 1915. 18 июля.
- ¹¹ Поволжский вестник. 1915. 25 августа.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 11.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 12.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 14.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 15.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 11.
- ¹⁹ Поволжский вестник. 1915. 3 сентября.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Поволжский вестник. 1915. 7 октября.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 167. Л. 11.
- ²⁵ Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 98.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Д. 27. Л. 6.
- ²⁷ Там же.

И. Г. Мельникова

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ)

Министерская реформа Александра I не изменила основных принципов государственного управления на местах. Одним из первых распоряжений императора был указ 9 сентября 1801 г., восстанавливающий действие «Учреждения для управления губерний»¹, в котором перечислялись должностные лица и правительственные органы губерний и наместничеств по административным, финансовым и судебным делам. Указ 1801 г. восстанавливал измененную реформами Павла I систему губернских и уездных должностей «по екатеринскому образцу»². В первой четверти XIX в. все местные должностные лица и учреждения, за исключением наместников и генерал-губернаторов, были распределены за соответствующими министерствами и ведомствами. Под руководством губернатора действовали следующие губернские учреждения Министерства внутренних дел: канцелярия губернатора; губернское правление; комитет общественного призрения; управа благочиния; комитеты, комиссии, присутствия³.

© И. Г. Мельникова, 2011

Полиция подчинялась управе благочиния, состоявшей «под повелением» губернского правления. Утвержденный 8 апреля 1782 г. «Устав благочиния или полицейский» определял организационное устройство полиции, разделявшейся на столичную (Санкт-Петербург и Москва), городскую провинциальную и сельскую⁴. В функции полиции входило следить за сохранением благочиния, добронравия и порядка, за исполнением в городе законов, в случае нарушения которых, «несмотря ни на какое лицо», всякого должна была приводить к исполнению предписанного законом. Только управа благочиния имела право «приводить в действие повеления» губернского правления, решения палат и прочих судов, «чинить отказы домов и мест в городе» и предместье. Она должна была наблюдать за тем, чтобы в городе не торговали запрещенным товаром, иметь сведения о торговых ценах, вести постоянный учет цен, особенно на хлеб и продукты. В ведении полиции были содержание в исправном состоянии дорог, улиц, мостов и переправ «через реки и воды».

В губернских городах управы благочиния возглавляли полицмейстеры. Кроме них в состав управ входили по два пристава (уголовных и гражданских дел) и ратманы – выборные от купечества. Город делился на части, каждая из которых возглавлялась частным приставом, а части – на кварталы во главе с квартальным надзирателем. Все они считались гражданскими чиновниками (но некоторые из них были отставными военными). В их распоряжении была полувоенная полицейская стража, пожарные команды и дворники (обычно организованные в артели с круговой порукой).

В уездах полицейские функции возлагались на городничих (в городах) и исправника, которые опирались на так называемых сотских и десятских, избираемых населением. Указы 1801, 1802 гг. «места городнические» предписывали предоставлять отставным военным по представлению министра внутренних дел⁵.

Исследованные источники позволили сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода в систему учета чиновников полиции верхневолжских губерний входили только главы управ благочиния: в губернских городах – полицмейстер, в уездных – городничий⁶. Причем данные по верхневолжским губерниям достаточно единообразны, небольшие отличия выявлены по Тверской (в 1807, 1824, 1826 гг.) и Ярославской (с 1811 г. до конца периода) губерниям, где к вышеназванным должностям добавлены сведения о численности частных приставов. За весь период должности полицмейстеров и городничих были вакантны трижды: в 1801 г. в Костромской губернии – кинешемского и буйского городничих, в 1807 г. – тверского полицмейстера.

Другие источники свидетельствуют, что численность чиновников полиции была во много раз больше, чем это отразилось в общих штатах Российской империи⁷. Так, в архиве Тверского губернского правления сохранился список чиновников тверской полиции за 1808 г. (см. табл. 1).

РАЗДЕЛ I

Таблица 1
Фактическая численность чиновников тверской полиции за 1808 г., чел.⁸

Должности	Численность
Полицмейстер	1
Частный пристав	2
Квартальный надзиратель	5
Приказнослужители	5
Итого	13

Итак, в тверской полиции помимо полицмейстера находились еще семь чиновников «при должностях» и пять приказнослужителей, т. е. эти данные в 13 раз превышают сведения, отраженные в общем штате Российской империи. Подтверждают этот вывод данные, обнаруженные в делопроизводственных и архивных источниках по Костромской губернии (см. табл. 2).

Таблица 2
Штатная численность чиновников полиции в городе Костроме на 1805 и 1817 гг., чел.⁹

Должность	1805	1817
Полицмейстер	1	1
Частный пристав	2	2
Квартальный надзиратель	4	8
Секретарь	–	1
Брантмейстер	–	1
Писари	–	2
Итого	7	15

Таким образом, численность чиновников костромской полиции также значительно превышает указанную в общих штатах, в 1805 г. – в 7 раз, а в 1817 г. – в 15 раз. Это, по-видимому, объясняется тем, что в рассматриваемом периоде система учета чиновников местных учреждений хотя уже и сложилась, но была далеко не совершенна.

Анализ динамики фактической численности чиновников полиции верхневолжских губерний (см. табл. 3) показал, что в первой четверти XIX в. произошел рост абсолютной численности служащих на 16 чел. (с 39 до 55 человек) или в 1,4 раза.

Таблица 3

**Динамика численности чиновников полиции верхневолжских губерний
в первой четверти XIX века¹⁰**

	Год		Изменение	
	1801	1826	Абсолютное, чел.	Относительное
Численность, чел.	39	55	16	1,4

Таким образом, функции провинциальной полиции определялись Уставом 1782 г. и сводились к сохранению порядка и исполнению на местах законов. Анализ исторических источников позволил сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода в систему учета чиновников полиции верхневолжских губерний входили только главы управ благочиния: в губернских городах – полицмейстер, в уездных – городничий. Фактическая численность чиновников полиции губерний Верхнего Поволжья была во много раз больше, чем это отразилось в общих штатах Российской империи. В список чиновников Владимирской и Костромской губерний входили только должности полицмейстеров и городничих, а в Тверской и Ярославской губерниях к ним добавляли еще и должности частных приставов. Выявленная тенденция, учитывая сложность переживаемого страной периода, объясняется стремлением властей усилить органы, непосредственно обеспечивавшие порядок на местах.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. I. Т. XXVI. № 20004.

² См.: ПСЗ. I. Т. XLIV. № 19763, 24983.

³ *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004. Прил. 2.

⁴ ПСЗ. Собр. I. Т. XXI. № 15379.

⁵ Систематическое собрание российских законов. С присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей. Расположенное трудами Сергея Хапылева. Ч. I. Спб., 1817. С. 154–157.

⁶ См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215. Л. 9–16 об.; Д. 90. Л. 7–12 об., 18–24 об.; ГАГО. Ф. 466. Оп. 2. Д. 2094. Л. 169, 185–186; 21 об.; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1802. Ч. 2. Спб., 1802. С. 250–256, 313–320, 472–482; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1803. Ч. 2. Спб., 1803. С. 287–290, 358–365, 524–530; и др.

⁷ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1802. Ч. 2. Спб., 1802; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1803. Ч. 2. Спб., 1803; и др.

⁸ Составлено по: ГАГО. Ф. 466. Оп. 2. Д. 2094. Л. 163–166, 169–177.

⁹ Составлено по: ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Т. 2. Д. 2878. Л. 14; ПСЗ. Собр. I. Т. XLIV. № 27030, 30552.

¹⁰ Составлено по: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215. Л. 9–16 об.; Д. 90. Л. 7–12 об., 18–24 об.; ГАГО. Ф. 466. Оп. 2. Д. 2094. Л. 169, 185–186; 21 об.; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1802. Ч. 2. Спб., 1802. С. 250–256, 313–320, 472–482; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1803. Ч. 2. Спб., 1803. С. 287–290, 358–365, 524–530; и др.

**КОСТРОМСКИЕ И ЯРОСЛАВСКИЕ
СТАРООБРЯДЦЫ-СТРАННИКИ В XIX В.**

Странническое движение зародилось в 1760-е гг. как ответ низших, деклассированных слоёв населения на усиление феодально-крепостнических отношений и непоследовательность умеренных старообрядческих толков в их отношениях с «миром Антихриста». Идеологическую основу учения странников разработал беглый солдат Евфимий, ранее входивший в московскую общину филипповцев. Его сочинения содержат мысль о невозможности людей, живущих в миру, быть истинными христианами. Общение с этими людьми недопустимо до тех пор, пока они не уйдут в странствие, после чего будут перекрещены. По мнению Евфимия, антихрист воплотился в императоре Петре I и его преемниках. Он создал социальное неравенство через неравномерное распределение земель и имущества; потребовал уплаты налогов и податей, чем породил насилие и вражду между людьми. Единственный путь спасения по Евфимию – это бегство от несправедливого и нехристианского мира, окончание которого будет ознаменовано вторым пришествием Христа и его победой над Антихристом. В 1784 г. Евфимий перекрестил сам себя, чем заявил о своём выходе из филипповского согласия¹.

Он написал несколько полемических сочинений, среди которых наиболее важны «Разглагольствие о настоящих в древлецерковном последовании несогласьях между собою» и «Цветник». Евфимий попытался создать скит в «Галицких лесах», но вскоре перебрался в д. Малышево, Ярославского уезда, к крестьянину Петру Фёдорову. Он крестил хозяина с семьёй в странничество, хотя те не ушли в странствие, а только дали обет сделать это в будущем. Таким же образом поступила его сожительница Ирина, перекрестив жителя с. Сопелки, Ярославского уезда, Петра Семёновича Крайнева и его родственников². Исследователи оценивают эти поступки как попытку укрепить положение нового учения³.

На деле факты крещения странноприимцев стали причиной раздора в среде странников XIX столетия. В 1820-е гг. позиции странноприимцев, дававших странникам пищу и жильё, занимавшихся хозяйственной деятельностью, заметно усилились. Радикально настроенная масса странников стала опасаться обмирщения и утраты собственного влияния⁴.

Часть странников усилила пропаганду пустынножительства и выдвинула новый тезис отказа от денег. Лидер оппозиции «нерехоцкой» Иван Петров и его последователь Антип Яковлев считали, что владеть деньгами и собственностью может только община, так как через них отдельного человека себе подчинит Антихрист. Символом его власти выступал имперский герб на ассигнациях и монетах⁵. В отличие от других странников последователи Антипа не имели странноприимцев и стремились жить отдельно, в пустыни⁶. Общины «безденежных» находились в окрестностях г. Плёса Костромской губернии. Сам

Антип был родом из д. Нечёсово, Нерехтского уезда. После его смерти руководить странниками стал его брат Степан. В 1848 г. он был пойман в г. Плесе, возвращён на постоянное место жительства, но через неделю снова исчез⁷. В середине 50-х гг. XIX в. в Костромском уезде был пойман странник, называвший себя Иваном. Костромской губернский секретный совещательный комитет о раскольниках заподозрил в нём Степана Яковлева. Пойманный долго отрицал это, но через некоторое время объявил, что он – Антип Яковлев⁸. Комитет пытался сравнить внешность пойманного странника с приметам братьев Яковлевых. С описанием внешности Степана приметы частично совпали. Приметы же Антипа не были найдены по причине беспорядка в архиве земской полиции. Таким образом, вопрос о том, кто же пойман, остался нерешённым. Существенный урон этому толку в Костромской губернии нанёс граф Ю. Ц. Стенбок в ходе операции по поиску странников в начале 1850-х гг.⁹

Другая часть странников подняла замалчивавшийся вопрос о крещении мирян. Они вспомнили, что Евфимий и Ирина безосновательно крестили странноприимцев и поставили это в вину нынешним лидерам странников Родиону и Анфиногену, жившим в с. Сопелки. Большинство членов согласия стали склоняться на сторону оппозиции. В это время её лидером выступал Михаил Андреевич Кувшинов, ставший странником после бегства с ярославской фабрики Яковлевых в 1827 г.¹⁰ Он принимал активное участие в обращении костромичей в странническое согласие. Вместе с крестьянином с. Сидоровское, Кинешемского уезда, Кувшинов обошёл этот, а также Нерехтский и Костромской уезды¹¹. М. А. Кувшинов допустил большую ошибку, предсказав на 25 марта 1828 г. второе пришествие Христа. После этой даты сопелковцы созвали собор, где подвергли критике Кувшинова и нашли выход из сложной ситуации с крещением странноприимцев. За заслуги перед согласием его основателю было прощено отступление от правил, а всё согласие вынесло длительную епитимию. Кувшинову ничего не оставалось делать, кроме как присоединиться к сопелковцам¹². В 1857 г. он и наставник д. Дудкино, Ярославского уезда, Логин Прокофьевич Гушин были сосланы в Сибирь. Рядовые странники (более 20 человек, среди которых были и костромичи), захваченные вместе с ними, также направлялись в ссылку. В случае перехода в православие наказание могло быть смягчено. Консистория распорядилась об увещевании странников, и некоторые из них согласились перейти в официальное вероисповедание. Лидеры староверов остались непреклонны. Правда, и тем, кто согласился перейти в православие, пришлось несколько месяцев находиться в тюрьме, а затем они были возвращены на место прежнего жительства и за ними установлен полицейский надзор¹³. В соответствии со статьёй 213 Уложения о наказаниях, если возвращённые из ссылки старообрядцы, перешедшие в православие, вновь возвращались в прежнее вероучение, то подлежали ссылке на Кавказ или в отдалённые места Сибири уже безвозвратно¹⁴.

Учение странников проникло и в с. Коробово, Нерехтского уезда, Костромской губернии, где проживали потомки Ивана Сусанина – белопащцы. Туда оно попало из округа г. Плёса, где вели свою пропаганду М. А. Кувшинов¹⁵

и А. Яковлев. Точными данными о принадлежности белопащцев к сопелковцам или их противникам мы не располагаем. Белопащцы официально не платили налоги и были освобождены от контроля со стороны местной полиции. Благодаря этому странники чувствовали себя здесь очень свободно. Министр двора констатировал, что белопащцы «дошли до таких беспорядков в своей жизни, кои не могут быть далее терпимы; предавшись расколу так называемой секты бегунов или странников, они завели у себя в селении и окрестных лесах притоны для беглецов и бродяг, прикрывающихся раскольническим фанатизмом»¹⁶. По указу императора часть белопащцев была лишена привилегий и выслана в различные районы страны. За оставшимися был учреждён надзор со стороны губернатора и управляющего удельной конторой. В будущем было приказано расследовать все дела о белопащцах общим порядком, без каких-либо привилегий. В случае же повторения инцидентов император пригрозил лишить потомков героя налоговых льгот, не смотря на заслуги предка¹⁷. Сказалась обида Александра II на белопащцев. В 1858 г. Александр II совершал поездку по центральным губерниям России с целью оказать воздействие на консервативное провинциальное дворянство, не желающее принимать участие в подготовке крестьянской реформы. В Костроме состоялась его встреча с представителями белопащцев: женщины снимали платки и расстилали их перед идущей императорской семьёй, а затем поднесли хлеб-соль. Растроганный император пожелал отправиться в само Коробово, что и было организовано. Пароход доставил императорскую чету в г. Плёт, а оттуда в экипаже император с императрицей прибыли в село¹⁸. Странноприимники, узнав, что к ним в гости едет не кто иной, как сам Антихрист, бросили дома и ушли в лес¹⁹. После этого в селе появился чиновник департамента уделов министерства императорского двора, которому непосредственно подчинялись коробовцы, статский советник Неклюдов. Он расследовал инцидент, а на основании полученных результатов император приказал выслать жителей Коробово.

Высылкой «белопащцев» было поручено заниматься губернатору Ивану Васильевичу Романус (в источнике его фамилия не склоняется) совместно с управляющим удельной конторой Павлом Егоровичем Ганенфельдом. Дело в том, что контора не зависела от местной административной власти, а подчинялась исключительно министру двора и уделов, а через него – императору. Если губернатор, всегда стремившийся найти золотую середину и слывший среди костромских помещиков либералом, мог пригрозить управляющему палатой государственным имуществом («всякое замедление в следовании бывших белопащцев, а равно и все расходы от сего происходить могущие останутся на личной Вашей ответственности»²⁰), то с управляющим удельной конторой он был подчёркнуто любезен и настойчиво повторял свои просьбы до тех пор, пока не получал ответа.

Министерство императорского двора разрешило крестьянам продать дома и другое имущество. Полученные деньги должны были быть переведены в удельные конторы по месту отправления переселенцев. Подготовку к переселению первоначально осуществлял староста. Он не пользовался уважением среди крестьян,

так как был назначен властями, а его выборный предшественник за помощь странникам был снят с должности. Староста не смог организовать сбор денег, и П. Е. Ганенфельд вменил в обязанность своему подчинённому, голове удельного приказа Муравьёву, наблюдать за подготовкой к переселению²¹.

Несмотря на это, вскоре после объявления императорского приказа лично губернатором двое крестьян, Селивёрст Андреев и Никита Ильин, бежали из села. Как оказалось, они ушли в Санкт-Петербург, чтобы ходатайствовать перед Александром II о разрешении остаться на родине или дожидаться более теплого времени года. Вскоре беглецы были пойманы и взяты под стражу²². В положение крестьян вошёл управляющий уделной котормой, который побывал в Коробово уже после отъезда губернатора. В семи семьях были беременные женщины и грудные дети. Это, по мнению чиновника, было уважительной причиной для того, чтобы отложить их переезд до лета²³. Министерство двора согласилось с доводами и разрешило перенос сроков высылки²⁴. Взамен крестьяне пообещали Ганенфельду быстро продать своё имущество, хотя до этого оттягивали заключение сделок. Управляющий с удовлетворением сообщил И. В. Романус: «Могу теперь удостоверить Ваше Превосходительство, что в разговоре с ними об этом предмете я не только не заметил в них духа неповиновения, а напротив нашёл полную готовность покориться определениям о них начальства»²⁵. Далее Павел Егорович добавляет, что старообрядцев пугает зима и дальность мест ссылки: Оренбургское, Саратовское, Симбирское, Алатырское, Вятское и другие удельные имения. Среди оставшихся семейств были старики и дети старше 5 лет, но и они могли не перенести дороги. Кроме того, старообрядцы предпочли бы добираться до нового места жительства по Волге²⁶. Губернатор передал просьбу Ганенфельда как собственную в министерство императорского двора. Полученный ответ был краток и не давал повода для сомнений. Узнав о просьбе белопащев, император велел отправить просителей Селивёрста Андреева и Никиту Ильина по этапу в места поселения «немедленно», а «Вашему Превосходительству заметить неуместное и неосновательное участие в судьбе высылаемых коробовцев, заслуживших гораздо вящее наказание за их преступления и неблагодарность к Монаршей милости...»²⁷.

После ареста просителей в ночь на 5 января 1860 г. ещё трое мужчин с семьями бежали в неизвестном направлении. Солдаты так описывали способ бегства крестьян: «Домохозяин Сергей Иванов сперва уехал вместе с одной дочерью (якобы провожать зятя. – *И. Н.*), а затем, из числа 3 оставшихся дочерей, одна, затопивши печь, без всяких сборов, в чём была одета, вышла на двор, как будто бы за своею надобностью, или к соседям, другая месила квашню и потом без всяких тоже сборов выходит, а спустя немного времени ушла и третья также в чём была...»²⁸. Ответом губернского начальства стала отправка ещё 5 солдат и одного офицера – прапорщика Назанского, который затем выписал ещё 16 человек рядовых²⁹. Через два дня после нового побега семьи Н. Ильина и С. Андреева были отправлены по этапу³⁰.

Одновременно стали выяснять, почему старообрядцы бегут с такой лёгкостью. Унтер-офцер А. Соколов заявил о том, что ему не было приказано применять каких-либо конкретных мер по пресечению самовольных уходов крестьян,

а управляющий удельной конторой П. Е. Ганенфельд в свой первый приезд объявил, что белопашцы могут беспрепятственно продавать имущество и, следовательно, покидать селение³¹. Губернатор ничем не попрекнул управляющего, а только отправил ему копию с рапорта офицера³². Это вполне понятно. Система контроля оставляла желать лучшего: продать избу, не выходя из села, жители которого сами продают, а не покупают имущество, проблематично. Со стороны властей никакой помощи в организации продажи предоставлено не было.

Наконец, 4 февраля, с опозданием почти на месяц, 31 белопашец был отправлен в ссылку³³. Среди крестьян, окружённых войсками, которыми теперь руководил не мягкий чиновник удельного ведомства, а офицерский чин, начались конфликты. Умеренная часть коробовцев, которая, возможно, вовсе не принадлежала к странникам и приветствовала императора хлебом-солью в Костроме, попросила удалить из села жену бежавшего переселенца Степана Ефимова Аксинью, которую они считали опасной для себя «по крайне дурному своему поведению»³⁴. Затем из Коробова в костромскую тюрьму был отправлен Александр Ефимов с семьей, как проявлявший склонность к побегу. В дороге он злобно ругался и сожалел, что не успел сжечь село. Узнав об этом, прапорщик Назанский провёл расследование и выяснил, что священник и староста отзываются о Ефимове, как об опасном и злом человеке. Местные жители вторили им: «Прежде-то был первый разбойник, а теперь и подавно, теперь со зла-то рад бы не только деревню сжечь, а и нас-то всех». «Чего доброго убьют окаянные из-за куста», – добавляли крестьяне³⁵.

Оставшиеся в Коробове белопашцы, приговорённые к высылке, были отправлены на новое место жительства в мае и июне 1860 г.³⁶ Ещё несколько лет императорский дом держал белопашцев в опале. Наследник престола Николай Александрович в 1863 г. посещал Кострому, но с ними не встречался. Вскоре образ предка-героя, спасшего царскую персону, вновь был востребован. Покушение на Александра II 4 апреля 1866 г. примирило императора с белопашцами. В 1870-е гг. по приказу императора для коробовского храма, где хранились сусанинские реликвии, в том числе и жалованные грамоты, были установлены новые колокола с барельефными изображениями членов царской семьи³⁷.

Инцидент с белопашцами заставил Александра II в 1859 г. отменить для странников возможность избегать уголовного наказания в случае перехода в православие. МВД было приказано ссылать их в Сибирь. Мотивировалось это тем, что из них не получались прилежные прихожане: странники никогда не переходили в православие искренне, а только уходили от ответственности. Распоряжение об этом поступило в Костромской секретный совещательный комитет, а оттуда через канцелярию губернатора³⁸ было разослано в нижестоящие органы³⁹.

Лидер ещё одного страннического течения – странников-иерархитов, Никита Семёнов также побывал в руках полиции. Настоящее имя предводителя странников – Меркурий Семёнович Киселёв. Родом знаменитый странник был из крестьян д. Стрелково, Рыбинского уезда, Ярославской губернии. После долгих путешествий он приобрёл авторитет и стал лидером странников-сопелковцев⁴⁰. В этом качестве в 1854 г. он был схвачен в Вологодской губернии. По указу Александра II

в 1856 г. Семёнов был выслан в Соловецкий монастырь, но по дороге бежал. Через два дня был вновь пойман в лесу местными крестьянами. 20 июня 1857 г. Александр II посетил Соловки и даровал перешедшему в православие Семёнову свободу с правом проживания в монастыре. Но вскоре странник скрылся и больше не был пойман. Умер Никита Семёнов 4 марта 1894 г.⁴¹ Небольшие различия в биографии Семёнова по разным источникам не закрывают главного: он неоднократно бежал и с лёгкостью использовал для этого смену веры. Уже немолодого Семёнова (родился ок. 1800 г.) продолжали разыскивать и в 1860-е гг. По словам крестьянина д. Родионцово, Романово-Борисоглебского уезда, Ивана Макаревича Лебедева, лидер странников часто бывал в деревнях Сеславино, Сопелки, Бурмакино, Ярославского уезда, и в Ярославле у купцов Разживиных. Семёнов въезжал к последним во двор в тарангасе и шёл в свой номер, никого не боясь. В 1866 г. ожидалось его появление на соборе странников в д. Мещёрка, Ярославского уезда. Местный исправник опроверг слова крестьянина. Выдумки Лебедева он объяснил нетрезвым образом жизни и желанием выслужиться⁴².

В 1863 г. Семёнов написал важнейшее для истории странничества XIX в. произведение, содержащее 19 статей – «Символический статейник православной церкви». Старообрядцы, принявшие идеи, изложенные в манифесте, получили название «статьевики» или «иерархиты». Н. Семёнов провозгласил создание особой иерархии во главе с «преимуществим старейшим». Он считался патриархом и избирался собором. Ему подчинялись «старейшие страны», которые руководили двумя и более пределами. В конце XIX – начале XX в. существовало 8 пределов: Ярославский, Казанский, Тюменский, Томский, Костромской, Вологодский, Пермский. Каждым руководил «старейший предела». У него имелся ряд помощников: креститель и духовник, отправлявшие обряды; экононом, ведавший хозяйством. Отдельными моленными руководили игумены и игуменьи. Подобная структура управления была утверждена на соборе в д. Вахрушево Вологодского уезда в июле 1864 г. Естественно, что первым преимуществим старейшим стал сам Семёнов, которого в 1895 г. сменил Роман Логинов. После смерти второго преимуществим старейшего в 1901 г. был избран новый руководитель – Корнилий Петрович Логинов⁴³.

В 1910 г. по неизвестной причине он был низложен. 21 августа собор в Вичуговском округе избрал патриархом Александра Васильевича [Пятакова], крестьянина с. Кувакино, Нерехтского уезда, Костромской губернии. В следующем году умер один из старейших предела Вичугской области Епифаний Иванович. Новый патриарх попытался подчинить территорию своей прямой власти. К спору о власти примешивался имущественный конфликт: на территории предела находилась приносящая большой доход мельница. Александру Васильевичу вменялось в вину то, что он присвоил деньги общины и на них купил это строение. Приехав в д. Яшкино/Яшино, он встретил недовольство со стороны областного правителя Фёдора Михайловича. Последнего поддержали странноприимцы и бывший патриарх Корнилий. Александра Васильевича поддержал наставник д. Яшино, занявший эту должность с его помощью. Полемика коснулась созданного Александром Васильевичем бегунского училища

в г. Данилове Ярославской губернии. Михаил Фёдорович и странноприимцы были против существования учебного заведения. В итоге две группы странников отлучили друг друга от церкви⁴⁴. Это последнее известие по дореволюционной истории статейников в Костромской губернии.

Идеи Н. Семёнова вызвали негативную реакцию среди части странников, которая посчитала, что он взял на себя неподобающую ему власть. Иерархия, по их мнению, сближала странничество с поповщиной. Противостатьейниками было создано несколько независимых друг от друга общин. Одна из них находилась около Ярославля, и руководил ею Осип Семёнов⁴⁵.

Ещё одним крупным течением в среде странников стали «брачники». В 1860-е гг. около Ярославля зародилось Артемиевское согласие, по учению которого неопитам было разрешено сохранять браки, а платившие подати могли спастись после апокалипсиса. Причиной появления согласия была жесткая политика властей по сокращению числа странноприимцев – людей, живущих в селениях и дающих укрытие странствующим. Известно, что по приказу императора МВД 9 июля 1855 г. было разослано распоряжение «О принятии мер к прекращению распространения страннической секты и пристанодержательства». Приказ вменял губернаторам в обязанность «обращать строжайшее внимание на пристанодержателей... в селениях, где уже были укрываемы беглые, не редко обозревать дома, дабы удостовериться, нет ли при них тайников; по мере же открытия в них беглых тайники уничтожать, а пристанодержателей предавать суду»⁴⁶. Странникам нужно было смягчить учение, чтобы увеличить численность пристанодержателей. Около 1866 г. Мирон Васильев и будущий ярославский миссионер Русской православной церкви Н. И. Касаткин организовали первую брачную общину количеством около 50 человек. А уже в 1874 г. Михаил Кондратьев сформулировал новые основы брака: все семь таинств действительны, а следовательно, любой странник мог быть священником после крещения⁴⁷.

Костромской край находился в непосредственной близости от места возникновения и организационного центра старообрядцев-странников. Благодаря этому их учение очень быстро распространилось по южным приволжским уездам губернии. Успеху странничества способствовало и наличие на территории губернии с. Коробова, освобожденного от прямого надзора полиции. Под влиянием жизненных обстоятельств, государственной политики, личных амбиций единое течение странников вскоре раскололось на отдельные направления. В этом процессе активное участие принимали костромичи.

Примечания

¹ *Мальцев А. И.* Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма / под. ред. Н. Н. Покровского. М., 1988. С. 104–115.

² *Трефолов А. Н.* Странники: эпизод из истории раскола // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1866. Вып. 1. С. 179–180.

³ *Мальцев А. И.* Споры в странническом согласии вокруг идейного наследия Евфимия (первая треть XIX в.) // Общественное создание, книжность, литература периода феодализма. М., 1990. С. 38.

- ⁴ *Мальцев А. И.* Споры в странническом согласии вокруг идейного наследия Евфимия (первая треть XIX в.) // Общественное создание, книжность, литература периода феодализма. М., 1990. С. 40.
- ⁵ *Трефолов А. Н.* Указ. соч. С. 188.
- ⁶ *Дутчак Е. Е.* Старообрядческое согласие странников: вторая половина XIX–XX вв. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 1994. С. 73–83.
- ⁷ ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 6). Л. 228 об. – 229 об.
- ⁸ ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 6). Л. 220, 220 об., 223 об., 223 об.
- ⁹ Там же. Л. 224 об., 225, 229 об.
- ¹⁰ *Мальцев А. И.* Споры в странническом согласии... С. 40–41.
- ¹¹ *Трефолов А. Н.* Указ. соч. С. 185.
- ¹² *Мальцев А. И.* Споры в странническом согласии... С. 41.
- ¹³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 1308. Л. 1, 2, 4, 7, 12.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 5). Л. 134 об.
- ¹⁵ *Трефолов А. Н.* Указ. соч. С. 183.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11059. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 2. 17 об.
- ¹⁸ Там же. С. 143–144.
- ¹⁹ *Зонтиков А. Н.* Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 145.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11059. Л. 162.
- ²¹ Там же. Л. 60.
- ²² Там же. Л. 48, 48 об., 55, 55 об., 86.
- ²³ Там же. Л. 50.
- ²⁴ Там же. Л. 72–72 об.
- ²⁵ Там же. Л. 73 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 81.
- ²⁸ Там же. Л. 164 об.
- ²⁹ Там же. Л. 101–102 об.
- ³⁰ Там же. Л. 92, 95.
- ³¹ Там же. Л. 121–122 об.
- ³² Там же. Л. 126, 126 об.
- ³³ Там же. Л. 152–152 об.
- ³⁴ Там же. Л. 143.
- ³⁵ Там же. Л. 198.
- ³⁶ Там же. Л. 258, 259, 259 об.
- ³⁷ *Зонтиков Н. А.* Указ. соч. С. 179.
- ³⁸ Комитет был секретным органом власти, и его постановления оформлялись как распоряжения губернатора.
- ³⁹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11059. Л. 2 об., 10; ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 151–152.
- ⁴⁰ *Дутчак Е. Е.* Указ. соч. С. 41–50.
- ⁴¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4988. Л. 3–3 об.
- ⁴² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2859. Л. 1–4, 12–13.
- ⁴³ *Дутчак Е. Е.* Указ. соч. С. 52–57.
- ⁴⁴ *Дутчак Е. Е.* Указ. соч. С. 58, 60–66; Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1913 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1914. 1 окт. № 19. О. офиц. С. 510–511.
- ⁴⁵ *Дутчак Е. Е.* Указ. соч. С. 66–72.
- ⁴⁶ ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 6). Л. 144–144 об.
- ⁴⁷ *Дутчак Е. Е.* Указ. соч. С. 86–88.

В. А. Никитин
Г. Г. Павлуцких

«КАРТОФЕЛЬНЫЕ БУНТЫ» КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Название «картофельные бунты», встречающиеся в советской литературе, относятся к целому ряду крестьянских выступлений Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской губерний. Данное название не было характерным для своего времени, хотя так их назвали еще М. И. Семеновский, А. Н. Зырянов, а позднее использовали и советские историки. Фактически это не совсем верно, так как «...во-первых, это название хотя и оглушительное, но выдуманное и в народе не употребляющееся; во-вторых... о картофеле говорится менее всего, в-третьих, народ называет... эти печальные события “заворохою”, “бунтовского”, “бунтовым годом”». Сразу хотелось бы обратить внимание на то, что эти события проходили в 1841–1843 годах, на территории почти одних и тех же уездов, хотя почти всегда в разных волостях, т. е. территориально практически не совпадали, так как «настойчивые увещания и наказания» надолго водворяли спокойствие и, отбунтовавшись, крестьяне превращались не просто в пассивных зрителей, но и в противников беспорядков. Так, бунтовавшие в 1842 году долматовцы в 1843-м прогнали посланцев соседей-бунтовщиков с бесчестьем, за что впоследствии четверо из них были награждены похвальными листами и десятирублевыми премиями¹.

Прежде всего мы попытаемся дать свой взгляд на существующую периодизацию и вернемся к основной причине крестьянских выступлений. Она довольно проста на первый взгляд – это ответ на реформу П. Д. Киселева.

Несколько слов о ее предыстории. Еще в 1816 году Киселев подал Александру I записку под названием «О постепенном уничтожении рабства в России», после чего царь не забывал его, как потенциального реформатора, отмечая по возможности. Позднее он назовет его своим «начальником штаба по крестьянской части». Но прежде, чем он занял должность начальника пятого отделения и министра государственных имуществ, вопросами государственных крестьян занимался другой министр – министр финансов Канкрин. К крестьянам он относился не менее доброжелательно, чем Киселев, и, объединяя доброжелательность с экономикой, мог бы, по словам А. А. Корнилова, включить в свой герб девиз Кенэ: «*rauvte pausan – rauvte govaume; rauvte govaume – rauvte roi*» (т. е. «беден крестьянин – бедно и государство, а бедно государство – беден и король»). Он видел благополучие государства в народном благосостоянии, поэтому всегда был врагом новых налогов, займов, обременительных для народа, и желал упорядочить уже сложившуюся налоговую систему через ограничение злоупотреблений земской полиции, беспредельные действия которой не только разоряли, но и возбуждали крестьян к неповиновению. В виде первого опыта в Петербургской и Псковской губерниях он перевел крестьян из общегубернского ведения в особые округа – по аналогии с удельными (кстати, крестьянские слухи можно будет впоследствии поделить по субъекту передачи: на раннем этапе

выступлений те крестьяне, которые проживали в северной части Приисетья, считали, что их передают в удел, а проживавшие в южной части считали, что их отдадут в крепость). Говоря о реформе Канкрин в целом, надо признать, что она ставила перед собой не только задачу реформирования и улучшения жизни государственных крестьян, но и более полного изучения волнующих их проблем².

Тем временем Киселев находился во главе Временного управления Молдавского и Валашского княжеств, где ему также пришлось в течении 1829–1834 годов решать крестьянский вопрос, используя в качестве примера положение 1804 года для Остзейского края. Ему это в принципе удалось, в результате чего Александр I делает его членом Государственного совета и, изымая из ведения Канкрин решение крестьянского вопроса, передает его в том же году непосредственно Киселеву. Начальник пятого отделения, прежде чем распространить опыт реформ Канкрин на казенных крестьян других губерний, проводит ревизию на местах, сам участвует в ней, и в результате обнаруживаются злоупотребления не только со стороны местного начальства, но и со стороны департамента государственных имуществ, главу которого – сенатора Дубенского отдают под суд. После этого в результате нескольких столкновений с Канкриним, которому он оставался подчинен как министру финансов, Киселеву удается убедить царя создать новое Министерство государственных имуществ, которому были переданы все казенные имения, леса, заводы и власть над ними³.

Хотя предполагаемые преобразования были продолжены в русле предложений Канкрин, в обосновании своего проекта Киселев декларировал следующие идеи: «укрепление гражданских прав государственных крестьян и государственного попечительства об их благосостоянии», а также то, что «необходимо означить положительно пределы дарованных ему прав личных и по имуществам; указать ясно обязанности поселян и определить меру их ответственности, ибо полная известность сих условий более или менее обеспечивает самую неприкосновенность прав, предупреждает нарушение обязанностей, устраняет произвол и служит залогом нравственного улучшения»⁴.

Далее, прежде чем перейти к короткому рассмотрению составляющих реформы, хотелось бы оговориться о том, что несмотря на видимую цельность территории восстания в Приисетьи, в административном плане эти территории были поделены между Пермской, Оренбургской губерниям и граничили с Тобольской, которая уже относилась к Сибири, в результате чего введение и последствия киселевских реформ были различны. Если в уральских губерниях они прижились, то в сибирских шли замедленно, так и не были доведены до конца, а после 1852 года Киселев П. Д. не только перестал добиваться передачи сибирских земель в ведомство МГИ, но и «... настаивал, чтобы управление, не составляя особого исключительного ведомства, действовало в полной подчиненности от Главного управления в Сибири посредством земских судов», поскольку население и так состояло в основном из государственных крестьян и не имело смысла учреждать новые органы управления, тем более что и кадров чиновничьих в Сибири постоянно не хватало⁵.

Реформы начались с изменения структуры управления казенным крестьянством, которое от земских учреждений перешло в ведение МГИ. На местах

РАЗДЕЛ I

были учреждены особые палаты госимуществ, а в уездах – окружные управления, далее шли волостные и сельские правления. В центре всего должна была стоять фигура окружного начальника. «Непосредственных опекунов и попечителей» старались первоначально подобрать из наиболее достойных людей. (Проблема поиска таких людей для России весьма характерна, правда, их никогда ни для одной реформы в достаточном количестве найти не могли, а отсюда и проблемы, и неудачи, и волнения...) Однако замена станových приставов новыми специально поставленными чиновниками скорее увеличила опеку и произвол, чем сократила.

В принципе права общины в отношении сословного суда стали шире, так как создавались сельские и волостные расправы для решения маловажных тяжб и поступков, тем самым расширяя юридические права общины. Но, с другой стороны, по «Учреждению о управлении государственными имуществами» (указ от 30.04.1838 г.) одновременно и ограничивались права крестьян в деле созыва свободных сельских сходов, на которых решались фискальные и хозяйственные вопросы. Избрание представителей в сословные органы местного самоуправления ограничивалось возрастным, имущественным и поведенческими цензами, отсекая старообрядцев, лиц нелояльного поведения, сектантов да и просто неугодных местной администрации. Количество представителей на сходах ограничивалось, представители сельского схода избирались на волостной также в ограниченном количестве. С другой стороны, количество должностей в сельских и волостных правлениях увеличивалось. Кроме старост, сотских, десятских избирались сборщики податей, их помощники, смотрители сельских магазинов, они же были председателями сельских расправ, им же подчинялись старосты. Сельское общество теоретически должно было создаваться из одного или нескольких селений общей численностью не менее 1 500 д. м. п., фактически же в исследуемый период в Приисетьи они насчитывали от 350 до 1 000 душ. В волости избирались волостной голова, заседатели правления, «добросовестные» волостных расправ. Сельские и волостные начальники утверждались губернскими палатами, а волостной голова – губернатором из представленных сельскими сходами кандидатов. Волостной писарь – самая нелюбимая и одиозная фигура в местном самоуправлении – не избирался, а назначался губернской палатой государственных имуществ из грамотных старожилов, нередко из числа сирот, обученных за счет самих же крестьян. Таким образом, губернские органы перекладывали на общину часть исполнительных функций, одновременно выбирая себе наиболее послушных исполнителей, которые в свою очередь нередко использовали данную власть и в своих личных интересах⁶.

В результате реформ усилился контроль за нелегальными отлучками крестьян, наймом нелегальных работников; введено ограничение доступа старообрядцев к власти; были ограничены земельные владения 15-десятичной пропорцией; доход от излишних земель и казенно-оброчных статей перенесен в волость. Кроме того, крестьянству не нравилось, что на их плечи легла большая часть оплаты межевания, создания образцовых ферм, хуторов, крестьянских

училищ, больниц, юридических консультаций, конских заводов, введения новых с/х культур, запасных магазинов и т. д. В этом многие историки видят двойственность реформ. С одной стороны – всесторонние ограничения и 20%-й рост подушных окладов, с другой – возникающие перспективы в развитии для наиболее инициативной части крестьянства. Но надо не забывать, что это была реформа, а не революция и что других источников финансирования нововведений, кроме как за счет крестьянских налогов, у государства просто не было. С другой стороны, без внимания исследователей осталась, возможно, главная, незамеченная сторона реформы – ее земельная часть. Это установление единой обязательной нормы в 15 десятин на мужскую душу, которая обеспечивала крестьянину и независимое существование как производителя и как налогоплательщика. Тем самым крестьянин получал неотчуждаемый земельный минимум и одновременно право на приобретение дополнительных земель на расширившемся земельном рынке. Выведение излишних земель из ведения сельских общин давало возможность свободному капиталистическому развитию инициативной части крестьянства. Кстати, и это отразилось в действиях и требованиях крестьян, например, в аресте, издевательствах над крестьянином Петром Поповым, содержателя Тамакульских гор, доставляющего глину для выделки красного кирпича. Угрожая утопить его в Миассе, они «вымогли с него 60 р. вместо отданных им прежде в волостное правление». Таким образом одновременно наказывалась частная инициатива и восстанавливалась кажущаяся утраченная общинная справедливость⁷.

Возможно, именно поэтому капиталистически настроенных крестьян было, во-первых, очень немного, а во-вторых, община сама не одобряла их появления, интуитивно опасаясь развития капиталистических отношений. Отсюда и возникновение общего недовольства, а предпосылки для выступлений нашлись довольно быстро, и причем самые разные.

В целом мы считаем возможным разделить все это движение на 3 периода, не равнозначных ни по масштабам, ни по последствиям.

Н. А. Лапин и Я. И. Линков считали, что отчет надо вести с весны 1841 года, считая начальными вехами Правительственные циркуляры о принудительных посадках картофеля (от 28.04.1840 и 31.01.1841 г.). Это было вызвано неурожаями 1839 и 1840 годов. Правительство обязало государственных крестьян в тех селениях, где была казенная запашка, отводить специальные участки для посева картофеля. Там же, где она не применялась, было приказано отводить по 1 десятине на волость. Считать эту меру тяжелой обузой для крестьян было бы просто несерьезно, поскольку в этом случае одну сотку картофеля пришлось бы сажать сорока мужикам, ну а результаты уборки подсчитать нетрудно, этого бы не хватило даже на бесплатные семена. В результате население отнеслось к этим документам двояко. К примеру, государственный крестьянин Пермской губернии Осинского уезда Аксентий Ушаков для пользы общества на собственный счет засеял картофелем десятину земли, за что его поступок был распрогандирован, а он получил серебряную медаль на аннинской ленте и 50 руб. с., за что одновременно он подвергся гонениям своих односельчан⁸. К этому же

времени можно отнести и приведенное И. В. Побережниковым зауральское предание «Про водолазов» о том, что посадка картофеля царем была предусмотрена в помощь мужикам в объеме 1 десятины на волость, а сверх того только желающим, да и то казенными семенами, а желающее выслужиться пермское начальство велело сажать по осьминнику на двор, да и то своими семенами. Священники якобы в соответствии с приказом губернатора подтверждали это, а несогласным грозила тюрьма. Таким образом, этот слух мог так же стать прологом к «картофельным бунтам»⁹.

Другой причиной недовольства можно было бы считать неурожай 1841 года, который крестьяне объясняли некачественными семенами из запасных магазинов, полученных ими в ссуду. Волостные правления вынуждены были замечать семена, что также вызывало недовольствие¹⁰.

К этим фактам, сводящим причины недовольств только к объективным причинам в виде законов и положений, мы бы добавили и субъективные факторы, на которые ранее обращалось меньше внимания. Уже начиная с 1840 года проводилось секретное расследование в отношении Пермской палаты Государственных имуществ. В донесении в Петербург отмечалось, что «палата составлена по большей части из чиновников неблагонадежных, вызванных управляющим одного полковником Фридериксом из Оренбургской губернии и из лиц уволенных /пермским/ начальством по бесполезности их к занятию должности. Сам полковник, хотя человек и благонамеренный, но окружил себя людьми не совсем бескорыстными». В документе перечислялись соликамский окружной начальник Астернев, делопроизводитель палаты титулярный советник Тимашов, окружной начальник Макушев и особенно советник хозяйственного отделения Пименов. Основными обвинениями в их адрес были: «некоторые окружные начальники полагают, что казенные имения отданы им в аренду», «незаконные сборы с крестьян», «корыстолюбие», «нетрезвое поведение», «писаря собирают поборы... а попытки жалоб крестьян на них относят к беспорядкам», а в палате их защищают. Подполковник корпуса жандармов Казимирский попытался разобраться в конфликте и так охарактеризовал ситуацию в своем секретном докладе Бенкендорфу: «Управляющий Пермской палаты Государственных имуществ честный, благонамеренный, весьма полезный на своем месте человек... по смежности казенных дач, с частными имениями богатых владельцев, управители которых имеют отношения и дела с УГИ, полковнику Фредерику легко бы было пользоваться их выгодным благорасположением (вот пример возможного утеснения крестьян в пользу чиновников. – *Авт.*), но он устранил от себя все личные выгоды...» Чем же были вызваны конфликты в чиновничьей среде, повлекшие и секретные разбирательства, и официальные суды, если управляющий был такой честный и умный? Во-первых, «замечается некоторая его слабость, привычки 20-летней фронтальной службы – слишком дорожить честью своих подчиненных, что... привело к личной ссоре с начальником губернии, имевшие вредные последствия». Сначала было сотрудничество, но постепенно земская полиция лишилась с переменною управленением главного источника своих доходов, стала мало-помалу подмечать упущения

и беспорядки окружных и волостных правлений и доводить до сведения своего начальства. По «этим сведениям требовалось производство следствий, а Палата вместо решительных и скорых мер к содействию раскрыть вкравшиеся злоупотребления медленными распоряжениями... давало подозрение Господину Губернатору подозревать ее в уклончивости». Палата в ответ начала жаловаться на беспорядки земской полиции. Всплывает фамилия исправника Черносвитого, который будет обвинен в незаконном наказании крестьян розгами, несоблюдении правил сожжения негодной рыбы и т. д. Нам же он интересен тем, что его первоначально переведут в Шадринск, где он окажется в эпицентре событий, а впоследствии лишится места и предстанет перед судом. Результатом конфликта в верхах стало использование недовольства крестьян в своих целях внизу и переход на личности в верхних эшелонах. Генерал-губернатор начинает расследовать упущения Палаты с целью заменить Пименова (обвиняемого во взятках, обложении данью окружных чиновников, в его родственных связях с некоторыми из них) на ассессора строительной компании Цветкова, которого приближает к себе, но который «известен в целой губернии как самый низкий взяточник и как человек черных правил», который ничего не имел и, нуждаясь, за 2 года (1840–1842), находясь близ губернатора во всех его разъездах по губернии, будучи уже его докладчиком по делам Палаты, «выстроил себе прекрасный дом, дает деньги в рост под проценты и живет в роскоши»¹¹.

Таким образом, в этом деле оказались замешаны интересы кунгурского, осинского, соликамского, оханского, чердынского, екатеринбургского, камшиловского окружных начальников. Обвинения были разными: ирбитский обвинен в старости и неспособности к руководству; осинский – в родственных связях с начальством; кунгурский – в том же и плюс пьянстве; осинский – в дурных наклонностях, не соответствующих с обязанностями, притеснениях и угрозах крестьянам; соликамский – в незаконных сборах; камышновский «любит выпить... медлителен, подозревается в наклонности к взяткам» (последнее подтверждается слухами, что бывший управляющим графини Строгановой, обокрал ее на 150 тыс. руб.); чердынский «способен и усерден к службе, но имеет дурную репутацию за склонностью к взяткам». Он «не скрывал, что брал, но не с крестьян, а с миллионщика, которому не грех поделиться барышом», а следовательно, в этом проступка не видел. Екатеринбургский окружной начальник Смирнов не поладил с местным исправником, который настроил против него губернатора и довел дело до следствия за покровительство писаря Лычкова, который в свою очередь брал с крестьян дополнительные деньги, что вело к беспорядкам¹².

Таким образом, на самом раннем этапе, кроме относительно мирных слухов о посевах картофеля, присутствует борьба чиновников за свои интересы. Крестьяне же пока являлись лишь слепым орудием в их руках – по требованиям одних да и без требования пишут доносы на противную партию, по требованиям других под влиянием угроз и уговоров отказываются от них, но тем не менее видно, что реформа коснулась всех, и на первых порах чиновничество в большей степени, особенно в вопросах власти и доходов. В крестьянской же среде смута была пока только в умах от непонимания ситуации и правил игры.

Второй период начинается с весны 1842 года. Существует точка зрения, что волнения крестьян Пермской губернии перекинулись на юг в Оренбургскую губернию. Нам это кажется несколько натянутым. Скорее, в Челябинском уезде действительно возникли «несообразные толки... будто бы они поспевают во владение какого-то барина», на что Шадринский становой пристав дал предписание закрыть границу, «чтобы должные толки из Челябинска не проникли в здешний уезд, в случае появления разгласителей таковых предоставлять... за строгим караулом; иметь строгое наблюдение за людьми подозрительными, воспрещать крестьянам всякие непозволительные собрания и толки»¹³.

В Камышловском уезде волнения начались в первых числах апреля, что было связано с неурожаем 1841 года и требованием властей засыпать хлеб в запасные магазины. В Шадринском уезде было отмечено, что «крестьяне Камышловского уезда подстрекают к возмущению и здешних», но на границах были устроены строгие караулы, круглосуточные объезды из благонадежных людей, для того чтобы чужих брать, а своих не допускать в Камышловский уезд. В результате этих действий Шадринского начальства волнения пошли в западную сторону. В Тамакуле 23 апреля на базарном съезде разнесли слух о передаче помещику, в результате чего был убит писарь Канахин. Далее Кайтская волость, с. Крестовное, – 24 апреля, тогда же и в г. Долматове. Лозунг восставших – убивать писарей и священников без всякого последующего ответа перед законом. Позднее появляется слух о том, что писари не только грабили крестьян, но и продали «под барина: польстились, что он вам дал жалование, да с позументом кафтан» – это уже новое обвинение, связанное с одеждой. 23 апреля 1842 года в с. Затеча также произошло волнение крестьян. Они требовали «от писаря Ивана Добрынина указа о сдаче их под барина... о взыскании с каждой души по 70 руб. деньгами, а с каждой женщины по 20 фунтов коровьего масла и по 25 аршин холста. Писаря избили, изорвали одежду и бросили в арестантскую при сельском правлении. На другой день его вывели в толпу состоящую из 200 человек для допроса. Писарь от страха стал на колени перед ними и просил пощадить его. На что ему было сказано что ждут першинских крестьян и если они будут согласны, то его не оставят в живых. Однако крестьяне села Першинского не примкнули к затеченцам и отказались принимать участие в беспорядках». Там же, под Долматовом, в селе Широковом, требовали мирской приговор об амбарах для неприкосновенного запаса хлеба и, когда его получили, посчитали его доказательством сдачи себя в удел, но отметили: «...по-тамоскульски делать не будем», т. е. видно желание не использовать активные действия не разобравшись. Уже 27 апреля прибыли войска во главе с окружным начальником. К маю все волнения были подавлены. Нам кажется преувеличением, что в этих волнениях приняло 200 тысяч человек (такая цифра встречается у Н. М. Дружинина и других со ссылками на пермские архивы), так как всего гос. крестьян в губернии в этом году проживало 370 966 д. м. п., в том числе татары, черемисы и бобыли¹⁴.

Мы в отчете о состоянии Пермской губернии нашли более сдержанную информацию: «Возмущения 4. Государственные крестьяне Екатеринбургского, Камышловского, Шадринского и Ирбитского уезда. Виновные преданы военным судам учрежденным в выше отмеченных уездах. Дела же об них еще не окончены»¹⁵.

Таким образом, в 1842 году требования крестьян уже несколько конкретизировались. Выявились непосредственные враги: писари волостных правлений и сельских управ, волостные головы, заседатели. Шире становятся слухи о передаче крестьян в удел, которые локализуются к северу, а о передаче непосредственно барину – южнее, ближе к челябинскому уезду. Кроме того, мы бы хотели опять вернуться к фигуре Черношвитова. Он и восстания просто связаны между собой. В 1841 он находится в центре восстания в Камышловском и Ирбитском уездах, в последнем он был исправником, где он, несмотря на арест, прекратил буйства «страхом строгости». В 1842 году он становится шадринским земским исправником, сам ведет следствие о возмущениях и порет крестьян. Арестовывает коллежского секретаря Павлова и коллежского регистратора Сарафанникова за подстрекательство крестьян Челябинского и Шадринского уездов. В ходе этого следствия всплывали беззакония в окружении Черношвитого. Помощник шадринского окружного начальника Каргаполов по дороге из Ирбита в Шадринск именовал себя Царем, избил мещанина и присяжного. Писец шадринского суда Быстрых, называвший себя письмоводителем Черношвитого, печатывал церкви в уезде и распечатывал их лишь за мзду. Маслянский волостной писарь стрелял в храм и т. д. Таким образом, жестокие наказания останавливали крестьян от повторных выступлений, но обиды народа накапливались, слухи об обидчиках и заступниках крестьян переплетались и принимали самые невероятные формы. И если вновь сельхозработы отвлекли крестьян на год, то следующей весной почти в то же время, в том же месте, у того же начальника вызрели новые волнения¹⁶.

Третий этап – это 1843 год. Новые лица, новые волости, новые требования. Военные суды остудили крестьян, выступавших в 1842 году, от активных действий, превратив их просто в свидетелей (69 убитых, 21 раненых, 421 осужденных и сотни просто наказанных розгами). К сожалению, эта статистика не может быть полностью объективной. Здесь не учтены амнистии, беглые, но тем не менее общий порядок можно представить¹⁷.

И. В. Побережников обозначил в своей работе социально-пессимистические слухи, вызвавшие эти волнения. Мы приведем их, добавим несколько новых моментов или акцентируем известные.

Третий этап начался в марте 1843 года в Челябинском уезде, и начался он с рукописной агитации. Подметные письма были сами по себе совершенно дикими.

Введение общественной запашки подразумевало в награду введение тройного жалованья крестьянским выборным, которые обманут крестьян. Новый оброк, по слухам, после передачи помещикам должен был быть доведен до ста рублей с души, 25 аршин холста, половины наличного скота,

а для недовольных была угроза ссылки в Сибирь. Эти социальные слухи, плюс уже упомянутый картофель как форма барщины, плюс запасные магазины как натуральный оброк превратились в головах крестьян в «гремучий коктейль». А рядом были выборные чиновники, писари из своих же соседей, сирот, бобылей, для которых ввели жалованье, форму, галуны, пуговицы – все это раздражало и пугало народ. Рост благосостояния чиновников мог идти только от народа – это вымогательство, подношения, прямая эксплуатация с одновременным высокомерием, которые давали добрую почву для распространения слухов о продаже писарями крестьян какому-либо барину Кулькову, Кисилеву, Министерову, тобольскому генерал-губернатору, великой княжне и т. д.

Страх перед «неизмеренными потребностями» нового помещика заставляла крестьян искать правду. И если формы указа (золотая строчка, золотые печати, гербы, орлы) были похожи, то содержание искомого различалось очень сильно – от «запродажной грамоты», где правда о продаже, до «милостивого указа», подтверждающего свободу и прощение всего, вплоть до убийства. Но в обоих случаях существовала надежда на царя, на его «чиновника» или комиссию, и она оставалась главной. Выборные чиновники явочным порядком лишались власти, и на лозунгах был лишь государь, а управление непосредственно передавалось миру, общине.

Поводов для выступления было больше чем достаточно. Пасха, причащение – отсюда слух, что это присяга новому хозяину. Раскольники, их ненависть к картофелю, который они считали «яблоком добра и зла». «Земледельческая газета» как пропагандист нового, того, что нельзя принять. Оспопрививание как печать Антихриста, принятие в слуги дьявола, всеобщая ненависть и страх. Города боялись поджогов, которые уже начинались, боролись с поджигателями. Крестьяне вооружались, даже дети убивали друг друга. Батурино, Верхтеча, Уксянка, Белоярка, Каргаполье, Мехонка, Барневка – все это Шадринский уезд. А были еще и Курганский и Челябинский, где удалось либо не допустить кровопролития, либо обойтись малой кровью. В Шадринском уезде было не так. Священники и причт отсиживались в храмах, насколько это удавалось. Кругом пытки и издевательство. Черносвитов опять в самом центре. Его штурмовали в Батурино, он вызвал войска, солдат, казаков, которые разогнали многотысячные крестьянские толпы. Две недели вновь хватило на то, чтобы подавить восстание. Одних обвиняемых было 4 800 человек. Несмотря на все это, Черносвитов был отправлен в отставку и попал под суд из-за конфликта с генерал-губернатором.

Позднее, находясь под судом, Черносвитов сказал: «Говоря о государственных крестьянах, надобно объяснить одно очень важное обстоятельство: народ, выбирая себе сельских и волостных начальников, постоянно ненавидит их, потому что они, делаясь начальниками, делаются – как выражаются крестьяне, – чиновниками, мироедами и действительно злоупотребляют своей властью. Главную полицию в народе составляет эта корпорация выборных и писарей; имея родных в народе и разделяя с ним слабость к пьянству – они знают

все его тайные помышления, и, таким образом, ни одна мысль не может укрыться от начальства». Заслуживает также внимания оценка Черносвитовым причин народных волнений в 1842–1843 годах: «Главною причиною беспорядков были крутые меры нововведений, которые русский народ не скоро усваивает, и вместе с тем совершенно не понятый народом метод управления. В жалобах своих, высказываемых в час мятежа, желали они остаться по-старому, т. е. поступить в ведение земского суда, к которому привыкли. Вот понятия народа!»¹⁷.

Все перепетии восстания были описаны до нас, но следует отметить, что существующая точка зрения о классовой природе восстания несколько устарела.

В основе этих выступлений лежали крестьянский консерватизм, косность и нежелание изменений в устоявшейся жизни. Одновременно присутствовала латентная форма борьбы между чиновниками МГИ и земством, в результате которой были спровоцированы первые крестьянские выступления. Кроме этого, были и непосредственные раздражители и провокаторы: раскольники, недовольные ослаблением своего положения в общине в выборной крестьянской иерархии, да и сам народ, раздраженный внешними изменениями «избранных народа».

А что касается картофеля? Так, через три года его посадки увеличились в сотни раз. Причина? А его стали принимать на винокуренные заводы. А потом и есть научились.

Примечания

¹ Зырянов А. Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Шадринская старина. Шадринск, 1996. С. 173.

² Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 167.

³ Там же. С. 165.

⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 491, 492, 521.

⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 202. Л. 4–8.

⁶ Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 156–163; Пундани В. В. Государственная деревня Урала и Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Курган, 1999. С. 254–255.

⁷ Зырянов А. Н. Указ. соч. С. 147.

⁸ ШФГАКО. Ф. 72. Д. 50. Л. 317–414.

⁹ Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян в Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989. С. 46.

¹⁰ ШФГАКО. Ф. 72. Д. 50. Л. 325.

¹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 3. Д. 2830.

¹² РГИА. Ф. 383. Оп. 3. Д. 2830.

¹³ ШФГАКО. Ф. 205. Д. 83. Л. 1.

¹⁴ ШФГАКО. Ф. 329. Д. 36. Ф. 224. Д. 3176; Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 72–73; История курганской области. Т. 5. Курган, 1999. С. 35.

¹⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 1843.

¹⁶ Побережников И. В. Мельницы правосудия: материалы судебного-следственного дела чиновника Н. С. Павлова (1842–1846 гг.) // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 182–207.

¹⁷ Там же. С. 207.

А. В. Нифонтов

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИМПЕРСКОЙ СТРАТЕГИИ
ЦАРЕЙ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В 1613–1725 ГГ.**

Одно из значений термина «империя» – великая держава с обширной территорией (так, в Великобритании под этим термином понимали «государство, управляющее гигантскими пространствами и многими народами»). По законам геополитики, чтобы стать империей, страна должна осуществить дуализм пространственной теллуократии и талассократии (т. е. соединить сухопутное и морское могущество), которое предполагает достижение таких территориальных границ с людскими и природными ресурсами, которые выходят на моря с оживленными торгово-коммуникационными маршрутами. Это характерно для западных морских империй Нового времени (периода модерна), которые развивали капиталистическую «открытую экономику», а для восточных традиционных сухопутных империй с автократической аграрной экономикой необходимы внутренние ресурсно-людские территории с транспортными коммуникациями, которые присоединяются силовым способом¹.

Россия выработала свой особый – евразийский – имперский проект². В статье рассматривается территориальный аспект становления Российской империи при первых царях династии Романовых в 1613–1725 гг. Имперские претензии России были выдвинуты в царствование династии Рюриковичей («Москва – Третий Рим») и имели сакральный смысл: «Святая Русь» среди окружающих Русей как «хранительница православия» среди всех христиан. Однако реализация этого имперского проекта уперлась в период Смуты в территориальное сжатие до европейской периферии, и новым правителям Московии необходимо было сначала отстоять свои права на царство и вернуть утраченные земли. А потери были значительны. В работе Собора 1613 г., избравшего Михаила Федоровича великим князем московским, не приняли участия представители всех городов Центральной и Южной России (расположенных южнее Оки), а также представители Новгорода и Пскова, не признавшие новых правителей. Таким образом, вначале Московия Михаила Романова была территориально ограничена на западе Тверью, на юго-западе Вязьмой и Можайском, на юго-востоке Коломной, на востоке Нижним Новгородом³. А это значило, что на северо-западной границе она была отброшена ко временам Ивана III (что означало закрытие пути к Балтийскому морю и европейскому рынку); утрачены Смоленск и Северская земля, на юго-западе были отрезаны пути в Поднепровье и Причерноморье. И сил и средств на завоевание не то что Южного Черноземья, а даже Заволжья у Романовых еще не было. К тому же, как отмечал исследователь Смутного времени С. Ф. Платонов, «с трех сторон великорусское племя было окружено врагами, действовавшими наступательно»: шведы стремились продвинуться по линии Псков-Холмогоры – Соловки – Архангельск, блокируя выход к Северному и Балтийскому морям; Польша, не признававшая царство Романовых, готовилась к войне на западе; южные рубежи

государства подвергались грабительским набегам Крымского ханства (которому при этом платила дань весь XVII в.), а казачья вольница перекрывала выход к южным морям⁴.

Внешнеполитический статус также был низок. Кроме отдаленных Англии и Нидерландов, сыгравших немалую роль в московских событиях в период Смуты, а также Персии, пытавшейся через кабардинцев проводить в Москве антитурецкую политику, избрание Михаила Романова на царство другие государства либо вообще не признали (Речь Посполитая, Крымское ханство и Османская империя), либо проигнорировали (например, Франция, Венеция, Дания, Швеция). Поэтому было не до имперских амбиций и нужно было сначала защищаться от агрессоров и восстановить утраченные территории, а чтобы претендовать на новые земли, первым царям династии Романовых пришлось вести гибкую комбинированную политику: и целевую силовую экспансию, возможности которой в тот период были ограничены, и искусную дипломатию лавирования между великими державами и использовать «вольную колонизацию». На южном направлении сравнительно быстро удалось, прежде всего с помощью местного населения, ликвидировать сепаратистскую попытку атамана И. Заруцкого, который, захватив Астрахань, надеялся устроить там особое государство под главенством персидского шаха.

В Прибалтике остановили шведскую экспансию и в 1617 г. заключили Столбовский мир при активном участии английской дипломатии, которую беспокоило продвижение шведов к беломорскому пути. Шведы согласились вернуть Москве Новгород и Старую Руссу, но Ижорская земля и Карелия остались у Швеции. И хотя Московское государство по-прежнему было отрезано от Балтийского моря, но важно было то, что шведы признали новую династию и завязли в Тридцатилетней войне на Западе. С трудом был отбит польский поход на Москву, и в 1634 г., после неудачного похода на Смоленск, был заключен «вечный мир», по которому польский королевич Владислав отказался от всяких притязаний на московский престол и признал царем Михаила Федоровича; со своей стороны, Михаил отказывался от Смоленска и северских городов (Чернигов, Новгород-Северский). А по Поляновскому миру 1634 г. граница между Романовской Московией и Белой Русью – Литвой проходила с северо-запада на юго-восток по линии Псков – Вязьма – Можайск – Коломна и далее вниз по Оке до Нижнего.

Защитившись, московская дипломатия стала опять использовать сакральный имперский мотив борьбы за православие против «униатов». При молчаливом попустительстве Османской империи, главным объектом военных действий которой была католическая Европа, в 1638–1645 гг. была предпринята попытка восстановить казачью конфедерацию на территории всей бывшей Белой Руси во главе с Москвой, но при условии сохранения местного самоуправления. И казаки гетмана Острицы в 1638 г., вступив в союз с Московией, стали контролировать земли от Чугуева (нынешняя Харьковская область) до Азова, включая Ногайский шлях от Рязани до Нижней Волги, что в официальной романовской историографии описано как создание «засечной черты от

Ахтырки (под нынешним Харьковом. – *В. Н.*) до Уфы». Но временный союз Москвы с казаками просуществовал только до смерти Михаила Романова и казаки гетмана Остраницы в 1645 г. «ушли из Московии», отказавшись далее подчиняться Москве.

Медленно восстанавливалось и стихийное «вольное колонизационное» движение в Поволжье. В первую четверть XVII в. мирная колонизация двинулась за Каму, не требуя правительственной поддержки. Но в 30-х гг. на восточной окраине появились калмыки, перекочевывавшие из Азии. Поэтому в 40-х началась постройка укреплений за Камою «для оберегания от прихода калмыцких людей», приведшая в 50-х гг. к организации Закамской черты. Под защитой укреплений усилилось в начале царствования Михаила Федоровича заселение «прихожими людьми разных городов» Самарской Луки и берегов вниз по Волге, и на юге постепенно укрепленная граница определила временный этап русского движения к Каспийскому и Азовскому морям с оживлением сношений с Персией и Туркестаном. Продолжалось движение на восток. Русских вольных первопроходцев тянули на восток богатые промысловые угодья и свобода земли. Пионеры этого движения достигли в этот период берегов Охотского моря и начали заселение берегов Енисея и Лены. Отсюда поступательное движение направилось на подчинение Забайкалья и проникло на Амур. Разбросанные на огромных пространствах русские остроги точно намечали направления будущего освоения этих территорий «русской вольной колонизацией» и формировали контуры частей будущей «российской евразийской империи»⁵.

Таким образом, в первой половине XVII в. территориальный великодержавный «минимум» державы был не только сохранен на севере и юго-западе, но и начал расширяться на востоке.

Тем не менее, по состоянию на середину XVII в., прямая юрисдикция Московии распространялась на территорию, которая не позволяла претендовать на великодержавный статус. Это подтверждает перечень делегатов, подписавших Соборное уложение 1649 г. Видно, что подписывали Уложение представители городов на территории, примерно ограниченной ломаной линией Архангельск – Чердынь – Уфа – Саранск – Белгород – Чернигов – Смоленск – Псков – Архангельск. Очевидно, что ни население Урала, ни тем более Сибири никакого участия в этом не принимало. Население Поволжья от Самары и ниже тоже не было представлено на Соборе (в том числе Самара, Саратов, Царицын, Астрахань). При этом надо отметить, что от пограничных областей северо-востока, востока и юго-востока на Соборе были представлены только единичные города, в которых стояли гарнизоны (Чердынь, Пермь, Соликамск, Уфа, Воронеж, Елец, Козлов, Казань). Такими же «гарнизонными» были и другие города, находящиеся совсем неподалеку от Москвы. С южной стороны граница территории, представленной на Соборе, практически совпадала с Белгородской засечной чертой. Однако уже к 1678 г. южная граница Московии несколько расширилась по дуге Воронеж – Валуйки – Балаклея – Конотоп. Свободное население этой территории, не знавшее крепостничества, не платившее Москве податей и жившее в существенно более благоприятных климатических условиях, чем остальное

население Нечерноземья, естественно, было более зажиточным и не хотело терять независимости и привилегий, но оно было заинтересовано в защите от набегов кочевников⁶.

В этих условиях началось преобразование полуфедеративной Московии в Российскую империю. С воцарением Алексея Михайловича на основе имперской «третьеримской» доктрины в ее «православно-грекофильской» трактовке стала проводиться новая внешняя политика. Формула «царь православный» впервые была обнародована в 1654 г. как политический лозунг применительно к Алексею Михайловичу в связи с «присоединением Украины». Принятие в подданство малороссийского казачьего войска (или, как принято в романовской имперской историографии, «воссоединении Украины (Малороссии) к России») знаменовало собой начало общего широкого развертывания имперской «православной политики» на юго-западе. Алексей Михайлович 5 февраля 1654 г. впервые назвал себя «самодержцем всея Великий и Малыя России». 29 июня 1656 года была принята в русское подданство вся молдавская земля. В 1648–1676 гг. Московия непрерывно воюет то с Польшей, то со Швецией, предпринимая попытки захватить Прибалтику и Малороссию и хотя бы отделаться от дани Крымскому хану на юге. В результате удалось прирезать на юго-западе смоленские и новгород-северские земли, а на юго-востоке – заокские рязанские, включая Тулу и Калугу. Была сделана попытка застолбить и территорию современных Воронежской и Тамбовской областей и взять под контроль Ногайский шлях. Наиболее перспективным становится северо-западное направление, на котором 1) были завоеваны Смоленск, Полоцк, Минск и Вильны; 2) был окончательно ликвидирован (при содействии Англии) Ганзейский союз – система свободных прибалтийских городов, среди которых был и Новгород; 3) перемирие, заключенное в 1656 г. при Вильне, предусматривало даже возможность наследования царем польско-литовского престола после смерти Яна Казимира, поскольку поляки надеялись благодаря личной унии избежать территориальных уступок (однако этот план натолкнулся на вопрос религии и не был реализован); 4) в 1657 г. владение всей Ливонией казалось достижимым для Москвы. *Но это было максимальным продвижением в северо-западном направлении, после которого начинается обратное попятное движение.* Победы над Польшей активизировали Швецию, которая хотела сохранить польские порты на Балтике. Хотя Алексей Михайлович мог прийти к соглашению со шведами, но летом 1656 г. он решился на войну, поскольку боялся их совместных действий с ненадежными казаками. Дерпт пал, но Ревель сдержал русскую осаду, как и Рига – осаду союзников-литовцев. А возобновленная война с поляками и казаками заставила прийти к мирному соглашению со Швецией, которое и было заключено в 1661 г. в Кардисе на основе Столбовского мирного договора (1617): статус-кво означал возврат ливонских завоеваний и торговые привилегии для шведских купцов.

Польша в 1661 г. отвоевала Литву, и по Андрусовскому перемирию (1667) Москва отказалась от Литвы, но сохранила за собой Смоленск и северские города (утраченные ею по Деулинскому перемирию 1618 г.), а также приобрела

Левобережную Украину и на правом берегу Днепра город Киев. Это было принципиально для укрепления европейского статуса и великодержавных претензий, ибо Киев – это не только очаг русского православия, но и западный рубеж Москвы в восточной Европе, и без этого форпоста не могла начаться реализация «третьеримского имперского проекта» по греко-византийскому варианту. Но эти юго-западные «украины» выводили московскую границу на *непосредственное соседство с Османской империей, и тем самым, как вскоре оказалось, возникла перманентная «турецкая опасность», которая отрицательно повлияла на эти имперские перспективы и территориальные приращения на юго-западном направлении.* После десяти лет войны с Турцией в 1681 г. в Бахчисарае было заключено 20-летнее перемирие. Москва уступила туркам все земли на правом берегу Днепра, кроме Киева. Административный контроль над Левобережной Украиной на 20 лет был передан хану Крыма. Таким образом, продвижение на юго-западе было остановлено. А в конце XVII в. московской дипломатией была воспринята польско-униатская мысль о союзе «христианских» (латинских и униатски настроенных) государей против мусульманской Турции. Москва пошла в «хвосте» этой латинско-униатской коалиции. Это обстоятельство было полным крушением идеи «Третьего Рима» в международной политике Москвы, которая мало выгадала от нового направления своей международной политики: походы князя Голицына на Перекоп (в 1687 и 1689 гг.) окончились неудачей. Понадобилась смена правительства в Москве и чрезвычайная энергия юного царя Петра, чтобы борьба с Турцией увенчалась частичным успехом (взятие Азова в 1696 г. после двух походов русской армии). *В результате юго-западная силовая экспансия под «третьеримским великодержавным знаменем» принесла России многочисленные людские жертвы, раскол в причерноморском славянстве и балканском христианстве и постоянное напряжение на южных границах без территориального продвижения и остановке по линии Азов – Астрахань.*

Одновременно с попытками силового продвижения на западе продолжалось стихийное мирное продвижение на восток. Русские служилые и торговые люди проникали все дальше в Восточную Сибирь. Еще в конце царствования Михаила Федоровича Василию Пояркову удалось пройти до Охотского моря. В 1648 г. казак Семен Дежнев обогнул крайнюю восточную оконечность Евразии, проплыв из Восточного океана в Тихий (из устья Колымы в устье Анадыря). Еще большее практическое значение имела экспедиция Ерофея Хабарова, проникшего с небольшой партией казаков на Амур (1649). Дойдя до района Амура, русские вошли в соприкосновение с Китаем. В 1652 г. Хабарову пришлось вести бой с «богдойской силою», причем китайский отряд был разбит. Для урегулирования пограничных недоразумений с Китаем, в 1654 году было из Москвы отправлено в Китай посольство Ф. И. Байкова, которое было отвергнуто, и в 1658 г. китайские войска разбили русских на Амуре. В этом же году енисейский воевода Афанасий Пашков проник в бассейн Амура новым путем – из бассейна Енисея. Им был построен город Нерчинск, и в 1666 году туда явился первый китайский посланец. После началась борьба с китайцами за крепость

Албазин, и в 1689 г. боярин Ф. Головин заключил в Нерчинске договор с Китаем: Россия отказывалась от всего течения Амура⁷.

Так в конце XVII в. стали оформляться и защищаться растущие границы восточной евразийской империи с опорой на местное население и первопроходцев при минимальной помощи из Москвы, сделавшей своим приоритетом западное направление, на котором попытки религиозной великодержавной экспансии привели к обострению отношений с соседями и дали минимум территориального приращения.

Петр I продолжил великодержавный курс и повторил направленность внешней политики своих предшественников. Однако религиозный ресурс «третьеримской» имперской экспансии уже был недостаточным. Поэтому Петр, придя к власти, чтобы развязать себе руки, первоначально избавился от «православного флага» и фактически отменил патриаршество уже в 1700 г., что дало возможность секвестировать церковные богатства на военные нужды и привлечь иноверцев в новую реформированную армию. Он стал вести великодержавную стратегию на достижение гегемонии в Балтии и на севере Европы, действуя по правилам создаваемой европейскими великими державами вестфальской международной системе (которая достаточно точно будет описана позднее в так называемом «Завещании Петра Великого»)⁸. На северо-западе, ведя войну со Швецией, в течение 1701–1704 гг. Петр прочно овладел Ижорской землей (Ингрией), основав (в мае 1703 г.) новую столицу – Санкт-Петербург. В 1710 г. удалось подписать договоры о капитуляции с Ригой, Ревелем, Ливонским и Эстляндским орденом. В договорах о подчинении Лифляндии и Эстляндии царь Петр подтвердил все существовавшие до тех пор привилегии и свободы немецких прибалтийских городов и орденов. Что касается польской Курляндии, то он хотел усилить свое влияние на немецкое герцогство путем брака одной из своих племянниц. Курляндский брачный план при этом был лишь одним из нескольких проектов династической матримониальной политики русского правителя, которую он вел с 1710 г. В 1712 г. Петр в союзе с датчанами и саксонцами успешно сражается с войсками Карла в Померании. В 1713–1714 гг. война перемещается в Финляндию. Петр I стремился к тому, чтобы пробить шведский барьер и, создав русские порты на Балтийском море, положить конец шведскому господству на Балтике.

В мае 1713 г. был занят Гельсингфорс, в августе – Або. В октябре того же года последовали победа при Таммерфорсе, 26–27 июля 1714 г. – победа Петра на море у Гангута и захват стратегически важных Аландских островов. В сентябре 1714 г. русские отряды впервые высадились на материковой территории Швеции. Наконец, Петр достиг большого успеха, когда ему удалось 17 октября 1715 г. в Грайфсвальде заключить союзнический договор с английским королем Георгом I, действовавшим в качестве курфюрста Ганноверского. 28 марта того же года состоялось бракосочетание герцога Карла Леопольда Мекленбургского и племянницы царя Екатерины Ивановны, дочери Ивана V и старшей сестры герцогини Анны Курляндской. По случаю этого события одновременно был заключен союзнический договор, в котором Мекленбург

согласился на русское присутствие в Северной Германии. Таким образом, русские войска впервые ступили на землю Германской империи. Но военные и дипломатические успехи царя в Северной Германии пробудили недоверие не только Англии, но и императора.

Тем не менее, после смерти Карла XII 11 мая 1721 г. в Ништадте был заключен мир со Швецией, который был достигнут ценой территориальных потерь: Швеция уступала России Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, части Карелии с Выборгом, островами Эзель и Даго, но получала назад Финляндию. Это был успех в рамках военной державы, но Россия так и не стала гегемоном в Балтийском регионе⁹. И хотя на праздничном заседании Сената (создан в 1709 г.), собравшемся 20 октября 1721 г. в Санкт-Петербурге, царя чествовали как императора по типу и значимости Первого Рима, *но фактически это означало начало сырьевой периферийной империи.*

Перенеся столицу из Москвы на Запад, Петр прорубил не «окно в Европу» (торговые морские связи с европейскими странами существовали издавна), а «окно из Западной Европы на Восток», и даже не в Московию, а в богатейшую Сибирь. Экономическая экспансия Московии на Урал в XVII в. проводилась медленно, но последовательно – путем скупки и занятия явочным путем земель под заводы и горные разработки. Крупным экономическим изъяном России Петра I было отсутствие собственного золота и серебра. И царь стимулировал указами 1719–1720 гг. «золотую лихорадку» на Урале. При общем закабалении народа «золотая лихорадка» давала надежду не только на свободу, но и на зажиточность. Люди из крепостной Московии бросились в Сибирское царство – за пятьдесят лет до начала освоения Дикого Запада в Америке. В Сибирь в то время не ссылали, а засылали. А вот когда рудные места были захвачены, заводчикам было дано разрешение закрепощать любого «вольного старателя», т. е. не имеющего «московской прописки». При этом иногда подкупом, а иногда и прямой ликвидацией местной знати (югорских и тюркских князей и казацких атаманов) или заменой их на пророссийских «воевод». Теперь уже не Москва, а Петербург ставил под свой контроль земли на Восток от Волги, и прежде всего земли до Каменного (иначе Земного) Пояса, т. е. Урала. В 1720 г. основана крепость Павлодар, в 1723 г. – Екатеринбург. *Так постепенно сибирские земли попадали в колониальную зависимость от «европейской петербургской метрополии» и через нее транзитом становились сырьевым придатком европейских держав.*

На юго-западе взятие Азова (1696) было для Петра не завершением борьбы с Турцией, а только ее началом. Продолжение борьбы Петр представлял себе так, как и его предшественники: при помощи большого союза христианских держав против турок. Но такого союза не получилось, и летом 1700 г. был заключен в Константинополе мирный договор с Турцией, по которому избавились от выплаты унижительной дани крымскому хану, при этом Азов остался за Россией, но все Приднепровье полностью отошло под мандат Турции. В 1710 г. войска Петра изгнали шведов из Прибалтики, и он решил заняться *проблемой Крыма и выхода к Черному морю.* Укрепление позиций России в Восточной

Европе вызвали серьезные опасения в Крыму. Начинают распространяться слухи о планах по созданию так называемого Ориентального цесарства под скипетром российского царя. И в 1710 г. царь Петр решился на наступление на юго-востоке. Он вернулся к «третьеримской» стратегии Алексея Михайловича и стремился использовать в своих целях настроения православных подданных султана (славян, румын и греков). Петр заручился обещаниями помощи от молдавского и валашского правителей (Кантемира и Бранкована), но, не получив поддержки, попал в окружение и вынужден был заключить мир за выкуп и за оставление надежд на дальнейшее продвижение в Причерноморье: пришлось отдать Азов, Турция потребовала ухода петровских войск из Приднепровья, а затем и *вынудила их уйти*, причем во главе уже *турецкого* экспедиционного корпуса оказался Карл XII, который *восстановил* Запорожскую Сечь, где гетманом стал сподвижник Мазепы Ф. Орлик. *Таким образом, по Прутскому трактату 1711 г., а затем и по Константинопольскому договору 1712г., Петр не только вернул Турции все свои азовские приобретения и русский азовский флот, но и обещал впредь без согласования с Турцией не предпринимать походов на юг, в том числе и на Крым. Воевать с Турцией он более не пытался и на смертном одре сожалел лишь о том, что не поквитался с турками за прутское поражение.*

На южном направлении также шла военная экспансия: продвижение велось с боями с восставшими астраханцами и башкирами (1705–1709), с донскими казаками (1707–1708), после которых Петр объявляет свою знаменитую административную реформу, образующую 8 губерний, среди которых, однако, еще нет Центральночерноземных областей. Его политика «кнута и пряника» в сочетании с привлечением *воинствующей* церкви для насильственного крещения «инородцев» понемногу продвигала его форпосты в Башкирию и на территорию Казахского ханства. В 1722 г. Петр начал войну с Персией. Русская армия пошла из Астрахани на юг по западному побережью Каспийского моря (были заняты города Дербент, Баку). После заключения мира в 1723 г. Россия получила от Персии все западное и южное побережье Каспийского моря (Дагестан, Ширван, Гилян, Мазендеран). Одновременное вступление в Персию русских и турецких войск с двух сторон началось в мае 1722 г., после чего и состоялся запланированный раздел Персии между Россией и Турцией по *Константинопольскому* договору 1724 г. В связи с появлением новой империи Петра I г. Царицын на Волге в 1722–1730 гг. именовался *Петрогород*, тем самым обозначая *юго-восточную границу империи*¹⁰.

Восточная политика Петра имела две главные задачи – войти в тесное соприкосновение с Индией и с Китаем. Но дальнейшее продвижение на востоке было остановлено. Персия представляла для Петра лишь этап на пути в Индию. По окончании Персидской войны Петр задумал установить морскую связь с Индией, однако этот проект не осуществился. Несмотря на временные успехи его армии, завоевавшей Дербент и Баку, из-за вмешательства Турции, Франции и Англии не удалось удержать персидские позиции. Не были использованы и выгодные возможности, открывавшиеся для русской политики в Туркестане

заявлениями хивинского хана о желании принять русское подданство (1703). Отношения с Китаем также складывались для России не очень удачно: духовные (1714) и дипломатические (1719–1720) миссии оказались малоуспешны.

Максимальное территориальное продвижение на Дальнем Востоке было обязано русским вольным первопроходцам: в 1697 г. казачий пятидесятник Атласов занял Камчатку.

Россия в первой четверти XVII в. превратилась в крупнейшую евразийскую империю, протянувшуюся от Балтики до Тихого океана. Территориальные приращения 1613–1721 гг. были значительны. Однако их большая часть была сделана на востоке благодаря мирному движению вольных русских первопроходцев и крестьян, уходивших от закабаления, при минимальной государственной помощи. Меньшая часть – на юго-западе военной великодержавной политикой первых царей династии Романовых, которая потребовала большие людские жертвы и трату значительных материальных ресурсов для их защиты и обустройства. Эти территориальные захваты позволили провозгласить о появлении империи, которая стала европейской сырьевой периферией с великодержавными милитаристскими претензиями.

Примечания

¹ Дугин А. Основы геополитики. М., 1997. С. 23–24.

² Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007. С. 7–10.

³ Расширение России в Европе и Азии // Атлас Всемирной истории. М., 2003. С. 160–161.

⁴ Платонов С. Ф. Соч. : в 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 457.

⁵ Пресняков А. Е. Международное положение московского государства в первой половине XVII века // Три века. Т. 1: XVII век. Первая половина. М., 1991. С. 92–101.

⁶ Кеслер Я. А. Русская цивилизация. Вчера и завтра. М., 2005. С. 222–223.

⁷ Вернадский Г. В. Начертания русской истории. СПб., 2000. С. 209–212.

⁸ Мезин С. А. «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–26.

⁹ Русские цари. 1547–1917 / под ред. Ханса Торке. Ростов н/Д, 1997. С. 130–131.

¹⁰ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 417–422.

А. В. Новиков

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ В МАТЕРИАЛАХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

Делопроизводственная документация высших государственных учреждений Российской империи отразила разнообразные аспекты развития провинциальной жизни, функционирование губернского управления, порядок его взаимодействия с центральной властью и круг проблем, решение которых интересовало

верховную власть, требовало ее контроля или прямого вмешательства. Анализ подобной документации позволяет реконструировать реакцию властей на ключевые события провинциальной жизни, проследить логику управленческих и кадровых решений.

Собственная канцелярия Его Императорского Величества возникла как личная канцелярия государя в конце XVIII в., а с 1812 г. получила свое название и началась складываться ее бюрократическая структура. III отделение канцелярии было образовано 3 июля 1826 г. как высший орган политического сыска и просуществовало до 6 августа 1880 г., когда сыск был подчинен начальнику Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. В компетенцию III отделения входили: наблюдение за деятельностью общественных организаций и лидеров, за распространением нелегальной литературы и оппозиционных настроений, за деятельностью религиозных сект, за крестьянскими волнениями; проведение дознания по государственным преступлениям, которые включали политические дела, злоупотребления чиновников, оскорбления Его Императорского величества; применение репрессивных мер к революционным и общественным деятелям в качестве установления гласного и негласного надзора полиции, ссылки на поселения и заключения в крепость. Здесь же сосредоточивались сведения о стихийных бедствиях и пожарах, эпидемиях и неурожаях, грабежах и распространении фальшивых денег¹.

Делопроизводство в III отделении было систематизировано по экспедициям. По 1-й экспедиции проходили дела, которым был присвоен статус «особо важного значения» по всему кругу решаемых отделением задач. Здесь сосредоточивались обзоры важнейших событий в стране, организовывалось наблюдение за общественным и революционным движением, собирались сведения об активности отдельных лиц, злоупотреблении чиновников, переписка о ходе рекрутских наборов и выборов в органы дворянского самоуправления, о расколе, о ведении сыска, следствия и применении репрессивных мер. Документация 1-й экспедиции содержит богатую коллекцию документов, характеризующих положение дел в Костромской губернии. Здесь отложились записки директора костромской мужской гимназии Г. Бартенева, жаловавшегося на «состояние управления Костромской губернией», доносы и сообщения о самом Бартеневе, о злоупотреблениях должностных лиц в проведении рекрутских наборов и нарушениях в производстве дворянских выборов, о предводителе костромского дворянства Карцове, обвиненном вдовой Хвостовой в изготовлении фальшивых ассигнаций. По инициированным доносами делам в экспедицию поступали донесения жандармских чинов о проведении наблюдений или расследований, поступали письма чиновников особых поручений. Сюда же поступали донесения о распространении разного рода слухов и о взаимоотношениях высших губернских чиновников.

2-я экспедиция надзирала за деятельностью сект, распространением религиозных культов, наблюдала за общественными организациями, хозяйственным содержанием общегосударственных тюрем, вела преследование

по наиболее опасным должностным и уголовным преступлениям, преследовала фальшивомонетчиков, рассматривала доносы и жалобы, комплектовала кадровый состав III отделения. Нам удалось выявить в материалах экспедиции документы о злоупотреблениях при формировании Костромского ополчения в годы Крымской войны, письма должностных лиц о предоставлении в Кавказском наместничестве аренды владений тайному советнику Я. Ф. Ганскау, исполнявшему в 1827–1830 гг. должность костромского гражданского губернатора, а также о ссуде другому костромскому губернатору (1847) – генерал-адъютанту князю Александру Суворову 60 руб. серебром на покупку дома в Санкт-Петербурге. Эти документы ярко и рельефно характеризуют личность, круг интересов, а порой и деловые свойства костромских губернаторов.

3-я экспедиция ведала контрразведкой и наблюдением за иностранцами в России, в целом внешнеполитическими вопросами.

4-я экспедиция аккумулировала сведения о крестьянских волнениях, обеспечении населения продовольствием, о ходе ярмарок и торговых оборотах. Собирали сведения о злоупотреблениях местной администрации, стихийных бедствиях и пожарах. По Костромской губернии в материалах экспедиции отложились донесения губернаторов о фактах неповиновения крестьян, разбойных нападениях и о эпидемии холеры в губернии в 1930 г.

В 1842 г. была образована 5-я экспедиция, ведавшая типографиями, книготорговлей, составлением списков и изъятием запрещенных книг, наблюдением за периодическими изданиями

Помимо делопроизводства экспедиций, в материалах III отделения отложились донесения жандармских чинов о проведении в 1827 г. в Костромской губернии ревизии сенатора Дурасова. Различные события в Костромской губернии кратко упоминались в годовых отчетах III отделения. В 1827–1830 гг. ежегодные отчеты назывались «Краткий отчет общественного мнения в xxxx году», в 1831 г. отчет именовался: «Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году»; в 1832–1837 гг. – «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в xxxx году»; в 1838 г. – «Обозрение духа народного и разных частей государственного управления в 1838 году»; в 1839–1850 гг. – «Нравственно-политический отчет за xxxx год»; в 1852–1855 гг. – «Отчет о действиях III Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за xxxx год»². С 1839 г. в отчетах вводилось четкое структурное деление содержания на характеристику дел внешних, Царства Польского, Остзейских губерний, особо выделена характеристика положения внутренних губерний России, благодаря чему отчеты становились более информативными и содержали систематическую сопоставимую информацию. Кроме того, освещалась деятельность высших органов государственной власти – министерств и ведомств.

Сведения о Костромской губернии впервые попали в отчет 1839 г. в связи с засухой и лесными пожарами³. В дополнении к нравственному отчету за 1841 г. упоминается конфликт между костромским председателем уголовной палаты

Васьковым, вице-губернатором Юрневым и губернатором А. Г. Приклонским с последовавшей отставкой губернатора в 1838 г.⁴ В нравственно-политическом отчете за 1842 г. замечалось, что обнаружение Высочайшего указа об обязанных крестьянах повлекло волнения в Новгородской, Тверской, Московской, Смоленской, Нижегородской, Пензенской, Черниговской, Полтавской и Костромской губерниях⁵. В отчете за 1846 г. отмечались побег крестьян от костромского помещика Купреянова вследствие дурного с ними обращения⁶. В отчете 1847 г. особое внимание уделено костромскому пожару⁷, характеристику которого в документах жандармских чинов и императорской канцелярии мы подробно приведем ниже. В целом отчеты не содержали всего богатства материалов и сведений, поступавших в экспедиции с мест в виде донесений жандармских чинов и различных анонимных или авторских доносов, отразивших перипетии местных интриг, стиль губернского руководства и реальные проблемы, которыми жила костромская провинция.

III отделение в борьбе с коррупцией и должностными преступлениями. В Николаевскую эпоху, наиболее действенным средством борьбы с коррупцией и должностными злоупотреблениями было проведение сенаторских ревизий. В Костромской губернии такие ревизии проходили с мая по ноябрь 1827 г. (ревизия сенатора Е. А. Дурасова) и в 1844 г. (ревизия князя И. А. Лобанова-Ростовского).

Направление расследований ревизии Е. А. Дурасова во многом определила поступившая в III отделение канцелярии пространная записка директора местной гимназии Ю. Г. Бартенева о злоупотреблениях в сфере строительства в губернии. В обширном доносе в частности отмечалось: «Для построения казенных зданий сметы делаются чрезвычайно увеличенные... На построение домов для спокойствия проезжающих на станциях в местах, изобилующих материалами, хорошими плотниками, каменщиками и печниками, издержано на каждый таковой дом от 20 000 до 23 000, тогда как в существе он не стоит более 7 или 8 тысяч рублей, а посему около 2/3 столь значительного капитала похищается»⁸. В инструкциях сенатору Дурасову, ревизовавшему Костромскую губернию в 1827 г., шеф корпуса жандармов и начальник III отделения императорской канцелярии граф А. Х. Бенкендорф специально указывал: «Во время объезда губернии следует обратить внимание на казенные каменные строения; как-то присутственные места, тюремные замки и гостиницы по большим дорогам, которые недавно выстроены, но жить в оных нельзя, для чего надобно истребовать смету с употребленных материалов, которая покажет, что кирпич покупая на те строения не менее 20 руб., тогда как по ценам оной продается не более 12 рублей»⁹.

Обширное строительство было удобной ареной бесконтрольного казнокрадства. Доходы чиновников умножались, кроме того, самым беззастенчивым взяточничеством. По словам того же Ю. Г. Бартенева, «места Голов, старост, сотских и прочих продаются порочнейшим поселянам, подобно как... места земских чиновников. Сотские и прочие облагаются от исправников

и стряпчих налогом таким же образом, как исправники облагаются губернатором и стряпчие прокурором... Определенные таким образом чиновники платимые ими за свои места деньги высасывают из народа разными поборами, притеснениями и нарушением правосудия. При заплата государственных податей, сверх того количества, которое входит в казну, взимается с каждой ревизской души в обе половины по 20 к. и более, с каждого пашпорта, сверх казенной пошлыны, берется по 2 или 3 р.; за свидетельство на торговлю, сверх казенных пошлын, платится по 100 р. и по 200 р. смотря по капиталу»¹⁰.

Губернатор К. И. Баумгартен целенаправленно осуществлял кадровую политику, расставляя на ключевые посты продажных чиновников. Даже выборное дворянское самоуправление было подчинено созданной системе. «В Костромской губернии с 1807 г. и поныне, т. е. во все время управления оною бывшим губернатором Пасынковым и нынешним Баумгартеном, многие достойные дворяне, по причинам подобным вышеозначенным, отклонялись от занятия мест даже самых почтеннейших, большею частию не приезжают и на выборы. Таким образом, Дворянское собрание наполняется наиболее такими только людьми, которые привлечены туда из видов корысти»¹¹. «В Костроме недавно было два случая во время выборов, где можно видеть власти губернатора и заговор выборов; выбраны были в уездный город Ветлугу два кандидата в исправники: Шишкин, который безвыходно под судом за лихоимство находится, и другой Рубановский; Рубановскому было положено 20 голосов, а Шишкину 18 и представлены оба на утверждение. Губернатор утвердил Шишкина, нашел какие-то причины не утвердить Рубановского.» «Прикрытие» губернатору обеспечивал ранее упомянутый генерал С. С. Борщов. «Полицмейстер ему племянник: с губернатором он в связях и во многих случаях помогал ему в Петербурге»¹². Пользовался губернатор поддержкой члена Государственного совета В. С. Ланского. Все это позволяло К. И. Баумгартену и его чиновникам безнаказанно осуществлять самые дерзкие операции. Губернатор, вице-губернатор, управляющий винной экспедицией Колюпанов оказались замешаны в махинациях с кизлярской водкой. По сообщению начальника 3-го отделения 2-го округа корпуса жандармов полковника Перфильева, для сокрытия злоупотреблений исправников губернатор не брезговал подменой донесений и рапортов, поступавших на его имя¹³.

Названные и многие другие факты «лихоимства» были установлены в результате ревизии Костромской губернии комиссией сенатора Дурасова в 1827 г. Губернские чиновники, связанные круговой порукой, как могли, старались воспрепятствовать работе комиссии. «В первых числах февраля сего года (1827. – А. Н.) от земских судов схвачены были у экономических крестьян черновые расходные тетради и почти по всей губернии истреблены. Известно, что в сих тетрадях крестьяне вписывают, для своих учетов, все поборы и подарки чиновникам»¹⁴. Полковник Перфильев сообщал в одном из донесений стих, ходивший по Костроме в период ревизии:

Громовая стрела,
Ударь в Губернское Правленье,
И в нем сожги дела
Для нашего спасенья¹⁵.

«Большая часть чиновников в унынии и беспокойстве ожидают решения своей участи, в утешение же и оправдание говорят, что они могут быть несчастливы только потому, что Костромская губерния подпала под ревизию, но что открываемые здесь злоупотребления и упущения существуют повсеместно, вообще же поставляют сему причиной недостаточные оклады жалованья, не доставляющие никакой возможности и средства к содержанию... Ревизию находят пристрастною, что г. сенатором посланы были... явные враги губернатору и его приближенным, домогаясь показаний на счет злоупотреблений... прибегали к неопозволительным средствам, кормили некоторых икрой, и томя жаждой, достигали своего намерения...»¹⁶. Итогом ревизии стало отрешение от должностей и предание суду более 100 чиновников.

Новый губернатор Я. Ф. Ганскау пытался если не бороться, то хотя бы пресечь и расследовать наиболее вопиющие факты коррупции. Так, усилиями губернатора и начальника 3-го отделения полковника Перфильева был отстранен от службы врач Гретти, браковавший за взятки крестьян при наборе рекрутов¹⁷. Действия властей повлекли поток доносов и жалоб со стороны Гретти. Это, как дальше будет показано, подпортило репутацию губернатора.

Характеристика должностных лиц Костромской губернии в бумагах III отделения. Большое внимание в документации III отделения по Костромской губернии уделялось характеристике личных и деловых свойств и характера взаимоотношений различных чинов губернского управления. Под пристальным вниманием находились прежде всего действия самих губернаторов. Начальник III отделения полковник С. В. Перфильев¹⁸ в донесениях об итогах сенаторской ревизии Дурасова 1827 г. давал довольно разностороннюю характеристику костромского губернатора Карла-Вильгельма Ивановича Баумгартена и отношения к нему местной чиновничье-феодалной элиты: он отмечал, что местная публика признавала в губернаторе «человека доброго, но весьма слабого и некоторым образом беспечного, укоряют его в том, что без основания был доверчив к людям, которые, соблюдая свои виды и выгоды, всегда употребляли во зло его доверие»; другая характеристика губернатора, почерпнутая Перфильевым от местного чиновничества: «он был слишком добр, и вместе слаб и недеятелен». В то же время, когда по итогам ревизии в ноябре 1827 г. губернатор был отправлен в отставку, «старик плакал прощаясь, все жалели его нелицемерно, не входя, каков он как губернатор, но для общества, как хозяин своего дома, он был человек прекрасный, преобходительный и преласковый... многие провожали его до первой станции, некоторые же до Ярославля»¹⁹.

Характеризуя усилия губернатора Я. Ф. Ганскау по усмирению крестьян князя Салтыкова, полковник Перфильев отмечал, что «личного его убеждения было достаточно обратить крестьян в должное повиновение, единодушно

и непрекословно они на все соглашались, раскаялись в прежнем упорстве»²⁰. Однако поток доносов на губернатора сыграл негативную роль, и в бумагах Бенкендорфа, собранных «частным образом», он характеризовался весьма нелестно: «В делах несведущ, но старается казаться большим дельцом. Твердит о законах, поступая совершенно в противность оным... Взятки сам не берет, но нельзя то же сказать о жене, ключнице, а более о секретаре... Учреждение довольно хитро выдуманное на случай ответственности. Жена в знак дружбы, на память может получать безделки (между коими проскакивают весьма часто и тысячные вещи). Секретарь берет за дела, но на губернатора показаний нет, он только подписывает то, что секретарь ему подкладывает...»²¹.

Борьбу с недобросовестностью местных чиновников развернул в Костромской губернии В. Н. Муравьев (1852–1853). До назначения Костромским губернатором занимал должность помощника попечителя Московского учебного округа. Придерживался либеральных взглядов. При представлении местных чиновников новому губернатору В. Н. Муравьев высказал вице-губернатору князю Гагарину негодование на все губернское правление. Новый губернатор еще в Петербурге заявлял, что служить с Гагариным не будет и хлопотал о его увольнении. Жандармский полковник Перфильев в своем донесении управляющему III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Леонтию Васильевичу Дубельту отмечал, что горячие, «быстрые» распоряжения В. Н. Муравьева не всегда согласуются с законом, а их неисполнение Гагариным воспринимается как противодействие, ввиду чего советовал «развести» чиновников по разным губерниям²². Вскоре в губернию был назначен новый вице-губернатор Брянчанинов, затеявший судебные дразги с членами губернского правления. В письме от 23 октября 1852 г. штаб-офицер корпуса жандармов подполковник М. Шевелев писал об отношениях губернатора с чиновниками: «В его мнении все костромские чиновники, без изъятия, непременно плуты! Или пьяницы и картежники!.. Муравьев действует по какому-то странному ожесточению и нет возможности его остановить»²³. В склоки был втянут весь чиновничий аппарат. Многие вынуждены были покинуть службу или были отстранены от нее. Всего по настоянию нового губернатора оставили службу до 30 чиновников. Об увольнении других губернатор ходатайствовал перед министром внутренних дел и управляющим III отделением. Сегодня трудно определить, насколько обвинения губернатора и произведенные увольнения были справедливы. Вероятно, для них были основания. В то же время смена чиновничьего состава при сменах губернаторов была типичным явлением для николаевской России. Эта мера не меняла системы управления и не устраняла бюрократии и чиновничьих злоупотреблений. Ответом на кадровые чистки становился поток взаимных обвинений, поступавших в министерства, Канцелярию императора и Сенат. При частой смене самих губернаторов чиновничья возня становилась скорее бедствием для управляемых губерний.

Решительные, но поспешные действия В. Н. Муравьева вызвали активный протест, проявившийся не только в потоке жалоб на губернатора. 13 ноября 1852 г. в 11.00 дня уволенный от службы бывший старший советник костромского

губернского правления, коллежский советник Попов ворвался в пьяном виде в кабинет губернатора и потребовал прекращения следствия в отношении его брата – станowego пристава²⁴. Жандармский подполковник М. Шевелев и начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенант Перфильев 9 декабря 1852 г. доносили начальнику III отделения императорской канцелярии, шефу корпуса жандармов графу А. Ф. Орлову о злоупотреблениях В. Н. Муравьева, обвиняя его в следующем.

«а) Муравьев, со дня вступления в должность, по особым предложениям губернскому Правлению, получил вперед свое содержание.

б) Не имея никакого основания на получение квартирных денег, потому что прямо въехал в казенный дом, вытребовал квартирные себе деньги...

в) Муравьев, неизвестно по какому разрешению во время ревизования им губернии, собрал капитал от г. откупщиков, содержателей винных заводов и купцов, под предлогом для благоустройства города Костромы более 10 000 рублей серебром, а капитал этот до сего времени остается безгласным и в произвольном его распоряжении...»²⁵.

Указанные факты свидетельствуют, что борец с «авгиевыми конюшнями бюрократизма» сам оказался далеко не безгрешен. Однако от графа А. Ф. Орлова и Л. В. Дубельта последовала решительная отповедь затянувшимся дрязгам. А. Ф. Орлов признал обвинения против губернатора «не заслуживающими никакого внимания», а подполковнику Шевелеву сделал строгое замечание с угрозой отставки при дальнейшем отступлении от своих обязанностей. В свою очередь, Л. В. Дубельт оправдал перед губернатором действия жандармского подполковника²⁶.

В связи с расследованием должностных злоупотреблений, жандармские чины составляли сведения не только о губернаторах, но и о представителях местной дворянской элиты. Так, Н. Х. Бенкендорфом были направлены сенатору Е. А. Дурасову характеристики семи братьям Карцовых. Первый – Николай Карцов был советником казенной палаты по хозяйственной экспедиции, приобрел огромное состояние и на протяжении службы не раз находился под судом за лихоимство. Второй – обер-фортмейстер Александр Карцов нажил большое состояние, разоряя казенных крестьян, и также состоял под судом по жалобе крестьянина Косопанова. Василий Карцов, будучи советником в Вологодской губернии, содержал обывательские станции, собрав капитал в 400 тыс. рублей. Отставной генерал-майор Павел Карцов проживал в Нерехтском уезде, составив себе недобрую репутацию тем, что выманил у вдовы Девочкиной 170 душ крестьян, обещая сохранить за ней пожизненное ими владение. Но как только получил купчую, выгнал вдову и ее наследников из имения. Не лучшей репутацией славились оставшиеся братья Карцовы. Однако это семейство держало в своих руках выборные должности судей и уездных дворянских предводителей, породнившись с губернским предводителем дворянства Д. К. Татищевым. Титулярный советник Колюпанов управлял в губернии винной экспедицией. Приобрел в короткое время махинациями с кизлярской водкой огромное состояние²⁷.

Крестьянские волнения, холера, пожары. Рапортами вице-губернатора фон Кронкеа и губернатора Я. Ф. Ганскау сообщалось о разбое в Галичском уезде, где 18 января 1828 года банда из семи разбойников ограбила дом священника. Хозяин и работница были избиты, а жена священника убита. Расхищено имущества и денег на 1 800 рублей. Выяснилось, что ограбление организовано при содействии работницы, и преступники в большинстве были пойманы²⁸.

В марте 1829 г. 3 840 крестьян вотчины князя А. Н. Салтыкова, находящейся в опекуновском управлении, отказались платить установленный оброк. Опекун, а затем направленный губернатором чиновник не смогли привести крестьян к повиновению. Я. Ф. Ганскау просил направить в вотчину войска, но, получив отказ, решил лично поехать к мятежным крестьянам. Губернатору удалось найти компромиссное решение и «водворить надлежащий порядок и спокойствие»²⁹.

Причинами жестоких преступлений и неповиновения крестьян губернии стал ряд обстоятельств. На одно из них указывает прошение варнавинского городского головы к губернатору об отсрочке платежей по недоимкам. Недоимки и отказ от уплаты оброчных платежей стали результатом неурожая хлебов на протяжении 1824–1826 гг.³⁰ Другой причиной крестьянских волнений оставались злоупотребления и казнокрадство чиновников. Так, из показаний крестьян князя Салтыкова стало ясно, что платежи, взимаемые бурмистрами в течение десяти лет, бесследно исчезали, поступая помещику в неполном объеме. Учитывая данное обстоятельство, губернатор Я. Ф. Ганскау назначил расследование денежных хищений, к участию в котором привлек комиссию из десяти крестьян³¹.

По материалам «нравственно-политического отчета» III отделения за 1842 г., крестьяне костромского помещика, действительного статского советника Шульца, недовольные переменой образа управления и нововведениями по хозяйству, составили заговор и убили своего помещика³².

1830 г. был омрачен эпидемией холеры, охватившей губернию осенью 1830 г. С 3 сентября по 11 ноября между Костромской и Ярославской губерниями было прекращено свободное сообщение и выставлено оцепление. За это время в губернии заболело 430 и умерло 125 человек. Наиболее тяжелая эпидемиологическая обстановка сложилась в Костроме (251 заболевший, 51 умерший). Помощь больным была организована в лазарете, в духовной семинарии и в частных домах. Эпидемия распространилась также на Кинешемский, Юрьевецкий, Нерехтский уезды³³. По ликвидации эпидемии, 20 декабря 1830 г. костромское дворянство и чиновничество дали торжественный обед в честь губернатора С. С. Ланского и поднесли ему письменное отношение с изъявлением чувств признательности за успешную борьбу с распространением болезни³⁴.

В «Нравственно-политическом отчете» III отделения за 1839 г. отмечалось, что 12 губерний России были подвержены пожарам и народным волнениям, которые охватили Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую, Воронежскую, Тульскую, Рязанскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую и Пермскую

губернии. Причем в Костромской губернии в связи с обширными пожарами в казенных и помещичьих лесах распространились слухи о умышленных поджогах лесными чиновниками для сокрытия запрещенных порубок³⁵.

Наиболее масштабный пожар произошел в г. Костроме в 1847 году. Обстоятельства этого пожара, как указано выше, были отражены в ежегодном отчете III отделения. Как показывает отчет, слухи о предстоящем пожаре появились в городе в конце августа в связи с обнаружением записки в доме помощника почтмейстера с угрозами убийства и поджогов за утайку пересылаемых солдатских денег. Новые записки и надписи на стенах непосредственно предшествовали пожару. В городе распространились слухи о причастности к поджогам ссыльных поляков. Костромской гражданский губернатор К. Н. Григорьев, поверив народной молве, заключил под стражу до 90 чиновников, дворян и нижних чинов из числа поляков. «Пристрастными» методами расследования были получены показания двух мальчиков и дворовой женщины, находившихся в услужении у польских дворян, изобличившие заговор штаб-лекаря Ходоровича. Губернатор и следственная комиссия, подозревая масштабный заговор, потребовали привлечения к ответственности подозреваемых поляков не только в Костроме, но и в Москве, Ярославле и Владимире. Но так как свидетели впоследствии признались в оговоре, по высочайшему повелению неосновательно обвиненные были освобождены из-под ареста, а губернатор Григорьев отрешен от должности и передан военному суду. В таком виде представлено дело в «Нравственно-политическом отчете» III отделения за 1847 г. Однако отчет не раскрывает всех подробностей этого до сих пор не выясненного дела. Привлечение дополнительных источников позволяет сделать предположения, что пожар действительно был следствием поджогов, изначально направленных против действий губернатора, пытавшегося обуздать коррупцию и казнокрадство губернской администрации³⁶.

Константин Никифорович Григорьев был назначен костромским губернатором 28 января 1846 г.³⁷ Предшествующая его служба характеризовалась тем, что большинство занимаемых должностей было связано с финансами, сбором налогов, обеспечением армии или контролем над расходами.

2 сентября 1847 г. К. Н. Григорьев выехал с ревизией в отдаленные уезды губернии, а в ночь с 5 на 6 сентября в Костроме загорелись надворные постройки купца Энгерта и крестьянина Литова. При сильном ветре огонь быстро распространился по городским улицам. Пожар бушевал всю ночь, а в 7 часов утра загорелся Богоявленский монастырь, да так, что монахам пришлось пробивать монастырскую стену, чтобы выбраться из огня. Всего огнем было уничтожено 118 жилых и административных зданий³⁸.

Губернатор вернулся в Кострому вечером 7 сентября, а в 11 часов на следующий день стало известно о новом пожаре во дворе чиновника Полянского, и по Костроме стали распространяться подметные письма с угрозами новых поджогов. 9 сентября в 19 часов начался новый пожар, продолжавшийся всю ночь. В городе началось мародерство. Пожарная команда и полиция были

не в состоянии остановить ни пожары, ни грабежи. 11 сентября в 7 часов произошли новые возгорания³⁹. В результате пожаров с 5 по 11 сентября сгорело 188 домов, Богоявленский монастырь, 3 фабрики и 4 общественных здания⁴⁰. Для города с населением в 15 000 человек это стало катастрофой. Осенью жители оказались на улице. К счастью, отмечал П. Островский, осень была теплая и сухая.

Продолжительность пожаров, возгорание в разных местах города, подметные письма с угрозами поджогов не оставляли у населения сомнений в наличии злого умысла. Жители организовали патрули, делившие город на округа и обеспечивавшие общественный порядок и охрану от новых поджогов. Губернатором была образована следственная комиссия, к подозреваемым действительно были применены допросы «с пристрастием» (с пытками). За превышение власти 22 ноября 1847 г. К. Н. Григорьев был отстранен от должности губернатора, отозван в Санкт-Петербург и отдан военному суду⁴¹. Все это дает основания предположить, что поджоги в Костроме были организованы для пресечения ревизионных поездок губернатора. Тем более что впоследствии К. Н. Григорьев в своих действиях был оправдан и получил назначение губернатором во вновь образованную Якутскую губернию.

Формирование воинских ополчений. В связи с начавшейся Крымской войной в костромской губернии формировалось костромское ополчение. Контроль за формированием ополчений и рекрутских наборов входил в компетенцию III отделения, а формирование костромского ополчения оказалось сопряжено с многочисленными злоупотреблениями, в которых были обвинены Костромской губернатор А. Ф. Войцех и другие члены «Костромского губернского Комитета государственного подвижного ополчения». Министерство внутренних дел и III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии проводили расследование обстоятельств дела. От министерства внутренних дел для расследования был направлен чиновник для особых поручений, статский советник Титов, от корпуса жандармов – полковник Левенталь.

Флигель-адъютант, ротмистр князь Кропоткин в рапорте о состоянии костромского ополчения указывал на следующие недостатки. Прежде всего претензии командования вызвало обмундирование ополченцев. «Некоторая часть кафтанов... построены из весьма дурного сукна», полы кафтанов и шаровары во всем ополчении сшиты без подкладки; «полушубки вообще не хороши... коротки и узки, и есть даже из телячьих и козлиных шкур». Ратники были направлены с одной парой сапог, «и во время грязи и ненастной погоды им совершенно нечем переменить обуви... в дружине № 153 в особенности, сапоги пришли в ветхость». Не в лучшем состоянии находилось снаряжение. «Патронташи не могут вмещать 60 патронов по тесноте гнезд... Топоры не одинаковы, дурно отделаны, без железных заклепок, отчего при употреблении сваливаются. Лопаты совершенно не годны. Лазаретные фуры очень дурно сделаны и непрочны. Патронные ящики не могут

вмещать должного числа патронов, непрочны и совершенно негодны, так что пустые не выдерживают дороги, ломаются и разваливаются; остальной обоз, построенный также Комитетом, весьма непрочен... Лошади в обозе вообще хороши, исключая купленных Комитетом, сбруя, построенная дружинными начальниками хороша, но полученная из Комитета сделана из дурного материала.» В рапорте было также высказано предположение о денежных злоупотреблениях. Комитет «не озаботился сделать хотя малейшее вспомоществование неимущим офицерам и обеспечить чем-либо их семейства». Командир дружины № 149 заявил, что средства, пожертвованные данной дружине галицким дворянством, не были переданы Комитетом в дружину⁴².

Содержание рапорта совершенно определенно выявляет нарушения и злоупотребления, сопровождавшие формирование ополчения, однако заметно желание автора возложить ответственность исключительно на Костромской губернский комитет ополчения. В ходе расследования все названные недостатки в подготовке ополчения подтвердились. Особенно было обращено внимание на то, что полы кафтанов и шаровары не имели подкладки. Делопроизводство Комитета велось с явными нарушениями. Журналы и постановления оформлялись иногда «очень кратко и необстоятельно» и по большей части задним числом. Комитет для освидетельствования заказанного обмундирования редко собирался в полном составе. Все это и было вменено в вину Комитету, и в частности губернатору, и признано как упущение. При этом жандармский полковник Левенталь особо отмечал, что злоупотреблений в действиях Комитета не оказалось⁴³.

В то же время обнаружилось, что по разным причинам костромской губернатор, предводитель дворянства и в целом Комитет ополчения встречали откровенное противодействие или саботаж со стороны костромского дворянства. Начальник Ветлужской № 153 дружины ополчения полковник Быстроглазов отказался заниматься покупкой телег и лошадей. Телеги и прочее снаряжение для данной дружины были заказаны Комитетом в экипажном заведении штабс-капитана Колычева, однако работа была выполнена крайне недобросовестно. Приходилось несколько раз возвращать снаряжение на переделку. Быстроглазов, получив снаряжение, «как будто нарочно старался еще до выступления все привести в худший вид. Одежда и амуниция употреблялись без всякой бережливости», а на лошадях и телегах ополчения по г. Ветлуге развозился песок. Дружина выступила из Ветлуги с опозданием и была «встроена» в состав ополчения уже в походе. Смотр костромскому ополчению был устроен в 50 верстах южнее Москвы, в 700 верстах от Ветлуги. Ветлужская дружина прибыла на смотр после 52 дневного похода. В Калуге один из ратников Ветлужской дружины умер, не выдержав пути. Статским советником Титовым было установлено, что начальник дружины полковник Быстроглазов на последних дворянских выборах 1854 г. пытался избираться в уездные предводители дворянства, но, потерпев на выборах неудачу, был враждебно настроен к губернскому предводителю дворянства Миронову и губернатору Войцеху. По мнению следствия, именно ввиду этих обстоятельств Быстроглазов старался «показать вверенную ему часть как можно хуже, чтобы подвергнуть Комитет ответственности»⁴⁴.

Недостатки снаряжения ополчения проистекали из противодействия не только Быстроглазова. В губернии сложилось несколько дворянских группировок, боровшихся за выборные должности дворянского самоуправления. На выборах 1854 г. действительный статский советник Васьков баллотировался на пост губернского предводителя дворянства, но избран бы артиллерии поручик Мионов. Противоречия между дворянскими группировками обострились, и в пику губернскому предводителю начальником костромского ополчения в феврале 1855 г. был избран Васьков. Ввиду личных качеств и состояния здоровья Васькова губернатор А. Ф. Войцех отозвался, что находит Васькова неспособным к руководству ополчением, однако мнение губернатора учтено не было. Враждебные отношения Васькова с первыми лицами губернии привели к тому, что начальник ополчения «до самого выступления... от всего уклонялся, ни во что не входил, не являлся в Комитет даже по приглашению, отзываясь всегда болезнью, не ездил осматривать дружины на сборных местах». Противодействие оказывали некоторые другие начальники дружин, имевшие не менее трех месяцев до выступления в поход на исправление недостатков⁴⁵.

Деятельность губернатора подвергалась острой критике со стороны председателя костромской казенной палаты, действительного тайного советника Тинькова. Отношения между ними не сложились. А когда обнаружилась неаккуратность и несвоевременность ведения делопроизводства Комитета, Тиньков стал препятствовать его деятельности⁴⁶.

Полковник Левенталь и статский советник Титов, проводя расследование от разных ведомств, пришли к сходному заключению. Недостатки в подготовке костромского ополчения они отнесли не только к деятельности Комитета, но и к противодействию и интригам «начальствующих лиц ополчения против губернского Комитета государственного подвижного ополчения», а доносы на членов Комитета и губернатора были признаны «некоторые преувеличенными, а остальные совершенно ложными»⁴⁷.

Результаты расследования оставляют крайне противоречивое впечатление. Император по его итогам принял «соломоново решение». Всем членам Костромского губернского комитета ополчения, включая костромского губернатора, был объявлен выговор с внесением в формулярные списки. Дело о недостатках снаряжения костромского ополчения было прекращено, члены комитета освобождены от всякой ответственности, но на дальнейшие просьбы А. Ф. Войцеха сложить со всех членов комитета выговор, последовало его увольнение от должности костромского губернатора⁴⁸.

Показаны лишь некоторые направления деятельности III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, сохранившей обширный материал о развитии Костромской губернии и проблемах губернского управления в имперской России.

Примечания

¹ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. – Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 147–158.

² «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827–1869 : сб. док-тов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. С. 702–703.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Там же. С. 390.

⁷ Там же. С. 403–404.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 79. Л. 14 об. – 15.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 109. Л. 3 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 79. Л. 12 об. – 13, 16.

¹¹ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 79. Л. 12.

¹² ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1827 г. Д. 109. Л. 9, 6.

¹³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1178. Л. 12–13.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 109. Л. 19.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1178. Л. 7.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1178. Л. 13 об., 29 об.

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 1178. Л. 36–37.

¹⁸ В 1831–1836 гг. гражданский губернатор Рязани, а затем начальник II округа корпуса жандармов, в ведении которого находилась Москва, дослужился до чина генерал-лейтенанта в 1847 г. См.: «Россия под надзором»... С. 177.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1178. Л. 4, 31 об. – 32 об.

²⁰ ГАРФ. Ф. 109. 4-й экспедиции. Д. 77. Л. 13–13 об.

²¹ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1827 г. Д. 109. Л. 34–34 об.

²² ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 27, 1852 г. Д. 289. Л. 1–2 об.

²³ Там же. Л. 3 об. – 4.

²⁴ Там же. Л. 16.

²⁵ Там же. Л. 19 об. – 20.

²⁶ Там же. Л. 21–21 об., 24–24 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 2, 1897 г. Д. 109. Л. 4–6 об.

²⁸ ГАРФ. Ф. 109. 4-й экспедиции. Д. 68.

²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 4-й экспедиции. Д. 77. Л. 1 об., 5–6 об., 9–10.

³⁰ См.: ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 6285. Л. 18–19.

³¹ ГАРФ. Ф. 109. 4-й экспедиции. Д. 77. Л. 11 об. – 12.

³² «Россия под надзором»... С. 295.

³³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 109. 4-й экспедиции. Д. 164.

³⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 6, 1831 г.

³⁵ «Россия под надзором»... С. 203–206.

³⁶ Там же. С. 403–404.

³⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 608. Л. 95–111.

³⁸ Дело о пожаре 1847 года // Губернский дом (Кострома). 1998. № 5/6. С. 97.

³⁹ Там же. С. 98–99.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1-й экспедиции. Оп. 22, 1847. Д. 322. Л. 1 об.

⁴¹ См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 608. Л. 109; Дело о пожаре 1847 года. С. 100.

⁴² ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 19–20 об.

⁴³ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 5, 10, 14–14 об., 34–34 об.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 9–12 об.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 13, 14 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 15–16.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 5–6, 14 об., 34 об.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 109. 2-й экспедиции. Оп. 1855 г. Д. 445. Л. 22–23, 31 об., 34 об. – 38.

**МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМПЕРАТОРА И ГУБЕРНАТОРА
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В процессе своей деятельности губернская администрация во второй половине XIX – начале XX в. взаимодействовала со следующими органами центрального управления России: императором, Сенатом, Комитетом министров, Советом министров, Государственным советом, министерствами. Особое место занимали отношения между императором и губернатором.

Первостепенно, по закону, утверждение и увольнение от должности губернатора как руководителя губернии производились главой государства. Посредником в этом процессе служило Министерство внутренних дел. Процедура назначения глав местной администрации выглядела следующим образом: кандидатуры подбирались министром внутренних дел, в Департаменте общих дел составлялись отдельные «представления» на каждого претендента, затем министр входил с докладом к императору и по результатам их беседы издавался именной указ о назначении, который затем выносился на утверждение в Сенат¹.

Взаимоотношения регионального руководства и императора носили во второй половине XIX – начале XX в. как непосредственный, так и опосредованный характер. К непосредственным отношениям относились аудиенции губернатора при дворе императора и встречи главы государства с представителями губернской администрации в рамках его официальных и неофициальных поездок. Личные встречи начальника губернии и императора были довольно редким явлением. Аудиенции являлись той возможностью, когда начальник губернии мог проявить себя как талантливый руководитель, рассказать о насущных проблемах региона, высказать пожелания и просьбы. Очень точное замечание по этому поводу дал пермский губернатор Иван Францевич Кошко. Он считал, что на аудиенцию каждого губернатора необходимо было «посвящать несколько часов, ибо только в течение такого времени возможно дать сколько-нибудь содержательный очерк того, что происходит в губернии, а такого времени в распоряжении государя быть не может, а потому все и сводится к нескольким малозначащим вопросам и ответам, и представления могут дать государю в лучшем случае некоторое внешнее впечатление о личности самого губернатора»². Изучение документов из фондов центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив) и местного (Государственный архив Владимирской области) архивов показывает, что ни один из владимирских губернаторов, руководивших регионом во второй половине XIX – начале XX в., не был удостоен чести быть принятым императором. Несмотря на это, местные источники содержат довольно информативный материал о посещении императорской фамилии Владимирской губернии в 1913 г.

Подготовка к приезду монарших особ была основательной. Улицы Владимира были украшены флагами, шерстяными и суконными штандартами, транспарантами и вензелями. У вокзала были воздвигнуты два обелиска с изображениями гербов (государственного и г. Владимира) и инициалами императора и его супруги. Праздничный вид приобрели административные и общественные здания губернского города. Особое внимание Владимирская губернская администрация уделила охране членов императорской фамилии. На вокзале был выставлен караул от 9-го гренадерского сибирского полка, квартировавшего во Владимире. По пути следования главы государства за его безопасность отвечали многочисленные полицейские и военные чины³. Ответственность начальника Владимирской губернии И. Н. Сазонова за организацию встречи была очень велика, поэтому он в сопровождении заведующего церемониальной частью Евреинова строго контролировал все стадии подготовки⁴.

16 мая 1913 г. император Николай II с семьей посетили г. Владимир. Во встрече монарха приняли участие представители Владимирской губернской администрации: губернатор И. Н. Сазонов⁵, губернский предводитель дворянства В. С. Храповицкий, вице-губернатор Н. В. Ненароков и др. Встреча носила неофициальный характер. Она была приурочена к торжествам по случаю празднования 300-летия царствования дома Романовых. Помимо г. Владимира в рамках поездки императорская семья посетила Суздаль, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Ростов, Переславль и Москву. Сначала перед государем с рапортом выступил губернатор. После этого Николай II осмотрел караул 9-го гренадерского сибирского полка и пропустил его торжественным маршем. По окончании официальной части встречи представители административных и общественных учреждений преподнесли членам императорской семьи иконы на память о пребывании в г. Владимире. Затем императорская семья посетила молебен в Успенском соборе г. Владимира и познакомилась с древними вещами в соборной ризнице. После Николай II осмотрел Дмитриевский собор, и императорская семья отбыла в г. Суздаль⁶.

Взаимодействие губернской администрации с монархом (при участии Министерства внутренних дел) осуществлялось также опосредованно, через ежегодные «всеподданнейшие» отчеты губернатора. Начальник губернии писал их в свободной форме и имел «возможность говорить там решительно о всем, что представляется важным для интересов»⁷ губернии. Император со своей стороны подробно изучал «всеподданнейшие» отчеты, часто делал в них свои пометки. О наличии таких пометок канцелярия Совета министров извещала, с одной стороны, министра внутренних дел, а с другой – автора отчета – губернатора⁸.

Особое внимание в исследуемый период в своих отчетах владимирские губернаторы уделяли проблемам развития сельского хозяйства. Начальник губернии В. Н. Струков,⁹ например, акцентировал внимание на том, что крестьянское хозяйство велось по «трехпольной системе, теми же орудиями, с исключительным посевом колосовых хлебов и при самом ничтожном количестве скота»¹⁰. Еще одной проблемой, по мнению В. Н. Струкова, было приобретение земли купцами не для занятия сельским хозяйством, а с целью выгодного оборота ка-

питала. Причинами подобной ситуации с сельским хозяйством губернатор считал недоброкачество почв, неблагоприятные климатические условия, отсутствие кредита и знаний, а также неустойчивость и обременение помещичьих имений долгами. Выход из сложившейся ситуации В. Н. Струков видел, прежде всего, в развитии земледельческого кредита и распространении в народе сельскохозяйственных знаний.

Члены императорской фамилии способствовали решению ряда проблем в области сельского хозяйства. Так, в 1854 г. под попечительством великой княгини Елены Павловны в г. Юрьеве Владимирской губернии было создано общество сельского хозяйства¹¹. Основными направлениями деятельности общества являлись организация и проведение научных исследований, направленных на изучение факторов влияния на сельское хозяйство, а также организация выставок, главная цель которых – знакомство широких слоев населения с современными методами ведения сельского хозяйства¹².

Принадлежность к центральным органам управления губернатор мог ощутить во время праздничных мероприятий. На правах представителя верховной власти начальник губернии, например, приглашал к участию в торжествах представителей учреждений общественного управления¹³. 15 мая 1883 г., в день коронации императора Александра III, в г. Владимире проходили масштабные праздничные мероприятия. По случаю торжеств город был украшен флагами, вензелями и портретами императора Александра Александровича и Марии Федоровны. Утром 15 мая в Успенском соборе г. Владимира Муромским епископом Иаковом была совершена литургия, на которой присутствовали первые лица региона во главе с губернатором В. Н. Струковым. По окончании службы для чиновников низшего звена было предложено угощение, а ученики городских училищ получили в подарок по коробке конфет¹⁴.

Местная власть во второй половине XIX – начале XX в. достаточно эффективно обеспечивала «обратную связь» с монархом. Начальник губернии являлся связующим звеном между верховной властью и широкими слоями населения. Через Министерство внутренних дел губернатор передавал для императора сообщения с выражением верноподданнических чувств от представителей разных слоев населения¹⁵. В 1870-е гг. при посредничестве владимирского губернатора В. Н. Струкова императору Александру II были подарены рисунки и пряничные доски ученого, коллекционера, члена Владимирского губернского статистического комитета И. Гольшева¹⁶.

Таким образом, взаимодействие императора и губернатора в России во второй половине XIX – начале XX в. носило фрагментарный характер. Это объяснялось тем, что основной объем взаимоотношений приходился на Министерство внутренних дел, в непосредственном подчинении которого и находилась губернская администрация. Ведомственное влияние МВД простиралось на все сферы деятельности местных административных органов власти. Император и губернатор взаимодействовали между собой лишь во время недолгих аудиенций, официальных и неофициальных визитов монарха в губернию и посредством всеподданнейших отчетов.

Примечания

¹ Бикташева А. Н. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века // Отечественная история. 2006. № 6. С. 33.

² Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914). Екатеринбург, 2007. С. 156.

³ Телеграммы временно управляющего Министерством императорского Двора // Владимирские губернские ведомости (ВГВ). Часть неофициальная. 1913. № 21. С. 1.

⁴ К путешествию Их Императорских Величеств // ВГВ. Часть неофициальная. 1913. № 20. С. 1.

⁵ Сазонов Иван Николаевич – действительный статский советник, губернатор Владимирской губернии в 1906–1914 гг.

⁶ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 год. Владимир, 1913. С. 68–69.

⁷ Кошко И. Ф. Указ. соч. С. 156.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Струков Владимир Николаевич – генерал-лейтенант, губернатор Владимирской губернии в 1866–1875 гг.

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 164. Л. 2.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 2313. Л. 34 об.

¹² Общее собрание Юрьевского общества сельского хозяйства 16 декабря 1854 года в городе Владимире // ВГВ. Часть неофициальная. 1855. № 6. С. 42.

¹³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 324. Л. 109.

¹⁴ Коронационные торжества в г. Владимире // ВГВ. Часть неофициальная. 1883. № 20. С. 1.

¹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 156. Л. 234 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2161. Л. 7 об.

И. В. Омелянчук

**РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ
И МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА**

В начале XX столетия наметилось определенное движение российской политической системы в сторону конституционализма, что в свою очередь поставило на повестку дня вопрос об ограничении полномочий монарха. Особенно ярко стремление оппозиции ограничить самодержавие проявилось осенью 1904 г. в речах, произносимых в ходе организованной либеральным «Союзом освобождения» банкетной кампании.

В защиту неограниченной монархии выступили русские консерваторы. К этому моменту правое движение еще не институционализировалось, представляя собой не политическую силу, а скорее один из спектров общественного мнения. Единственной консервативной партией, реально функционировавшей в конце 1904 г., являлось «Русское собрание», начавшее переходить от культурно-просветительской деятельности, ради которой оно и было создано, к политической. Первым шагом «Собрания» в этом направлении стала челобитная,

поданная императору 31 декабря 1904 г. от имени лидеров организации – князя Д. П. Голицына, генерал-майора А. М. Золотарева, Н. Л. Мордвинова, князя М. Н. Волконского и Н. А. Энгельгарта. В этом документе в частности говорилось: «Определенно отвергает Русское Собрание всякую мысль об изменении устоев Самодержавной власти, Господним велением призванной защищать нашу церковь и духовные сокровища русского народа. Ему дорога уверенность в том, что наш государственный строй огражден от посягательств, могущих сказаться не только в прямом повреждении наших вековых основ, но и в поползновениях лиц, возомнивших себя призванными переустраивать наш государственный уклад»¹.

По мнению авторов верноподданного адреса императору от имени московского дворянства (так называемой «Самаринской записки»²), считавших себя знатоками русской народной души, «представительные учреждения никогда не получают в глазах народа и малой доли того авторитета, которым обладает самодержец», и, стало быть, «всякие меры, клонящиеся к тому, чтобы умалить или ослабить Самодержавную власть, противоречат... политическому сознанию русского народа и потому будут встречены не только недоверием, но даже враждебно»³.

Видный идеолог монархизма, бывший народоволец Л. А. Тихомиров также не смог остаться в стороне от развернувшейся дискуссии. В своей книге «Самодержавная монархия», опубликованной в начале 1905 г., он указывал, что любое ограничение самодержавия недопустимо. По мнению Л. А. Тихомирова, «всякая власть имеет свои сильные стороны, и они действуют тем лучше, чем более обладают своими собственными свойствами, не ослабляясь... вторжением действия других элементов, с противоположными свойствами. В этом смысле истинная монархия может быть только одна. Это именно есть та монархия, в которой одно лицо получает значение Верховной власти: не просто влиятельной силы, а власти верховной»⁴. По мнению одного из авторов черносотенного журнала «Мирный труд», писавшего под псевдонимом «Монархист», «падение Самодержавия было бы началом конца России, а малейшее ограничение Самодержавия было бы Его падением, так как неограниченная монархия, по существу своему, несовместима ни с каким разделом власти»⁵. Один из учредителей созданного в начале 1905 г. Союза русских людей С. Ф. Шарапов также считал необходимым «освободить Верховную волю от всякого внешнего руководства и нравственного принуждения», возможного со стороны представительных органов⁶.

Манифест от 17 октября 1905 г., провозглашавший гражданские свободы и создание законодательной Государственной думы, ограничивающей прерогативы монарха, привел правых в замешательство. Характерно высказывание лидера московских монархистов В. А. Грингмута после опубликования этого документа: «...царя у нас украли»⁷. «Боже мой, сколько сраму...» – писал по этому поводу один из лидеров «Русского собрания» приват-доцент Петербургского университета Б. В. Никольский своему однопартийцу Волынскому митрополиту Антонию (Храповицкому)⁸. А в частном письме, адресованном Совету Екатеринославского отдела Союза русского народа (СРН), говорилось, что

Манифестом 17 октября Государь Император «дал слишком много политических и гражданских свобод и милостей русскому народу»⁹.

Киевская монархическая организация «Русское братство» просила члена Государственного совета К. П. Победоносцева повергнуть «к стопам государя императора следующую всеподданнейшую мольбу: Великий, обожаемый русским народом Государь. Всеподданнейше умоляем не допускать изменения основных законов империи о Самодержавии. Самодержавие есть фундамент могущества России и благо русского народа»¹⁰. А в адресе Всероссийского съезда землевладельцев, состоявшегося в ноябре 1905 г., говорилось: «Самодержавный государь! Твой манифест 17 октября возбудил во всех слоях преданного тебе населения существенное сомнение относительно неприкосновенности законной русской самодержавной неограниченной власти»¹¹.

Николай II поспешил рассеять эти сомнения монархистов, дав им понять, что его самодержавная власть и после издания манифеста не претерпела никаких изменений. 23 декабря 1905 г., во время приема депутации СРН, император заявил присутствующим: «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти я буду нести Сам, и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом»¹². Эти слова впоследствии были помещены на обложке устава СРН.

Общественное же мнение России восприняло Манифест 17 октября как первый шаг к конституционной монархии, что вызвало бурные протесты правых. И хотя, согласно новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., император сохранял всю полноту власти по управлению страной через ответственное только перед ним министерство, все же его законодательные полномочия, несмотря на наличие пресловутой 87 статьи, были формально ограничены. Поэтому монархисты, с одной стороны, всеми силами стремились убедить общественность, что исключенное из титула монарха определение «неограниченный» ничего не изменило в характере российского самодержавия, а с другой – подчеркивали, что в России Верховная власть и не нуждается в каком-либо законодательном ограничении, так как она «ограничена содержанием того идеократического элемента, который выражает и для выражения которого признана Верховной»¹³.

Ожесточенные споры разгорелись вокруг слова «самодержавный», сохранившегося в титуле императора. Согласно господствовавшей в то время либеральной точке зрения, разделяемой, в частности, таким признанным авторитетом в области истории, как В. О. Ключевский, первоначальное значение слова «самодержавие» в русском языке противопоставлялось не конституционной монархии или республике, а системе вассальных отношений между государями. Самодержец означал владыку самостоятельного, независимого от других властителей. И только с середины XIX столетия, когда конституционные идеи широко проникают с Запада в Россию, слово «самодержавие» приобретает значение ничем не ограниченной власти монарха.

Таким образом, по мнению либералов-конституционалистов, слово «самодержавный» определяло лишь внешний, международный статус главы государства,

являясь синонимом современного заимствованного слова «суверенный», тогда как внутренние его полномочия определялись словом «неограниченный». Кроме того, оппозиция считала, что если ранее в титуле императора присутствовали оба слова – и «неограниченный», и «самодержавный», то по юридической и семантической логике они не должны являться синонимами. А так как в Новой редакции Основных законов Российской империи слово «неограниченный» в титуле императора отсутствовало, то, следовательно, после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. даже «самодержавный» (по отношению к другим государствам) царь являлся вполне «ограниченным» конституционным монархом внутри страны.

Правые же, наоборот, стремились доказать, что слова «самодержавный» и «неограниченный» в российской юридической практике являлись именно синонимами, и настаивали на том, что слово «самодержавный» изначально, чуть не со времен Московской Руси, противопоставлялось слову «конституционный», а не «вассальный»¹⁴.

«Русское собрание», рассматривая юридическую суть царского Манифеста 17 октября 1905 г., утверждало, что «означенный Манифест ни по форме изложения, ни по своему содержанию не указывает на отречение Государя Императора от Самодержавной власти, преемственно дарованной Ему милостью Божией и русским народом, избравшим на Царство Дом Романовых». По мнению лидеров «Собрания», Манифест «выражает лишь недоверие Государя Императора к прежним Его советникам»¹⁵. Поэтому в политической программе этой организации провозглашалось, что «Царское самодержавие не отменено Манифестом 17 октября и продолжает существовать на Руси и при новых порядках»¹⁶.

Л. А. Тихомиров со страниц «Колокола» утверждал: «Разбирая законодательные акты, создавшие Государственную Думу в их совокупности, приходится решительно отвергнуть мысль о каком-либо произведенном будто бы при этом ограничении самодержавия»¹⁷. Один из учредителей Русской монархической партии Л. В. Геника с трибуны II Всероссийского съезда Русских людей (Москва, 6–12 апреля 1906 г.) заявил: «Ни актом 17 октября, ни каким-либо предшествовавшим ему, ни каким-либо последующим или еще имеющим появиться – Самодержавие русских царей *не отменено и не может быть* отменено... всякое умаление этой власти есть акт незаконный и потому юридически не существующий»¹⁸. «Верный присяге дворянин» со страниц «Мирного труда» даже заявил, что монарх вообще, в принципе, не имеет права ограничивать свою власть, так как «Верховная власть ни Царем, ни народом, но Божию милостью на Руси установлена, и потому ни Царь, ни народ в сей власти не вольны, и за установление ее не друг перед другом, но перед Самим Богом, как за грех отвержения Его к себе милости, ответственны»¹⁹. Эту точку зрения полностью разделял и правый публицист Н. Черников, считавший, что и после опубликования Манифеста 17 октября «Русский Царь остался обладателем всех самодержавных полномочий, коими облек Михаила Федоровича Земский собор 1613 г., ибо только Земский же собор мог бы перестроить государство русское на

новых началах»²⁰. «Старый славянофил», генерал-лейтенант кавалерии А. А. Киреев, называл Манифест 17 октября 1905 г. «весьма скороспелым и неудачным бюрократическим произведением». По его мнению, этот документ есть «изменение одною из сторон двустороннего, хотя и не писанного, но твердого обязательства, условия [договора 1613 г. между царем и Землей. – *И. О.*]. Нарушение его одной стороной составляет государственный переворот, совершенный без согласия и ведома другой (русского народа)»²¹.

Но были в стане монархистов и те, кто безоговорочно поддержал изменения в политической системе страны. Будущий лидер умеренно-правого Всероссийского национального союза (ВНС) П. Н. Балашев в 1906 г. писал царю: «...ни один благоразумный человек не посоветует Вашему Величеству вернуться к традициям прежнего самодержавия и бюрократического строя; эта форма правления приговорена уже окончательно Вами самими 17 октября, и всякий истинно русский патриот и убежденный монархист может только этому порадоваться»²². Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, известный своими правыми убеждениями, считал, что Манифест 17 октября внес положительные изменения в государственный механизм России, переложив часть ответственности с исполнительной ветви власти на представительный орган (Государственную думу) и создав тем самым еще одну точку опоры для правительства. «Власть и влияние личности Государя от этой перемены должны были лишь выиграть и в объеме, и в нравственном значении», – писал он. «До перемены строя во всем, чем были недовольны, винули правительство, а исподтишка или иносказательно и Государя. Не было в стране, если не считать отдельных лиц, ни сознательных защитников монархического начала, ни сторонников правительства. Самодержавие спутывалось в представлении большинства с произволом, а правительство с чиновничеством»²³.

Некоторые представители проправительственного ВНС попытались теоретически обосновать возможность «мирного сосуществования» законодательного представительного органа и неограниченной власти монарха. Ведущий публицист националистов М. О. Меньшиков полагал, что «Основные Законы внесли не *ограничение* верховной власти, а лишь *отграничение* ее от других властей, от нее нисходящих, разграничение областей и действий»²⁴. А его соратник по партии А. И. Савенко в одном из своих выступлений 1912 г. выразился еще определеннее: «Власть государя несколько не ограничена»²⁵. Он предложил свое понимание принципов функционирования государственного механизма после Манифеста 17 октября: «Народное представительство является у нас *органом* Верховной Царской власти, и потому оно ограничивает бюрократию, а не Царскую власть. Это ни малейше не противоречит тому, что Государственная Дума и Государственный Совет – законодательные учреждения, а не законосовещательные», – утверждал А. И. Савенко. По его мнению, создание независимой судебной власти во времена Александра II несколько не ограничило самодержавие царя, поэтому и учреждение законодательного органа совершенно не покушается на прерогативы Верховной Власти, «которая неограничима, потому, что она – Верховная». «Обновленный» государственный

строй, в представлении А. И. Савенко, имеет такую схему: «Верховная власть – власть Царя; для рассмотрения и решения дел текущей государственной жизни от Верховной власти исходит три власти: правительство, суд, законодательные учреждения. Верховная власть оставила за собой только учредительные функции. В сфере же текущих дел верховная власть является только высшим регулятором работы правительства, суда и законодательных учреждений»²⁶.

Таким образом, издание Манифеста 17 октября 1905 г. о создании русского парламента – Государственной думы – российские консерваторы восприняли в большинстве своем негативно, оценивая его как шаг к конституционной монархии западноевропейского типа, в то время как их идеалом являлось неограниченное самодержавие, при котором волю монарха ограничивает «лишь его верующая совесть». Часть правых вообще полагала, что монарх в принципе не имеет права ограничивать каким-либо образом свою власть, дарованную ему свыше. В то же время, будучи верноподданными монархистами, русские консерваторы не могли оспаривать манифест, изданный Высочайшим повелением. Эту дилемму они попытались разрешить утверждениями о том, что создание представительного законодательного органа несколько не ограничило прерогативы монарха и самодержавие в России продолжает существовать.

Примечания

- ¹ Челобитная Русского Собрания // Мирный труд. 1905. № 1. С. VI–VII.
- ² Записку подписали: Ф. Самарин, И. Тютчев, К. Рукавишников, Д. А. Хомяков, Н. М. Павлов, Н. К. Фон-Вендрих, кн. В. А. Голицин, В. М. Васнецов, Н. Пальчиков, гр. Ф. Уваров, А. А. Корнилов, С. Самарин, П. Б. Мансуров, Ф. Тютчев, А. Самарин.
- ³ Самаринская записка // Мирный труд. 1905. № 2. С. 186, 191.
- ⁴ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 100.
- ⁵ Монархист. По поводу «весенних» напевов // Мирный труд. 1905. № 2. С. 98.
- ⁶ Шаранов С. [Ф.] Опыт Русской политической программы. М., 1905. С. 37. С. 7.
- ⁷ Цит. по: Восторгов И. [И.] Памяти В. А. Грингмута // Мирный труд. 1907. № 10. С. 187.
- ⁸ Цит. по: Черникова Н. В. Князь Владимир Петрович Мещерский и революция (1904–1907 гг.) // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 168.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 128. Л. 17 об.
- ¹⁰ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 1123. Л. 3.
- ¹¹ Задонский В. [А.] Всероссийский съезд землевладельцев // Мирный труд. 1905. № 10. С. 178.
- ¹² Московские ведомости. 1906. 28 янв. № 25.
- ¹³ Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 52.
- ¹⁴ См., напр.: Черняев Н. И. Из записной книжки русского монархиста // Мирный труд. 1905. № 2. С. 53.
- ¹⁵ Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 84, 85.
- ¹⁶ Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением Манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб., 1906. С. 130.
- ¹⁷ Колокол. 1906. 19 января. № 15.
- ¹⁸ Вече. 1906. 22 апр. № 12.
- ¹⁹ Верный присяге дворянин. Отменимо ли самодержавие // Мирный труд. 1905. № 9. С. 205–206.
- ²⁰ Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1907. № 8–9. С. 271.

²¹ Киреев А. [А.] Голос старого славянофила // Мирный труд. 1907. № 8–9. С. 255, 252.

²² Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 33.

²³ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 118.

²⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 157–158.

²⁵ Там же. С. 160.

²⁶ Сборник клуба русских националистов. Вып. 3. Киев, 1911. С. 73–74.

К. С. Рубанков

МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905–1913 ГГ.): СИМВОЛЫ И АТРИБУТЫ

Деятельность правомонархических (черносотенных) организаций, активно действовавших в Костромской губернии в 1905–1913 гг., до сих пор недостаточно изучена. Не привлекали внимания исследователей и такие сюжеты, как атрибутика и символика правомонархистов, которым те придавали исключительное значение: партийные хоругви, знамена, флаги, значки, ленты, членские билеты, четко разработанная процедура открытия новых отделов – все это для монархического движения играло огромную роль.

Бюджет Костромского отдела Союза русского народа – единственной монархической партии, действовавшей в регионе, за 1906–1909 гг. показывает, что на покупку знамен, хоругвей, лампад и вывесок было потрачено 845 рублей¹. Эти расходы были на первом месте – симптоматично, что на организацию губернских съездов истратили только 70 рублей.

В устном словаре правомонархистов постоянно присутствовали слова «стяг», «хоругвь», «знамя», они многократно звучали в высказываниях костромских крайне правых, в их речах на собраниях. Лидер Костромского отдела СРН К. Русин часто любил повторять: «Крепко схватимся за [нашу] хоругвь (здесь и далее выделено нами. – Авт.) и не отпустим, пусть нам рубят руки!»². Лидер всероссийского СРН А. Дубровин, посетивший Кострому в 1908 г., также заявлял, что 2 тысячи отделов объединились «под их [монархистов] знамена»³. Появившаяся в Костромской губернии в 1903 г. монархически-консервативная организация получила название «Общества хоругвеносцев»⁴. Как известно, и главный печатный орган всероссийского СРН носил название «Русское знамя».

Как видим, партийным хоругвям и знаменам придавалось большое значение. Свои хоругви были у каждого подотдела костромского отдела СРН. Как и архив местных правомонархистов, все они оказались утрачены. До нас не дошла атрибутика подавляющего числа провинциальных отделов СРН⁵. Однако в фондах Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника относительно недавно обнаружилась хоругвь

РАЗДЕЛ I

одного из уездных подотделов костромского отдела СРН – Солигаличского, которая поступила в музей после революции⁶.

О самом Солигаличском подотделе известно немного: в 1907 г. в нем насчитывалось около 100 человек, а председателем был священник Павел Троянов⁷. Есть сведения, что в 1909 г. один из солигаличских купцов пожертвовал местному подотделу СРН 50 рублей на приобретение знамени, однако неизвестно, является ли дошедшая до нас хоругвь купленной на это пожертвование⁸.

Хоругвь – двусторонняя: на лицевой стороне на белом бархате масляной краской изображен Георгий Победоносец, на заднем плане – изображение Богородицы. В верхней части – надпись церковно-славянским шрифтом «За Веру, Царя и Отечество». В нижней – надписи «Союз Русского Народа» и «Солигаличский отдел». Обратная сторона хоругви представляет больший интерес: на ней, кроме Богородицы, изображены преподобные Иов Почаевский (1551–1651), настоятель Почаевского монастыря, и князь Феодосий Острожский (ум. около 1483) – почитаемые святые Воляни. Под ними надпись – «Боже, царя храни», в нижней части – «С нами Бог». Над изображением святых – фраза из акафиста Почаевской иконе Богородице: «Радуйся, Похвало Почаевская и всего мира Надеждо и Утешение». Присутствие на оборотной стороне хоругви Солигаличского подотдела СРН почитаемых святых Юго-западного края Российской империи выглядит достаточно необычным и труднообъяснимым. Во всяком случае, это не было типично для хоругвей монархистов Костромской губернии: сохранилось описание знамени подотдела СРН села Красного – второго по численности в регионе: на лицевой стороне изображалось крещение Христа, на оборотной – герб Костромской губернии, кругом этих изображений шла надпись «Союз Народа Русского».

Отдел СРН в Почаеве был самым многочисленным в России – к концу 1907 г. там числилось 105 тысяч человек, он включал в себя 1 155 сельских подотделов Волынской, Подольской и Киевской губерний⁹. Отдел был чрезвычайно влиятельным, вел активную деятельность, имел широкую сеть пропаганды в лице священников и собственную газету¹⁰. Можно предположить, что хоругвь была подарена солигаличским монархистам.

Хоругвь – типичнейший образец атрибутики и символики правомонархистов: мы видим многочисленные изображения святых, а в надписях – неоднократные упоминания Бога и императора. Несомненно, большинство лидеров монархистов были вполне искренне в желании отстоять те лозунги, которые были написаны на их знаменах. Однако совершенно очевидно, что монархическая и религиозная символика, соответствующие атрибуты привлекали в СРН значительное число сторонников – особенно мещан и крестьян, как правило, консервативно настроенных, верующих и традиционно связывающих возможные улучшения в их жизни с личностью монарха. Подобные настроения были типичными для Костромской губернии: в октябре 1905 г., в самый разгар революционных событий, костромские крестьяне

говорили: «А как же нам без царя? Кто за нас заступится?»¹¹. В 1906 году в Костроме на монархические издания потенциальных читателей подписывали, задав всего один вопрос: «В Бога веруешь? И в Царя тоже? Ну и подписывайся!»¹². Уездные исправники, оценивая в 1907 г. обстановку в губернии, были убеждены: «громадное большинство массы населения — беспартийные монархисты»¹³. Таким образом, партия, на знаменах которой значился лозунг «За веру, царя и отечество», вызывала симпатии большого числа населения — эта формулировка апеллировала к народным архетипам. Показательно, что, описывая в рекламном объявлении «направление» своей газеты «Русское знамя», монархисты ограничились этой же краткой формулой: «За веру, царя и отечество»¹⁴. Действительно, такая аннотация исчерпывающе представляла курс газеты для потенциальных читателей.

На чайной Костромского отдела СРН также висела вывеска с изображением Георгия Победоносца — символ, который четко давал понять человеку монархических убеждений, что здесь он встретит людей близких ему убеждений. Стоит отметить, что не все костромские монархисты одобряли использование изображения святого на вывеске заведения, которое приносило коммерческую прибыль. По их мнению, св. Георгий использовался для рекламы чайной — расчет был на то, что его увидит «какой-нибудь благочестивый человек и занесет [туда] лишний пятак»¹⁵.

Активное использование близкой большинству населения православной и монархической символики сыграло немаловажную роль в привлечении под знамена крайне правых тысяч людей — к 1908 г. в рядах Костромского губернского отдела СРН насчитывалось более 5 тыс. членов¹⁶.

Правомонархисты старались подчеркнуть, что их поддерживает церковь. Учитывая большой авторитет православия, костромские правомонархисты стремились, чтобы их партийные хоругви хранились в храмах и их выносили во время крестных ходов. Добиться этого удалось не без борьбы: несмотря на то, что почетным председателем Костромского отдела СРН был архиепископ Тихон, а многие подотделы СРН в уездах фактически возглавляли священники, отношение церкви к правомонархистам было двойственным. Многие из церковнослужителей, испытывая симпатию к лозунгам монархистов, возражали против того, чтобы православие своим авторитетом поддерживало политическую партию. В «Костромских епархиальных ведомостях» задавались вопросом, удобно ли «православному русскому пастырю, который должен быть “всем для всех”... вписываться в число членов этого союза»¹⁷.

Ношение «корпоративных» хоругвей в ходе крестных ходов и нахождение таких знамен в церквях запрещалось, и многие представители церкви отстаивали эту позицию, сопротивляясь тому, чтобы символика СРН в сознании верующих сливалась с церковной символикой. Однако позиция священников однозначной не была: в 1909 г. архиепископ Волынский Антоний даже обратился в Синод с ходатайством об издании циркуляра, который бы разрешал принимать в церкви знамена СРН¹⁸. В Костромской губернии отдел СРН также настаивал на том, чтобы партийные хоругви иногда несли впереди крестных

ходов¹⁹. Знамя Костромского отдела СРН было торжественно освящено в апреле 1907 г. в Успенском соборе. С тех оно постоянно там хранилось, у раки с мощами в правом клиросе²⁰. В тех уездах, где местные правомонархисты имели значительное влияние, им также удалось этого добиться. В частности, в селе Красном, где подотдел СРН был очень активен, его знамя хранилось в церкви, у правого клироса. Та же ситуация была в Кинешме, где отдел СРН также был достаточно влиятелен: здесь знамя СРН хранилось в соборе, на правом клиросе, там, где стояли церковные хоругви²¹.

Правомонархисты использовали свою атрибутику, чтобы подчеркнуть близость к власти и императору. Каждый член СРН получал значок с изображением Георгия Победоносца: святой считался небесным покровителем Союза. В Костромской губернии, где в 1906–1907 гг. было открыто не меньше 12 подотделов СРН, такие значки пользовались значительной популярностью. В конце 1905 г. «союзный» значок был подарен лидерами всероссийского СРН императору Николаю Второму и цесаревичу Алексею во время высочайшего приема депутации правомонархистов. Знак с изображением св. Георгия был принят с благодарностью – это, несомненно, сразу повысило авторитет и самого атрибута, и Союза русского народа. Монархические издания начали писать о том, что государь и наследник состоят членами Союза русского народа. Такие заявления вызвали понятное возмущение других партий и привели к скандалу в Государственной думе между П. Милюковым и В. Пуришкевичем²².

Монархическая символика приводила и к более серьезным конфликтам. Значение «союзного» значка как символа определенных убеждений демонстрирует характерный эпизод, который произошел на Путиловском заводе приблизительно в 1906 г.: рабочие, которые придерживались радикальных убеждений, требовали у своего коллеги только одного – немедленно снять значок СРН. Однако, несмотря на то что дело дошло до применения силы, член Союза русского народа заявил: «Подходите. Я погибну, но значка своего я живой не отдам»²³.

После 1908 г. начинается спад деятельности костромских правомонархистов. Например, уже к 1910 г. деятельность когда-то активных «союзников» г. Кинешмы свелась только к участию в крестных ходах с собственной хоругвью. Началась дискредитация монархических атрибутов: дело дошло до того, что в одном из отделов стали продавать «союзнические» значки всем желающим²⁴. Выяснилось, что флаги, которые украшают чайную Костромского отдела Союза русского народа «едва ли... можно назвать “национальными”, ибо на них красная полоса находится между белой и синей, а место ей ниже...». Либеральная пресса едко констатировала: «Это иллюстрирует, как некоторые патриоты именуют себя “истинно-русскими”, не зная даже, каков наш национальный флаг»²⁵.

В 1905–1908 гг. огромное внимание, которое местные крайне правые уделяли монархическим атрибутам, играло положительную роль, позволяя – вместе с активной деятельностью – привлекать новых сторонников. Однако после

того как начался спад движения, забота о новых знаменах и хоругвях фактически заменяет реальную работу.

В свою очередь, шел и параллельный процесс: в связи с общей радикализацией российского общества, которая начала усиливаться перед Первой мировой войной, символы и архетипы, на которые ориентировались правомонархисты, начинают разрушаться. В результате крайне правые, сделавшие главную ставку на лозунг «За Веру, Царя и Отечество», теряют возможность маневра. Это в значительной степени способствовало ослаблению монархического лагеря. Можно прийти к выводу, что в России в начале века в серьезном кризисе оказалась сама монархическая идея, во всяком случае, в том виде, в котором она существовала в стране. Соответственно, постепенно теряли популярность и связанные с монархией символы. Поэтому и партии, пытавшиеся их использовать, в перспективе были фактически обречены на потерю массовой поддержки.

Примечания

¹ Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 96.

² Наша костромская жизнь. 1912. 4 апр.

³ Поволжский вестник. 1908. 13 янв.

⁴ Костромские епархиальные ведомости. 1906. 1 янв.

⁵ Некоторые знамена, в частности, Русского монархического союза и Союза русского народа сохранились в фондах Государственного центрального музея современной истории России.

⁶ КМЗ КОК 5777. Выражаю благодарность сотрудникам Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника и лично директору Н. В. Павличковой.

⁷ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 17. Л. 26.

⁸ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 93.

⁹ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 243.

¹⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Киев, 2007. С. 652.

¹¹ Костромской листок. 1905. 25 окт.

¹² Костромская жизнь. 1906. 8 янв.

¹³ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 17. Л. 45.

¹⁴ Новое время. 1906. 13 ноября.

¹⁵ Наша костромская жизнь. 1912. 4 апр.

¹⁶ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 17. Л. 7–42.

¹⁷ Костромские епархиальные ведомости. 1907. 1 июля. Неофиц. ч.

¹⁸ Омелянчук И. В. Указ. соч. С. 236.

¹⁹ Поволжский вестник. 1908. 17 сент.

²⁰ Поволжский вестник. 1907. 27 апр.

²¹ Поволжский вестник. 1909. 31 мая.

²² Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 481.

²³ Подробный отчет о Третьем Всероссийском Съезде Людей Земли Русской в Киеве. М., 1906.

²⁴ Поволжский вестник. 1908. 21 дек.

²⁵ Поволжский вестник. 1908. 15 ноября.

**«СИБИРСКИЙ ВОПРОС» В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
В НАЧАЛЕ XIX В.**

Самым обширным некоренным регионом Российской империи в начале XIX в. являлась Сибирь. Слабая заселенность региона, преобладание русского населения над коренным, отличный от европейской части страны сословный состав – все это придавало Сибири специфические черты среди других окраин Российской империи. Однако признание особенности региона и стремление унифицировать управление и суд в стране плохо увязывались между собой. Свидетельствует об этом правительственная политика по отношению к Сибирскому региону в начале XIX вв.

Напомним, в 1763 г. был ликвидирован Сибирский приказ, и управление регионом перешло в ведомство центральных учреждений. В 1775 г. правительством Екатерины II была проведена административно-судебная реформа, которую сначала не планировалось распространять на Сибирь: «Учреждения сии не касаются до тех губерний, кои имеют особо конфирмованные привилегии, как-то: Малороссия, Лифляндия и проч., и не до Сибири и опубликованы оные не инде будут, как тут, где учредятся по сему губернии»¹. Но «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» в 1782–1783 гг. с некоторыми изменениями было введено в Сибири. Между тем, следует отметить, что при введении Учреждения в Сибири региону в указе от 12 мая 1779 г. (об образовании Кольванской губернии) было обещано особое устройство²; «Ибо нельзя думать, чтоб когда-нибудь полагали возможным управлять краем столь отдаленным и столь разнородным на тех же правилах, на коих управляются губернии Новгородская или Тверская», – признавало позднее правительство³.

Вопрос о пересмотре основ управления Сибирью был поднят в начале XIX в. после воцарения Александра I. Так, 27 мая 1801 г. Непременный совет, рассматривая вопрос о Сибири, принял «в уважение, что страна сия, по великому пространству, по разности естественного ее положения, по состоянию народов ее населяющих, нравами, обыкновениями, промыслами и образом жизни только один от другого разнствующих, требует как в разделении ее, так и в самом образе управления особенного постановления»⁴. Решено было отправить в Сибирь «особенного чиновника», который после обозрения края должен был составить проект нового административного устройства. Выбор пал на И. О. Селифонтова, бывшего в 90-х гг. XVIII в. вице-губернатором в Тобольске.

В инструкции тайному советнику Селифонтову, данной ему 9 июня 1801 г., указывались цели ревизии и вновь прописывался взгляд на Сибирь как на регион отличный от губерний европейской части страны. Селифонтову было предписано обозреть весь регион, на основе полученных сведений составить заключение о том, «какое может быть удобнеее страны сей деление и какое надлежит дать ей управление», каким образом нужно будет изменить губернское положение применительно к сибирским условиям

и определить отступления от общих норм⁵. В результате, когда в сентябре 1801 г. последовало новое разделение государства на губернии, Сибирь была оставлена в «настоящем образе управления... до окончательных донесений посланного к обозрению их сенатора Селифонтова»⁶.

О смысле ревизии Селифонтова можно судить по приведенному Ремневым отрывка из отчета министра внутренних дел В. П. Кочубея за 1803 г.: «Расстояние Сибири от мест Главного Управления, великое ее пространство, рассеянность населения и многие другие местные уважения, отличающие сей край от всех других губерний, давно уже заставляли помышлять, чтоб состав полицейского и судебного ее управления более приспособить к сим существенным различиям ее положения. Послание сенатора Селифонтова имело целью, чтоб точнее наблюсти сии различия и представить о положении Сибири сколь можно подробные и достоверные сведения. При рассмотрении здесь сведений, от него доставленных, открылись два рода неудобств, с настоящим состоянием ее сопряженных: одни происходили от самого состава управления ее; другие от разных злоупотреблений, временем и бездействием власти вкравшиеся»⁷.

После ревизии в Сибири было образовано генерал-губернаторство с центром в Иркутске, генерал-губернатором региона был назначен Селифонтов. После назначения Селифонтов подал императору «предложение» о необходимости административной перестройки вверенного ему края. В результате, в ходе реформы 26 февраля 1804 г. из Тобольской губернии выделили Томскую, в которую вошли уезды Томский, Енисейский, Туруханский, Нарымский, Кузнецкий, Бийский и Красноярский. В Тобольской губернии осталось 8 уездов: Тобольский, Тарский, Березовский, Тюменский, Туринский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский. Кроме того, был восстановлен в штате город Омск и образован Омский уезд.

Кроме изменения административного устройства Сибири, Селифонтов предпринял меры к изменению функционирования земской полиции, что, по его мнению, являлось главной мерой по исправлению недостатков управления и суда⁸. Эта мера была поддержана Александром I, который заявил, что сибирское население имеет «более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях». Последнее, по мнению императора, приводит лишь к «проволочкам», тогда как многие дела можно решить при помощи простого полицейского усмотрения⁹.

В результате, указом от 11 августа 1803 г. было предписано сократить число уездов и разделить их на части или комиссарства, «в каждом таком отделении определить особенного начальника под именем частного земского комиссара, который бы, имея пребывание в одной из приписанных к части его волостей, и часто каждую из них осматривал, отвечал за благосостояние их и предъявлял собою в делах маловажных или время нетерпящих действие земского суда»¹⁰. В итоге, в Тобольской губернии было образовано 35 комиссарств, в Томской – 13.

Однако, несмотря на обозначенные преобразования, управление и суд в регионе продолжали базироваться на основе общих узаконений. Очевидно, собственные планы на унификацию управления империей разошлись с признанием

особенности Сибирского региона и намерением разработать для него «особенное устройство». В результате, отсутствие единого правительственного курса по отношению к региону, различия заявленных намерений и проводимых реформ, плохая согласованность министерской реформы с основами местного самоуправления – все это вносило хаос в управление Сибирью. В итоге, период генерал-губернаторства И. О. Селифонтова завершился довольно скоро и бесславно. 3 марта 1806 г. он был смещен с должности в результате ревизии сибирского края графом Ю. А. Головкиным¹¹.

Не останавливаясь подробно на ревизии Головкина, отметим, что он, познакомившись с состоянием сибирского административного аппарата, подтвердил невозможность применения здесь «учреждения для внутренних губерний» и заявил: «...до коле Сибирь не сделается отдельною и особенною частью в общем государственном управлении, до коле прилагаемы будут к ней учреждения для внутренних губерний изданные, но и сколько впрочем ни спасительны, ни совместимы однако же с положением страны сей: до толе нельзя ожидать, чтобы благосостояние ее утвердилось на прочных и незыблемых основаниях»¹². Однако заключение ревизора не привело к изменению системы управления в регионе, в очередной раз недостатки которого отнесли к личности генерал-губернатора. Новым главой Сибири был назначен И. Б. Пестель. Он пробыл в своем крае всего 10 месяцев, остальные 12 лет он управлял регионом из Петербурга.

Непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях чиновников, безнаказанность местной администрации, ее всевластие еще раз подтверждали тот факт, что недостатки управления Сибирью заключаются не только в личных качествах сибирских администраторов, но и в самой системе управления регионом. В результате, в начале 20-х гг. XIX в. правительство пошло по другому пути – разработки специального законодательного акта, на основе которого бы и осуществлялось управление и суд в крае. Создать его полагалось М. М. Сперанскому, который еще в 1809 г. отмечал пять областей, где, по его мнению, требовался особый порядок управления. В их числе была и Сибирь¹³. «Учреждение для управления Сибирских губерний» Сперанского было утверждено 22 июля 1822 г., оно определяло управление в регионе до 1882 г.

Примечания

¹ ПСЗ. Собрание I. Т. 20. № 14400.

² Обзорение главных оснований местного управления Сибири. Напечатано по Высочайшему повелению. Спб. Типография II отделения Собственной ЕИВ. Канцелярии, 1841. С. 8.

³ Там же.

⁴ Цит по кн.: *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 48.

⁵ ПСЗ. Т. 26. № 19910.

⁶ Там же. № 20004.

⁷ Цит. по кн.: *Ремнев А. В.* Указ. соч. С. 48–49.

⁸ Там же. С. 50

⁹ Исторический архив Омской области. Ф. 2. Оп. 1 Д. 72. Л. 22.

¹⁰ ПСЗ. Т. 27. № 20890.

¹¹ Ремнев А. В. Указ. соч. С. 54–56.

¹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1805 г. Д. 118. Л. 46–46 об.

¹³ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 191.

Д. В. Сидоров

**КОРПОРАТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДВОРЯНСТВА
ПЕРИОДА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ XIX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Одним из наиболее актуальных вопросов современности является проблема развития системы гражданского общества в Российской Федерации. В этих условиях максимальную остроту приобретают вопросы взаимоотношений государства и различных социальных групп населения, государства и отдельных корпораций. Значимость данной проблематики делает исключительно важной задачу всестороннего изучения исторического опыта развития дворянских корпоративных организаций, принципов взаимодействия с государственной властью. Изучение различных аспектов социальной истории невозможно осуществить без исследования ведущего сословия империи – дворянства. Исследование структурных частей дворянской сословной организации Российской империи невозможно без обращения к региональной истории. Анализ деятельности дворянских корпораций Костромской губернии поможет выделить их региональную специфику. Освещение исторического опыта дворянского самоуправления в крае является вместе с тем составной частью истории ведущего сословия России.

В этой связи следует признать несомненную ценность характеристики правового положения, юридической базы, статуса дворянских организаций перед комплексом и в период реализации реформ 60-х – 70-х гг. XIX в., трансформации данных показателей на протяжении всего рассматриваемого периода.

В целом функционирование местных сословно-представительных органов на территории края в указанные временные рамки происходило в русле общероссийских тенденций развития данных организаций. Основная часть провинциального дворянства не считала, что в курс, которым следовала Россия, надлежало вносить какие-либо судьбоносные для страны модификации. Дворянское общество Костромской губернии во второй половине XIX в., анализируя все явления через призму своих сословных интересов, мало внимания уделяло социальным проблемам. Дворянство ничем не обнаруживало своего беспокойства по нерешенным аграрному, рабочему, национальному и политическому вопросам, являвшимся ключевыми для всего развития Российской империи. В то же время новые вызовы государственной власти ставили задачу отстаивания своих корпоративных интересов.

Потомственные дворяне каждой губернии, занесённые в местную родословную книгу, «составляли отдельное дворянское общество»¹. Такое общество и осуществляло внутрисословное управление. В этом отношении ведущую роль играло Дворянское собрание. Во второй половине XIX в. деятельность Дворянских собраний регламентировалась в IX томе «Свода законов...»: «...дворянские собрания бывают губернские и уездные, и как те, так и другие или обыкновенные, или чрезвычайные»².

Каждое губернское собрание могло иметь собственного секретаря, печать, архив и дом для заседаний. В «Своде законов...» определяется время созыва – зимние месяцы; и продолжительность собраний – 15 дней (с разрешения губернатора этот срок мог быть продлён). О созыве дворянам сообщалось за 4 месяца до собрания через полицию или через губернскую и столичную периодическую печать. Обыкновенные уездные Дворянские собрания, под председательством уездного предводителя, составлялись за 3 месяца до губернского собрания.

Как обыкновенные, так и чрезвычайные губернские собрания созываются по ходатайству губернского предводителя, с разрешения губернатора. Губернатор открывает собрание, но «ни в коем случае не должен входить в собрание дворянства и участвовать в рассуждении по делам собрания»³. Скорее всего, это замечание действует как принцип разграничения функций местной системы управления губернией и функций системы дворянского самоуправления.

Дворянское собрание состояло только из потомственных дворян, тем самым полностью лишая личное дворянство права участия в управлении сословием. Но при этом существовало несколько цензов. Имели право голоса в постановлениях собрания дворяне, которые были внесены в губернскую родословную книгу, достигли 21-летнего возраста, не привлекались к суду, имели XIV чин, российский орден, или аттестат об окончании курса наук в учебном заведении, или прослужившие 3 года по выборам дворянства в должности мирового посредника, члена по крестьянским делам присутствия, мирового судьи и других.

Правом избирать и быть избранными на должностные посты обладали те дворяне, которые, во-первых, владели на территории губернии недвижимым имуществом на сумму не менее 15 тыс. рублей; во-вторых, прослужившие в звании предводителя хотя бы одно трёхлетие.

Таким образом, участие в делах Дворянского собрания было ограничено территориальным, возрастным, образовательным, служебным цензом, а избирательное право – имущественным цензом.

Дворянское собрание считалось состоявшимся, если на его заседании присутствовало не менее 1/3 дворян. Решение же вступало в силу, когда за него проголосовало не менее 2/3 собравшихся.

По словам Ветлужского уездного предводителя Н. П. Колюпанова, губернские дворянские собрания были всегда многолюдными, шумными и тревожными: «Сюда съезжались местные тузы творить волю свою; сюда вместе с домашнею провизией, везла из деревни дочку маменька в надежде её пристроить; здесь

тревожно бились сердца около сотни дворян, для которых это был вопрос насущного хлеба. Помещики ехали с дворней, лошадьми, оркестром и приживальщиками; ещё перед выборами съезжались влиятельные дворяне, и с раннего утра экипажи сновали по городу; балы и вечера учащались, игра шла в гору, даже лошади и экипажи обходили несколько хозяев в течение месяца»⁴.

Дворянские выборные должности бывали двух родов – по делам собственно дворянства и по делам, относящимся ко всем сословиям. К первым относились предводители дворянства, почётные попечители гимназий, депутаты и секретари дворянства. Ко вторым – все остальные. Должности делились на губернские и уездные.

Предводители дворянства, депутаты и секретари, а также все прочие, кроме земских исправников и назначаемых по судебной части, избирались на 3 года, остальные – на 6 лет. Кандидатуры губернского предводителя дворянства, предводителей палат уголовного и гражданского судов и почетных попечителей гимназий подлежало поднесению на высочайшее усмотрение, остальные утверждались губернатором.

После обнаружения Сенатом «Положения о земских учреждениях» от 1 января 1864 г. возникла «необходимость изменения существующих постановлений о дворянских выборах»⁵. В 1865 г. появляется новый проект «Устава о дворянских собраниях и выборах», главной задачей которого явилось согласование предоставленных дворянству прав «с теми новейшими узаконениями, в силу коих некоторые из прав, доселе сосредоточившиеся внутри дворянства, расширены на предметы общие всем сословиям»⁶.

Данный проект содержал, прежде всего, замечания в отношении предмета совещаний и прав собраний. По-прежнему Дворянские собрания могли ходатайствовать прошения посредством губернатора министру внутренних дел и императору; решать внутрисословные имущественные вопросы; избирать для сословного управления должностных лиц.

Существенные изменения вносили 24 и 25 статьи проекта.

Статья 24 предполагала: «В числе пользы и нуждах местного дворянства считаются не одни исключительные интересы сего сословия, но и вообще все те меры, которые имеют влияние на местное благоустройство и благосостояние дворянства, хотя бы они истекали от общего какого-либо постановления; но предметы общегосударственного устройства или распоряжения, касающиеся других сословий в число занятий и обсуждений дворянства входить не могут». Статья 25 поясняла предыдущую: «На сем основании дворянство не имеет права входить в обсуждение предметов, относящихся до существующих начал государственных учреждений, или ходатайствовать об общих пользах и нуждах государства. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий»⁷.

Таким образом, из ведения органов дворянского управления изымались «3 главные отрасли местного хозяйственного управления, именно, в заведывании земскими повинностями, народным продовольствием и общественным призрением»⁸, тем самым по проекту нового устава круг вопросов, решаемых на Дворянском собрании стал носить ограниченный внутрисословный характер.

Но данный проект «Устава о дворянских собраниях и выборах» остался только проектом. Тем не менее, произошло изменение механизмов участия дворянства в местном самоуправлении ввиду появления земского самоуправления⁹. В результате реформ 1860–1870 гг. почти все выборные должности второго ряда были упразднены – правительство делало ставку на всеобщее местное самоуправление в будущем. Но в новых учреждениях на новых руководящих должностях остались в основном представители дворянства, но уже по другим причинам: из-за образовательного и имущественного цензов. Дворянские собрания, в частности, вели подбор кандидатов на замещение таких ключевых постов на местах в пореформенной России, как мировые посредники, мировые судьи, уездные члены по крестьянским делам присутствий, участковые земские начальники и другие.

В системе дворянского самоуправления следует отметить очень важный момент: единой иерархической пирамиды в отношении управления дворянским сословием в России не существовало, т. е. не было единого общероссийского дворянского собрания, в ведении которого находились бы собрания губернские. Дворянские губернские собрания были подотчётны через губернатора министру внутренних дел и самому императору. Вопрос создания такой общесословной организации управления поднимался дворянством с конца XVIII в., но принял более серьёзные черты в 60-е гг. XIX в., ввиду принятия крестьянской и земской реформ.

С 3 по 16 января 1865 г. проходило заседание Московского дворянского собрания, на котором присутствовали как консерваторы (Н. А. Безобразов, граф В. П. Орлов-Давыдов, граф Блан), так и либерально настроенные круги (Д. Д. Голохвастов, П. П. Войеков, М. Н. Погодин), славянофилы (Д. Самарин, князь Черкасский). Несмотря на столь разный состав Московского собрания, победу одержало умеренное дворянство. Был принят адрес на имя Александра II, в котором высказывалось убеждение, что император «не остановится» на пути реформ, а «пойдет вперёд»¹⁰. Дворянство имело в виду завершение реформ представительством, т. е. охранительный монархический порядок в России остаётся, но самодержавная власть ограничивается посредством представительных учреждений в лице дворянства. Адрес Московского дворянского собрания был напечатан в № 4 газеты «Весть» за 1865 г., газета была разослана по губерниям, и на этом всё закончилось. Московское собрание было закрыто, а редакция газеты «Весть» была привлечена к суду.

Костромское дворянство в своем большинстве также высказывало некоторые замечания в отношении сословного самоуправления. Такие замечания были представлены предводителями дворянства и депутатами собрания на проект устава 1865 г. и направлены на имя министра внутренних дел. Они касались, прежде всего, вопросов организации и проведения губернских дворянских собраний.

Во-первых, дворяне были несогласны со статьей 4, по которой «обыкновенные губернские собрания бывают через каждые 3 года, в определённое время»¹¹. По мнению костромских дворян, собрания должны составляться ежегодно, так как

«смета земских повинностей составляется в настоящее время не на 3 года, как было прежде, а на каждый год, что вполне разумно и справедливо; точно так же и смета частных собственно дворянских повинностей должна составляться ежегодно»¹².

Во-вторых, по статье 13 проекта нового устава собрание, и губернское, и уездное, считается состоявшимся, если на нем присутствовала 1/3 дворян, жительствующих в губернии или уезде и имеющих право участия в делах собрания. На такое положение дворяне ходатайствовали о необходимости указания способа определения 1/3 жительствующих в губернии или уезде, и разъяснении фразы «имеющие право участия во всех делах собрания»¹³, так как большая часть постоянно жительствующих в Костромской губернии дворян принадлежала к разряду мелкопоместных. В отношении мелкопоместного характера землевладения в губернии критике подвергается и статья 56, в которой указывалось на имущественный ценз для непосредственного участия в выборах в 15 тыс. рублей, который, по мнению собрания, для костромского дворянства велик.

В статье 221 Дворянское собрание видело ограничение своих прав в начислении пенсий и единовременных пособий, так как «дворянство по своему усмотрению может и имеет право, не стесняясь никаким уставом, располагать своими суммами и, следовательно, назначать пенсии и пособия совершенно свободно без всякого стороннего указания»¹⁴.

Как сам проект, так и замечания дальнейшего развития не получили.

Важную роль в жизни каждого потомственного дворянина играло Дворянское депутатское собрание. Главные его функции заключались в рассмотрении прошений дворян о регистрации в родословной книге, во внесении родов и лиц в губернскую дворянскую книгу и выдаче свидетельств о дворянстве, а также «содержание формулярных списков чиновников, служащих по выборам дворянства»¹⁵.

Дворянское депутатское собрание состояло из губернского предводителя и депутатов, которые выбирались на уездных собраниях по одному представителю от уезда. «Депутатское собрание не имеет постоянных заседаний, а созывается лишь тогда, когда поступившие дела потребуют коллегиального обсуждения по назначению губернского предводителя»¹⁶. Несмотря на то, что Депутатское собрание использует для заверения своих дел печать Дворянского собрания, оно «подчиняется единственно Правительствующему Сенату»¹⁷ (по Департаменту Герольдии) и подлежит надзору губернатора.

В пореформенный период компетенция Депутатского собрания была расширена. В канцелярию собрания поступали предложения со стороны правительства, по вопросу которых нужно было узнать мнение дворянства.

В конце 70-х гг. XIX в. участие в заседаниях собрания также стали принимать и уездные предводители дворянства.

Таким образом, говоря о дворянском самоуправлении, стоит выделить два представительных органа: Дворянское и Депутатское дворянское собрания. Несмотря на разную функциональную нагрузку этих представительных органов, ведущее положение в деле сословного местного управления занимало

Дворянское собрание, на котором губернское дворянство решало свои сословные вопросы, избирало должностных лиц и общалось с самодержавной властью. Дворянское собрание в своем роде выступало мостом, связующим звеном между императором и высшим сословием провинции. Но не каждый дворянин мог «стоять на этом мосту». В состав собрания входило только потомственное дворянство, с множеством цензовых ограничений (возрастной, территориальный, образовательный, имущественный). Обыкновенные собрания, были ещё и чрезвычайные, проходили раз в трёхлетие, также один раз в 3 года были пере выборы всех должностных лиц, в конце каждого трёхлетия составлялся полный отчёт всей деятельности представительного органа. Губернскому Дворянскому собранию были подотчётны уездные собрания, во главе с уездным предводителем дворянства.

Особую роль для губернского дворянства играло Депутатское собрание, основной задачей которого было хранение священного права дворянства, занесённого в местную родословную книгу.

И Дворянское, и Депутатское собрания для губернского потомственного дворянства были центром жизни как в отношении личных интересов, так и общесословных. Но управлял этим круговоротом не глава губернии, а предводитель дворянства, второе лицо в губернии после губернатора.

«В каждой губернии, где есть дворянство, полагается губернский, и в каждом уезде уездный предводитель дворянства»¹⁸. На должность губернского предводителя на Дворянском собрании избирается два кандидата, из которых один утверждается в этой должности государем. Уездный предводитель избирается на уездном дворянском собрании и утверждается губернским предводителем.

Кандидат должен быть потомственным дворянином, записанным в родословной книге губернии. Иначе случались и прецеденты. Так, в 1875 г. на Дворянском собрании было выяснено, что уездный предводитель кинешемского дворянства Н. А. Рылеев не состоял в родословной книге Костромской губернии. Ввиду этого было принято следующее решение: «снять с должности Рылеева и не допускать к выборам на Дворянское собрание»¹⁹. Но дело закончилось благополучно после одобрения прошения Рылеева о внесении его в родословную книгу.

Во-вторых, на должности предводителей дворянства избирали, прежде всего, тех дворян, род которых не только знатен, но и богат, имеет крупное земельное владение. Вот один из таких примеров. Николай Иванович Мусин-Пушкин был избран в 1866 г. макарьевским предводителем. «Если бы граф не имел недвижимости в Макарьевском уезде, то, несмотря на все его великолепные качества, он не смог баллотироваться в уездные предводители: но в том то и дело, что он был одним из самых состоятельных помещиков не только уезда, но, пожалуй, и всей губернии. За ним числилась Сокольская вотчина, состоящая из 113 селений, в коих до реформы он имел 4 218 душ крестьян и земли 48 711 десятин»²⁰.

Должности предводителей дворянства сменялись раз в трёхлетие. Если предводители служили 3 трёхлетия, то губернские утверждались в чине IV класса,

действительного статского советника, а уездные – V класса, статского советника. За губернским предводителем, прослужившим полное трёхлетие, оставался титул вашего превосходительства пожизненно. Костромское дворянство высказывается против такого принципа, так как «например, молодой человек, не имеющий чина, может быть выбран в губернские предводители и, прослужив трёхлетие, не будет вновь избран... а обстоятельства потребуют искать какой-либо коронной должности. Место высшее будет не по силам его способностям, а занятию низшей должности помешает титул превосходительства»²¹.

Губернский предводитель по своему положению занимал первое место после губернатора, он имел возможность по всем делам, касающимся дворянства, относиться непосредственно к императору. Уездный предводитель по делам своего уезда не состоял в подчинении губернского предводителя, и на его территории выступал не только первым представителем высшего сословия, но и полноправным хозяином всего уезда.

По справедливому замечанию историка А. П. Корелина, «институт предводителя возник раньше юридического оформления дворянской корпоративной организации. Он первоначально был учреждён исключительно для выполнения внутрисословных функций, но почти сразу же стал использоваться властями для выполнения временных, а затем постоянных административных поручений»²².

Если губернский предводитель в отношении местного управления заслонялся губернаторской властью, то уездный был действительно первым лицом и хозяином уезда. Он возглавлял все уездные учреждения, и в отличие от губернского предводителя, располагал некоторой исполнительной властью.

В ходе Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. должность предводителя дворянства не утрачивает своей силы в управлении губернией, а, наоборот, приобретает новые функции, как председателя в новых управленческих структурах на местах и участника в подборе кандидатов на новые должностные посты.

Круг обязанностей предводителей дворянства, перечисленный в «Своде законов...» 1857 г., очень обширен. «Общее свойство всех дел, возлагаемых на предводителей, как губернского, так и уездного, есть попечение о пользах дворянства и охранение в сем сословии благоустройства и порядка»²³.

Обязанности предводителей дворянства состояли в следующем:

- «1) председательство по умолчанию дворянства, о нуждах и пользах общественных;
- 2) хранение и употребление в расход сумм дворянских по пожеланиям общества;
- 3) открытие по дозволению губернского начальства Дворянских собраний, председательство в оных...
- 4) председательство при дворянских выборах;
- 5) участие в составлении дворянской родословной книги;
- 6) участие в распоряжениях о наложении опеки за безмерную и разорительную роскошь и за отступление дворянина от православия, а равно и свидетельство сумасшедших дворянского состояния...

РАЗДЕЛ I

7) сведения о поведении, образе жизни и состоянии дворян и выдаче об этом свидетельств;

8) сведения о вновь рождающихся детях дворян и уведомление Дворянских опеков о сиротах;

9) участие в деле народного образования»²⁴ и другие.

Таким образом, предводители дворянства контролировали все вопросы, связанные с дворянским самоуправлением. Это и председательство на Дворянских собраниях, и утверждение должностных лиц, и распоряжение дворянским капиталом, и участие в социальной и образовательной сферах в отношении сословия.

Уездные предводители Костромской губернии были председателями не только на уездных собраниях, но и председателями Дворянских опеков, в состав которых входили 2–4 заседателя, избравшиеся на собрания.

Дворянская опека – сословное учреждение, которое должно было поддерживать экономическое положение своих членов. Опека существовала с 1775 г., основным назначением которой было, во-первых, «надзор над имениями личных и потомственных дворян по их личной просьбе или в предписанных законом случаях (надзор за имениями дворянских вдов и сирот, умалишённых, а также за имениями, реквизируемыми по взысканию); во-вторых, назначение опекунов, опись имений, назначение по желанию вдов стряпчего; в-третьих, определение дворянских детей, оставшихся без имения, в учебные заведения, а вдов – в учреждения приказа общественного призрения»²⁵.

В подчинении опекунских учреждений находились и сословные суды, но с реформами 60–70-х гг. XIX в. они были реорганизованы, а опеки должны были быть преобразованы на всесословных началах. Но такие попытки правительства вызвали протесты губернского дворянства. Так, в ответ на предложения работавшей в 60–70-е гг. комиссии сенатора М. Н. Любошинского «приурочить опеки к губернским и уездным земствам, подчинив их мировым учреждениям, более десятка дворянских собраний возбудили ходатайства о сохранении сословного характера опеков и отделении их от судебных учреждений. Московское, Петербургское, Екатеринославское, Костромское собрание разработали и представили в МВД собственные проекты, предусматривавшие, кроме уездных, ещё и губернские дворянские опекунские учреждения»²⁶.

Характеризуя уездных предводителей, следует отметить положение костромского уездного предводителя дворянства. Он замещал должность губернского предводителя в случае отсутствия последнего на территории губернии. Если губернский предводитель был первым после губернатора, то Костромской уездный – первым после губернского предводителя.

Уездные предводители дворянства непосредственно в делах, касаемых дворянства всей губернии, были подотчетны губернскому предводителю, прежде всего, в составлении дворянского капитала, отчетности о выполнении должностными лицами уезда своих обязанностей.

Таким образом, принимать участие в дворянском самоуправлении на территории губернии могли только потомственные дворяне, записанные в родословной

книге губернии, разделённой на 6 частей. Главным представительным органом сословия выступало Дворянское губернское собрание под председательством губернского предводителя дворянства, который также, наравне с депутатами от уездного дворянства, составлял Дворянское депутатское собрание, в ведомстве которого находилась родословная книга.

Дворянское собрание губернского и уездного уровней обыкновенно проходило раз в 3 года. На губернском собрании решались вопросы внутрисословного характера, направлялись ходатайства самодержавной власти и избирались должностные лица для организации управления сословием. Среди выборных должностных лиц особую роль играли губернские и уездные предводители дворянства, в руках которых был контроль как над управлением внутри сословия, так и участие в местном самоуправлении. Влияние на характер роли дворянства в местном управлении оказали Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. Исчезают должностные лица, избиравшиеся из числа дворян, для управления губернией, но в отношении предводителей дворянства ситуация изменяется в другую сторону: они получают новые должностные посты в соответствии с новыми органами местного управления.

Таким образом, сословно-дворянские учреждения достаточно эффективно продолжили деятельность во второй половине XIX в. Дворянские учреждения теряли свою самостоятельность, подпадая под контроль правительственных структур как в центре, так и на местах. Вместе с тем в исследуемый период возросли число функций и значимость глав дворянского самоуправления – предводителей дворянства.

Дворянские корпорации из органа, занимавшегося проблемами развития всех сторон жизни империи в дореформенный период, превратились после Великих реформ в орган, заботившийся, прежде всего, о защите собственных интересов. Данная тенденция развития дворянских корпораций пореформенного периода была актуальной в связи с попытками дворян приспособиться к новым социально-экономическим и политическим обстоятельствам жизни России. В условиях модернизации происходило зарождение новой индустриальной стадии, где дворянство продолжало играть роль «первой скрипки» в силу традиций, образования, воспитания и инерции, однако при этом незыблемость своих привилегий представителям сословия уже требовалось решительно отстаивать.

Примечания

¹ Законы о состояниях (Св. зак.). Т. IX. 1876. С. 21.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

⁴ *Йенес Т. В., Кондратьева И. Ю., Ойнас Д. Б., Сорокин А. И.* Костромская усадьба. Кострома, 2005. С. 44.

⁵ ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3556. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3556. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 3.

РАЗДЕЛ I

⁹ См. подробнее: *Сидоров Д. В.* Становление и развитие системы взаимодействия государственной власти и земств в провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2009.

¹⁰ *Скороспелова В. А.* Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестн. Москов. ун-та. Серия. История. 1974. № 2. С. 35.

¹¹ ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 754. Л. 6.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁵ Законы о состояниях (Св. зак.). Т. IX. 1876. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3919. Л. 2.

²⁰ *Сапрыгина Е.* Стражи времени. Кострома, 2005. С. 87.

²¹ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 754. Л. 6 об.

²² *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенный период России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 220.

²³ Законы о состояниях (Св. зак.). Т. IX. 1876. С. 65.

²⁴ Там же.

²⁵ *Бельдова М. В.* Дворянская опека // Государственность России (конец XVв. – февраль 1917 г.) : словарь-справочник. Кн. 2. М., 1999. С. 18.

²⁶ *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 166.

Ю. Н. Смирнов

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫМИ ВЛАСТЯМИ ЕКАТЕРИНЫ II УПРАВЛЕНИЯ МЯТЕЖНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В 1773–1775 гг.

Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной восстанию Е. И. Пугачева, тема деятельности командования правительственных войск по восстановлению порядка в мятежном крае и умиротворению его жителей в исследованиях советских десятилетий была отодвинута на задний план и остается до сих пор историографическим пробелом. Это и вызвало наше обращение к ней в данной статье.

В ходе пугачевщины местная администрация была частью истреблена, частью в лице своих представителей бежала с мест службы. Начальники многих губерний, провинций и уездов оказались не в состоянии контролировать ситуацию на местах. Положение осложнилось переходом на сторону повстанцев ряда городских и сельских органов самоуправления. Командование правительственных войск вместе с выполнением своих основных боевых задач вынужденно приняло на себя важнейшие функции внутреннего управления. На основании критерия широты полномочий, законодательно предоставленных

© Ю. Н. Смирнов, 2011

Екатериной II военным властям в районе восстания, достаточно отчетливо прослеживаются 4 периода:

1) 17 сентября 1773 г. (начало восстания на Яике) – 28 ноября 1773 г. (принятие Советом при Высочайшем дворе окончательного решения о назначении А. И. Бибикова и сфере его полномочий). Период постепенного осознания нависшей над империей угрозы, попыток задействовать для борьбы с ней административные и военные ресурсы на местах;

2) 29 ноября 1773 г. (официальное назначение Бибикова главнокомандующим и издание комплекса соответствующих законодательных актов) – 9 апреля 1774 г. (смерть Бибикова). Фактическое признание правительством состояния гражданской войны в стране, наделение главнокомандующего всей полнотой военной и гражданской власти в районе восстания;

3) апрель 1774 г. – июль 1774 г. Частичное восстановление сферы деятельности местной администрации, сокращение полномочий военного командования и применения чрезвычайных мер в управлении;

4) 29 июля 1774 г. (назначение главнокомандующим П. И. Панина и наделение его чрезвычайными полномочиями) – 9 августа 1775 г. (прекращение комиссии Панина). Военная диктатура («главное начальство») Панина в районе восстания, сохранявшаяся и после подавления вооруженного сопротивления вплоть до создания необходимых условий для отказа от чрезвычайных методов управления и начала административных реформ.

Реальное понимание того, что же происходит на юго-востоке империи, пришло в придворные круги только к исходу ноября 1773 г. 25 ноября на заседании Совета при Высочайшем дворе было принято решение послать против мятежников «именитого генерала». Выбор пал на временно оказавшегося не у дел, поскольку был не в ладах с двором, генерал-аншефа А. И. Бибикова. Императрица пошла на примирение с опальным вельможей и отвергла идею посылки вместе с ним в Оренбург нового губернатора «для управления гражданских дел». В рескрипте императрицы Екатерины II от 29 ноября 1773 г. генерал-аншефу Бибикову вслед за пунктом о назначении его командующим карательной операцией шел пункт об обязательном выполнении его распоряжений всеми не только военными, но также гражданскими и церковными властями на местах¹.

Была создана Секретная следственная комиссия, в задачу которой входило расследование обстоятельств появления и бунта самозванца. В ее компетенцию входило также судебное разбирательство дел тех лиц, кто оказался замешан в антиправительственный мятеж.

Одной военной силой умиротворить районы восстания было невозможно. Надо было нейтрализовать симпатии населения к пугачевцам, готовность общин и местных органов самоуправления к их поддержке. Здесь необходимы были не только силовые, но и политические меры. Боевой генерал понял особую ситуацию гражданской войны, когда исход борьбы решается не только на полях сражений. Необходимо было создать условия для того, чтобы сами рядовые жители не оказывали поддержки повстанцам и не давали распространяться «вредным разглашениям»².

В тех местностях, где сохранялось относительное спокойствие, следовало не провоцировать своими действиями колебания населения в сторону неприятеля. Весной 1774 г. сотрудник Секретной комиссии и будущий знаменитый поэт Г. Р. Державин потребовал от военного командования прекратить террор в отношении местного населения. Последовал резкий выговор Бибикова в адрес тех офицеров, которые «вместо ласкового обращения с жителями» запугивают их «казнями и виселицами, что, кроме одного только вреда и жителям огорчения ничего полезного... не обещает»³.

Вообще, по мнению Бибикова, хотя смертную казнь приходится применять, но следует «только в сем поступать осторожно, дабы многочисленная и частая казнь вместо устрашения и сильного действия не могла сделаться обыкновенным позорищем (зрелищем. – *Ю. С.*)». Несмотря на широкие судебные полномочия, первая казнь по его распоряжению была осуществлена в январе 1774 г., когда восстание уже повсюду полыхало. Эта казнь, которую Бибиков называл «крайностию», была применена в отношении крестьян за зверское убийство своей помещицы. Один из жителей д. Пополутовой был повешен, а нескольких при виселице высекли кнутом. И позднее Бибиков, по его словам, старался, чтобы число казней не было «чрезвычайное», хотя «в разных местах» приходилось время от времени в страх другим производить «примерное наказание» бунтовщиков⁴.

Императрица по вопросу о казнях подчеркивала свое согласие с позицией Бибикова в посланиях же заграничным корреспондентам. 9 февраля она писала г-же Бьельке: «Здесь уже четверых или пятерых несчастных повесили; такие редкие казни производят в тысячу раз больше действия у нас, чем там, где вешают всякий день». Императрица намекала на страны Европы, на ту же Данию, где жила ее корреспондентка, жаловавшаяся на частое вынесение смертных приговоров⁵.

Чтобы держать население в повиновении, главнокомандующий предлагал использовать не только страх, но и «ласку», «подарки», обещания. Он обращал постоянное внимание командиров на дисциплину, на недопущение произвола и мародерства, которые в сложившихся условиях были не просто уголовными преступлениями, но и политическим просчетом: «Употребляйте... все возможное, чтоб преклонять жителей. Сохранение доброго порядка по команде вашей и содержание воинской дисциплины есть одно из надежнейших к тому средств... Ибо злодейские внушения в них действуют, когда разорение и грабительство от войск делано будет»⁶.

Жестоко расправляясь в боях с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, екатерининские власти не переходили в терроре определенных границ, оставляли возможность «раскаявшимся» и просто отошедшим от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. 27 января 1774 г. Бибиков отдал следующий ордер: «Извещаюсь я, что многие из злодейской толпы... уходят и возвращаются в свои жилища, желая быть в спокойствии и повиновении. В таком случае... приказать, чтоб по приходе таковых, сделав им допросы, посылали оные по команде, а сих отпускали

в дома с подтверждением, дабы впредь не только делали возможное сопротивление, но и о всем, что сведают о злодеях, военные команды уведомляли. И, чтоб таковые возвратившиеся от злодеев были всегда ласкаемы, сбережены и отнюдь ни малейшей обиды от команд не претерпели, сего для понуждения и ободрения других к таковому же предприятию наблюдать непременно нужно»⁷.

Указанный подход проявлялся и в отношении не только крестьян, но и лиц из служилых сословий и армейских чинов. За казаком-татаринном Турханом Турбуковым из Мочинской слободы тянулся шлейф проступков, которые вполне могли довести до виселицы: соучастие в убийстве слободского сотника и грабеже его имущества, измена и участие в боях на стороне пугачевцев. Добровольная явка властям пересилила все вины, в которых Турбуков признался сам, и, по приказу самарского коменданта, казак был отпущен на прежнее жительство без всякого наказания⁸.

Явка с повинной оказывалась решающим аргументом для смягчения наказания, когда вопрос о его мере вызывал споры. Записи показаний солдата М. М. Горбунова, когда он вернулся от пугачевцев в Ставрополь в мае 1774 г., были отправлены местным комендантом князем Чегодаевым одновременно в Казань и Оренбург. Казанский губернатор заявил, что «находит его, Горбунова, извинение весьма непростительным», поскольку тот участвовал в военных действиях, а «в раскаяние пришел по той только причине, что не имел... себе пристанища» после разгрома мятежников. Оренбургская же секретная комиссия при решении дела сочла возможным руководствоваться нормой о прощении тех, кто добровольно сложил оружие, указала Горбунова от наказания освободить, привести вновь к присяге и определить в службу. Комендант выполнил это последнее распоряжение⁹.

Иначе складывалось отношение к тем, кто с повинной не являлся. Солдат Ахмет Алеев, попав к пугачевцам, пробыл в разных их отрядах до осени 1774 г., пока не был схвачен в лесу воинской командой. Его постигло достаточно строгое наказание. Алеев был прогнан 4 раза сквозь строй в 500 шпирцутен. Однако и он по окончании экзекуции был приведен вновь к присяге и отправлен к прежнему месту службы¹⁰.

Прощение основной вины, хоть и с определенным взысканием, ожидало не только рядовых повстанцев, но и мятежных командиров, если те сложили оружие. Оренбургская секретная комиссия по делу атамана Тоцкой крепости Н. Чулошникова, ставшего одним из самых заметных руководителей повстанцев, ограничилась наказанием плетью и разжалованием «в простые казаки до выслуги»¹¹.

Хотя к участию в восстании людей военных, давших в свое время присягу, власти в целом относились особенно нетерпимо, тем не менее Бибииков предусматривал возможность не только прощать «возвратившихся в раскаяние», но и «производить в сотники, пятидесятники и другие... чины». Примечательна судьба казачьего писаря И. Я. Пустаханова, сына атамана Бузулукской крепости. В Военной коллегии Пугачева он стал значительной фигурой – ее «повытчиком», т. е. столоначальником. В апреле 1774 г. он попал в руки властей, был

по приговору Секретной комиссии высечен плетью и отправлен под надзор на прежнее место жительства и службы. Все это не помешало ему уже в 1780 г. получить чин хорунжего, а с 1789 по 1802 гг. быть атаманом Бузулукской крепости¹².

Разгром пугачевской армии под Оренбургом привел в плен значительное количество бывших мятежников. Отправка их по домам по окончании следствия приняла массовый характер и не была должным образом организована. Командиры правительственных войск упрекали оренбургского губернатора в том, что эти люди находятся из-за отсутствия пропитания в отчаянном положении и в результате «принуждены бывают обращать себя на зло»: «Оказавшиеся ныне разбойнические шайки в стороне Бугуруслана составляют конечно большей частью из таковых отпускаемых в дома без довольного пропитания»¹³.

Брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала постепенной изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся и напуганных людей. С таким подходом не всегда были согласны местные помещики, особенно те, кто пострадал от пугачевцев. Депутат Уложенной комиссии от самарского, ставропольского и оренбургского дворянства И. Толстов жаловался в июне 1774 г. на коменданта Самары, который из захваченных в плен повстанцев «многих выпустил на волю с отдачею на поруки самарским жителям, кои... и сами подозрительны»¹⁴.

Назначение на место главнокомандующего графа П. И. Панина стало следствием настоящей кризисной ситуации, сложившейся в правящей верхушке при известии о штурме Казани и движении повстанцев во внутренние губернии России. Брат генерала Н. И. Панин потребовал чрезвычайных диктаторских полномочий новому главнокомандующему для принятия не только военных, но и административных или политических решений. Императрица оправдывалась перед своим фаворитом Г. А. Потемкиным: «Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что господин граф Панин (Никита. – Ю. С.) из брата своего изволит делать властителя с беспредельною властью в лучшей части империи, то есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губернии... пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю»¹⁵.

Подозрительный любимец московской дворянской фронды, «дерзкий болтун», как его называла Екатерина II, был призван на роль спасителя Империи. П. И. Панин получил экстраординарную должность «главного начальника над губерниями: Нижегородскою, Казанскою и Оренбургскою». Когда Панин, сообщая о распространении мятежа на территорию Московской и Воронежской губерний, стал просить дополнительных полномочий, то императрица заявила, что нужды в новых повелениях нет, поскольку ему передается автоматически власть во всех тех местах, где появляется «зараза». Его распоряжения получали обязательную силу для властей указанных губерний, а также Сибирской

без предварительного одобрения их Сенатом или императрицей. Более того, сам Панин отдал распоряжение, чтобы губернаторы доносили по делам, подлежащим подаче в Сенат или лично императрице, сначала ему. После этого они могли передавать дела выше исключительно по его резолюции¹⁶. Только два учреждения в этом крае оставались не подчиненными напрямую Панину. Это были секретные комиссии в Казани и Оренбурге, возглавляемые троюродным братом фаворита П. С. Потемкиным.

Основную свою военную задачу командованию правительственных войск удалось выполнить, несмотря на ожесточенное сопротивление повстанцев. Умиротворение при этом было обеспечено не только военными, но и политическими действиями. По мере решения собственно боевых задач все острее вставал вопрос о мере вины участников восстания, о степени строгости и массовости наказаний.

Первоначально Панин предлагал исключительно суровую политику возмездия и устрашения, что было связано с жесточайшим социальным противостоянием и истреблением дворян летом 1774 г. В циркуляре от 25 августа он угрожал массовыми репрессиями восставшим селениям, заключавшимися в предании смерти самых активных участников выступлений с поголовным телесным наказанием остальных жителей. При обнаружении или невыдаче зачинщиков и виновников гибели помещиков и чиновников смертной казни должны были предаваться избранные по жребию. В случаях повторного отпадения на сторону повстанцев звучала угроза истребления всех взрослых мужчин селения с раздачей их жен и детей в рабство. Апеллируя к Священному Писанию, главнокомандующий ничего не смог подобрать лучшего, чем процитировать крики толпы, требующей распятия Христа: «Заранее всеподданнейше испрашиваю прощения, приемля с радостью пролитие проклятой крови... на себя и на чад моих». Императрица соглашалась с любыми мерами против повстанцев и сделала Панину единственное замечание, чтобы при исполнении приговоров поступать «сходственно всегдашнему» ее «человеколюбию и милосердию», а именно, предавая бунтовщиков смертной казни, «иметь всегда в памяти», что Екатерина II «при сем случае не иначе как мать обливающаяся слезами при нужном наказании детей своих непослушных...»¹⁷.

К террору как последнему средству остановить нарастающий вал восстания призывали еще до назначения Панина даже те представители дворянства, кто в менее острой ситуации больше уповал на милосердие. 27 июля Державин предлагал казанскому губернатору «несколько преступников в сей край прислать для казни» с надеждой, что «незримое здесь и страшное позорище даст несколько иные мысли» жителям как горной стороны Нижнего Поволжья, так и Степного Заволжья, где «по тайному слуху все ждут чаемого Петра Феодоровича»¹⁸.

Присылка осужденных издалека не понадобилась. В августе сам Державин провел публичные казни над беглым солдатом и крепостным крестьянином помещика Нарышкина. В рапорте от 30 августа он предлагал также устроить показательные казни в заволжских немецких колониях, жители которых «худо слушаются и ждут также привести себя в послушание». На это 10 сентября

генерал-майор П. М. Голицын ответил Державину поручением повесить одного-двух иностранных колонистов и пересечь всех остальных, участвовавших в бунте, прислав для руководства копию с циркуляра Панина от 25 августа¹⁹.

Несмотря на полное одобрение его действий свыше, на сочувствие в дворянских кругах, реальность заставила Панина действовать более осторожно. Уже 30 августа он поясняет императрице, что наиболее жестокие угрозы его циркуляра направлены «на единое токмо устрашение» без массовых казней. То ли как истинный верноподданный, то ли как опытный царедворец и политик, Панин, «признавая в душе своей с безгрешностью» все предложенные меры правильными, «утешает» Екатерину, что самовольно на осуществление этих мер не пойдет²⁰.

«Всемиловитейшую» государыню при тогдашних обстоятельствах вряд ли бы огорчило «самовольное» принятие графом большой крови на себя и своих потомков, чтобы не запачкать репутацию «просвещенной монархини». Однако главнокомандующий потребовал от верховной власти разделить с ним ответственность за эту кровь перед Россией и миром.

Санкции сверху на такой драконовский вариант карательных мер так и не было дано. На практике эти меры пришлось трансформировать. Вместо оставления на местах орудий казни после проведения массовых экзекуций, как предполагалось вначале, было отдано распоряжение о превентивной установке этих орудий в селениях, примкнувших к восстанию²¹.

Установка их означала, что в данном селении перестают действовать указы, введенные в России во время царствования императрицы Елизаветы Петровны, о неприведении в исполнение смертных приговоров. Отныне жители этих селений, совершившие преступление, за которое судебные органы могут вынести смертный приговор, подвергались наказанию в полной мере. Это в равной мере относилось к осужденным за участие в пугачевском движении и к обычным уголовным преступникам. Действие указов, отменяющих смертную казнь, оставалось в силе для селений, не примкнувших к повстанческому движению. При этом местные органы власти могли подвергнуть виновных лишь телесному наказанию, а рассмотрение дел, предусматривающих смертный приговор, передавалось на рассмотрение секретных комиссий и губернаторов²².

В итоге предельно жестокая трактовка карательного террора, предложенная Паниным сначала, постепенно сближалась с прежним осторожным подходом, бытовавшим при Бибикове. Террор на практике представлял не политикой истребления, а мерой психологического воздействия, не усугублявшей людские потери и хозяйственную разруху в районах восстания.

В отличие от смертной казни, разного рода телесные наказания и взыскания применялись весьма широко. Перенесенное раз наказание не освобождало от вторичного взыскания даже за один и тот же поступок. Бывший участник сбора помещичьего хлеба для отправки в повстанческую армию И. Данилов, уже вернувшийся к своей помещице, был тем не менее схвачен командой поручика Обманкина и отправлен в бугульминскую земскую контору. Та хотела учинить ему телесное наказание, однако «он оказался до присылки в контору жестоко

сечен и более его до выздоровления сечь уже невозможно». Решено было дожидаться его выздоровления и уже после того высечь плетью под виселицей²³.

В распоряжениях Панина содержалось также указание об обязательном возвращении разграбленного повстанцами имущества прежним владельцам. Вместе с тем он столкнулся с безобразиями, творившимися как в самих наступающих правительственных войсках, так и в особенности в их тылу, где нередко были случаи произвола различных начальников.

Случаи злоупотреблений, произвола, мародерства были не только порождением войны, но и показывали застарелые болячки российской действительности. Уже в ходе восстания многие лица из правительственного лагеря ставили вопросы о причинах происходящего, указывая на очевидные недостатки управления, особенно местного.

Державин писал 4 июня 1774 г. казанскому губернатору, что требуется «остановить грабительство, или, чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей». Молодой офицер сделал следующее заключение: «Сколько я мог приметить, это лихоимство производит наиболее ропота в жителях, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их. Это делает легковерную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве»²⁴.

Схожие мысли о внутреннем нестроении как причине мятежа выразил полковник А. И. Свечин, посылая в 1774 г. свой «Экстракт» по результатам комиссии, проведенной им в Поволжье в 1763–1764 гг., П. И. Панину с надеждой на «патриотическое поведение» графа. В ходе той комиссии были вскрыты многочисленные злоупотребления чиновников и церковнослужителей. Материалы Свечина, собранные за 10 лет до открытого взрыва недовольства в крае, уже в свое время предупреждали о нарастающем кризисе в отношениях большей части народа с правительственной администрацией. Тогда к Свечину не прислушались, а сам он «за сие из военного списка выключен, штатского ни места, ни чина» не получил. Тем не менее, он продолжал настаивать на своих выводах, к сожалению, получивших страшное подтверждение во время восстания, когда и сам подполковник оказался разорен пугачевцами²⁵.

В один ряд с «обличительными» высказываниями Державина, Свечина и других вскоре встали и мысли самой императрицы. Регулярная армия осталась главным средством в борьбе с восстанием не только из-за военной мощи, заключает она в письме П. И. Панину от 21 августа, но и потому что местные власти окончательно потеряли доверие народа: «Не сомневаюсь, что лучший успех будет, нежели по сию пору усмотрено в городских начальников и воевод распоряжении к обороне им порученных мест, ибо не иначе об них судить можно как так, что наперед раздражая городских и уездных жителей неправосудием и мздоимством, когда дошло до обороны, чувствуя народную к ним недоверенность, у них руки упали, что способствовало бунтовщикам причинить толикие злодейства и разорении»²⁶.

Под воздействием подобных высказываний в адрес местной администрации и непрерывным потоком конкретных жалоб дворян, крестьян, лиц из других сословий П. И. Панин пытался навести порядок среди военного и гражданского начальства. Практический вред произвола и взяточничества был переосмыслен главнокомандующим в провиденциалистском духе как причина «гнева Божия, посылаемого разными видимыми уже теперь общими наказаниями за усилившиеся многие беззакония и неправды»²⁷.

В результате появилось предложение главнокомандующего о борьбе с лихоимством и взятками во вверенных ему трех губерниях от 5 октября 1774 г. Панин предупредил, что отныне по делам «о взятках и неправосудии стану производства вести не формою суда, но строгими следствиями, для поступления со обличенными в том, равно как с настоящими народными новыми возмутителями»²⁸. Смысл этого решения состоял в применении по указанным делам процедуры, принятой для военно-полевых судов, вместо обычной практики судов гражданских.

«Объявление» Панина от 4 ноября 1774 г. еще более резко заострило вопрос о борьбе со злоупотреблениями чиновников: «По многим свидетельствам доходит до моего сведения, что во всемиловитейше вверенных моему начальству трех губерниях... дерзновение ко взяткам с народу под разными приметками происходит от разных начальников... Всем жителям и обитателям сих трех губерний чрез сие приказываю: кто где от сего времени станет отваживаться требовать, с кого бы то ни было, взятков и подарков или каких-либо сборов, кроме государственных податей, возложенных указами... а с помещичьих поданных – их собственными повелениями, таковых требователей взятков и подарков начальникам тех мест... бурмистрам, старостам и сотским, на месте задерживая, не взирая ни на какой чин и лицо привозить ко мне прямо... а где ближе, то и самим господам губернаторам»²⁹. Панин пошел на довольно рискованный шаг, обращаясь непосредственно к органам местного самоуправления в районах только что утихнувшего мятежа, наделяя их небывалыми полицейскими функциями по защите населения от произвола вымогателей, «не взирая ни на какой чин и лицо». Распоряжение было велено огласить во всех селениях и церквях, прибить на торгах и площадях.

Екатерина сообщила Панину 20 ноября, что она санкционировала его предложение «судебным местам и прочим употребленным людям о взятках и пристрастном правосудии». При этом она настаивала, чтобы грозные предупреждения не оставались только словами: «Для удержания поползновения на некоторое время нужно будет сделать где ни есть пример наказания виновного»³⁰. Трудно судить о действенности подобных мер для обуздания чиновничьего корыстолюбия. Однако нельзя не признать значимость громкого и решительного осуждения пороков власти для более прочного умиротворения населения в районах подавленного восстания.

В донесении императрице от 25 января 1775 г. Панин подводил итоги самого острого периода деятельности по усмирению районов восстания, которые в целом к этому времени были приведены в «подданство». В нем отмечалось,

что «разрушенные и поврежденные злодеями правительства, все приведены в прежнее установление, а дела ими производимые в свое обыкновенное течение». Однако он оставался наместником обширного края до рескрипта 9 августа, которым объявлялось об окончании его комиссии и передаче всех дел губернаторам и другим местным властям³¹.

Восстановление в полном объеме функций местных правительственных учреждений и ликвидация чрезвычайных органов военного управления символизировало окончание короткого, но драматического противостояния, потрясшего Россию в целом, а отдельные ее регионы в особенности. Вместе с тем умиротворение мятежных территорий не означало полного возвращения к прежним административным формам. Уроки восстания заставили правительство Екатерины II ускорить проведение реформ, направленных на укрепление органов власти, особенно местного управления и судебной системы.

Примечания

¹ Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Бибикова // Записки императорской Академии Наук. СПб., 1862. Т. 1. Прил. № 4. С. 39.

² Пугачевщина. Т. 3. М.; Л., 1931. С. 24.

³ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1869. Т. 5. С. 17; Т. 6. С. 477.

⁴ Пугачевщина. Т. 3. С. 241; Материалы для истории Пугачевского бунта. С. 50–51, 58.

⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. 3 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1874. Т. 13. С. 386–387.

⁶ Пугачевщина. Т. 3. С. 237, 249.

⁷ Пугачевщина. Т. 3. С. 239.

⁸ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 11. Л. 256, 257 об., 265; Д. 12. Л. 179 и об.

⁹ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7269. Л. 1, 2, 4.

¹⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7422. Л. 5.

¹¹ *Овчинников Р. В.* Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева. Челябинск, 1973. С. 44.

¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Ч. 1. Л. 275; Ч. 6. Л. 98 об.; Пугачевщина. Т. 3. С. 241; *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 46–47.

¹³ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 9. Л. 299.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

¹⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 13. С. 420.

¹⁶ Русский вестник. 1869. Т. 80. № 3. С. 22; Пугачевщина. Т. 3. С. 320.

¹⁷ *Дмитриев-Мамонов А. И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Сгб., 1907. С. 146–148; Бумаги графа Петра Ивановича Панина о пугачевском бунте // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 117, 120.

¹⁸ *Державин Г. Р.* Сочинения. Т. 5. С. 148.

¹⁹ Там же. С. 201, 218.

²⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 6. С. 129.

²¹ Пугачевщина. Т. 3. С. 318–319.

²² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сб. документов. Уфа, 1975. С. 243.

²³ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 12. Л. 177–178.

²⁴ *Державин Г. Р.* Сочинения. Т. 5. С. 111.

²⁵ Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 3–40, 373–374.

²⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 6. С. 112–113.

²⁷ Пугачевщина. Т. 3. С. 325.

²⁸ Там же. С. 321.

²⁹ Там же. С. 325–326.

³⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 6. С. 180.

³¹ Там же. С. 199, 213.

Д. М. Софьин

**МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И АВГУСТЕЙШИЙ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР: В. К. ПЛЕВЕ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

События 1905–1907 гг. отчетливо делят царствование императора Николая II на две половины. Первую можно назвать временем самодержавной монархии, вторую – эпохой «думской» или, точнее, дуалистической монархии. Ее символом и главной опорой императора в этот период являлся П. А. Столыпин. Такими же символами эпохи и главной опорой Николая II в «самодержавный» период можно считать двух крупных государственных деятелей ярко выраженного консервативно-охранительного направления – великого князя Сергея Александровича (1857–1905) и Вячеслава Константиновича Плеве (1846–1904). В отличие от П. А. Столыпина, они редко становились объектами исторических исследований, тем более вопросу их взаимоотношений внимания практически не уделялось. В данной работе представлен опыт изучения их взаимоотношений, преимущественно на основе неопубликованных архивных документов.

Великий князь Сергей Александрович занимал посты московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа, а главное – был доверенным лицом своего племянника, императора Николая II, которого неизменно укреплял в желании следовать консервативному курсу. Николай II часто советовался с дядей по важным государственным вопросам. По предложению великого князя и при его активной поддержке Н. В. Муравьев был назначен министром юстиции, а Н. П. Боголепов и Г. Э. Зенгер получали должность министра народного просвещения. Но, пожалуй, наиболее заметную роль в российской истории великий князь сыграл, поддержав зубатовский эксперимент, который не состоялся бы без активной и деятельной поддержки московского генерал-губернатора¹.

В. К. Плеве в царствование Александра III занимал пост товарища министра внутренних дел, а затем был назначен государственным секретарем. Важнейшим постом в империи, после царского, считалась должность министра внутренних дел. В. К. Плеве неоднократно был одним из наиболее вероятных кандидатов на ее замещение, но каждый раз его кандидатура отклонялась. 2 апреля 1902 г. эсером был убит министр внутренних дел

Д. С. Сипягин. Николай II вызвал к себе В. К. Плеве и сказал ему: «Вы долгое время были кандидатом на пост министра внутренних дел. Сейчас я знаю вас лучше, и я решил назначить вас»². Выдающимися качествами нового министра были большой ум, энергичность, огромная трудоспособность, вежливость и тактичность³. Это признавали даже его враги.

В литературе встречались утверждения, будто отношения обоих «бескомпромиссных консерваторов» напоминали ничем не нарушаемую идиллию. Некоторые даже утверждали, что В. К. Плеве был «ставленником» великого князя⁴. Однако это далеко от истины. Во-первых, В. К. Плеве никогда не был «человеком» Сергея Александровича. Новый министр внутренних дел являлся самостоятельной крупной фигурой. Возглавляя в течение более двух лет министерство, он в этот период стал ведущей фигурой в политической жизни страны, влияние же его августейшего «коллеги-консерватора» на Николая II в это время как раз пошло на спад⁵.

Во-вторых, отношения В. К. Плеве и Сергея Александровича отнюдь не были безоблачными. Действительно, великий князь очень ценил нового министра как твердого «человека дела» и, получив известие о его назначении, направил ему поздравительную телеграмму: «Искренне и сердечно приветствую Вячеслав Константинович ваше назначение радуясь быть в числе ваших сотрудников в эти тяжелые времена»⁶. Однако в 1903 г. лишились своих постов два протеже великого князя – заведовавший Особым отделом Департамента полиции С. В. Зубатов и министр народного просвещения Г.Э. Зенгер. Отставка последнего могла быть связана с тем, что В. К. Плеве «расчищал» место для своего друга и единомышленника – знаменитого консервативного публициста, издателя газеты «Гражданин» князя В. П. Мещерского, который в итоге отказался от должности. Но если отставка Г. Э. Зенгера могла и не быть напрямую связана с деятельностью В. К. Плеве, то иная ситуация была в отношении С. В. Зубатова – подчиненного министра внутренних дел.

С. В. Зубатов, с 1896 г. занимавший пост начальника Московского охранного отделения, осуществлял в Москве под деятельным покровительством великого князя Сергея Александровича свой знаменитый эксперимент, сделав полицию фактически посредником между рабочими и их работодателями. В. К. Плеве, хотя и опасался излишней смелости эксперимента, но видел в нем важный задел для будущих государственных реформ и вначале не планировал избавляться от С. В. Зубатова. Министр лишь хотел вывести его из-под «крылышка» августейшего генерал-губернатора и поставить эксперимент под свой личный контроль. Для этого В. К. Плеве в октябре 1902 г. перевел С. В. Зубатова в Санкт-Петербург, назначив на созданный специально для него пост заведующего Особым отделом Департамента полиции и подчинив ему, таким образом, всю тайную полицию империи. Формально это, безусловно, являлось повышением. Но С. В. Зубатов, имевший до этого в Москве фактически *carte blanche*, не смог смириться с новым положением и начал интриговать против своего начальника. В. К. Плеве такой вопиющей нелояльности потерпеть, естественно, не мог и, воспользовавшись первым благовидным предлогом,

РАЗДЕЛ I

в августе 1903 г. со скандалом отправил своего не в меру амбициозного подчиненного в отставку⁷.

Разумеется, великому князю не могло понравиться ни свое «оттирание» на второй план, ни, в особенности, перевод С. В. Зубатова в Петербург вкупе с последующей громкой отставкой. Испортить отношения с Сергеем Александровичем было нетрудно: он был человеком открытым, честным и прямым, но при этом очень ранимым (что тщательно скрывал под маской холодности и неприступности), мнительным, чувствительным к малейшим обидам и все время боявшимся ущемления собственного достоинства⁸. Один из умнейших людей России, В. К. Плеве лучше многих современников и даже родственников понял характер великого князя и проявил весь свой такт, чтобы сохранить хорошие отношения с влиятельным дядей монарха. Сразу же после своего назначения на пост министра В. К. Плеве совершил паломничество в Троице-Сергиеву лавру, что не мог не оценить религиозный великий князь, и посетил в Москве самого августейшего генерал-губернатора. «В 12 ч. был у меня Плеве – отличный, дельный разговор – впечатление подбадривающее...» – записал в своем дневнике великий князь⁹. В дальнейшем они регулярно встречались – каждый визит министра в Москву или каждый приезд Сергея Александровича в Санкт-Петербург не обходился без их встречи и долгой беседы, что великий князь неизменно отмечал в дневнике¹⁰. Если министр юстиции Н. В. Муравьев старался не особенно афишировать свою связь с московским генерал-губернатором, то В. К. Плеве не стеснялся своих хороших отношений с великим князем и не пренебрегал встречами с ним и его советами – не из-за того, что нуждался в них, а потому что знал, что это будет приятно Сергею Александровичу. Таким образом, несмотря на то, что власть и влияние великого князя в период В. К. Плеве были малы, как никогда в царствование Николая II, а протеже Сергея Александровича лишались своих постов, отношения между министром и московским генерал-губернатором оставались дружескими и доверительными. Этого В. К. Плеве смог добиться вопреки объективным обстоятельствам и вопреки своей кадровой политике, а лишь благодаря своей проницательности и большому чувству такта¹¹. В ряде случаев, не имевших большого значения для В. К. Плеве, он демонстративно шел на уступки желаниям великого князя. Так, министр хотел перевести в столицу многолетнего сотрудника московского генерал-губернатора – А. Г. Булыгина, заметив незаурядные качества этого чиновника. Но для Сергея Александровича это было равносильно тому, что лишиться правой руки. В итоге, В. К. Плеве счел за благо оставить А. Г. Булыгина в Москве.

В целом характер взаимоотношений двух влиятельнейших консерваторов можно ясно представить из письма великого князя министру от 14 июня 1902 г.: «Вообще же, ввиду принимаемых вами, уважаемый Вячеслав Константинович, мер по введению порядка и дисциплины в правительственных и общественных учреждениях – я бы крайне желал ничем не затруднять ваших начинаний и действий, а потому вполне и заранее согласен на решение, на котором вы остановитесь – сочувствуя твердому спокойствию и последовательности в достижении цели...»¹².

Политика В. К. Плеве в отношении великого князя дала блестящие результаты: чтобы ни произошло, московский генерал-губернатор неизменно поддерживал министра и стал его надежным соратником. Показательными для характеристики незаурядных дипломатических способностей В. К. Плеве являются слова, написанные Сергеем Александровичем в день его гибели 15 июля 1904 г.: «В 12 ч. узнал об ужасном убийстве Плеве! Я в отчаянии! Считаю его смерть величайшим несчастьем для Государя и для внутренних дел. Теряю в нём очень много – незаменимый человек. Suis moralement aneanti; desespere¹³»¹⁴.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Софьин Д. М.* Великий князь Сергей Александрович и зубатовский эксперимент // *Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений*. Смоленск, 2006. С. 68–71. Также см.: *Schneiderman J.* Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. Ithaca, N.Y., 1976. P. 62–63, 67, 85, 88, 98, 135, 235; *Judge E. H.* Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia, 1902–1904. Syracuse, N. Y., 1983. P. 131–136; *Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 501; *Боханов А. Н.* Великий князь Сергей Александрович // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 360.

² См.: *Judge E. H.* Op. cit. P. 38.

³ Ibid. P. 32–37.

⁴ Убийство в. к. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. М., [1917]. С. 19.

⁵ Об отношениях великого князя Сергея Александровича и императора Николая II см.: *Литвиненко Г. А.* Николай II и великий князь Сергей Александрович накануне революции 1905 г. // *Материалы XII Международ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. Т. 1. М., 2005. С. 272–275.

⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1085. Л. 5. Телеграмма от 6 апреля 1902 г.

⁷ *Judge E. H.* Op. cit. P. 147–148; *Симонова М. С.* Вячеслав Константинович Плеве // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 313; *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. Таллин ; М., 1994. С. 206–207.

⁸ *Воспоминания великой княгини Марии Павловны*. М., 2003. С. 18–19; *Дневник государственного секретаря А. А. Половцова*. Т. 2. М., 1966. С. 305, 349; *Мемуары графа С. Д. Шереметева*. Т. 1. М., 2004. С. 507; *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров: воспоминания. М., 1996. С. 211–214.

⁹ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Л. 53. Запись от 11 апреля 1902 г.

¹⁰ При этом оценка беседы великим князем была неизменно положительной: «...хороший разговор...» (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Л. 64. Запись от 3 мая 1902 г.), «...вполне доволен разговором – он дельный» (ГАРФ. Л. 104 об. Запись от 23 июля 1902 г.), «...долго и много и интересно с ним говорил...» (ГАРФ. Л. 118 об. Запись от 20 августа 1902 г.).

¹¹ Определенное, малозначительное охлаждение в отношениях между В. К. Плеве и великим князем имело место в конце 1902–1903 гг. (характеристики бесед в дневнике Сергея Александровича стали более сдержанными и безоценочными). Но в итоге В. К. Плеве полностью восстановил себя во мнении московского генерал-губернатора, который, поздравляя министра с новым 1904 годом, прислал ему теплую телеграмму: «От души мы оба (Сергей Александрович и его жена, великая княгиня Елизавета Федоровна. – Д. С.) вас благодарим пошли вам Господь вполне во всем утешительного нового года» (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1085. Л. 7).

¹² ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1085. Л. 4–4 об.

¹³ «Я» морально уничтожен; прихожу в отчаяние (франц.).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Л. 102.

В. С. Сулимов

**ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯН ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
К ПРИЕЗДУ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ В 1891 Г.**

В 1891 г., возвращаясь из путешествия в Японию, будущий император Николай II посетил Тобольскую губернию¹. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с подготовкой к приезду цесаревича.

В Тобольской губернии весной 1891 г. подготовку к встрече великого князя Николая Александровича первыми начали крестьяне. Процесс подготовки продолжался более трех месяцев. Получив достоверные сведения о проезде цесаревича через губернию, крестьяне Успенской волости Тюменского округа 10 марта на волостном сходе выступили с инициативой выделить 100 руб. на исправление дорог и поднесение хлеба-соли великому князю. Деньги планировалось взять из мирского капитала, хранившегося в Екатеринбургской конторе Госбанка. В тот же день крестьяне Богандинской волости сочли необходимым для встречи «такого высокого и дорогого» гостя выразить ему верноподданнические чувства и поднести великому князю хлеб-соль на золотом блюде. Трое крестьян пожертвовали 36 рублей. От остальных собравшихся из мирского капитала было выделено 50 рублей².

Инициативу подхватили крестьяне других волостей Тюменского округа. На червишевском волостном сходе 17 марта крестьяне имели суждение о выделении средств на устройство проезда наследника престола и изготовление золотого блюда, на котором «душевно желалось бы» поднести хлеб и соль великому путешественнику. На тот момент в кассе волостного правления имелся свободный мирской капитал, и 100 руб. из него крестьяне отчислили на подготовку к приезду цесаревича. Крестьяне Тугулымской волости в тот же день выделили к встрече великого князя в изъявление к нему своей «беспредельной» любви и верноподданнических чувств 100 рублей. Гилево-липовский волостной сход решил назначить для успешного проезда цесаревича 75 руб. из мирского капитала, хранившегося в Госбанке. Приговором яровского волостного схода выделялось 30 руб. на вышеуказанные нужды. Причем волостной писарь так усердствовал, что вместо «цесаревич» два раза написал в приговоре «сецаревич». 19 марта на липчинском волостном сходе крестьяне единогласно постановили: в доказательство своих верноподданнических чувств и «глубокой любви и преданности к Царствующему Дому и в знак выражения искренней радости нашей по случаю выпавшего на долю далекой Сибири счастья встречать столь высокого гостя, присоединиться к общему желанию и ассигновать» 50 рублей³.

Крестьяне Тюкалинского округа не отставали в стремлении достойно встретить великого князя. В приговоре любинского волостного схода 20 марта собравшиеся сердечно желали со своей стороны принести достодолжную лепту в знак «великой» радости и высших верноподданнических чувств, питаемых ими, как сынами русского царя и отечества, к цесаревичу. Они молили «царя небесного», дабы он «сниспослал высокому и почитаемому гостю здравия

неоцененного» для подданных и благополучного путешествия всюду⁴. Крестьяне сделали частные пожертвования, собрав 49 рублей. В приговоре кулачинского волостного схода отмечалось: «Будучи неравнодушны к столь радостному для Сибирского края событию, мы исполнены искреннего желания принять участие совместно с прочим крестьянским населением губернии к встрече его высочества хлебом-солью»⁵. Для этой цели крестьяне ассигновали из остаточных сумм от прошлых лет мирского сбора на поднесение цесаревичу хлеба-соли на золотом подносе и исправление дороги от станции Еланской до г. Омска 50 рублей.

В марте – апреле 1891 г. по всей губернии состоялись сотни волостных сходов, где было собрано несколько тысяч рублей на золотое блюдо для наследника престола и на ремонт мостов и дорог. Быстрее всех собрал деньги, выделенные волостями на ремонт дорог и изготовление золотого блюда, чиновник по крестьянским делам 1-го участка Курганского округа, предоставив губернатору 5 апреля 1891 г. 681 руб. 75 коп. Из них 491 руб. выделялся по решению волостных сходов и 190 руб. 75 коп. – от Барашковского ссудо-сберегательного товарищества и частных лиц. Представляя деньги, чиновник также просил утвердить кандидатуру падеринского волостного старшины А. Губанова, «весьма почтенного и заслуженного старика», 65 лет, в качестве представителя местного крестьянского населения при встрече цесаревича в пределах губернии. Одним из первых выслал в Тобольск около 180 руб. чиновник 2-го участка Тюкалинского округа. Чиновник по крестьянским делам Тобольского округа отправил губернатору 436 рублей⁶.

10–11 апреля началась массовая отсылка денег в Тобольск. 9 апреля чиновник Лебедев из Кургана отрапортовал телеграммой, что от 1-го участка собрано 681 руб., от 2-го участка 463 рубля. От 3-го участка сведения были затребованы. Затем Лебедев выслал самую деловитую и лаконичную телеграмму из всех отправленных: «Блюдо третьего участка 460»⁷. Ее следовало понимать таким образом: «На блюдо от третьего участка выделено 460 рублей». В краткости данного послания, возможно, проявился азарт человека, успешно справившегося с нелегкой задачей.

К 10 апреля по 1-му и 3-му участкам Ишимского округа было получено 18 приговоров, сумма сбора составила 722 рублей. Председателем крестьянского присутствия из Ишима было предписано выслать деньги 2-му участку округа, имеющему только два приговора. Всего планировалось собрать приблизительно 1 200 рублей. В тот же день чиновник Дьяконов из Ялуторовска сообщил, что во 2-м и 3-м участках будет представлено 850 рублей. От 1-го участка сведений еще не поступало⁸.

По Тюменскому округу собрали 1 100 рублей. Из Тары чиновник Покровский уведомил, что имеется не менее 600 руб., из них к 11 апреля 298 руб. уже были высланы. Позднее из Тары прислали еще 367 руб., тем самым перевыполнив обещанный план на 65 рублей. Крестьяне 1-го участка Тюкалинского округа выделили 535 руб., от 2-го участка 435 рублей. Некоторые из заявленных сумм пришли с опозданием на несколько дней. На 15 апреля в Тобольске было получено 2 372 рубля. Всего ожидалось собрать около 6 тыс. рублей⁹.

РАЗДЕЛ I

Вначале инициатива крестьян носила добровольный характер, но затем, с помощью чиновников по крестьянским делам, стала принимать характер добровольно-принудительный. Началось скрытое соревнование между округами за увеличение высылаемых губернатору сумм.

Инициатива крестьян требовала проявления реакции со стороны губернатора В. А. Тройницкого. Необходимо было направить данное движение в надлежащее русло. 12 апреля 1891 г. был подготовлен циркуляр крестьянским начальникам. В нем говорилось, что большинство волостных сходов, узнав о проезде цесаревича через губернию, приговорами выразили желание, наравне с другими сословиями, принять участие в устройстве «благополучного» пути наследника престола и поднести ему хлеб-соль от крестьян. Губернатор отнесся с полным сочувствием к подобной «прекрасной» мысли и выбрал станцию Сыропятскую для встречи крестьянами цесаревича. Станция была последней перед г. Омском и, следовательно, у великого князя, по мнению В. А. Тройницкого, сохранилась бы в памяти именно эта встреча с представителями Тобольской губернии. К тому же у станции протекала река Омь. Через нее наследнику престола пришлось бы переправляться на пароме. На собранные крестьянами деньги планировалось выстроить временный мост для сокращения пути цесаревича на несколько часов. Здесь могли собраться представители волостных сходов, участвовавших в составлении приговоров, и «иметь счастье лицезреть» высокого путника, приняв участие в поднесении хлеба-соли от крестьян. Блюдо и солонка заказывались в столице – золотые. Надпись предполагалось сделать на блюде следующую:

Возлюбленному Сыну Царя Батюшки
Надеже нашему
Государю Наследнику
от преданнейших крестьян Тобольской губернии
Июля « » дня 1891 г.¹⁰

Все расходы, связанные с заказом блюда, доставкой его в Тобольск, отправкой вслед за цесаревичем в Санкт-Петербург и постройкой моста, должны были учитываться. Отчет о потраченных средствах планировалось отпечатать и разослать по волостям.

Каждой волости разрешалось отправить одного или нескольких человек для встречи высокого гостя. Выбранные крестьяне прибывали на место за свой счет и прилично одетыми. Главными критериями выбора депутатов были благонадежность и добрая нравственность. Список депутатов подписывался крестьянскими начальниками и на месте встречи цесаревича отдавался земскому заседателю, находящему на станции. Прибытие депутатов планировалось на ст. Сыропятскую Тюкалинского округа не позже 18 июля. Уполномоченным от крестьян волостные сходы должны были выдать доверенность распорядиться остатком от собранных денег, если таковой будет. Крестьянским депутатам также поручалось решить вопрос, как поступить с пиломатериалами после разборки временного моста. Следовало ли его продать или использовать на постройку чего-либо приличного, что «могло бы увековечить память о дорогом высоком»

госте¹¹. Работа по выдвижению депутатов из крестьян от Тобольского, Тюкалинского, Тарского, Ишимского и Ялуторовского, Курганского округов продолжалась до конца июня.

Может сложиться впечатление, что верноподданнические чувства применительно к царской семье преобладали в крестьянской среде. Следует, однако, заметить, что во все времена были недовольные властью. Одни открыто высказывали свой протест, другие, скрывая несогласие, молча терпели и страдали.

Ежегодно правоохранительными органами в Тобольской губернии заводились дела по поводу оскорбления представителей дома Романовых. Особенно часто стали фиксироваться такие случаи окружными и волостными начальниками в первой половине 1891 г. Власть на всех уровнях хотела подстраховаться перед визитом великого князя. Как только окружные исправники и волостные правления узнали о проезде цесаревича через Тобольскую губернию, они активизировали деятельность по выявлению крестьян, негативно относящихся к правящей династии. 16 июня 1891 г. от заседателя усениновского волостного правления поступил рапорт туринскому окружному исправнику. В рапорте сообщалось о прибытии в правление старосты деревни Комаровой Трофима Свяжинова. Староста поведал, что 9 июня, проходя по улице деревни мимо дома Михаила Свяжинова, увидел толпу крестьян. В ней разъярялся суть новой монаршей милости, дарованной преступникам, Клементий Французов, ссыльный из крестьян. На этот рассказ пьяный крестьянин-старожил Сивирьян Свяжинов громко отреагировал: «Им Государь дал каторжным льготу, а нам никакой льготы». Затем произнес против императора «скверноматерное» слово. Когда же староста и другие заметили его преступное действие, то Сивирьян сказал: «А что мне сделает, если меня к нему представят, так я ему еще трех дам»¹². Слова эти были сказаны при множестве свидетелей. Староста обязал смутьяна не отлучаться из дома до следующего дня, собираясь доставить провинившегося в волостное правление. Сивирьян не послушался: на другой день ушел на заработки в соседнюю Благовещенскую волость и не возвратился через неделю.

Особое внимание губернатор уделил рапорту тюкалинского окружного исправника. В нем сообщалось о высказываниях 9 июня крестьянина Крупянской волости деревни Аксеновой Егора Чернакова в кругу односельчан. Говоря об исправлении почтовой дороги по случаю проезда цесаревича, он позволил выразиться следующим образом: «Его Высочество где-то били, да не убили, жалко, что не убили». И добавил: «Мать его туда...»¹³. По распоряжению Троицкого об этом случае губернское правление подготовило отдельное донесение министру внутренних дел. В черновике письма министру выражение «про мать» было заменено более приличной формулировкой – «выругался площадной бранью»¹⁴. За свой проступок Е. Чернаков по постановлению окружного исправника, утвержденного местным товарищем прокурора, на два месяца был отправлен в тюкалинский тюремный замок. Затем мера пресечения относительно Чернакова была отменена¹⁵.

В период подготовки к приезду цесаревича отмечалось еще несколько случаев произношения оскорбительных слов относительно царя. 24 июня в питейном

РАЗДЕЛ I

заведении села Уватского крестьянин Павел Аникин, будучи пьян, произнес «дерзкие, оскорбительные слова против священной особы» императора¹⁶. В преступлении своем не сознался, хотя имелось множество свидетелей. До особого распоряжения Аникин был задержан при волостном правлении.

Иногда критика крестьянами монарха усиливалась и носила вполне обоснованный характер. Сразу после отъезда цесаревича на южные хлебные уезды началось массовое нашествие кобылки из Оренбургской губернии. Было истреблено несколько сот тысяч десятин хлебов. Подсчитав необходимое количество семенного и продовольственного хлеба до урожая следующего года, Тройницкий запросил на закупку зерна для крестьян пострадавших уездов у министра внутренних дел 4 000 000 руб. К концу июля было выделено только 250 000 руб. После вздорожания хлеба осенью пришлось просить уже на 700 000 руб. больше ранее запланированного. Нужная сумма была ассигнована только перед Новым годом¹⁷. Тем временем в уездах зрело недовольство царем как представителем власти. 24 августа крестьянин Козьма Нечаев заявил товарищу прокурора по Ялуторовскому округу, что Исетский волостной старшина Алексей Колесов, находясь в волостном правлении, при свидетелях в разговоре сказал: «Если царь не даст нам пособия, то мы будем его материть». Губернский прокурор уведомил о случившемся Тройницкого. Началось дознание. Губернатор на сообщении прокурора наложил краткую резолюцию карандашом: «К сведению»¹⁸. Тройницкий понимал, что обращать внимание на такое незначительное по сравнению с надвигающейся угрозой массового голода в губернии происшествие не имело смысла.

В целом, подготовку крестьян к встрече цесаревича можно разделить на три этапа. На первом этапе, начиная со второй декады марта, в течение месяца крестьяне по собственной инициативе принимают решения на сельских сходах о выделении денег на покупку золотого блюда для поднесения хлеба-соли наследнику престола. В округах чиновники по крестьянским делам вступают в неофициальное соревнование между собой по сбору средств.

На следующем этапе, со второй декады апреля, в процесс по подготовке крестьян к встрече наследника престола включается губернатор, пытается упорядочить различные организационные моменты подготовки к встрече. Продолжается сбор денег крестьянами. Начинается подбор кандидатов от крестьян для встречи высокого гостя.

На третьем этапе, в июне, активизируется деятельность волостных сходов в округах по выбору депутатов от крестьян. Составляются списки по участкам. Депутаты выезжают к месту встречи.

До конца июня планировалось встречать цесаревича на станции Сыропятской. Предполагалось, что цесаревич, путешествуя по суше от Томска, сделает несколько остановок в Тобольской губернии. Но великий князь решил плыть от Томска до Тобольска на пароходе. В связи с изменением маршрута цесаревича губернатор Тройницкий назначил местом встречи крестьян с наследником престола село Самарово.

Анализируя реакцию крестьян в ожидании визита цесаревича и после его отъезда, следует констатировать, что она носила преимущественно позитивный

характер. Хотя отдельные случаи негативного отношения крестьян к царской семье фиксировались правоохрательными органами регулярно. Недовольство властью высказывалось, как правило, после употребления алкоголя и носило демонстративный характер.

В целом, крестьяне не доставляли особых проблем руководству губернии, округов, жандармам и полиции при подготовке к встрече высокого путешественника в губернии, а затем и при самом визите. Данная реакция крестьян предугадывалась начальством. В связи с этим количество жандармов в округах губернии было сокращено за счет временного откомандирования нижних чинов в Тобольск.

Примечания

- ¹ Сулимов В. Цесаревич Николай в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. 102 с.
- ² ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 332. Оп.1. Д. 51. Л. 2–2 об., 5–5 об.
- ³ Там же. Л. 8 об., 14–14 об., 17–17 об., 19, 22–22 об.
- ⁴ Там же. Л. 92–92 об.
- ⁵ Там же. Л. 32.
- ⁶ Там же. Л. 40, 57, 140–140 об.
- ⁷ Там же. Л. 53, 87.
- ⁸ Там же. Л. 54, 55.
- ⁹ Там же. Л. 85, 86, 88, 89, 241–241 об., 242.
- ¹⁰ Там же. Л. 108.
- ¹¹ Там же. Л. 108 об.
- ¹² ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 62. Л. 25.
- ¹³ Там же Л. 27.
- ¹⁴ Там же. Л. 28.
- ¹⁵ Там же. Л. 40.
- ¹⁶ Там же. Л. 26.
- ¹⁷ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 363–367.
- ¹⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 62. Л. 49.

А. А. Тесля

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕПИСКЕ Ю. Ф. САМАРИНА 1846–1848 ГГ.¹

Первое знакомство Ю. Ф. Самарина с остзейским вопросом произошло почти случайно – тяготясь службой секретаря в 1-м департаменте Правительствующего Сената, а затем секретарем общего собрания первых трех департаментов, где он вынужден был заниматься бесплодной бумажной работой², Самарин с радостью принял в начале 1846 г. предложение перейти на службу в Министерство внутренних дел, где был прикомандирован в качестве делопроизводителя в Комитет об устройстве быта лифляндских крестьян. Новая служба давала Самарину то, в чем он более всего нуждался, – ощущение смысла

© А. А. Тесля, 2011

и полезности своего труда. Передавая в письме к Хомякову направление работ, возложенных на Комитет, Самарин заключал: «Вы видите, что дела довольно и, что весьма редко, *дело это такого рода, что можно взяться за него с полным сочувствием, без зазрения совести* [выделено нами. – А. Т.]»³. Эта перемена обрадовала его московских друзей как возможность избавиться от давящей петербургской бюрократической рутины, и Хомяков, получив от Самарина известие о том, что поездка в Ригу откладывается⁴, писал: «Одно грустно, что все-таки Питер. Я было за вас порадовался, что вы оттуда выбираетесь хоть в Чухляндию настоящую, а теперь опять, кажется, не то выходит»⁵. Из этого письма Хомякова достаточно ясно, что московские славянофилы мало интересовались и вообще имели весьма слабое представление об остзейских губерниях⁶.

В момент, предшествующий назначению в Комитет об устройстве быта лифляндских крестьян, Самарин следующим образом представлял стоящие перед комитетом задачи: «В двух словах задача заключается в том, чтобы эманципировать низшие классы, или, лучше, все классы (исключая одного высшего), от исключительного господства дворянского сословия. Обращение латышей в православную веру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остается только отстранять препятствия, воздвигаемые на каждом шагу немцами-протестантами и особенно немцами-православными. Этот факт чрезвычайно важен, и, по моему убеждению, его никто не понимает: ни те, которые содействуют ему, ни противная сторона»⁷. И далее: «Православное движение, по моему убеждению, началось вследствие свободной потребности; потребность эту потому только нельзя назвать чисто-религиозною, или, лучше, исключительно-религиозною, что для простого народа, в противоположность образованным классам, религия еще не отрешилась от жизни... <...> Народ понимает перемену религии, как преобразование всего быта; духовная потребность богослужения, материальная потребность куска хлеба и уголка земли, сознание опоры, которую он найдет в правительстве, вражда к презирующему его землевладельцу – все это выразилось в настоящем событии. Только односторонний взгляд может объяснять его из *одного* побуждения, за исключением других; они участвовали в нем все вместе, нераздельно»⁸.

Таким образом, еще до ознакомления с остзейскими делами у Самарина была готовая схема интерпретации: переход латышей в православие совершится «сам собою» при условии, что будут устранены помехи со стороны немцев и «немцев-православных». Задача состояла в освобождении низших сословий от «исключительного господства» остзейского дворянства и выполнение данной эмансипаторской задачи должно было взять на себя императорское правительство, дав крестьянам: «1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода в соседние губернии на условиях, 3) право приобретения земель, 4) для русских: право селиться на условиях в поместьях остзейских помещиков. Само собою разумеется, что право приобретения земель распространяется на все сословия»⁹.

Уже в январе 1846 г. Самарин рассматривает остзейский вопрос сквозь призму борьбы с «немецкой партией», причем его энтузиазм основывается, как он

думает, на решимости императора проводить означенную политику: «...приезд Государя положил конец колебаниям. На докладной записке Перовского¹⁰ он написал своею рукою против всех вопросов: “руководствоваться прежними разрешениями, без всяких уступок и отступлений, а с теми, которые хотят воздвигать препятствия, кто бы они ни были (последние слова им подчеркнуты), поступать по всей строгости законов”. *Убедившись из этого, что делу дается надежный ход, я решился принять сделанное мне предложение ехать в Ригу...* [выделено нами. – А. Т.]»¹¹. Положение дел в Лифляндии изначально представлялось Самарину нетерпимым, и, как ему в тот момент представлялось, опираясь на прочную поддержку, исходящую от самого императора, Министерство внутренних дел должно было решительно преобразовать весь порядок вещей в остзейских губерниях, начиная с положения крестьян заканчивая устройством «гильдий, цехов, магистрата и, вообще, торговых и городских законов»¹². «Реформаторский зуд», охвативший Самарина, освободившегося от рутины сенатских дел и причастного теперь, хоть и в «малых чинах», к высшей правительственной деятельности, не вызвал одобрения со стороны Хомякова. Последний, не обсуждая по существу планы реформ в Лифляндии, сетовал только на откладывавшему поездку Самарину в Ригу:

«Хоть комитет ваш и устроен по Чухонским делам, да совсем не то действовать на месте, видеть своими глазами, бороться с наличными страстями, наконец, делать самому справки, или действовать издали, по бумажным донесениям, по чужим справкам, нападать на заглазные страсти и заглазных людей и заступаться также за людей, которых от роду не видывал. Все это дело мертвое и холодное, и скучное; *добро бы было легкое и сопряжено с большим досугом, а этого и ждать нельзя* [выделено нами. – А. Т.]. Так что мы можем радоваться вестям об вас, но не за вас, потому что положение ваше крайне не завидно. Терпи казак, хоть и атаманом не будешь»¹³.

Хомякова не особенно интересует административная преобразовательная активность, в которую вовлечен Самарин – ему куда важнее то, как эти дела скажутся на личности Самарина и в какой мере они оставят последнему время для досуга, для тех интеллектуальных интересов, которые в глазах Хомякова, по крайней мере в то время, имеют наибольшую ценность. Самарин ощущает возрастающее отдаление, его все больше увлекают практические дела, возможность влиять на политику, действовать – и, не решаясь открыто возражать Хомякову, старшему и авторитетному другу и учителю, он вставляет критические выпады в адрес «москвитизма», упреки в бездеятельности и пустых разговорах, в анархии и недооценке значения правительства и принимаемых им мер, в письме к К. С. Аксакову¹⁴.

Ближе познакомившись с делами Комитета и с лицами, призванными решать проблемы лифляндских крестьян, Самарин быстро утратил прежнюю уверенность, однако сохранил полученное им в самом начале представление об общем направлении реформ, которые должно предпринять в остзейских губерниях: «Тоска и отвращение сжимают сердце при виде тех людей, которым приходится отстаивать добрые начала. Чего не опорочат, чего не исказят они!

Что станешь делать? Немудрено отойти в сторону и умыть руки; но совестно, когда чувствуешь правоту самого дела, отказаться от участия из опасения замарать руки. Все осуждают меня и смотрят на меня с упреком и соболезнованием; до этого мне дела нет... Не менее того я решился. Мое участие в этом деле имеет большую важность, чем я сам предполагал. Все знают, что я действую по убеждению, следственно внутренне одобряю если не частные меры, то цель правительства; в том кругу, к которому я принадлежу, это – неслыханная новость, признак нового направления...»¹⁵.

В мае месяце, после закрытия Комитета, Самарин получил назначение чиновником особых поручений при Министре внутренних дел и был прикомандирован к ревизионной комиссии, которой было поручено обревизирование городского устройства Риги и составление проекта преобразования последнего. Выехав из Петербурга 21 июля вместе с председателем комиссии Я. В. Ханьковым, он почти сразу же окунулся с головой в работу. Помимо массы частных поручений, на него Ханьковым было возложено составление исторического обзора городского устройства Риги – работа, в руках Самарина разросшаяся в капитальное историческое исследование¹⁶.

Сама Рига понравилась Самарину, едва ли не вопреки его воле: «Все здесь неприязненно и чуждо нам, и, несмотря на это, с участием и почти с сочувствием смотришь на памятники и следы прошлого, утратившие всякий смысл в настоящем, потому именно, что везде ощущается присутствие свободно развившейся жизни»¹⁷. Однако немецкое бюргерство, произведшее первоначально на Самарина самое положительное впечатление¹⁸, затем характеризуется им все более негативно – погруженный в бесконечные дразги с Рижским магистратом, столкнувшись «с местными приемами политической борьбы, с... политическим сутяжничеством»¹⁹, 6 октября 1846 г., пробыв в Риге чуть более двух месяцев, он пишет А. Н. Попову: «Присмотрелся я к немцам и узнал вблизи, что такое их хваленая честность и немецкий Biederkeitssinn²⁰; если б я захотел рассказать вам здешнюю скандальную хронику служебную, торговую и общественную, то я мог бы исписать целую тетрадь. Но здесь рука руку моет; для каждой проделки, самой подлой и гнусной, придуман благовидный предлог. Номенклатура, терминология здесь хороша; например, взятки гнушаются, но кто же осудит *добровольное приношение*? Хороши они особенно в сношениях в Русскими!»²¹.

Следуя за наблюдением Б. Э. Нольде²², отметим, что если бюргерство и его «проделки» вызывали презрение, то совершенно иной была реакция Самарина на встречу с местным немецким дворянством. В августе 1847 г. в письме к А. О. Смирновой-Россет Самарин так передает свои впечатления: «Возвратившись в Ригу²³, я застал уже все лифляндское дворянство, съехавшееся на ландтаг. Какие вдруг появились бороды, галстуки и охотничьи куртки! *Вся эта компания чрезвычайно оригинальна, и хотя у меня вовсе не лежит к ней сердце, однако, должно сознаться, в ее движениях и речах заметно какое-то сознание собственной силы и собственного достоинства, которое, конечно, не есть еще добродетель, но, по крайней мере, предохраняет от многих гадостей* [выделено нами. – А. Т.]»²⁴.

В письме к М. П. Погодину от 9 октября того же года Самарин подводит итог своим рижским впечатлениям: «Я могу сказать это теперь: все здесь дышит ненавистью к нам, ненавистью слабого к сильному, облагодетельствованного к благотворителю и вместе гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему его ученику. Здесь все окружение такого, что ежеминутно сознаешь себя как русского, и, как русский, оскорбляешься»²⁵.

Назначение остзейским генерал-губернатором кн. А. А. Суворова, после недолгого колебания осудившего политику предшественника и принявшего сторону остзейских привилегированных сословий, а в особенности изменение внутривнутриполитического курса (после «Галицийской резни» 1846 г. и в особенности после революции 1848 г.), фактически поставили крест на планах масштабных реформ в прибалтийских губерниях. Утратив надежды на законодательную реализацию предложений комиссии в обычном правительственном порядке, Самарин попытался одновременно воздействовать на общественное мнение и политику правительства другим путем – написанные им в 1848 г. «Письма из Риги» стали одним из первых образчиков русской политической публицистики.

Однако вряд ли можно согласиться с тезисом, что пребывание в Лифляндии существенно изменило взгляды Самарина: «Письма из Риги» содержательно мало отличаются от суждений Самарина о прибалтийских губерниях, высказанных им еще до отъезда в Ригу. Изменилось не содержание – появились эмоции, отсутствовавшие до столкновения с лифляндским бюргерством и рыцарством. Показательно, на наш взгляд, что именно в период пребывания в Риге Самарин завязывает переписку с Погодиным – уважаемым им университетским наставником²⁶. Взгляды Самарина на национальный вопрос в этот момент ближе всего именно к воззрениям Погодина – «романтический национализм» последнего²⁷, опирающийся на ксенофобское противопоставление слабо рефлектированного и недифференцированного «русского» иному, «западному», был в этот момент эмоционально привлекательнее Самарину по сравнению с туманными и слишком сложными попытками определить национальное у Хомякова или Киреевского. Самарин, ощущая себя передовым борцом с лифляндским рыцарством, «немцами-протестантами» и в особенности с «немцами-православными», засевшими в петербургских министерствах и в петербургском высшем свете, в этот момент нуждался в ясности противопоставления – ему потребен был четкий образ врага²⁸.

Таким образом, на наш взгляд, идейная эволюция Ю. Ф. Самарина по «остзейскому вопросу» в 1846–1848 гг. на основании его переписки может быть охарактеризована следующим образом.

1. Взгляды Самарина на содержание остзейского вопроса и на пути реформирования сословных и поземельных отношений в крае, на распространение православия сложились еще до его причисления к Комитету об устройстве быта лифляндских крестьян.

2. Самарин соглашается принять участие в Комитете, а затем и в трудах ревизионной комиссии, поскольку его понимание необходимых реформ совпадает

с программой Министерства внутренних дел. Самарин настойчиво подчеркивает, что действует не как чиновник, но постольку, поскольку его взгляды совпадают с тем, что он считает целью правительств, т. е. ставит себя в положение *деятеля*, а не *исполнителя*.

3. Пребывание в остзейских губерниях и непосредственное знакомство с таковым положением вещей, существенно не изменив содержание взглядов Самарина, изменило его эмоциональное отношение к «остзейскому вопросу». Высшие прибалтийские сословия, будучи подданными Российской империи, в то же время не считали себя частью России, утверждая и акцентируя собственное культурное превосходство над основным народом империи. Слабые и малочисленные сами по себе, местные дворяне обладали несоразмерным влиянием на ход государственных дел – позволяли себе управлять Россией, не считая себя ее частью. Сочетание силы и слабости, поразившее и возмущившее Самарина в местном дворянстве, одновременно в другом отношении являлось ситуацией самой России.

4. Фактический отказ от задуманных реформ, отказ от того, что Самарин считал «целью правительства», приводит его к решению воздействовать на общество и правительство. Если сначала Самарин хотел пересылать их Хомякову, чтобы тот «давал им ход»²⁹, то затем он сам становится ревностным распространителем своей публицистики в высших сферах. Не случайно Самарин, записывая свой разговор с императором в Зимнем дворце 17 марта 1849 г., отмечает слова Николая, сказанные им в конце беседы: «Вот ваша книга; вы видите, что она у меня и остается здесь». Т. е. Самарину удалось то, на что он рассчитывал – довести свою точку зрения до императора, причем точку зрения не отдельного человека, чиновника и т. п., но «направления»; говорить с властью и обществом от лица направления. Император не согласился, но выслушал и отчасти объяснился в своей политике. Нольде так характеризовал эту известную беседу: «Разговор императора и Самарина вечером 17 марта 1849 г. необыкновенно ярко передает столкновение традиции с новшествами политического выступления Самарина. <...> В свете всего последующего невольно спрашиваешь себя, кто прав был в своей оценке русской окраинной политики – молодой, талантливый глашатай новой народнической истины или узкий, но выдержанный и последовательный носитель привычной консервативной государственности»³⁰. В определенном смысле именно данный разговор стал «рубежным» для политической мысли Самарина, обозначая границу между прежним размытым «национальным» движением, не видевшим конфликта с основами существующего устройства империи, и модерным национализмом зрелого славянофильства, осознающего необходимость сложной, болезненной и длительной трансформации империи и полагавшего правильным направлением такой трансформации переход от традиционной империи к национальному государству.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта: МК-1649.2011.6.

² Ю. Ф. Самарин писал из Петербурга брату Михаилу 8 марта 1845 г., описывая службу в Сенате: «Занятия – самые интересные, сопряженные с приятностью и пользой для ума и сердца. Экзекутор принесет кипу полученных из разных присутственных мест рапортов; их запишешь в настольный реестр и отметишь год, число, номер и т. д. Потом принесут копий с 30 с 3-х или 4-х указов; их перечесть в 6 или 7 рук и выправишь. Потом дадут на дом составить записку из какого-нибудь дела или извлечение из варварской просьбы. Сперва меня бесили беспрестанные повторы, дикое правописание, вычурный слог; я принимался поправлять ошибки и слог, но после бросил это дело, как ненужное и ни к чему не ведущее. <...> Боже мой, сколько времени, и как бы можно было употребить его! На занятия, к которым лежит у меня сердце, изредка удается урывками посвятить часа два-три, сделаешь кое-какие выписки, но ни одна мысль не успеет созреть и выразиться» [*Самарин Ю. Ф.* Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12: Письма 1840–1853. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. С. 351–352]. Жалобы на бесплодность и скуку, отягощаемую бессмысленностью подобного труда, часты в письмах Ю. Ф. Самарина своим московским друзьям и родным. В письме к отцу от 23 марта 1845 г.: «Любезный папенька, в последнем вашем письме вы увещеваете меня вооружиться терпением для преодоления сухого и скучного труда. Признаюсь, очень интересных занятий, таких, которые требовали бы сильного участия мысли, я и не ждал. <...> Пугает и сокрушает меня не сухость, а бесплодность труда» [Там же. С. 316]. Самарин рассчитывает найти какой-то выход из угнетающего его положения и думает о том, чтобы найти службу за пределами Петербурга; А.С. Хомяков в письме от 17 декабря 1845 г. соглашается с размышлениями Самарина [Там же. С. 411–413]: «Вам, разумеется, надобно выехать из Петербурга; но куда? Всего бы лучше, если бы можно на год или более за границу; но по вашему письму это, кажется, совершенно невозможно. Мой совет выбрать (если уже в Москву нельзя или можно только с какою-нибудь невозможно секретарскою должностью) одну из ближайший губерний. Мне кажется, нам всем надобно быть довольно близко от друга» [*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. Т. 8: Письма. М.: Ун-т тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 260].

³ *Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. Т. 12. С. 415.

⁴ Там же. С. 417.

⁵ *Хомяков, А. С.* Указ. соч. Т. 8. С. 261–262.

⁶ С положением дел в остзейских губерниях и о планах правительства в их отношении, в этот момент обсуждавшихся в Министерстве внутренних дел, информировал московских славянофилов помимо Самарина также А. Н. Попов [*Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. Т. 7. С. 414].

⁷ *Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. Т. 12. С. 414.

⁸ Там же. С. 417. Спустя два десятилетия, полемизируя с остзейскими публицистами в «Окраинах России», Самарин будет неоднократно повторять данный аргумент, отгачивая его форму, но не меняя по существу. В послесловии ко 2-му выпуску «Окраин» Самарин писал: «Переходившие в православие побуждались житейскими расчетами, ожиданием выгод, надеждою получить землю, зажить лучше – стало быть убеждение было не при чем, и они просто продавали свою веру». – Странный вывод, и что за удивительное легкомыслие в этом стало быть! Человек, взятый порознь, и тот очень редко, в любом своем действии, следует одному побуждению, всецело и безраздельно наполняющему душу; а, наоборот, почти всегда, при некотором внимании, подмечает в себе множество самых разнообразных двигателей, одновременно направляющих его волю: это общий закон человеческой природы; а тут дело идет о целой массе людей темных, неразвитых, не обладающих способностью внутреннего анализа, людей лишенных всякой возможности отрешиться даже мысленно от своей житейской обстановки и перенестись в область

РАЗДЕЛ I

отвлеченных вопросов; а мы не хотим понять, что... их мучили и томили одновременно две неудовлетворенные потребности: голод плотский и жажда духовная. Чтобы целый народ, сам собою, мог пожелать обратиться из лютеранства в православие, это нам кажется почему-то до такой степени диким и невероятным, что мы хватаемся с радостью за всякое другое, подвертываемое нам объяснение, лишь бы оно обходилось без участия духовных инстинктов, и при этом не замечаем, что предлагаемое нам толкование, которому мы добродушно поддакиваем, в сто раз невероятнее» [*Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 8. С. 296–297*]. Отметим, однако, существенное изменение тона и оценки – если в письме к Хомякову от февраля 1846 г. сложный характер побуждений к переходу в православие излагается посредством романтической лексики, имеющей положительную оценку («неотрешенность от жизни», «преобразование всего быта», «нераздельность»), то в «Украинах» лексический выбор указывает уже не столько на «органичность» делаемого выбора, сколько на «неразвитость» крестьян («неразвитость» в противоположность и «культуре» и «образованию»).

⁹ *Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 415.*

¹⁰ Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) – министр внутренних дел в 1841–1852 гг.

¹¹ *Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 415.* Уже месяц спустя надежды Самарина на определенность политики правительства рассеиваются и остается в вера в «Русского Бога» а Ia⁷Тютчев: «...на счет успеха начатого дела меня обнадеживает, может быть, суеверное, темное предчувствие, что русское правительство, несмотря на все его недостатки, запечатлено каким-то character indelebilis, как говорят богословы, которого оно вполне утратить не может; есть какая-то разумная сила, ни в ком в особенности не проявляющаяся, но которая, будучи лишена представителя или органа, все-таки, наперекор всем, определяет известный образ действий, известное положение правительства» [*Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 420*].

¹² *Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 415.*

¹³ *Хомяков А. С. Указ. соч. Т. 8. С. 262.*

¹⁴ *Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 40–41.*

¹⁵ *Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 419–420.*

¹⁶ По окончании ревизии исследование было отпечатано в 1852 г. под заголовком: «Общественное устройство города Риги. Исследование ревизионной комиссии, назначенной министром внутренних дел. 1845–1848. Том первый». Хотя публикация и была назначена исключительно «для лиц высшего управления», однако, как писал в биографическом очерке Д. Ф. Самарин, «бывший министр внутренних дел Л. А. Перовский не решился выпустить его из своего кабинета и все издание погибло; уцелело только 2–3 экземпляра, составляющие теперь библиографическую редкость» [*Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 8. С. XVII*]; для публики работа стала доступной после переиздания ее в 7-м томе собрания сочинений Ю. Ф. Самарина [*Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 163–634*].

¹⁷ *Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 272.*

¹⁸ См. лирический пассаж Самарина о «среднем сословии» в письме к А. О. Смирновой-Россет от 28 августа 1846 г. [*Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 358–359*].

¹⁹ *Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 47.* 22 января 1847 г. Самарин писал из Риги А. О. Смирновой-Россет: «Я теперь занимаюсь изучением дел по некоторым частям здешнего управления лет за 10 тому назад. Не могу передать вам, какое это вселило во мне отвращение к этому роду деятельности вообще. Недобросовестные недомолвки, умышленное распространение несбыточных обещаний или тщетных угроз, сознательная несправедливость для примера, наконец, этот взгляд на вещи, совершенно отстраняющий понятие о том, что истинно и ложно, право и неправое, взгляд бездушного исполнителя, который видит в мире только средства и препятствия к исполнению мысли не его, к достижению цели,

не им поставленной и которая завтра заменена будет другою или перенесена на другой край, все это – не личные пороки и недостатки, а неизбежные условия этой деятельности. Вот что ужасно!» [Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 363].

²⁰ «Немецкое прямодушие».

²¹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 276–277.

²² Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 51.

²³ Самарин ездил 11–17 августа в Ревель.

²⁴ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 375.

²⁵ Там же. С. 255–256.

²⁶ См. воспоминания Ю. Ф. Самарина о Московском университете, написанные им в 1855 г. по предложению К. С. Аксакова [Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 9. С. XIII].

²⁷ Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Академ. проект, 1999. С. 122.

²⁸ В 1848 г. Самарин пытался убедить Хомякова вновь начать тесное сотрудничество с Погодиным, объединить с ним усилия, на что Хомяков отвечал: «...думать о действии с ним заодно просто невозможно; для этого надобно бы было, чтобы у него было мнение какое-нибудь, а этого-то и нет. <...> Смотреть на него, как на союзника, нельзя; он на это слишком бесхарактерен, но пользоваться им для пользы общей должно, когда он случайно стремится к добру» [Хомяков А. С. Указ. соч. Т. 8. С. 271].

²⁹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 258.

³⁰ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 54–55.

Г. Н. Чагин

ЧЕРДЫНСКИЙ КРАЙ И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

Ныроб – свидетель мученического зарождения Императорской династии Романовых

Ныроб как ничем не приметная деревня Чердынского уезда Пермской губернии с не более чем десятком дворов неожиданно включается в важнейшее событие рубежа XVI–XVII вв. – борьбу за царский престол в столице Российского государства.

На исходе XVI в. прекращалась династия Рюриковичей. У царя Федора Иоанновича (сына Ивана Грозного), венчавшегося на царство в 1584 г., не было сына. Преемником мог быть брат его Дмитрий, удаленный в г. Углич при воцарении Федора. Но в 1591 г. царевича Дмитрия в г. Угличе не стало. Разнесся слух, что он погиб от убийц, подосланных Борисом Годуновым.

В январе 1598 г. умирает Федор Иоаннович и мужская линия от Ивана Калиты, создававшая Московское государство, пресеклась. Ирина, жена Федора Иоанновича, отказалась от престола и предлагала править своему брату Борису Годунову.

В 1598 г. Земский собор избирает на царство Бориса Годунова. Сразу же после его воцарения создается оппозиция из бояр, мечтавших изменить свое

РАЗДЕЛ I

положение в государстве путем ограничения царской власти. Среди них оказался едва ли не самый любимый тогда в московском обществе род Романовых, в котором Борис Годунов видел конкурентов на престол.

Два последние года XVI в. были еще спокойными, но в первые годы XVII в. совершаются потрясения, поколебавшие русскую землю. Годы великой разрухи Российского государства, почвой для которых послужило пресечение старой династии и искусственное восстановление ее в лице самозванцев, длилось до избрания в 1613 г. на престол родоначальника новой династии – царя Михаила Федоровича Романова.

В российской истории это потрясение называется Смутой, или Смутным временем. В Смуте участвовали все классы русского общества, но инициатором всегда выступало боярство. Борьба за власть, шедшая вразрез с народным на нее взглядом, самозванство, интервенция, опалы, разбои, голод и мор привели государство «к зрелищу полного видимого разрушения». Из Смуты государство выходило мучительно и долго. Постепенно общество меняло свое привычное представление о государе и государстве.

* * *

В июне 1601 г. состоялся приговор, по которому Борис Годунов пятерых сыновей Никиты Романова, имевших близкое отношение к царскому роду (сестра Никиты, Анастасия, была замужем за Иваном Грозным), вместе с женами, детьми и племянниками выслал из Москвы по разным дальним местам. На младшего сына Михаила надели цепи и увезли в деревню Ныроб Чердынского уезда. Только двое из братьев – Филарет и Иван Никитичи – избежали смерти.

Под присмотром стражи Михаила Никитича Романова доставили осенью 1601 г. в Ныроб. О преодолении пути от Москвы до Ныроба можно только догадываться, ибо достоверных источников об этом еще никто не читал. Можно предположить, что они хранятся в Москве, в Российском государственном архиве древних актов, и ждут своих исследователей.

Местный церковный летописец записал народное предание о пребывании М. Н. Романова в Ныробе. Оно гласит так: «Михаила Никитича привезли в Ныроб зимой, в глухой кибитке, окованного с ног до головы тяжелыми цепями. По прибытии стрельцы стали копать в промерзшей земле яму: будущее неприглядное жилище несчастного боярина. В вырытой яме была устроена, немного позже, небольшая печь, каковая и отапливалась самим узником. Яма, в которой он сидел, сверху была обложена досками, засыпанными землей. Вверху было сделано небольшое отверстие, через которое узнику подавались дрова и скудная, жалкая пища: хлеб и вода. Михаил Никитич просидел в яме до весны. Наконец не выдержали даже ныробцы. Тайком начали они подсылать детей своих носить узнику молоко, масло, квас и т. п. Дети, как бы играючи, непременно спускали принесенное в отверстие и поддерживали этим страдальца. Доброе дело это кончилось, однако, очень печально. Какой-то недобрый человек сделал донос приставу Тушину. Дело разъяснилось, и пять человек ныробцев по указу царя Бориса Годунова отправлены были в Казань на пытки. Вскоре

Михаил Никитич умер. Как полагают, он был задушен или заморен голодом своей стражей, тяготившейся жизнью в глухой Ныробке»¹.

Похоронили Михаила Никитича на взгорке, в 300 метрах к северу от ямы, в которой он скончался. После смерти Бориса Годунова, уже при Лжедмитрии I, в марте 1606 г., тело М. Н. Романова перевезли в Москву и похоронили в усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре². Цепи, в которых М. Н. Романов принял мученическую смерть, оставили в Ныробе. Только ручные кандалы, как гласит предание, были увезены вместе с телом в Москву. Как писал в 1913 г. Н. П. Белдыцкий, «цепи эти, любовно оберегаемые обитателями Ныроба, являются как бы безмолвными свидетелями того ужасного дела, которому было положено начало в Москве, а конец в далекой и холодной Ныробке»³.

Как гласит предание, вес цепей доходил до трех пудов, но на самом деле он равнялся одному пуду и тридцати фунтам. Цепи состояли из длинной цепи с железным ошейником, ножных кандалов, замка и ключа⁴. События, произошедшие в 1601–1602 гг. в Ныробе, не прошли бесследно, они «сделали самое село всероссийской изветностью»⁵.

В Москве о Ныробе вспомнили вскоре после избрания в 1613 г. Земским собором на царство племянника Михаила Никитича – Михаила Федоровича Романова – и возведения в 1619 г. Освященным Собором русских иерархов Патриархом Московским и всея Руси старшего брата Михаила Никитича – Филарета (Федора Никитича).

О пребывании М. Н. Романова в Ныробе и о том, как крестьяне тайно от стражи кормили его, рассказал чердынский воевода Гаврило Лодыгин в грамоте, направленной в Москву в 1619 г. Одновременно он сообщал о явлении в Ныробе иконы святителя Николая и о гибели в пожаре 1617 г. первой деревянной церкви, посвященной Николаю чудотворцу. В этом же году царь посылал в Пермь Великую жалованную грамоту и велел воеводе выделить казенные деньги на восстановление храма. Но эта грамота до воеводы не дошла, и царь Михаил Федорович направил в 1622 г. другую грамоту, уже новому воеводе Василию Бутурлину, требуя устроить в Ныробе храм во имя Николая Чудотворца и доложить о крестьянах, способных его содержать⁶.

Следующая царская грамота по поводу Ныроба была получена чердынским воеводой Петром Клобуковым-Масальским в 1628 г. в ответ на челобитную грамоту «ныробского попа Ильи и дьячка Гришки, да пономаря, да проскурни», которые жаловались, что им «прокормитца нечем, потому что в той деревне люди бедны и скудны, промыслов у них ни которых нет и хлеб не родится»⁷. Царь предлагал выдавать им в течение пяти лет жалованье из мирской казны и податей с крестьян не брать, «чтобы то наше богомолье не пустело и без пенья не было и крестьяне врознь не разбрелись»⁸. Тут же сообщалось, что к церкви Николая Чудотворца отправлены ризы, оболочка бархатная на Евангелие, книги, три колокола и деньги на приобретение образов двенадесятих праздников⁹.

За период с 1626 г. по 1685 г., по данным ныробского священника Василия Попова, изучавшего церковный архив, причт (священно- и церковнослужители) подавал челобитные грамоты на имя царей Михаила Федоровича, Алексея

Михайловича, Ивана и Петра Алексеевичей с просьбой о выдаче ему, причту, денежной руги-жалованья и строительстве храмов¹⁰.

Из Ныроба продолжали подавать челобитные царям в XVIII в. Петр I, ограничив льготы ныробцам, приказывал взыскивать с них подушные и рекрутские сборы, но во всем остальном подтвердил жалованные от прежних государей грамоты. Елизавета Петровна в 1742 г. требовала, чтобы Сенат вновь подтвердил «выдачу причту руги¹¹ в качестве жалованья», а «крестьянам – льготы за понесенное претерпение, кое из тех крестьян пять человек имели во время царя Годунова за подаяние дневной пищи содержащемуся в том их Чердынском уезде боярину Михаилу Никитичу Романову»¹².

На одну челобитную крестьян Екатерина II откликнулась в 1770 г. указом, предусматривающим «из каких доходом давать ружное¹³ жалование попам ныробской церкви»¹⁴, на другую – в 1775 г. особым распоряжением построить каменную часовню над местом заточения М. Н. Романова¹⁵. У царствующего Дома Романовых искали защиты духовенство и крестьяне Ныроба, и царская власть разделяла народные воззрения, освобождая жителей Ныроба от налогов, выделяя денежную ругу на содержание причта, поддерживая храмы. Этими мерами цари сохраняли свое богомолье в далекой уральской провинции.

Жалованные грамоты царствующих Романовых ныробцам – замечательный пример разделения царской властью народных воззрений. Крестьяне видели в царе гаранта благополучия, олицетворение добра и справедливости, носителей верховной власти. Ныроб после Смуты служит ярким примером укоренения в народном сознании идеи о Божественной природе царской власти.

Мемориальный комплекс, посвященный М. Н. Романову

Святыней Ныроба стала яма, в которую был заточен М. Н. Романов. Первоначально над ней стояла деревянная часовня, а еще ранее, как помнили старожилы в начале XX в., яма покрывалась только досками.

В 1793 г. построили каменную часовню во имя святого Архангела Михаила – небесного покровителя Михаила Никитича. В полу часовни находилось отверстие для спуска в яму-темницу. Паломники считали своим долгом помолиться на месте, где М. Н. Романов принял мученическую смерть. В 1916 г. у восточной стены ямы установили икону св. архистратига Божия Михаила Архангела, написанную А. Н. Зелениным на отдельных фарфоровых плитках, вставленных в металлическую раму. Перед ней висела неугасимая лампада, зажженная «тот час же по освящении иконы».

В часовне в 1914 г. А. Н. Зелениным обнаружена очень ценная надпись, повествующая о создании иконостаса: «Сей иконостас резан и писал сии иконы Бондюжской волости¹⁶ крестьянин Андрон Васильев Судаков в 1824 году»¹⁷. В нем находились иконы: Мария Магдалина, Лонгин Сотник, Чудо в конях, Богоматерь Тихвинская, Нерукотворный Спас, Троица Ветхозаветная. Иконостас завершался резной фигурой Христа с двумя предстоящими – Марией Магдалиной и Иоанном Богословом. «Лицо Христа, – по наблюдению А. Н. Зеленина, – похоже на ныробских крестьян».

Расставлялись иконы в иконостасе в три ряда. Завершением его служило деревянное распятие Иисуса Христа с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом и с благословляющим Саваофом (XVIII в.). Фигуры Христа и предстоящих были изображены в легких S-образных изгибах. Полуфигура Господа Саваофа в облачной полусфере. В 1923 г. деревянная скульптура поступила в Пермскую художественную галерею¹⁸.

С четырех сторон под карнизом часовни размещался летописный текст, повествующий о ныробском узнике и возведении часовни: «По указу Ея Императорского Величества (Екатерины II. – Г. Ч.) в Вятской духовной преосвященнаго Лаврентія, епископа Вятского и Велико-Пермскаго, консистории в 7109 году прислан был с Москвы от царя Бориса Годунова в Пермь Великую, в Чердынский уезд, в погост Ныроб, в заключение блаженныя памяти боярин Михаил Никитич Романов, святейшему патриарху Филарету Никитичу брат родной, а по родству блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея России Самодержцу был дядя родной. В погосте Ныроб, в заключение, в земляной темнице, сидел год; на том месте построена была деревянная часовня, ныне вместо оной деревянной по указу Ея Императорского Величества, в 1793 году, единственно в память бывшего на том месте в заключении боярина Михаила Никитича Романова тщанием и коштом здешней волости крестьян и усердным старанием крестьянина Максима Пономарева»¹⁹. Очевидно, текст был написан одновременно с постройкой часовни. Тогда же вокруг часовни поставили железную ограду на каменных столбах.

По случаю 300-летия Дома Романовых вокруг часовни по проекту пермского художника А. Н. Зеленина «на добротные даяния населения Пермской губернии» разбили большой сквер и установили новую железную ограду на каменных столбах. Решетки выполнили кузнецы Нижнего Тагила под руководством Кашина. Кладку кирпичных оградных столбов делали каменщики из Вятской губернии И. А. Зыков и Н. В. Юдин. Керамические изразцы, вмурованные в столбы, изготовили по эскизам А. Н. Зеленина в Кунгуре на заводе Ширяева. Чугунное литье – двуглавые орлы и венки с вензелем Императора Николая II – отливалось на Каслинском заводе. Тексты памятных досок, вставленные в большие столбы, исполнены в Перми в мастерской Харитоновой²⁰.

Приведем тексты медных досок, помещенных в ниши на восточных сторонах больших столбов при входе в сквер. На доске правого столба написано: «1913 г. мая 25 дня. Преосвященным Палладием епископом Пермским и Соликамским была освящена закладка сей ограды вокруг часовни над местом заточения боярина Михаила Никитича Романова в присутствии Его Превосходительства господина Пермскаго губернатора Ив. Фр. Кошко, вице-губернатора В. Ив. Европеус, члена губернской земской управы А. П. Черногорова, председателя Чердынской уездной земской управы А. И. Вотякова, председателя Чердынскаго уездного съезда А. Н. Грамбек и составителя проекта – художника А. Н. Зеленина»²¹. На доске левого столба написано: «1915 г. мая 3 дня. Преосвященным Андроником епископом Пермским и Соликамским совершено торжественное освящение возстановленной часовни, законченной ограды и насаженного сада

в присутствии Его Превосходительства господина Пермскоаго губернатора М. А. Лозина-Лозинскаго, члена губернской земской управы А. П. Черногорова, Пермскаго городского головы П. Л. Рябинина, председателя Чердынской уездной земской управы А. И. Вотякова, председателя Чердынского уезднаго съезда А. Н. Грамбек и художника А. Н. Зеленина»²².

Торжества в честь 300-летия императорского Дома Романовых

Историческое прошлое Ныроба явилось поводом более торжественно, чем в других местах России, отметить 300-летие царствования Романовых. Юбилейные мероприятия широко освещались в газетах и журналах. Воспользуемся «Летописью Николаевской церкви села Ныроба», в которой достаточно полно отражены праздничные церемонии. Местный летописец так запечатлел небывалое торжество в Ныробе:

«1913 г., 19–20 февраля. В Ныроб съезжались представители ведомств и учреждений, священнослужители, хор Чердынского монастыря во главе с игуменьей Руфиной.

20 февраля. В 9 часов утра священником Николаевской церкви Александром Третьяковым были совершены великопостные часы, после них – вечерня. По окончании вечерни прибывшие в Ныроб священнослужители, а именно настоятель Соликамского монастыря архимандрит Хрисанф, священники: Чердынской Богоявленской церкви Василий Бабин, Покчинской – Симеон Федосеев, Искорской – Василий Серебренников, Ныробской – Александр Третьяков и Яков Васкецов, диаконы: Искорской церкви Александр Веревкин и Ныробской Василий Тронин в траурных облачениях направились вместе с представителями ведомств и учреждений и народом к часовне Ныробского узника для совершения панихиды.

Порядок процессии был такой. Вначале несли кресты и хоругви, затем шли прибывшие для возложения венков депутации, причем каждый венок несли двое, далее четыре человека несли на плечах носилки, украшенные парчовым покровом, на которых были расположены цепи, замок и ключ Михаила Никитича. За носилками опять депутации с венками, духовенство, власти и народ. По прибытии к часовне депутации выстроились на площади в виде фасов прямоугольника, в середине коего поместилось духовенство и хор монахинь Чердынского монастыря.

Перед панихидой местный благочинный, священник Василий Серебренников, произнес краткое слово, в котором он указал на бьющий по глазам контраст в положении Михаила Никитича теперь и 300 лет тому назад: тогда уделом его были тюрьма и позор, теперь – честь и слава. Панихида была совершенна полная, с провозглашением вечной памяти всем царям, императорам, императрицам и великим князьям из Дома Романовых, а также патриарху Филарету, инокине Марфе и боярину Михаилу Никитичу.

По окончании панихиды старший представитель власти, г. управляющий Пермской казенной палатой Н. А. Ордовский-Танаевский произнес речь, в которой, выяснив родственные узы, связующие Ныробскаго узника с Царствующим

Домом, оратор выразил удовольствие, что на его долю выпало счастье быть заместителем губернатора при чествовании и прославлении невинного страдальца из рода Романовых.

После чего г. председатель Чердынского уездного съезда А. Н. Грамбек прочитал свое стихотворение „Памяти боярина-мученика”, составленное специально ко дню ныробских торжеств. При заключительных словах названного стихотворения, приглашавших предстоящих сотворить в знак уважения к памяти Михаила Никитича пред его темницей земной поклон, молящиеся преклонили колени, а хор запел „вечная память”. За сим, при пении „вечной памяти”, депутаты начали возлагать к подножию часовни венки, которые тут же, по указанию распорядителей, размещались по наружной и внутренней стенам часовни и по колоннам выстроенного над часовней к 20 февраля временного шатра. Когда закончилось возложение венков, крестных ход возвратился в храм.

Улица от храма до часовни была украшена штандартами, флагами старого и нового образца, гирляндами и большими и малыми щитами из пихты. На первых были прикреплены инициалы всех царей, императоров и императриц из Дома Романовых, а на второй – государственные гербы. Около церкви, на тракту, был сделан из снега угол Московского кремля, а при въезде в село, со стороны Чердыни, триумфальные ворота.

Вечером, в 6 часов, состоялось торжественное всенощное бдение святителю и Чудотворцу Николаю с величанием и акафистом. Храм и улица за всенощной были иллюминированы плашками, а часовня множеством разноцветных миниатюрных фонариков. Фонарики были бумажные, но издали они производили впечатление электрических. Получилось волшебное зрелище. По окончании богослужения, когда начался расход народа, на улице жгли бенгальский огонь.

21 февраля. Сего числа о. архимандритом Хрисанфом была совершена Божественная литургия. По окончании проскомидии депутацией от духовенства и гражданского ведомства был поднесен в дар часовне при Ныробском храме серебряный вызолоченный напестольный крест. Архимандрит Хрисанф принял означенный крест, обратился к предстоящим с кратким словом, в котором проповедник призывал слушателей по примеру распятого на кресте Господа безропотно нести возложенный на них промыслом Божиим жизненный крест.

За литургией настоятель сей церкви священник Александр Третьяков произнес пространное поучение. Сделав необходимое вступление, проповедник дал краткий обзор смутного периода, затем подробно остановился на избрании на московский престол родоначальника Российского Императорского Дома боярина Михаила Федоровича Романова, в заключение, выяснив роль Царствующего Дома в истории России последних трех веков, оратор обратился к молящимся с призывом вознести ко Престолу Всевышнего усердное моление. Да продлит Он на многия лета драгоценную жизнь нашего Возлюбленного Государя, и да пребудет Он с нами и Царями нашими „яко же бы со отцы нашими, да не оставит нас, ниже да отвратит нас”.

За литургией, как равным образом и за всенощным бдением, на правом клиросе пел хор Искорской второклассной школы под управлением учителя

РАЗДЕЛ I

названной школы П. П. Полякова, а на левом – местный, под управлением священника сей церкви Якова Васкецова.

После литургии духовенство во главе с архимандритом Хрисанфом, представители ведомств и учреждений и народ направились крестным ходом к часовне Ныробского узника для совершения благодарственного Господу Богу молебствия. Перед молебном диакон Искорской церкви Александр Веревкин прочитал Величайший манифест. За молебном было провозглашено обычное многолетие.

По окончании молебна духовенство и молящиеся разбились на следующие группы: учащиеся Ныробской земской и Рожневской церковно-приходской школ вместе со своими наставниками собрались в Ныробском училище, где открылся школьный праздник по программе, выработанной Училищным советом при Святейшем Синоде; все остальные богомольцы собрались в церковной ограде; все принимающие подаяние – у гостиницы, где в присутствии представителей власти была произведена раздача народу брошюры Н. П. Белдыцкого “Ныробский узник”, а нищим, сверх того, подаяния (белым хлебом, чаем, сахаром) в особых специально заготовленных мешочках.

Когда школьный праздник и раздача юбилейных изданий закончилась, в Ныробском волостном правлении состоялось в присутствии прибывших в Ныроб представителей ведомств и учреждений, духовенства и крестьян торжественное заседание по следующей программе. Старший представитель власти, управляющий Пермской казенной палаты объявил заседание открытым, а местный хор под управлением священника Якова Васкецова исполнил гимн „Боже, Царя храни”.

Далее следовал ряд речей в таком порядке. Речь настоятеля сей церкви священника Александра Третьякова. Оратор обратил внимание присутствующих на то обстоятельство, что в Пермской губернии центром справляемых сего числа русским народом юбилейных торжеств явился Ныроб, так как в нем некогда был заточен и принял мученическую смерть один из предков Царствующаго ныне Дома – боярин Михаил Никитич Романов.

Происходившие в Ныробе 20 и 21 февраля события, возложение многочисленными депутациями венков на место заточения Ныробского узника, а также небывалое для Ныроба стечение ко дню торжеств народа служит, по мнению оратора, убедительным доказательством того, что тесное единение народа с Царем, проходящее красною нитью через весь Романовский период русской истории, и доныне является деятельной и живой силой.

Посему оратор выражает уверенность, что если в будущем Россию еще постигнут какие испытания, то русский народ как один человек встанет на защиту своего Царя и Отечества, и что тогда, как и 300 лет тому назад, найдутся Гермогены среди духовенства, Пожарские среди дворян, Минины среди мещан и, наконец, Сусанины среди крестьян. „Итак, да здравствует многия и многия лета Господом данный нам Царь Государь. И да живет из века в век, крепнет и совершенствуется под скипетром Романовых Великая и неделимая Россия”, – так закончил оратор свою речь.

Речь члена губернской земской управы Е. Д. Калугина, в которой оратор отметил как представитель крестьян, что любовь и преданность Государю, продиктовавшие Ивану Сусанину его самоотверженный подвиг, и донныне живут в душе крестьян.

Речь председателя съезда земских начальников А. Н. Грамбека, в коей оратор сделал беглый обзор истории России за минувшее трехсотлетие.

По окончании речей г. управляющий Пермской казенной палаты огласил отправленную сего числа Государю Императору от имени участников ныробских торжеств верноподданническую телеграмму. В заключение хор еще раз исполнил гимн, покрытый общим „ура!“.

Вечером состоялось при пении «Смерти Сусанина» факельное шествие от библиотеки, служившей квартирой председателю съезда, и до волостного правления. Впереди процессии несли штандарт. Улица и часовня были иллюминированы так же, как и накануне. Против часовни Михаила Никитича процессия остановилась и преклонением штандарта и факелов к земле почтили память безропотного страдальца. Отсюда процессия проследовала далее, к волостному правлению, откуда должностными лицами был вынесен на импровизованную кафедру из снега портрет ныне Царствующаго Государя Императора, пред которым председатель съезда А. Н. Грамбек произнес патриотическую речь. Затем хор пропел гимн „Боже, Царя храни“, покрытый громогласным „ура!“²³.

Последним на торжествах говорил председатель Чердынской уездной земской управы А. И. Вотяков. Он отметил, что память о М. Н. Романове «живо передавалась в потомстве... страдая в Ныробе, он стал родным ныробцам... неизъяснимая любовь, которую питали наши предки к боярину-мученику, слилась с любовью их к Царствующему Дому»²⁴.

По окончании официальных торжеств в Ныробе развернулись большие реставрационные работы. Сбор средств на реконструкцию мемориального комплекса начался еще в 1911 г. Комитет, созданный «для воссоздания исторического памятника в с. Ныроб в виду предстоящего 300-летия восшествия на Российский престол Императорского Дома Романовых», возглавил губернатор И. Ф. Кошко²⁵.

В 1912 г. на специальный счет губернатора И. Ф. Кошко поступали средства от заводовладельцев, горных обществ, пароходчиков, городских дум и управ, благочинных и надзирателей, земских учреждений, купцов, а также от многочисленных частных лиц. Владелец Пермскими вотчинными владениями и заводами князь С. С. Абамелек-Лазарев перечислил тысячу рублей, пермский пароходчик и благотворитель Н. В. Мешков – 500 рублей, владелица Юго-Камским заводом графиня Е. А. Воронцова-Дашкова – 200 рублей. Самую большую сумму – 5 тыс. рублей – внес управляющий главной конторы графа С. А. Строганова в Санкт-Петербурге²⁶.

В память 300-летия царствующаго Дома Романовых в мае 1913 г. состоялась закладка новой ограды и каменной богадельни. При этом присутствовали губернатор И. Ф. Кошко, вице-губернатор В. И. Европеус, епископ Палладий, члены губернской и уездной земских управ и другие официальные лица. Богадельня

РАЗДЕЛ I

строилась по проекту академика архитектуры Кочетова. Вся постройка обошлась губернской земской управе в 40 тыс. рублей. Богдельня рассчитывалась «на 10 человек призреваемых»²⁷.

Торжества в Ныробе еще раз показали сопричастность судьбы народа с судьбой Отечества. Все праздничные церемонии на улице и в храмах, несомненно, способствовали обогащению исторической памяти народа и воспитанию верноподданнических чувств.

Примечания

¹ *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 38.

² *Дмитриев А. А.* Ссылка окольного Михаила Никитича Романова в Чердынский край и Ныробския древности // Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерніею. Пермь, 1891. Вып. 3. С. 59.

³ *Белдыцкий Н. П.* Ныробский узник, древности и окрестности села Ныроб Чердынского уезда. Пермь, б.г. С. 24.

⁴ К сожалению, ключ от замка в конце 1920-х гг. оказался утерянным.

⁵ *Дмитриев А. А.* Историко-археологические очерки Чердынского края: по поводу столетия Пермской губернии // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1983. С. 103.

⁶ ПЕВ. 1870. № 30. С. 353.

⁷ ПЕВ. 1870. № 30. С. 356.

⁸ ПЕВ. 1870. № 30. С. 357.

⁹ ПЕВ. 1870. № 30. С. 358.

¹⁰ *Попов В. Е.* Боярин Михаил Никитич Романов и место его заточения – село Ныроб. Пермь, 1880.

¹¹ Р у г а – денежная помощь и покровительство храму от царской, государственной власти.

¹² *Дмитриев А. А.* Историко-археологические очерки Чердынского края... С. 107.

¹³ Р у ж н о е – от слова руга (см. выше).

¹⁴ Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина (далее ЧКМ). Отдел рукописей. № 2558/22.

¹⁵ Каменная часовня была построена в 1793 г.

¹⁶ Бондюжская волость Чердынского уезда.

¹⁷ ГАПК. Ф. р-1327. Оп. 1. Д. 142. Л. 12.

¹⁸ *Серебренников Н. Н.* Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928. С. 208.

¹⁹ *Белдыцкий Н. П.* Ныробский узник... С. 39–40.

²⁰ К сожалению, первоначальный вид ограды не сохранился. В 1930-е гг. разобрали часовню и уничтожили металлические украшения с царской символикой. Ныроб лишился мемориала-памятника боярину-мученику. В сентябре 2010 г. произведена закладка новой часовни на прежнем фундаменте.

²¹ ЧКМ. Отдел рукописей. № 3279. Л. 14.

²² ЧКМ. Отдел рукописей. № 3279. Л. 14.

²³ ЧКМ. Отдел рукописей. № 3279. Л. 37–40.

²⁴ Голос долга (Пермь). 1913. № 9. С. 445.

²⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 250. Л. 1–20.

²⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 250. Л. 10–19.

²⁷ Торжества в с. Ныроб // Пермская земская неделя. 1913. № 22.

В. А. Черничкина

**ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ,
ПРИУРОЧЕННЫХ К ПРИЕЗДУ В ГУБЕРНСКИЙ
ГОРОД ВЛАДИМИР «ВЫСОКИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ОСОБ»
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Культурная среда губернского города включала разнообразную палитру праздничных торжеств. Отметим, что праздничная культура складывается под воздействием ряда факторов: административный статус, экономическое состояние городского хозяйства и особенности социального состава жителей города. Так, основными потребителями городской праздничной культуры губернского Владимира являлись купцы и мещане, которые по своему образу жизни и нравам были близки к патриархальной деревенской культуре, и наиболее популярными видами праздников являлись религиозные праздники и народные гуляния, в основу которых были положены праздничные земледельческие традиции.

В структуре городских празднеств определенное место занимают государственные официальные торжества. В рассматриваемый период г. Владимир становится административным центром губернии, в связи с этим важное значение в культурной жизни города придается формированию традиций светских государственных торжеств. Отметим, что официальный праздник всегда ориентирован на событие, имеющее особую значимость для истории государства, поддерживающее особую государственную идеологию и несущее пафос государственности¹. Так, к общегосударственным, праздникам относились события, связанные с крупными вехами в жизни царствующего Дома Романовых: рождением, крещением наследников, достижением ими совершеннолетия, вступлением в брак, коронацией.

Первоначально основными участниками подобных праздничных торжеств были дворяне и чиновники государственных учреждений. Именно эти слои стали ориентироваться на Запад, перенимать обычаи европейцев, подражать их моде. Влияние европейцев на праздничную культуру г. Владимира было немаловажным. Так, в официальных государственных торжествах наиболее ярко проявились европейские светские новшества – балы, парады, театральные увеселения, фейерверки.

Среди официальных торжеств наряду с регулярными, календарными праздниками значительное место занимали разовые праздники. Такими праздниками были торжественные встречи высокопоставленных особ.

Подобные праздники имели в себе четко продуманный сценарий, который готовился заранее. Структурно такие праздники включали в себя: церковное богослужение, шествие или военный парад, церемониал с участием административной верхушки. Развлекательная часть торжества могла включать народные гуляния и светские мероприятия – торжественный обед или ужин, бал, театрализованные увеселения. Завершался праздник фейерверком или иллюминацией главных зданий города.

Отметим, что праздничное мероприятие, приуроченное к приезду императорской особы, включало традиционные элементы и элементы динамические, которые изменялись в зависимости от особенностей программы торжества.

Религиозные ритуалы были одними из устойчивых элементов городских празднеств. Во Владимире центральным местом праздников был Успенский кафедральный собор или Рождественский монастырь, где находился архиерейский дом. Праздничная служба, как правило, проводилась «преосвященнейшим епископом суздальским и владимирским»².

Однако ведущую роль церковные ритуалы играли в религиозных праздниках. В светских гражданских празднествах религиозная служба совершалась вне религиозного календаря и имела самоценность как важный структурный элемент³. На подобные праздничные богослужения собиралась вся именитая публика: губернатор, вице-губернатор, чиновники. Постепенно к этим мероприятиям стали приобщаться представители богатого купечества и мещанства⁴.

Отметим, что изменения в религиозную часть праздничных мероприятий вносились крайне редко, только лишь в особых случаях и, как правило, это было связано с приездом в губернских центр «государственной особы». Так, летом 1767 г. во Владимире останавливалась императрица Екатерина II. Интересен был характер богослужения, который отличался особой пышностью: всю духовную процессию сопровождал хор певчих и семинаристов, который исполнил специально сочиненные по этому случаю кантаты⁵.

Обратим внимание на то, что во время посещения императором Павлом I губернского Владимира в 1798 г. богослужение отличалось сдержанностью: вся служба была перенесена в дом, где размещался государь, так как там была установлена походная церковь, в которой император и слушал всенощную, а на другой день – обедню⁶.

Светская официальная часть праздничного торжества включала военный парад или шествие, выступления представителей административной верхушки, встречу высокопоставленного гостя с высшими чиновниками и «почетными» гражданами города и торжественный обед. Наибольший акцент на военных парадах и шествиях в праздничных мероприятиях делался в павловское время. Например, особое место в торжествах по поводу приезда императора Павла I в губернский центр занимал смотр батальона внутренней стражи⁷.

Обязательной частью праздничного торжества была встреча губернатора или высокопоставленного гостя с городской элитой, которая выстраивалась на основе иерархии подчинения чинов. Основным действием данного мероприятия было отдание почестей «высокой императорской» особе. Встречи с императором решали порой судьбы отдельных людей. Так, карьера чиновника императорской России зависела не столько от личных способностей и таланта, сколько от покровительства «высших» особ государства и чинов местной администрации. Для продолжения успешной службы на человека должен был либо упасть милостивый взгляд монарха, либо он должен быть отмечен Богом и потому что к нему благоволили сильные мира сего⁸. Важным моментом на приеме у императора было награждение чиновников. Так, государь Павел I

пожаловал губернскому предводителю дворянства А. А. Кузьмину орден святой Анны II степени, а уездному предводителю А. А. Рагозину император выразил свое благоволение⁹.

Кроме того, официальная часть празднества включала общественное собрание дворянства и городской элиты, где зачитывались торжественные манифесты или специально сочиненные речи. Продолжением торжества был праздничный обед, который, как правило, проходил в губернаторском доме. На обед могли быть приглашены все почтенные лица города из сословий дворянства, чиновничества и граждан¹⁰. Если говорить о праздничном обеде, то здесь соблюдалась в обязательном порядке четкая иерархия чинов и светский государственный этикет. Торжественные обеды и ужины представляли собой великолепные спектакли, которые сопровождалась музыкальными и театральными представлениями¹¹.

Составляющими элементами культурно-общественной среды города являются образовательные учреждения и исторические памятники. Нередко посещение этих «очагов культуры» входило в обязательную программу праздничных торжеств. Екатерина II, будучи человеком просвещенным, больше увлеклась ознакомлением с городскими достопримечательностями. Увидев Успенский собор в плохом состоянии, приказала немедленно восстановить его благолепие¹².

Одним из культурно-духовных центров губернского Владимира являлась гимназия. Именитые гости часто посещали это учебное заведение. Так, в августе 1837 г. губернский Владимир посетил наследник престола Александр Николаевич. В программу этого мероприятия входило посещение губернской гимназии¹³. К этому торжественному событию приурочивались «открытые испытания» знаний учащихся, которые служили в большей степени праздничным мероприятием в гимназической жизни и лишь только немногим как проверка знаний. Вообще «открытые испытания» старались проводить в духе времени торжественно и театрально. Заранее составлялся специальный сценарий, который представлял собой подробное описание всех мероприятий, начиная от приглашения гостей и заканчивая праздничным обедом.

Развлекательная часть праздничного торжества губернского центра включала традиционные и новые светские элементы. Неотъемлемой частью светских празднеств был бал, который имел свои правила и свой этикет, определенные для каждой исторической эпохи. Балы в провинции, как правило, подчинялись тем же правилам организации, что и столичные, но в то же время они имели и свои отличия. В первую очередь, это касалось нестрогости соблюдения бального этикета и несовершенства в исполнении танцевальных номеров. Однако постепенно провинциальная бальная культура вышла на столичный уровень. Так, бальный этикет усложнился, а танцы, наоборот, сделались проще, так что танцевать мог даже почти не учившийся им человек. Танцевали мазурку, вальс, польку, а из старинных танцев – полонез и французскую кадрили (контрданс)¹⁴.

Основными действующими лицами бала были дворяне. В центре провинциального бала были руководители губернии. Празднество начиналось только с появлением в Дворянском собрании губернатора, вице-губернатора и членов

их семей. Постепенно начинали ломаться социальные перегородки, все чаще устраивались общественные балы, на которых присутствовали дворяне, чиновники и представители купечества¹⁵.

В XIX в. наблюдается нарастание светских новшеств в праздничной культуре города. С развитием выставочного дела в России связано появление в структуре праздничных мероприятий такого элемента, как выставки, «которые могли бы удовлетворить не только любопытству, но и быть полезным для соревнования и усовершенствования изделий»¹⁶.

Например, в честь приезда цесаревича Александра Николаевича в дворянском собрании была устроена выставка, на которой были представлены заводские и мануфактурные изделия Владимирской губернии: свечи восковые – продукция свечесального завода владимирского купца Петровского; графины и бутылки – изделия заводов купеческого сына Федоровского; настенные часы – работы мещанина Василия Якимова и др.¹⁷.

Обратим внимание, что в подготовке встречи высокого гостя участвовали практически все жители губернского центра. Подобные незаурядные события в провинции вызывали ажиотаж, стремление показать все лучшее, что имелось. Из бюджета города и добровольных пожертвований дворян выделялись определенные суммы на благоустройство города, как правило, на починку мостовых и подновление основных архитектурных строений города. Так, к приезду наследника императорского престола Александра Николаевича был частично «поновлен архитектурный облик дворянского дома»¹⁸. Кроме того, выделялись средства на подготовку экипажей и лошадей на случай плохой дороги. Например, дворянство Владимирской губернии для проезда императора Павла I в Казань поставило около двух тысяч лошадей¹⁹.

Большое внимание уделялось оформлению праздничного пространства города. В рассматриваемый период активно развивается такой элемент праздничных торжеств, как фейерверки и иллюминация. «Огненные забавы», будучи общедоступными зрелищами, приобрели широкую популярность среди всех слоев населения. Они создавали неповторимое красочное зрелище, передавали колорит праздника. В праздничном пространстве города украшали все городские дома, административные здания по пути следования торжественной процессии.

Все подобные торжества зачастую носили показательный характер, нередко здесь была «приукрашена городская действительность», как правило, представители императорской фамилии оставались довольны посещением губернского центра. В обязательном порядке объявлялось монаршее благоволение губернатору и городскому главе за поддержание порядка и благоустройства как в самом губернском городе, так и во всей губернии²⁰. Однако бывали случаи, когда в ходе посещения «императорской особы» губернского центра выявлялись отрицательные стороны в благоустройстве города. Так, Николай I в 1834 г., посетив г. Владимир, заметил, что «он [город] нисколько не улучшается, а напротив, время от времени приходит в худшее состояние». В связи с этим 29 октября 1838 г. было высочайше утверждено «Положение об устройстве города Владимира»

и для его исполнения был создан специальный строительный комитет, который должен был изменить ситуацию²¹.

Итак, в культурно-общественной жизни губернского Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. происходят важные изменения в городской жизни, обусловленные целым рядом факторов: экономических, социальных, политических, демографических, социокультурных. Изменения охватывали социально-экономическое положение и духовную жизнь города. Наиболее ярко взаимовлияние традиционной народной культуры и новых элементов европейской культуры проявилось в праздничной культуре губернского города. В данном контексте праздники, приуроченные к приезду представителей императорской фамилии, хотя в основном и стоились на пристрастиях монарха, но отражали при этом наличие новых европейских элементов, перспективной просветительской культуры.

Примечания

¹ Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга. СПб., 2001. С. 105.

² Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф. 556. Оп. 1. Д. 640. Л. 6.

³ Келлер Е. Э. Указ. соч. С. 116.

⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 650. Л. 13.

⁵ Тихонравов К. Церемониал встречи в городе Владимире императрицы Екатерины II // Владимирские губернские ведомости (далее ВГВ). 1876. № 14. С. 39 (неофиц. часть).

⁶ Ранг М. Рассказ очевидца о посещении императора Павла I города Владимира на Клязьме // ВГВ. 1870. № 1. С. 48. (неофиц. часть).

⁷ Там же.

⁸ Дуков Л. В. Полихрония российских развлечений // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., 2000. С. 504.

⁹ Ранг М. Рассказ очевидца... С. 48.

¹⁰ Торжества во Владимире // ВГВ. 1848. № 35.

¹¹ Фагурел Ю. Праздник-зрелище // Четыре чувства: праздник в Петербурге XVIII века. (выставка в ГИМ): сб. статей. М., 2003. С. 16.

¹² Георгиевский В. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 29.

¹³ Стромиллов Н. С. Путешествие государя наследника цесаревича Александра Николаевича по Владимирской губернии в 1837 году. Владимир, 1880. С. 13.

¹⁴ Ивановский И. П. Бальный танец XVI–XIX вв. Л.; М., 1948. С. 21.

¹⁵ Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: моногр. / И. И. Шулус, Н. В. Киприянова, Н. В. Мягтина, В. А. Черничкина; под ред. И. И. Шулус. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2009. С. 165–167.

¹⁶ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4501. Л. 13.

¹⁷ Стромиллов Н. С. Указ. соч. С. 14.

¹⁸ ГАВО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 87. Л. 4–5.

¹⁹ Быляев Е. О путешествии императора Павла I в Казань через Владимирскую губернию в 1798 г. // ВГВ. 1871. № 12.

²⁰ Ранг М. Указ императора Павла Первого... // ВГВ. 1870. № 14 (неофиц. часть)

²¹ Тимофеева Т. П. Архитектурно-градостроительные традиции и современный Владимир // Материалы областной краеведческой конференции «Город Владимир. Век XX». Владимир, 2002. С. 88.

М. С. Чирков

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В САМАРСКОМ КРАЕ (1906–1914 ГГ.)**

Политика экономических реформ, предпринятая российским самодержавием в период с 1906 по 1914 гг., явилась следствием революционных бурь и испытаний предшествующих лет. Творцом политики преобразований стал Петр Аркадьевич Столыпин, ставший с июля 1906 г. председателем Совета Министров. Именно по его инициативе 9 ноября 1906 г. появился Высочайший указ, согласно которому крестьянин мог потребовать укрепления своего земельного участка в личную собственность. Так правительство приступило к реализации земельной реформы. Ее агрономическое обеспечение было сформулировано в указе от 4 марта 1906 г., который выдвинул задачу установить «более совершенные способы ведения хозяйства на наделных землях»¹. Указ учреждал для этих целей Главный комитет по землеустроительным делам, а также его филиалы в губерниях и уездах².

В качестве первоочередной задачи правительство наметило создание хуторов и отрубов. Всего в 1906 г. в Самарской губернии проживало 3 359 736 человек, из них 3 189 976 – в деревнях. Крестьяне составляли 92,7 % населения³. По данным на 1905 г., общее число крестьян-домохозяев в Самарской губернии насчитывало 337 111 домохозяев, из них 334 232 двора (99,1 %) находилось в общине. Земельный фонд губернии составлял на тот период 13 017 432 десятины, из них крестьянам принадлежало 6 873 442 (52,8 %) десятины. В руках общины была сосредоточена 6 593 051 (98,8 %) десятина земли. В то же время подворников-домохозяев в губернии было лишь 2 879 (0,9 %), а общая площадь их земель составляла 80 798 (1,2 %) десятин⁴.

Земские органы самоуправления активно поддержали эту реформу, о чем и было заявлено на съезде Общеземской организации в октябре 1907 г. Однако законопроекты, разработанные Советом министров, необходимо было согласовать с коронной администрацией и органами местного самоуправления. Осознавая это, самарское земство направило правительству ходатайство о передаче подготовленных законопроектов на заключение земского собрания. Однако на прямое обращение к земствам Столыпин в тот момент не решился. Циркуляром от 4 октября 1907 г. губернатору Якунину предписывалось обсудить законопроекты в Совете по делам местного хозяйства с привлечением «большого числа общественных деятелей, близко знакомых с условиями местного хозяйства»⁵. Согласно этому циркуляру в состав Совета на постоянной основе должен был войти представитель губернского земства. На своем заседании 14 января 1908 г. земское собрание сочло необходимым, чтобы интересы сельских органов самоуправления в Совете представлял губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов⁶.

Однако работа Советов по делам местного хозяйства не устроила правительство, очевидно, по причине их отдаленности от реальной сельской жизни.

Правительство вынуждено было обратиться за помощью к земствам. 9 июля 1908 г. циркуляром Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина земскому самоуправлению было предписано разработать комплекс мер агрономического направления с целью обеспечить возможность ведения более производительного сельского хозяйства. Для общего руководства работой при губернской землеустроительной комиссии были образованы агрономические совещания, в состав которых вошли члены самой комиссии, земских управ, инспектора сельского хозяйства и местный агрономический персонал. На основании циркуляра Кривошеина 16–17 августа состоялось заседание экономического совета губернской управы, которое выработало с учетом практики уездных земств подробную программу обследования крестьянских хозяйств. По мнению управы, главное внимание следовало уделить хозяйствам подворников, колонистов и бывших государственных крестьян, а также крестьянским хозяйствам площадью более 100 десятин. В итоге земствами было произведено 305 обследований. Наибольшее количество описаний доставили представители новоузенского (159) и самарского (80) земств⁷.

Профессионально подготовленные результаты обследований окончательно убедили правительство в необходимости более тесного сотрудничества с органами земского самоуправления. 20 сентября 1909 г. Столыпин направил циркуляр Якунину с просьбой о принятии губернатором организации агрономической помощи образованным хуторам и отрубам. Одновременно Якунину было поручено передать на обсуждение земского собрания «вопроса о той форме, в которой сверх принятых уже мер, могло бы проявиться участие в сем деле земства»⁸. Совет министров обещал выделить кредиты «в целях обеспечения правильного развития земского хозяйства»⁹. От имени правительства Якунин выступил на открытии очередной сессии губернского земского собрания 8 января 1910 г. Губернатор заявил, что главной задачей реформы на данном этапе является организация агрономической помощи крестьянам, перешедшим к новым формам хозяйствования. Именно агрономические усовершенствования в условиях единоличного владения должны привести, по мнению Якунина, к росту урожайности. В своей речи губернатор подвел итоги работы губернской землеустроительной комиссии, созданной на основе указа 4 марта 1906 г. Комиссия выработала наиболее продуктивные формы единоличного владения, осуществила разверстку казенных земель для перехода к хуторскому и отрубному хозяйству. Поблагодарив земство за содействие реформе, Якунин подчеркнул, что, «принимая во внимание развитие землеустройства, идущего ускоренным темпом вперед, агрономическая помощь должна принять самые широкие размеры и носить, главным образом, практический характер, быстро ведущий к непосредственным результатам»¹⁰.

По мнению правительства, наиболее эффективными мерами «в деле скорейшего поднятия нашего хозяйства является проведение в народную массу сельскохозяйственных знаний путем распространения популярных брошюр, путем личных бесед, путем устройства знаний по сельскому хозяйству». Фундаментом агрономической организации должна стать сеть опытных полей

РАЗДЕЛ I

и хозяйств, учреждение станций сельскохозяйственных машин и орудий, организация кредита¹¹. Земства активно включились в работу. Еще в осенний период 1909 г. во всех уездах Самарской губернии прошли сессии земских собраний, на которых уже обсуждался вопрос об участии земств в осуществлении сельскохозяйственной реформы. В целом власть и земство не имели каких-либо кардинальных различий в подходах к методам преобразований. На первое место земства поставили организацию опытного дела и создание сети учреждений, имевших задачу провести комплексное исследование климатических условий и местных хозяйств губернии.

Многие земства высказывали пожелание предоставить им право приобретать укрепленные в собственность участки земли для передачи их малоземельным и безземельным крестьянам и тем самым способствовать распространению хуторского и отрубного землевладения. Правительство встретило это предложение прохладно. Следуя букве закона, оно посчитало, что «участки надельной земли... могут быть отчуждаемы лишь лицам, приписанным или приписывающимся к сельским обществам. Так как... земства не могут быть отнесены к категории означенных лиц, то... вопрос может быть разрешен только в законодательном порядке»¹².

В начале 1910 г. губернатор Якунин в своих телеграммах с оптимизмом докладывал Столыпину о мерах земств по улучшению землепользования, принятых на сессиях уездных собраний, и их реализации. Итак, уже в 1909 г. в Ставропольском уезде учреждена должность уездного агронома, в обязанность которого входило оказание агрономической помощи отрубам и хуторам. В Бугульминском и Бугурусланском уездах были учреждены должности двух районных агрономов. Кроме того, в числе мер по пропаганде агротехнических знаний представителями земств на 1910 г. были запланированы экскурсии с некоторыми наиболее предприимчивыми крестьянами из различных волостей в другие губернии для осмотра на местах образцовых хуторских хозяйств¹³.

В Бузулукском уезде местная управа учредила 6 агрономических районов, на ближайшие годы планировалось создавать показательные отрубные хозяйства; для крестьян, переходящих к единоличному владению, предусматривались льготные условия снабжения семенами кормовых трав. Для содействия развитию травосеяния уездная управа учредила два участка площадью каждый 500 десятин. В Николаевском уезде были открыты 3 агрономических участка, в начале 1910 г. планировалось открыть еще 3. На устройство показательных хозяйств Николаевским земством было отпущено 1000 рублей. В соответствии с общим планом уездное земское собрание возбудило ходатайство перед губернской землеустроительной комиссией о выделении 400 рублей на приглашение двух агрономов. Одновременно было возбуждено ходатайство о предоставлении двух казенных земельных участков (площадью не менее 2500 десятин) для устройства семенного хозяйства крестьян-единоличников¹⁴.

В Новоузенском уезде земство учредило 8 агрономических участков, 3 показательных поля и опытную сельскохозяйственную станцию. По инициативе органов земского самоуправления был организован склад сельскохозяйственных

машин и орудий, при земской управе учрежден гидротехнический персонал. Наконец, в Самарском уезде в 1909 г. были созданы 6 агрономических организаций, устроена сеть зернохранилищ, утвержден план организации показательных отрубных и хуторских хозяйств¹⁵.

Благодаря широко организованной земством пропаганде реформы, в крестьянской среде по состоянию на 1 января 1909 г. на выход из общины было подано заявлений от 81 850 домохозяев (более чем 20 % от общего числа крестьянских хозяйств), за большинством из них было окончательно закреплено 496 990 десятин земли (8 % всей площади крестьянской земли)¹⁶. Некоторые крестьяне целыми общинами переходили к подворно-наследственному пользованию землей. На тот же период таких селений было зарегистрировано 8 с 4703 домохозяевами и 73 195 десятин земельных угодий¹⁷. В 1910 г. на выход из общины подали заявления свыше 25 800 крестьян. Напряженные отношения общинников и выделенцев порой переходили в острые конфликты и столкновения. Примером такого рода может послужить ситуация, возникшая при выделении отрубов в селе Кондаковка Ставропольского уезда в августе 1908 г. В село прибыл член уездной землеустроительной комиссии, который созвал сход и предложил план нарезки земельных участков выделенцам. После осмотра хуторов они явились на сход, но здесь их избили общинники. Выехавший на место происшествия губернатор отстранил от должности волостного старшину и арестовал девятых крестьян на сроки от 1 до 3 месяцев каждого¹⁸. Летом 1911 г. в селе Кано Новоузенского уезда в ходе столкновений с полицией было ранено шесть человек, трое из них тяжело, несколько крестьян подверглись аресту¹⁹. В августе 1911 г. в селе Домашке Бузулукского уезда во время межевания часть крестьян выступила против раздела земли. Столкновение сторонников общины и отрубщиков завершилось кровопролитием: ранения получили несколько крестьян, трое из них скончались²⁰.

К 1916 г. Главному управлению землевладения и землеустройства пришлось отказаться от кредитования аграрных мероприятий. В результате Самарская губерния получила в том году лишь 239 тыс. рублей для «использования в районах землеустройства»²¹. К 1914 г. в Самарской губернии было создано 87 132 единоличных хозяйства, что составило 26 % от всего числа общинных дворов²². Всего же по состоянию на 1 января 1917 г. крестьян-домохозяев, подавших заявление на выход из общины, насчитывалось 226 038 человек. Из них 168 373 организационно оформили свои частные владения. Общее количество земли, закрепленной за ними, составило 2 091 379 десятин (31,7 %). Для Самарской губернии это был значительный результат, учитывая, что за аналогичный период в Симбирской губернии собственниками земли стали 12,9 % крестьян-домохозяев, а в Казанской и того меньше – 8,8 %. Соответственно вырос и размер душевого надела хуторян и отрубщиков: если в 1908 г. по Самарской губернии он составлял в среднем 6,2 десятины, то в 1915 г. он увеличился до 11,9 десятин²³.

Таким образом, проводимая в 1906–1914 гг. экономическая политика российского самодержавия закладывала фундамент эволюционных преобразований,

РАЗДЕЛ I

направленных на возвращение империей утраченных позиций великой державы. Безусловно, данные реформы были неидеальны, проводились в условиях бюрократического засилья и роста социального напряжения, но отвечали потребностям государственного строительства. Начавшаяся Первая мировая война, а затем и революционные события 1917 г. помешали завершить экономическую модернизацию Российского государства.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. СПб., 1909. Ст. 24478.
- ² РГИА. Ф. 1291. Оп. 119. 1906. Д. 40. Ч. 1. Л. 1 об.
- ³ Приложение к отчету Самарского губернатора за 1906 г. Самара, 1907. С. 3.
- ⁴ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 34, 174.
- ⁵ Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 815. Л. 1 об.
- ⁶ ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 815. Л. 7.
- ⁷ Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Самара, 1909. Т. 1. С. 8.
- ⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909. Д. 61. Л. 2.
- ⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 61 Л. 771 об.
- ¹⁰ Постановления Самарского губернского земского собрания 45-й очередной сессии. Самара, 1910. С. 7.
- ¹¹ *Кабытов П. С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1981. С. 144.
- ¹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909. Д. 27. Л. 5.
- ¹³ ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 936. Л. 102.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 936. Л. 102 об.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 936. Л. 103–103 об.
- ¹⁶ Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т.1. С.9.
- ¹⁷ Там же. С.10.
- ¹⁸ Крестьянское движение в России в 1907–1914 гг. М. ; Л., 1966. С. 139–140.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1584. Л. 185.
- ²⁰ Крестьянское движение в России в 1907–1914 гг. С. 286.
- ²¹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 11. Д. 186. Б/л.
- ²² *Клейн Н. Л.* Указ. соч. С. 112.
- ²³ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 98–99.

РАЗДЕЛ II

ПРОВИНЦИЯ КАК ОРГАНИЧЕСКАЯ ФОРМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

И. А. Едошина

РОМАНОВЫ: ИКОНОПИСЬ И РАСКОЛ

Приход династии Романовых к власти не был, по своей сути, легитимным, что в целом определило характер трехсотлетнего правления династии. Через поляков, с которыми Романовы в период Смуты пребывали в одной (замечу, весьма дружественной) связке, сформировалась ориентация династии на систему европейских ценностей. Но Европа к XVII в. представляла вполне секуляризованное культурное пространство. Чтобы развернуть пока еще Русь в это пространство, необходимо провести «реформу» в области веры, причем реформу кардинальную, сущностную, которая бы сломила «хребет» веры. Но этот «слом» должен выглядеть как радение государства о вере и формах ее бытийствования. Таков, на мой взгляд, подлинный источник раскола русской церкви.

У В. В. Розанова есть замечательная по глубине наблюдений статья «Психология русского раскола» (1896). Он справедливо видит в расколе событие не только сопоставимое реформацией, но и превосходящее его по результатам: «... раскол старообрядчества обнимает собою людей, не имеющих никакого сомнения в истинности всей полноты христианства и всего переданного церковью; для них бессмертие души, бытие Божие – не “отвлеченные вопросы”, как для множества из нас: для них это вечные решения, в трепете выслушанные, с трепетом принятые. Можно сказать, раскольники – это последние верующие на земле, это самые непоколебимые, самые полные из верующих»¹.

В свое время реформация была порождена утверждающимся научным пониманием мира, весьма критически настроенного в отношении веры и церкви. Чтобы подорвать основы веры, необходимо было лишить католичество целостности религиозных воззрений. Потому в период реформации родился не только протестантизм, пребывающий, кстати, поныне в статусе официальной религии, но и разного рода секты. При всех различиях новые верования были едины в одном: в отрицании института церкви как формы, что исторически выработало христианство. Если проводить аналогии, то становится понятным, зачем понадобился раскол: ослабить веру. Но Русь не Запад, потому раскол, конечно, сыграл свою роль в процессе секуляризации русской культуры,

© И. А. Едошина, 2011

однако раскол же и утвердил веру, породив старообрядчество, опять-таки явление сложное. Старообрядцы не отказались от веры своих отцов в тех формах, в которых вера отцам же давалась. Одновременно со стороны официальной религии, власти старообрядцы подлежали гонениям, наказаниям, истязаниям, на которые они шли как мученики веры. Борьба со старообрядцами сопоставима с гражданской войной, где одни русские люди убивали других русских людей. Эту братоубийственную борьбу Розанов сравнивает с «домашней раной», которую Россия не умеет залечить². И далее указывает на целый ряд существенных различий между старообрядческой и официальной верой:

«Как и всякая церковь, даже всякое учение христианское, православие и раскол имеют равно задачей своею спасение души, угождение Богу. Но в то время, как церковь ищет *правил* спасения, раскол ищет *типа* спасения. Первая анализирует; она говорит: вот *это* спасает, вот *чем* оправдались перед богом св. Сергей, св. Алексей, Петр, Иона, остальное в их деятельности несущественно и к спасению не имеет отношения. Она, таким образом, отделяет частное, личное; отбрасывает подробности, к своему времени относившиеся, и оставляет в составе своего учения и своих требований от христианства одно общее; как средства спасения – она предлагает посты, молитвы, канонически правильные книги, и притом лучшей редакции, критически проверенные. Раскол, этот грубый «раскол», который нередко нам представляется последнюю степень «невежества», действует по закону художественного суждения: к чудному, к святому акту спасения, к этому акту, в котором мы так мало понимаем, которое устраивает Бог, – а уж несомненно акт этот был дан святым, об этом свидетельствуют их мощи, и чудеса. И видения, – как подойти с умственным анализом? как его расчленишь и сказать: вот *это* было существенно, необходимо для спасения, а *то*, другое – побочно и достойно забвения. Раскольники не отделяют святости от святого человека; они как бы снимают маску с драгоценных его мощей, точнее – со всей его живой личности во всей полноте его деятельности и мышления, в его молитвах вот по этим книгам, в его помещении вот в эти дни, в его хождении вот так, в манере говорить, думать, поучать, – и усиливаются себя, свою душу, свою деятельность влить в полученную таким образом форму. *Типикон* спасения – вот тайна раскола, вот его нерв... раскол полон живого, личного, художественного... чувство цельности, образности в высшей степени присутствовало при этих бурных взрывах, которые лежали в основе раскольничьих трансформаций (везде курсив Розанова. – *И. Е.*)»³.

Здесь Розанов, хотя и не без участия собственных жизненных перипетий, а, возможно, благодаря им (гражданский брак с любимой женщиной и церковный – с нелюбимой), указывает на одну значимую сторону православия в том его изводе, который сложился после победы иосифлян: преобладание формы (московское благочестие) над теми сущностями, которые в эту форму облакаются. Если согласиться с этой мыслью, то через раскол открываются и в расколе утверждаются те религиозные взгляды, которые апеллируют к цельности формы и содержания, их адекватности. Раскол вскрывает незавершенность давнего спора, его неокончателность. Если угодно, раскольники суть продолжение

дела преподобных Нила Сорского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких и других. Избрав древних иноков за образец человеческого бытия, старообрядцы «побегут» от официальной жизни, побегут в дебри, в глухие леса, в потаенные места России, унося с собой древние иконы, древние богослужебные книги, древнюю веру. Вера эта наиболее наглядно проступала в иконописи.

Древнерусская икона XII–XVI вв. воспринималась как «окно» и «дверь» (свящ. П.А. Флоренский) в горный мир, а святые в прямом смысле *являлись* внутреннему зрению иконописца, почему не могли иметь какой бы то ни было плоти. Словно следуя давнему утверждению Дионисия Ареопагита «для невидимого более подобает разъяснение через неподобные изображения»⁴, икограф в иконе представляет не свое искусство, не себя, а «святых, свидетелей Господа, ими же – и Самого Господа»⁵. Потому тела вытягиваются, драпируются. Видимые части условных тел (кисти рук, стопы, лики) наполняются внутренней энергией, пробела символизируют *ens realissimus* нездешнего света. В результате икона становится видимым свидетельством мира горного, органично вписываясь в пространство храма.

Устроение православия по новым греческим образцам⁶ не могло не сказаться на иконописи, может быть, в первую очередь, именно в иконописи отразились новшества веры. Кроме того, в немалой степени «новшества» в иконописи спровоцировали повсеместно вводимые традиции европейской религиозной живописи. Вот известное свидетельство одного из деятелей раскола, неистового Аввакума Петрова:

«По поущению Божию умножися в нашей русской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфы. Пишут от чина меншаго, а велиции власти соблаговоляют им, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются... Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надугые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же Бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас»⁷.

Телесность нового письма явно отрицала прежние духовные основания иконы. Не случайно даже враг Аввакума – Никон, с чьим именем ассоциируется раскол, публично выскребал глаза у икон иноземного письма, ломал их и жег⁸. Новая иконопись не смущала, видимо, только «тишайшего» Алексея Михайловича, отражая стремление пришедшей к власти династии Романовых построить новую Россию, в которой Русь – навсегда ушедшее прошлое. Решение подобной задачи не могло не сопровождаться целым рядом проблем, которые, в частности, касались иконописи. Ко времени прихода к власти Романовых храмов на Руси поставлено было много, все они – расписаны, везде – иконостасы, в домах – иконы. Как поступить с иконами, на которых пальцы святых сложены в двуперстии, а по новым правилам должно быть трехперстие? Как

объяснить народу, что святые были неправы? Если сын Алексея Михайловича будет изводить частности народного быта (бороды, одежду, еду), подчинив церковь специальному департаменту, то «тишайший» посягнет на ментальные начала древнерусской культуры, где икона выполняла парадигматическую функцию. Икона связывала поколения, получая именование *намоленной*, из века в век русский народ молился древним образам, из века в век ходил на войны, неся впереди лики святых, из века в век родители иконой благословляли будущую новую семью, эта икона передавалась по наследству и т. д. Древнейшие иконы (Феодоровская Божьей Матери в Костроме, Владимирская Божьей Матери, Знамения в Великом Новгороде) чудом являлись и о чуде явственно свидетельствовали. Другие древнейшие иконы (Владимирская, Смоленская, Корсунская) чудеса являли. А теперь вся прежняя жизнь оказывалась неправильной, ибо правильно так, как сейчас у греков.

Кажется, Алексей Михайлович словно не понимал, что Греция его времени – не то же самое, что в древности, что греки пережили и в определенном смысле адаптировали латинство. Но царь решал иную задачу: ему хотелось ввести Россию в европейское сообщество, найти стране в этом сообществе не последнее место, самому предстать в роли охранителя подлинной (понятной носителям православия в Европе) веры⁹. Петру Первому оставалось только «подчистить» прорубленное отцом «окно» в Европу. Как видим, династию волновали вовсе не метафизические, а вполне конкретные «окна». Древнерусская икона явно не вписывалась в эти задачи, а потому была обречена на полное погубление. И только благодаря старообрядцам сохранилась. Конечно, старообрядчество не следует представлять в виде слащавой картинки, это было и есть явление сложное, противоречивое, думаю, не вполне изученное и понятное. Но старообрядцы, подобно древним иконам, не позволяют русской культуре утратить хотя бы очертания единой цивилизации. И по-прежнему двуперстием благословляют мир русские святые – преподобный Антоний Печерский (начало XVI в.), Иоанн Милостивый (третья четверть XVI в.), святой Леонтий, епископ Ростовский (XVI в.), преподобный Сергей Радонежский (XVI в.), преподобный Кирилл Белозерский (конец XV – начало XVI в.), преподобный Пафнутий Боровский (начало XVI в.), святой Алексей, митрополит Московский (XVI в.)¹⁰.

Примечания

¹ Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Религия и культура / вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Е. В. Барабанова. М.: Правда, 1990. С. 48–49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 51–52.

⁴ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Тексты, пер. с древнегреческого / подгот. текстов, русского пер. и справочного материала выполнена М. Г. Ермаковой; вступ. статья Г. В. Флоровского. СПб.: Глаголь: РХГИ: Университетская книга, 1997. С. 19.

⁵ Флоренский П. А., *свящ.* Иконостаз: Избранные труды по искусству / сост., предисл. А. Г. Наследникова. – СПб.: Мифрил: Русская книга, 1993. С. 47.

⁶ Библиография исследований, посвященных Расколу, весьма обширна. В аспекте той проблематики, что обозначена в статье, наиболее значимыми являются следующие классические работы: Кантерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2.

Сергиев Посад, 1909–1912; *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе / сост., вступ. заметка и коммент. М. Л. Гринберга (Иерусалим) и В. В. Нехотина (Москва). М. ; Иерусалим: Мосты, 1994; *Флоренский П. А., свящ.* Иконостас: Избранные труды по искусству / сост., предисл. А.Г. Наследникова. СПб. : Мифрил: Русская книга, 1993. Кроме того, см. современную обобщающую работу: *Крамер А. В.* Раскол русской церкви в середине XVII века. СПб. : Алетей, 2011.

⁷ Пустозерская проза / сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагментов М. Б. Плюхановой; науч. ред. пер. В. М. Живов. М. : Моск. рабочий, 1989. С. 102.

⁸ См.: *Кантепов Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. Сергиев Посад, 1909–1912. Т. 1. С. 153–157.

⁹ Об этом см.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1908. С. 377–378; *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 93, 95, 150–151, 232, 235, 242, 335–336; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви: в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 122–124 и др.

¹⁰ Иконы, датировка даются по кн.: Святые земли русской : альманах. Вып. 287 / науч. рук. Е. Петрова. СПб. : Palace Edinions, 2010.

Н. В. Миловидова

ЖИЗНЬ И БЫТ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX В. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. ПОТЕХИНА

Сегодня, когда мы все чаще при изучении истории используем цивилизационный подход, вольно или невольно во главу угла встает человек, его повседневная жизнь. Изучение микроистории помогает лучше разобраться в макроистории, понять все перипетии общественно-политической и социально-экономической, духовной жизни в разные периоды истории, выявить противоречия, извлечь уроки. Может, неслучайно мы наблюдаем в современных условиях рост числа научных исследований по истории повседневности, расширение источниковой базы.

Среди разнообразных источников по указанной теме ценность представляют очерки, повести, драмы и комедии, романы русских писателей XIX в., которые, на наш взгляд, сегодня востребованы еще не в полной мере. В частности, это касается творчества писателя, драматурга, театрального деятеля А. А. Потехина, произведения которого читаются с большим интересом и содержат яркие зарисовки жизни и быта, нравов людей разных сословий, проживавших в России в XIX в.

Родившись в приволжском городке Кинешме, тогда Костромской губернии, в семье мелкопоместного дворянина и прожив 79 лет, Алексей Антипович Потехин, был очевидцем многих событий и явлений, происходивших как в столице, так и в провинции. Окончил он костромскую гимназию, блестяще – ярославский Демидовский лицей, был на военной службе, но скоро ее оставил. Потом будет жизнь в Москве, знакомство с А. Н. Островским, кружок молодых литераторов (С. Максимов, А. Писемский, П. Мельников-Печерский), которые

считали, что русская жизнь самобытна, красива, оригинальна и о ней надо писать. В 1850-х гг. Потехин начал печататься в журналах «Москвитянин», некрасовском «Современнике», газете «Московские ведомости». С интересом приняли тогда его этнографические очерки. Потом появились пьесы. Это драма «Суд людской – не Божий», «Шуба овечья – душа человечья», «Чужое добро впрок не идет», вскоре поставленные на петербургской сцене. Не прошли даром и годы, проведенные в Костроме на службе при губернаторе в качестве чиновника особых поручений¹. Во-первых, это было общение с А. Ф. Писемским, земляком, писателем, служащим губернского правления и страстным любителем театра, который они оба часто посещали и успешно играли в любительских спектаклях. Во-вторых, благодаря службе, ему удалось много повидать и обогатить свои представления о жизни в провинции, крестьянском быте, нравах помещиков, купцов, чиновников и использовать это в своем творчестве². Нам, костромичам, прежде всего, дороги материалы писателя о нашем крае, в том числе одна из его лучших пьес «Мишура». Написана она была в 1858 г. под впечатлением увиденного в Костроме. С середины 1850-х гг. А. А. Потехин, как и А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, С. В. Максимов, будет участвовать в литературной экспедиции, организованной Морским ведомством³. Все собранные материалы русских писателей вскоре стали бесценными источниками о жизни и быте людей, проживавших тогда в российской глубинке. В целом, бытописательский характер носят и его повести «Бурмистр», «Тит Софронов Козонок», «Хворая», «Хай-девка», «На-миру»; очерки «Деревенские мироеды»; романы «Бедные дворяне», «Около денег», «Молодые побеги». В 1880-е гг. А. А. Потехин участвовал в театральной реформе, заведовал репертуарной частью Александринского театра, являлся управляющим драматическими труппами императорских театров Санкт-Петербурга и Москвы. В 1900 г. был избран почетным академиком по разряду изящной словесности. Умер писатель в Санкт-Петербурге в 1908 г.

Перечитаем вновь произведения А. А. Потехина и попытаемся представить некоторые картины повседневной жизни российской провинции XIX в. Начнем с его этнографических очерков. Чувствуется, что писал их человек любопытный и очень наблюдательный. Интересны будут современному читателю описание губернского города Ярославля, уездного – Кинешмы, заштатного – Плеса, а также путевые заметки с Ветлуги и Керженца: лесных, промысловых, старообрядческих краев. Костромичам же будет большой смысл прочить материалы о своем крае. «Но, посмотрите вдаль, – отмечал писатель-путешественник, – там виднеется уже Кострома. Вот мало-помалу обрисовываются стены Ипатьевского монастыря... этого драгоценного памятника русской славы»⁴. Вместе с башнями, бастионами и стенами он смотрелся как плавающий замок. В преддверии 400-летия Дома Романовых уместно добавить, какие глубокие впечатления остались в душе писателя после посещения им еще в детстве палат Михаила Федоровича на территории монастыря, его уютных маленьких комнат с изразцовыми печами, старинными с высокими спинками креслами будущего царственного юноши. В самой же Костроме особенно ему запомнились

прекрасное величественное здание собора, изящная колокольня, стоящие на самом высоком месте берега Волги, и набережная, застроенная исключительно одними каменными зданиями⁵. Но, покинув Кострому вместе с автором, мы плывем по Волге дальше. Быстро сменяются очаровательные картины ее берегов. Теперь перед нашим взором предстали красивая деревенька, «как будто выбежавшая на самый край высокого берега всем числом своих домиков», село с позолоченным крестом высокой колокольни, помещичий дом какой-то фантастической архитектуры, со множеством колонн и балконов, дремучий, почти нетронутый, сосновый лес, луга и перелески, покрытые чудными цветами, золотое море спеющей жатвы⁶. Как эти строки напоминают «Воспоминания из путешествия по Волге» и зарисовки братьев Г. и Н. Чернецовых. Да, сегодня уже панорама волжских берегов смотрится несколько по-иному. Время и люди внесли свои коррективы. Образно описывает А. А. Потехин и своих спутников, людей разных сословий. Это и купеческое семейство, собравшееся на богомолье в Бабайский монастырь, и погрузившаяся в мягкую перину, окруженная десятками коробок, узелков и кулечков небогатая помещица, по делам своим приезжавшая в Ярославль, и школьник, отпущенный на вакацию, и молодец в синей чуйке, служивший приказчиком у купца одной из низовых губерний, и отставной служивый⁷. Не прошла мимо глаз писателя и крестьянская изба небогатой приволжской деревни Костромской губернии. Не хитра и не богата ее наружность, заметил автор, сложенная из толстых бревен, покрытая соломой, с тремя маленькими окошечками, в которое с трудом пролезает курица, смотрит на мир Божий. Обыкновенно с левой стороны к ней примыкал крытый соломой двор, с другой – открытое крылечко. Через сени попадаем в избу и видим, что по всем стенам тянутся широкие лавки, более четверти избы занимает печь. На полках – горшки, чугуны, плошки, а в маленьком шкафчике хозяйки – кухонная посуда: деревянные чашки, ложки, ножи. В левом углу – образа. Изба освещалась лучиной⁸. Как известно, много забот у крестьян. И поле его ждет, и сенокос, и лес, и ткачеством надо заняться, и на рыбную ловлю сходить, и горшки обжечь, и посуду деревянную сделать, и лапти сплести. Подметил писатель и то, что самовар, например, был редкостью. Если все же случалось его у кого-нибудь на время взять, то за чаем, как правило, начинался разговор о житии-бытии крестьянском, да об уплате податей. «И оброк-то подай, и подушно подай, и земски подай, все подай да подай!»⁹ Тяжело, но не нами установлено, не нам и переделывать, говаривали крестьяне. Вздохнув, продолжали теперь говорить об урожае, о погоде, о том, как у кого устроились дети, тем более что у одного старший сын – разносчик в Питере, а у другого – бурлак на Волге, и конечно, о басурманской машине, чудовище, гении Волги, будущей силе и могуществе ее – пароходе, которого даже рыба стала бояться, а потому ее меньше в Волге теперь, вот и дорожает она на рынке. Разговор затягивался за полночь. Нет-нет, да и раздавался смех, звучали пословицы и поговорки, грустные напевные песни. Судя по очеркам Потехина, жили в деревне и такие, как Николай Иванович по прозвищу односельчан Курошупов. Его изба из всех бросалась в глаза. На дворе больше десяти

голов разного скота. Скот сытый, холеный. Гумно с овином, 2-этажный амбар – кладовая. Хозяину 80 лет. Спина его согнулась дугой. Седой стал как лунь, но все тот же, как в молодости, с упорным характером, бережлив, скопидом, неустанный работник. Везде у него, незаурядного мужика, был образцовый порядок¹⁰. Этот дом был полная чаша: «хлеб заходил за хлеб, корма скоту не покупал, всякой сбруи было вдоволь, несколько десятков ульев стояло на огороде, одежей полны короба, запас был для нечаянных гостей: и чай, и водка сладкая, и закуски даже разные»¹¹. А вот еще зарисовка из жизни другой деревни. Хозяин – волосной старшина, с лицом спокойным и уверенным, всегда смотревший на окружающих с внутренним достоинством. Жил он скромно, всегда в труде, знал цену деньгам. Пользовался общим почетом и уважением как со стороны власти, так и со стороны крестьян. Все вопросы пытался решать вместе с крестьянским сходом. Активно боролся с пьянством особенно среди молодых парней. «От вас, кабатчиков, дьяволов, народ разоряется, люди гибнут, – не раз повторял он, – уничтожить вас надо, но для Отечества тогда ущерб будет, да арендной платы лишится деревня». Понимая, что по слабости и бедности, с горя и радости, идут мужики в кабак, настаивал на своем, но скоро понял, что все это бесполезно. Все оставалось по-прежнему¹². Наблюдательный глаз писателя не пропустил мимо и более зажиточные усадебные постройки. Да, безусловно, держались они на труде крепостных, но и благодаря умению хозяина организовать, сберечь, приумножить. Господский дом, стоявший на горе, представлял из себя барские хоромы с мезонином, балконом, белыми колоннами, с множеством пристроек, флигелей, служб, конюшен, с псарнями, прудами. За домом тянулся сад на нескольких десятинах, где красовались рябины, сирени, черемухи, смородина, малина, яблони, скрывавшие свою зелень под белым, как молоко цветом, ароматным и душистым. Там виднелись сплошные, неоглядные поля, а далее лепились друг к другу лачужки, из которых каждый день, кроме воскресенья, крестьяне уходили на барщину¹³. Но постепенно, часть таких имений разорялась, приходя в упадок. Со временем с трудом можно было догадаться, что когда-то здесь был достаток и процветание. Детям и внукам тех успешных хозяев мало что уже доставалось. По воспоминаниям сторожиков, теперь они могли только представить, что в барском доме было много внутренних семейных комнат с изразцовыми лежанками, большая зала с хорами, просторная гостиная с дверью на террасу, выходящую в сад. Столовая с большим длинным столом, с дубовым буфетом, на окошках – горшки с геранью, картины, пышные пуховики, сундуки, красный шкаф со стеклами, кресла с веревочным плетением вместо подушки – все это напоминало о былом богатстве прежних владельцев усадьбы. Целую неделю и дольше могли продолжаться в них увеселения. Съезжалась вся округа. Каких только не было предложено гостям разносолов, в общем, роскошь кушаний и изобилие вин, выписанных даже из Петербурга или Риги. Были танцы, катание на лодках, прогулки по саду, незабываемый фейерверк¹⁴. Теперь в большинстве случаев, читаем у Потекина, это было все в прошлом... Приближался конец XIX в. По мере развития капитализма появлялись в деревне и местные банкиры, ростовщики, которых

стали называть мироедами. Они жили тем, что давали кому в кредит деньгами, кому продуктами. Одни называли их благодетелями, а другие считали обманщиками. Во второй половине XIX в. в российской деревне продолжалось социальное расслоение. Но все-таки больше, наверное, крестьяне страдали не от капитализма как такового, а от того, что уж очень медленно он продвигался в деревню.

Каких только названий русских деревень не перечисляет А. А. Потехин. Это и Соврасиха, Дубково, Зыбкино, Большовка, Кульково, Бекрениха, Дудкино, Мешково, Лысково, Пустополье, Ступино и др. Читаешь и вспоминаешь строки из Н. А. Некрасова: «...Горелова, Неелова, Неурожайка тож». Конечно, на географической карте мы их вряд ли найдем, но, с другой стороны, думается, все-таки были такие деревни, наверняка. Обращают на себя внимание также следующие имена: Дормидонт, Аглаида, Анфея, Авдотья, Матрена, Акулина, Агафья, Дарья, Харлампий, Лизавета, Лукерья, Кузьма, Прасковья, Маланья, Федот, Федосья, Герасим, Тит, Паранья, Степанида, Терентий, Капитон, Гаврила, Арина, Секлетей, Филарет, Улита, Клим, Трифон, Осип, Филька, Епраксинья, а также фамилии потехинских персонажей: Пустозеров, Пурпуров, Зайчиков, Губанчиков, Золотарев, Трезимов, Обождухин, Скоробогатов, Загвоздкин, Гордеев, Финикова, Догадкин и др. К сожалению, изучение этого аспекта темы не входило в наши задачи, но мы сочли все-таки необходимым привести частично эти материалы для читателей.

Анализируя мысли и поступки действующих лиц в произведениях А. А. Потехина, важно отметить, что многие проблемы, которые нас волнуют сегодня, в начале XXI в., волновали людей и тогда. В частности, отношение к религии, вера в Бога, судьбу. Так, в произведениях писателя наряду с такими положениями, как: «Бог дал, Бог взял», «будет, что будет, а будет, что Бог даст», «покоримся Богу, властям, священству, родителям, старшим», есть и другие: «народ стал неблагодарным нынче, из веры выходит, из послушания», «Господи, когда образуется наша Русь православная?» Очень актуально звучат и следующие мудрые высказывания: «мастеровому человеку – всяк поклонится», «худая слава далеко бежит», «учиться никогда не поздно», «надо много читать, размышлять, чтобы идти вровень с веком», «ведь, если ты грамотный, ты скорее можешь за дело взяться, и торговать начнешь, и разбогатеешь..», «ничего русский человек без кулака да без палки не сделает», «образованного человека мучит окружающее невежество», «молодой человек думает о настоящем мгновении, взрослый, еще далекий от старости, заботится о завтрашнем дне, а старик особенно желает того, чтобы след его жизни не изгладился вместе с ним, чтобы кто-то продолжил его земное дело», «чужое добро впрок не идет», «на науке свет стоит»¹⁵ и др.

Захватывают произведения А. А. Потехина не только своим содержанием, но и образным языком. К сожалению, современный русский пестрит множеством иностранных слов, а ведь это отдаляет нас от познания своей богатой национальной культуры, души народа. Вслушаемся, что и как говорят потехинские чиновники, крестьяне, купцы, и нам не только все будет понятно,

но при этом мы почувствуем свою самобытность. Вот они, эти бесценные «песчинки» родного языка: конфекты, проклажаться некогда, курительные свечи, карасин, лутошкой бы отстегал, синенькая (5 руб.), радужная (100 руб.), ренда, ланьпа, калякать, брусена, кутейники, наймист, костромитяне, поись, дура – тетеха, чернильное племя (чиновники), с кажинным годом, вчерашние штецы (щи), зложелательный характер; «эй, фартук! Что изволите?», батман гороха (местная мера веса на Волге, равная 10 фунтам, в нашем случае – это 4 кг), уж больно он гордыбачился, мед-самотек, измолила 12 свечей, прощальга, жисть, полштофа (мерная бутылка = 0,6 л), ярманка, пунштик, некруты, страдающий бессоницей петух¹⁶ и т. д.

На пути писателя-путешественника, естественно, встречались не только деревни, но и губернские города, уездные городки. Все они были достаточно типичны, очень похожи друг на друга. Читаешь, и как будто оживают картина М. Добужинского «Провинция 1830-х гг.», полотна Б. Кустодиев. Губернский город начинался с каменной заставы с пестрым шлагбаумом и с золотыми орлами на столбах, больших каменных и маленьких деревянных домиков. Блестели главы церквей. Улицы пестрели вывесками магазинов. Чем не Кострома с Молочной горой? Кругом движение, шум от экипажей, двигавшихся по мостовой. По городскому бульвару, по бокам обсаженному липами, прогуливались барыни и офицеры, купцы с купчихами. Человеку, приехавшему из деревни, они казались довольно счастливыми. Все удивляло и поражало¹⁷. По-иному все было в уездном городке. При въезде стоял питейный дом, отмечал автор, напротив – острог. Дальше шли маленькие деревянные домики в 2–3 окна, длинные заборы. Попадались и каменные, чаще белые здания, церкви со своими пятью главами и каменными оградами. Среди многих вывесок, красовавшихся на городских зданиях, особенно выделялись «ресторация» и «трактир». Кто ходил в трактир, в частности, выпить водочки по-русски и закусить, а кто чаю попить. Сильно пристрастился русский человек, писал Потехин, к этому буквально горячему напитку... Интересно было наблюдать за чаепитием. Разливши желтую жидкость, посетители ставили на пять пальцев одной руки блюдечко с чаем, и, вооруживши другую куском сахара, нецеремонно клали оба локтя на стол и предавались наслаждению, сопровождая его оживленной беседой. Согревшись, отводили душу. Кто же приходил отдохнуть от дел, выпивали за полчаса чашек по пятнадцать, пот градом катился с их раскрасневшихся лиц, и слышались только обрывки фраз. Чай становился на Руси до такой степени популярным, что даже самые горькие пьяницы его стали пить чаще, чем водку¹⁸. По улицам провинциальных городов люди передвигались на различных видах транспорта. И в том, кто на чем ехал, Потехин увидел тоже некую сословную иерархию. Вот едут «дрожки, совершенно скрытые под сидящей поперек их тучною купчихой в черном атласном салопе, и неимоверной величины семейная карета на высоких круглых рессорах, наполненная многочисленным семейством помещика, и щегольская коляска на лежачих рессорах, новость, невиданная в уездном городке, и тарантас, на трехсаженных дрогах, изогнувшихся под тяжестью сидящего в нем господина, не в меру раскормленного

тишиною и недеятельностью деревенской жизни, и старинная линейка, так, что с которой стороны не взглянете на нее, везде вас встретят или улыбающиеся, или угрюмые, или сонные физиономии...¹⁹

Жизнь уездного городка, как правило, особенно оживала в дни ярмарок. К ней готовились все, так как, кроме чая, сахару, кислой карамели, гнилых селедок, крепкой, как камень, колбасы, различных перчаток, узорчатого ситца, никуда негодного сукна, все необходимое обыватели приобретали в ближайших губернских городах или делали запасы на целый год именно не ярмарке. На нее съезжались помещики со всей округи, из соседних губернских и уездных городов купцы, бывали даже иногда и из Москвы. Для крестьян это был праздник, так как можно было что-то продать, что-то купить, а главное – погулять, на людей посмотреть и себя показать. Ярмарка открывалась на большой площади города. Сюда еще рано утром съезжались телеги, возы с товаром, чтобы занять место получше и начать зазывать покупателей. А покупатели двигались хаотично пестрой толпой между телегами, разными прилавками, завораживая по дороге в лавки, вообще, суетились, хлопотали, торговались со строгим различием чинов и состояний. Подустав от этой беготни, можно было отдохнуть, посмотрев представление в балагане, разные штучки фокусников. Кругом балаганов были расставлены несколько столиков с разными сладостями. Тут были яблоки, пряники, орехи. К вечеру все затихало. Долго еще по улицам двигались толпы гуляющих, возвращавшихся домой с покупками. Вот тяжело стопой шествовал тучный купец в темно-зеленом длинном сюртуке, дражайшая его супруга, повязанная новой косынкой, и пышная, румяная, как сдобная булка, дочка в шляпе с бесчисленным множеством пестрых искусственных цветков. Вот, грациозно перепрыгивая через лужи и залихватски надевши на ухо шляпу, шел уездный франт в сереньком твиновом пальто, с тросточкой в руках²⁰. За всеми этими сценами и передвижениями внимательно следили мещанки, сидя у ворот своих домиков и тихо беседуя. Другим событием, приносящим оживление в город, были зимние праздники во время крещенских и сретенских морозов. Так как городское общество по обыкновению состояло из 2 кругов: высший и низший, а среднего почти не бывало, то и праздники проходили соответственно. Высший свет в святки устраивал свои собрания, балы. В эти дни господа с визитами разъезжались по своим родным и знакомым с поздравлениями и подарками и готовились к общему собранию. Больше всего приходилось хлопотать организаторам, так как надо было решать, где это собрание будет проходить, где достать музыкантов, кавалеров для танцев, чем угостить и занять собравшихся. Но вскоре все благополучно разрешалось. Поскольку воспитанницы училища распускались на каникулы, то можно было использовать одну из самых больших классных комнат для танцев, а которые поменьше – для карточной игры. Естественно заменялась и ученическая мебель, формировался оркестр, состоящий из двух скрипок, кларнета или флейты; определялись и танцоры, решался вопрос и со сбором средств. Но, пожалуй, эти хлопоты меркли по сравнению с тем, что происходило в это время в частных домах, где особенно к собранию готовились девицы. «О, вы, привыкшие к столичной

жизни, к ее блеску и роскоши, всегдашнему шуму, – верно подметил писатель, – вы не поймете чувств девицы, живущей в городке...» Особого внимания требовал и выбор ткани, фасона платья, прическа. Но вот все советы старших выслушаны, все сшито... Наступал решающий момент: юные талии девиц уже затянуты в корсеты, на руки надеты французские, в противном случае русские перчатки. А уж какие платья, так и говорить не приходится. На балу непременно толстое шелковое платье небрежно заденет русское реденькое гласе, а тюлевое посторонится от кисеи, ведь даже в мире тканей существовала своя иерархия. Собравшиеся будут участвовать в разных танцах – это и вальс, и кадрили, и полька. Но все хорошее быстро кончается. Заканчивалось и собрание. До позднего вечера в каждой семье его еще долго обсуждали²¹. Оживляли жизнь провинциалов и званые обеды. Для этого в доме накрывали большой стол. Ослепительной белизной сияла скатерть. Доставалось старинное серебро, фарфор, хрусталь, бутылки с вином, графины с водой и квасом, бесчисленное множество блюд, разнообразные соусы, пирожные бланманже и миндальное, варенье своего производства, вазы с дыней и арбузами, яблоками, виноградом, смотря по времени года. Ярко горели бронзовые люстры, обновлялись свечи в серебряных подсвечниках. Выставлялись новые стулья, ломберные столы. В воздухе витал тонкий аромат от курительных свечей... После обеда, разговоров мужчины садились за карты. А дамы, напившись кофе, разъезжались по домам, вспоминая танцы, маскарад, новые встречи и знакомых, разыгранные театральные сценки, в том числе из «Мельника» (комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват»), игру в фанты. Представители низших слоев во время зимних праздников рядились, создавая свои костюмы из домашних средств: старых платьев, платков, лент, цветов и прочее. В основном это были цыганские или тирольские костюмы. Участники святочного карнавала посещали знакомых. Пели под гармонь песни. На масленицу пекли блины, ели их с разной начинкой. Потом катались в экипажах, на санях, сжигали соломенное чучело где-то за городом вечером масленичного воскресенья. Но и эти праздники кончались. Улицы пустели. Шло время... Наступало лето, и, кроме чиновников, многие уезжали в деревню на отдых²². А потом опять все повторялось сначала.

Кроме материалов о повседневной жизни в сельской и городской глубинке, наше внимание привлекли зарисовки писателя о нравах провинциального чиновничества, в том числе, как известно, костромского. Речь идет о его комедии «Мишура», повестях «Бурмистр», «Хай-девка». Какие бы мы ни взяли из нее строки, все они звучат сегодня достаточно актуально. Так, некоторые вносили деньги и таким образом откупали своих сыновей от службы в рекрутах; другие отцы, имея некую власть, просили в целях воспитания своего сына постегать, арестовать, посадить на двое суток в сарай. А далее его судьбу должен был решить крестьянский сход. Конечно, за это отец благодарил, чем мог, кого надо, и при этом подчеркивал, что это не самосуд, с писарем в волости он договорится. Писарю оставалось только закон подвести и приговор соответствующий прописать. Не каждый соглашался на такой шаг, а то можно было

за это и по владимирской дороженьке отправиться²³. Среди чиновников не раз можно было услышать, что, если кто из них живет бедно, значит, взятки не берет. При этом отмечал А. А. Потехин, кто их брал, тому давали и ромом, и деньгами (5 тыс. серебром за более выгодное место), балычком из осетрины, и стерлядью, и белорыбишкой и т. д. Известно, что ученье да служба до всего доводят человека. «Посмотри-ка, нынче каждый писарь, – читаем у писателя, – и тот умеет домик себе нажить, а секретари-то, али судьи и сподряд деревни покупают»... Некоторые ждали от высшего начальства мудрого совета для дальнейшего повышения по служебной лестнице, и им советовали, например, «себя побольше критиковать», «да, правда, оно и лучше молчать», «быть рабски покорным и если надо униженным», «более рьяно бороться с раскольниками, запугать их и преследовать вновь выдуманную секту» и т. д. Чиновников в возрасте волновали другие вопросы, особенно перед уходом на пенсию, ведь малое жалование давало и небольшую пенсию, а семья-то большая, как прожить?²⁴ Следовало бы и нам задуматься над следующими словами столоначальника губернского правления Н. П. Зайчикова: «Желал бы, чтобы в людях, облеченных властью, было побольше сердца, чтобы они умели отличать настоящее зло от кажущегося, чтобы умели ценить людей, которые служат 40 лет, никого не обижая, не притесняя, окруженные любовью и доверием всех близких к ним людей... умели бы оценить в нем настоящую честность, хотя и несогласную в формах с их собственной»²⁵. А бывало перед новыми выборами уездный предводитель, мечтая о повышении, старался поддержать расположение дворян любыми способами. Зимой он жил в губернском городе, заводил знакомство, потом задавал роскошные обеды, балы, театральные представления, балет на природе, народный праздник с угощением, кулачный бой, кавалькады ночью с факелами, скачки на тройках, фейерверк, расплачиваясь за все это из своего кошелька. Многие тогда говорили: «Ох, разорится, лопнет!» А потом гости разъезжались, чтобы разносить по губернии, по своим углам и закоулкам славу и бесславие хозяина, чтобы хвалить его, злословить, насмехаться и удивляться его гостеприимству, хлебосольству, роскоши или мотовству, чтобы рассуждать и оценивать: достоин или недостоин он звания губернского предводителя дворянства. Присутствовавшие на подобных мероприятиях не раз вспоминали, что каждый претендент говорил о желании видеть свою губернию образцовой и считал своим долгом, как честный человек, при случае заявить всю правду о любом недостойном поведении должностных лиц²⁶.

Таким образом, в результате реформ, замедленными темпами проходившей модернизации, противоречивой политики царствовавших особ из династии Романовых, сохранения феодально-крепостнических пережитков, непросто складывалась повседневная жизнь в российской провинции в XIX в. Нарастание социальной дифференциации, возможность одних людей быстро приспособиться к происходившим социально-экономическим и политическим изменениям и нежелание, подчас неумение в силу разных обстоятельств, других, приводило к дальнейшему обострению противоречий в обществе. Обо всем

этом мы находим материал наряду с другими источниками и в произведениях А. А. Потехина. Конечно, к писателю и его произведениям можно относиться по-разному, но, безусловно, они написаны ярко, образно и заставляют нас сегодня задуматься над вечными проблемами России, прежде всего в контексте истории повседневности.

Примечания

¹ См.: *Лебедев Ю. В.* Потехин Алексей Антипович // Кострома: ист. энцикл. Кострома, 2002. С. 279.

² См.: *Степаненко Е. Т.* Академик по разряду изящной словесности // Жизнь замечательных костромичей, XIII–XIX вв.: краеведческие очерки. Кострома, 2003. С. 123–124.

³ См.: *Тамаев П. М.* Литературная экспедиция (по материалам произведений А. Потехина, А. Писемского, А. Островского, С. Максимова) // Провинция как социокультурный феномен: сб. науч. тр. участников VIII междунар. конф., Кострома, май 2000 г. Кострома, 2000. Т. 5. Ч. 1. С. 55–56, 62.

⁴ *Потехин А. А.* Этнографические очерки: Путь по Волге // Соч.: в 12 т. Т. 12. СПб., [1903–1905]. С. 20.

⁵ См.: Там же. С. 21–22.

⁶ См.: Там же. С. 10.

⁷ См.: Там же. С. 7–8.

⁸ См.: Там же. С. 31–33.

⁹ *Потехин А. А.* На-миру: повесть: в 2 ч. // Соч. Т. 6. С. 337.

¹⁰ *Он же.* Деревенские мироеды. Дедушка Николай Иванович // Соч. Т. 12. С. 207–209, 210.

¹¹ *Он же.* На-миру // Соч. Т. 6. С. 338–339.

¹² См.: Там же. С. 345, 388–389, 404.

¹³ См.: *Потехин А. А.* Бедные дворяне: роман // Соч. Т. 4. С. 38–39; *Он же.* Тит Софронов Козонок: повесть из народного быта // Соч. Т. 1. С. 3–4.

¹⁴ *Он же.* Бурмистр: повесть // Соч. Т. 1. С. 161, 175; *Он же.* Бедные дворяне // Соч. Т. 4. С. 97, 276.

¹⁵ *Он же.* Тит Софронов Козонок // Соч. Т. 1. С. 18, 19, 21, 29; *Он же.* Бедные дворяне // Соч. Т. 4. С. 200, 264, 334, 362, 459; *Он же.* Хворая: повесть // Соч. Т. 6. С. 191, 204; *Он же.* Мишура: комедия в 4-х действиях // Соч. Т. 9. С. 356; *Он же.* Чужое добро впрок не идет: драма // Соч. Т. 9.

¹⁶ *Он же.* Т. 1. С. 3, 10, 18, 23, 35, 62, 64, 65, 67, 85, 130, 169, 285, 288; Т. 4. С. 456; Т. 6. С. 105, 114, 366, 338, 414; Т. 9. С. 371; Т. 12. С. 23, 35, 36.

¹⁷ *Он же.* Бедные дворяне // Соч. Т. 4. С. 498–499, 510.

¹⁸ *Он же.* Тит Софронов Козонок // Соч. Т. 1. С. 63–64, 65.

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ См.: Там же. С. 73, 76, 95, 96.

²¹ См.: *Потехин А. А.* Забавы и удовольствия в городке. Очерки провинциальной жизни 40-х гг. XIX в. // Соч. Т. 1. С. 284 – 285, 287, 288, 313.

²² См.: Там же. С. 316–317, 318, 335–336, 344–345, 354, 356, 362, 364.

²³ См.: *Потехин А. А.* Хай-девка: повесть // Соч. Т. 6. С. 100, 108–109; *Он же.* Бурмистр // Соч. Т. 1. С. 130.

²⁴ *Он же.* Мишура // Соч. Т. 9. С. 391, 394, 397, 418, 419; *Он же.* Бедные дворяне // Соч. Т. 4. С. 58, 281.

²⁵ *Он же.* Мишура // Соч. Т. 9. С. 417.

²⁶ *Он же.* Бедные дворяне // Соч. Т. 4. С. 187, 188–189, 256, 499, 509.

Н. С. Майорова

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ДЕЛО ЕПИСКОПА
ОРЕНБУРГСКОГО И ПЕРМСКОГО КОНСТАНТИНА (КОРОВИНА)**

Правительством и государственной церковью старообрядчество – «расколо-сектантство» – в течение всего XIX в. практически без изменений рассматривалось в качестве серьезнейшего конкурента и как следствие этого жесточайшего врага. Последовательно государственной властью предпринимались шаги к ограничению деятельности и подрыву жизнеспособности старообрядцев. В особенности это касалось всяческих препятствий к поставлению священнослужителей, поскольку часто старообрядцы «переманивали», привлекали на свою сторону священников синодальной церкви. В 1822 г. правительство Александра I издало запрет на присоединение к старообрядчеству священников и диаконов новообрядческой церкви, но искоренить сам его факт все же не смогло. В целях сбора и систематизации информации о старообрядцах, беглых священниках, принятия адекватных мер к запрещению пропаганды и распространению их учения повсеместно были учреждены губернские секретные совещательные комитеты о раскольниках.

Собственной иерархической организации старообрядческая церковь в силу известных причин была лишена. В царствование императора Николая I меры в отношении бегствующего священства были еще более ужесточены. В 1846 г. на территории Австрийской империи была основана Белокриницкая иерархия, которую возглавил митрополит Амвросий. Это событие знаменовало восстановление старообрядческой трехстепенной иерархии и делало вполне реальным поставление на епископские и священнические кафедры заслуживающих доверия и уважения кандидатов. После учреждения Белокриницкой митрополии перед старообрядцами, приемлющими священство, стояли задачи организации нового иерархического управления в России, объединения приходов и организации епархий, поставление на епископские кафедры епископов и рукоположение священников. В 1846–1865 гг. было поставлено 24 архиерея.

Оформление Белокриницкой иерархии едва не спровоцировало дипломатический конфликт, поскольку правительство Николая I предъявило Австрии жесткое требование закрыть Белокриницкий монастырь, воспрепятствовать деятельности митрополита Амвросия и выдворить его из страны. Святейший Синод в свою очередь обратился к константинопольскому патриарху с требованием возвратить митрополита Амвросия под его начало или запретить митрополита в священнодействии. Когда предпринятые усилия не дали желаемого результата, власти стали препятствовать проникновению в Россию рукоположенных священников и подрыву авторитета митрополита Амвросия. Через издание многочисленных миссионерских брошюр, журналов, газет и листовок, организацию публичных бесед миссионеров со старообрядческим населением

распространялись слухи, что митрополит Амвросий крещен обливательно (в соответствии с католическим каноном); что он запрещен в священнодействии и только за деньги продан старообрядцам и т. д. В 1853 г. было совершено рукоположение архиепископа Владимирского и всея России Антония (Шутова), который с 1857 г. стал фактическим главой русских старообрядцев и в 1863 г. был возведен в сан архиепископа Московского и всея России. Под управлением архиепископа Антония было организовано 12 епархий: Московско-Владимирская, Нижегородско-Костромская, Казанско-Вятская, Самарско-Симбирская, Саратовско-Астраханская, Уральско-Оренбургская, Пермская, Тобольско-Сибирская, Донско-Кавказская, Балтовко-Киевская и Новозыбковская, Измаильско-Бессарабская и Калужско-Смоленская.

Жесточайшие меры были предприняты в отношении иерархов старообрядческой церкви. В ходе первого периода Крымской войны (1853–1856 гг.) на занятых русскими войсками территориях в апреле 1854 г. были арестованы и препровождены в Россию архиепископ Славский Аркадий и епископ Тульчинский Алимпий. Епископы содержались в Суздальской тюрьме в строжайших условиях по высочайшему повелению без какой-либо связи со старообрядцами и вообще внешним миром. 16 октября 1858 г. в Киевской губернии был пойман третий старообрядческий епископ Конон Новозыбковский. В 1859 г. на Юговском заводе Кнауфа был арестован епископ Геннадий Пермский. Оба по распоряжению императора Александра II также помещены в Суздальскую тюрьму в 1859 г. и 1863 г. соответственно. Епископ Геннадий провел в одиночном заключении 18 лет, епископ Конон – 23 года, архиепископ Аркадий – 27 лет. Перед властями ставилась цель ареста и архиепископа Антония, за короткий период поставившего несколько епископов и более 50 священников.

Последовали также запрещения на рукоположение священнослужителей и совершение старообрядцами публичных богослужений. Так, в 1856 г. попечители Рогожского кладбища (в связи с имевшими там место событиями¹) были вынуждены дать подписку в получении высочайшего повеления о том, что «желание их иметь священников независимо от архиерея никогда не будет принято правительством, как противное законам церкви и государства, и что им остается присоединиться к церкви или безусловно, или на правилах единоверия»². Хотя императорское повеление касалось только Рогожских часовен в Москве, вполне правомерно проецировать его и на старообрядцев в масштабе всей страны.

Гонения продолжались вплоть до конца 1850-х гг., когда старообрядческое духовенство получило право проводить богослужения в Москве в моленных частных лиц. В соответствии же указом 1862 г. императора Александра II старообрядческое духовенство было временно освобождено от преследований. Фактически же указ этот истолковывался представителями местных властей превратно и не только не ознаменовал собой прекращение репрессий в отношении старообрядческих священников, но содействовал их ужесточению. Ярким проявлением государственной политики в отношении старообрядцев в 60-е гг. XIX в. стала судьба духовенства Пермской епархии, в частности

епископа Константина (Коровина)³, – «дедушки» как в целях конспирации и в знак любви и уважения его называли близко знавшие люди.

Со стороны властей старообрядцы подвергались жесточайшим преследованиям, чинились препятствия к публичному осуществлению богослужбной деятельности и рукоположению священников, было запрещено открывать церкви и моленные, за лицами, подозреваемыми в том, что они принадлежат к старообрядческому духовенству⁴, с целью ареста устанавливались надзор и слежка. Хотя некоторое время старообрядцы чувствовали себя в относительной безопасности в соответствии с «царским повелением, ограничивавшим меру преследования только наблюдением за неотправлением богослужения публично, не касаясь того, что делается внутри домов»⁵, вскоре последовали серьезные нарушения царского указа.

Так, первая попытка ареста епископа Константина была предпринята 15 марта 1864 г. на Нижнетагильском заводе. Самого ужасного исхода событий удалось избежать почти случайно. Доверенное лицо епископа М. К. Ушаков писал, что владыка Константин и сопровождавший его диакон Феодосий вышли из комнаты буквально за несколько минут до того, как в нее ворвался становой пристав и его помощники. Но поскольку свидетельства правонарушения были налицо – духовное лицо в полном священническом облачении, богослужбные предметы и переносной престол – оставшийся в помещении архимандрит Викентий (Василий Михайлович Носов) все же был арестован. Митра, соборная мантия, Евангелия, наперстный и на престольный кресты, один архиерейский и четыре священнических служебника, трикирии и дикирии и т. д. были изъяты. За арестом архимандрита последовали многочисленные обыски. В своем письме главе старообрядцев архиепископу Антонию (Шутову) архимандрит Викентий расценивал происшедшее с ним как великое искушение: «Взяли меня в Тагиле, у Чаусова купца, в домово́й церкви, облачения, в которых служил Константин, и священническо, и диаконско, и меня считают потому епископом. Несмотря на мои оправдания»⁶. Архимандрит жаловался также на жесткие условия содержания, хотя приезжавший к нему для беседы о религии губернатор разрешил прогулки, но под охраной солдата. Важность для властей ареста архимандрита Викентия подтверждалась не только личным визитом к нему губернатора, но и отправкой его дела в Синод. Последний настаивал на вызове арестованного в столицу для выяснения. Для того чтобы дискредитировать Викентия в глазах старообрядческого сообщества, представители государственной власти и государственной же церкви прибегли к распространению и муссированию слухов о переходе архимандрита в единоверчество. «Составили ложь, дабы могли наших обмануть, чтобы они им сказали, кто я», – утверждал архимандрит. Оправдываясь перед своим духовным главой, он настаивал на том, что заговаривался и не мог складно излагать свои мысли, вследствие чего его оппоненты и решили, что перешел он в единоверчество, просил же архиепископа Антония не столько за себя, сколько за старообрядческую Церковь: «напишите помягче для оправдания», «сочините получше, это для всех полезно»⁷. Во второй половине 1864 г. архимандрит Викентий обрел свободу.

3 мая 1864 г. воинской командой под начальством уездного исправника в Верхнетагильском заводе в своем доме все-таки был арестован епископ Оренбургский и Пермский Константин. При нем были взяты епитрахиль и поручни, адресованные ему письма – все, явно указывающее на его сан и уличающее его. Сведения, прямо указывающие на сан «дедушки» содержались и в показаниях архимандрита Викентия и бывшего иеродьякона Феодосия. Последний в свое время был рукоположен именно епископом Константином, а «при уходе своем от епископа Саватия похитил все бумаги, в числе коих были некоторые, подписанные епископом Константином» – соборные бумаги, письма прихожан и т. д.⁸. Епископа поместили в секретную часть тюремного замка г. Перми, а в июле перевели в г. Екатеринбург. Он содержался под усиленным караулом, был лишен возможности совершать прогулки и видаться с кем бы то ни было. Сам епископ писал, что держат его строже, чем политического преступника. По слухам, епископ был доставлен на допрос к губернатору. На задаваемые ему вопросы о сане епископство свое отрицал. Этим в связи с несомненными доказательствами обратного, вероятно, усугубил собственные злключения. «Я, – писал епископ Константин архиепископу Антонию, – уже пришел в крайнее изнеможение как в перенесении бедствий, так и во всех потребностях. Здесь пребывание самое душепагубное и несносное, и потому необходимо нужно охлопатывать свободу, но, претерпевая многократное разорение, я весьма истощился и оскудел»⁹. Дело епископа велось с «величайшей медлительностью», а затем было переправлено для рассмотрения министру.

15 мая был схвачен и епископ Саватий, но ему удалось скрыться. 22 июня 1864 г. Духовный совет назначил его временно управляющим Пермско-Оренбургской епархией.

Со своей стороны старообрядческое сообщество предпринимало весьма недюжинные усилия если не для освобождения, то хотя бы для облегчения участи епископа Константина. Между епархиями и Рогожской архиепископией существовала хорошо отлаженная прочная связь. Информация и самые последние сведения о печальном состоянии епископа Константина передавались через нескольких адресатов с тем, чтобы в конечном итоге они дошли до архиепископа Антония (письмо С. М. Хребетикова к Е. Р. Самыкову, в котором изложены некоторые подробности ареста Константина, содержит просьбу донести к сведению об их стесненном положении «кому следует»). Даже в случае изъятия одного письма, оставалась надежда, что направленные по другим каналам все же будут доставлены. Чтобы несколько завуалировать содержание и истинный смысл письма и воспрепятствовать попаданию информации к недображелателям, использовались некоторые сокращения.

Видные старообрядцы – попечители в Петербурге и Москве – должны были воспользоваться всеми доступными им средствами и направить обращения в комитет министров и Св. Синод. Архиепископ Антоний поручил екатеринбургскому купцу старообрядцу С. М. Хребетикову «подать прошение от общества министру с объяснением, что епископ публичного богослужения не совершал и взят без всякой вины, а что Вам без епископа быть невозможно».

Под прошением следовало собрать возможно большее число подписей и направить означенному представителю власти¹⁰. Купец Чаусов совершил поездку в Петербург, но ходатайство его об облегчении участи архимандрита Викентия осталось без удовлетворения. С прошением старообрядцы г. Перми рекомендовали обратиться и престарелому отцу епископа Константина, считая, что его преклонный возраст, физические немощи и бытовые трудности послужат серьезным аргументом для освобождения сына. Большие надежды возлагались и на авторитет архиепископа Антония. Епископ Константин адресовал ему следующую просьбу: «не оставьте приложить усердное Ваше старание хлопотать освобождение нас, последить за поданными просьбами министру от моего родителя. И принести просьбу от нас благочестивому христианскому сословию, преподать нам по силе всякого помощь в необходимой потребности денег. Как для расходов на охлопотание здесь и на содержание домашних моих и других неимущих и сиротствующих, коих я наблюдал»¹¹.

Сам епископ Константин и за него Духовный совет (в лице архиепископа Антония, епископов Пафнутия и Саватия) в 1865 г. несколько раз обращались за финансовой поддержкой на разные необходимые расходы к московским старообрядцам.

Участь епископа Константина усугублял отказ, даже под грузом неопровержимых улик, признать свой епископский сан. Серьезные проблемы это ставило и перед защитниками «дедушки», поскольку ходатайствовать о нем как о епископе было невозможно. Именно по этой причине имя епископа Константина не было возможности упомянуть в направленном московским обществом высшим властям прошении о заключенных в тюрьме Спасо-Ефимиевского монастыря старообрядческих архиепископе Аркадии, епископах Кононе и Геннадии. Лично архиепископ Антоний и Духовный совет неоднократно и очень настоятельно убеждали епископа Константина признать себя в том звании, которое на него «Божественною благодатию возложено». Епископ совету не внял, оправдываясь перед архиепископом: «...силы моей на то недостает, и не нахожу способности, и не предвижу ничего полезного»¹².

Только летом 1866 г. епископ Константин был освобожден из тюрьмы, но следствие по делу продолжалось, а положение его и как лица духовного, и как члена общества было весьма неопределенным. Сознывая это, епископ написал письмо архиепископу Антонию, в котором не только сообщал об освобождении и возвращении в «первобытное состояние», но и просил прощения, благословления и разрешения. Ответ последовал не лично от архиепископа, но от Духовного совета. Члены совета расценили письмо епископа Константина, как «желание получить о себе определение, в каком звании и действии» ему должно оставаться. Поскольку «дело... по светского оного производству еще не получило совершенного окончания, и будет ли... возможность исполнять обязанности своего звания – о том в настоящее время неизвестно, а потому... делать соборное рассмотрение... делу есть преждевременно»¹³. Кроме того, было приведено 62-е апостольское правило, в соответствии с которым отказ духовного лица от своего сана ведет к принятию его вновь в лоно церкви по раскаянию

как мирского человека. Епархия осталась во временном управлении епископа Саватия, Константину предоставлена возможность совершения богослужений в домовая церкви, в келье и без огласки, и принятия исповеди у духовных детей. Испытав серьезное душевное потрясение, епископ Константин опасался дальнейшего преследования со стороны властей и сам отказывался от управления епархией. Он горестно писал епископу Саватию: «Мое здоровье весьма слабо, и до Екатеринбурга невозможно съездить, а проживание все одинаково в стеснении... Всюду донесение и караулы со стороны духовенства, и даже решаются подсылы делать на поджог моего дома, желают совершенно истребить от земли живых»¹⁴. Саватий по поводу этих строк высказал мнение, что решение Духовного совета будет принято Константином весьма благосклонно.

Позднее все-таки приняв на себя управление епархией, епископ Константин редко выезжал из Тагила, как полагал его биограф протоиерей В. Сюткин, вследствие данной подписки или запрещения полиции. Представляется, что причина была несколько иной – епископ испытывал серьезные материальные затруднения¹⁵ и, вероятно, недостаток денежных средств для длительных поездок. Ощущал епископ и чрезвычайно высокое к себе внимание со стороны благочинного, приходского священника и миссионера. Последний получал сведения о корреспонденции, поступающей для епископа, даже если она приходила на имя доверенных лиц. Доносы на Константина направлялись пермскому архиерею, который в свою очередь имел возможность подтолкнуть пермского губернатора к решительным действиям в отношении старообрядцев.

В целом же судьба епископа Константина весьма показательный пример отношения государственной власти к старообрядческому духовенству. Методы «борьбы» с ним были многообразны, но в разной степени эффективны – аресты, прямое давление, запреты в служении, серьезные препятствия к осуществлению богослужebной деятельности. Склониться под нажимом могли многие, но только единицы шли на это.

Примечания

¹ См.: Юхименко Е. «Из истории Рогожского кладбища»: возвращаясь к документам // Церковь. 2005. Вып. 7. С. 5–11.

² Там же.

³ Епископ Константин (Козьма Сергеевич Коровин, род. 1 ноября 1816 г. или в 1820-е гг., ум. 18 сентября 1881 г.). В молодости занимал должность писаря в заводской конторе. Рукоположен во священника епископом Пермским Геннадием, принял постриг 8 декабря 1862 г. был рукоположен епископом Казанским Пафнутием во епископа Оренбургского и Пермского.

⁴ Священство старообрядцам было запрещено.

⁵ Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах: Приложение к журналу «Церковь». 2005. Вып. № 2. С. 42.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 47–48.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 48.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Приход епископа Константина в 1870-е гг. составлял всего 10 домов и семейств. В ходе обыска в 1864 г. у епископа были изъяты 30 книг и 83 иконы. Позднее было принято решение возвратить сначала часть, а затем все изъятое имущество владельцу. Волокита с земской полицией и даже обращение к обер-прокурору Синода, постановившему вернуть изъятое, книги и иконы стоимостью 1,5 тыс. рублей к владельцу так и не вернулись.

М. Ю. Баркова

**ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА
(ПО ОЧЕРКУ А. Ф. КОНИ)**

Человек всего более должен учиться милосердию,
потому что оно-то и делает его человеком.

Святитель Иоанн Златоуст

Наследие знаменитого юриста, общественного деятеля второй половины XIX в. Анатолия Федоровича Кони составляют не только судебные речи, объединенные в сборники «На жизненном пути», «Отцы и дети судебной реформы» и выдержавшие несколько изданий, но и труды несудебного содержания, которые автор объединил в 1906 г. в книге «Очерки и воспоминания». Данное издание содержало очерки и воспоминания о представителях Дома Романовых, часть их вошла в современное собрание сочинений в 8 томах (последний том издан в 1969 г.), за исключением тех, которые написаны с особой благодарностью к представителям Дома Романовых, что объясняется временем издания собрания сочинений.

Эти очерки затем вошли в юбилейное 6-томное издание «Великая реформа», вышедшее в 1910–1911 гг. в издательстве И. Д. Сытина, приуроченное к пятидесятилетию отмены крепостного права. Издание иллюстрировано работами известных русских художников. В нем дана история России в описании жизнедеятельности государей и государынь великой державы, полководцев, политических деятелей и деятелей культуры. Здесь же и очерк Кони о великой княгине Елене Павловне.

Для Кони личность великой княгини притягательна своим великим милосердием. Даже в юриспруденции милосердие, считал Кони, более высокое благо, нежели механическое следование букве закона.

Впервые о своей работе над биографией великой княгини Кони упоминает в письме от 4 июня 1903 г. к Семену Афанасьевичу Венгеру, историку литературы и библиографу, редактору сборника «Главные деятели освобождения крестьян»¹. Кони пишет о статье, предназначенной для этого сборника: «Вот статья об Елене Павловне, доставившая мне массу труда ввиду необходимости

подбирания материалов как мозаики, да и трудности самого сюжета. Я сократил статью, сколько мог, и все-таки она, вероятно, составит листа 1½ печатных. Но предмет этого стоит. Изучая жизнь и деятельность этой замечательной женщины, я убедился, что она была главною и, во всяком случае, первою пружиною освобождения крестьян»².

В 1856 г. великая княгиня выступила с инициативой освобождения крестьян в своем имении Карловка Полтавской губернии, обратившись к помещикам Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губерний с призывом содействовать выработке общих оснований их освобождения, то есть содействовала освобождению крестьян не так своим влиянием на Александра II, как личным примером.

За свою деятельность по освобождению крестьян великая княгиня была награждена Александром II золотой медалью «Деятелю реформ».

В письме к Александре Алексеевне Чичериной, супруге Бориса Николаевича Чичерина, историка русского права, философа, публициста, профессора Московского университета, московского городского головы (1882–1883 гг.) от 1 марта 1907 г. Кони пишет о продолжении работы над биографией великой княгини: «Как мне больно думать, что мое назначение в Гос[ударственный совет] прервало мои работы о в[еликой] к[нягине] Елене Павловне...»³. 1 января 1907 г. Кони назначен членом Государственного совета. Пишет об этом позднее писательнице и историку литературы Варваре Дмитриевне Комаровой (урожденной Стасовой), писавшей под псевдонимом В. Каренин: «Пишу я уже давно большую биографию великой княгини Елены Павловны и боюсь, что Государственный совет или смерть не дадут мне возможности ее окончить»⁴.

«Самообладание и верность себе в испытаниях, скорбях и разочарованиях, посылаемых жизнью, твердость и настойчивость в достижении ясно намеченной цели и отсутствие упадка духа и уныния при препятствиях к этому – несомненно, являются признаками сильного характера. Если затем эти цели возвышенны и стремление к ним вытекает из чистого источника деятельной любви к людям, то мы имеем дело не только с сильным, но и с нравственно-высоким характером», так характеризует Кони характер великой княгини⁵.

Большую часть своей работы Кони посвящает основанию великой княгиней в 1853–1856 гг. Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. Небольшая предыстория создания общины.

В 1847 г. известный русский хирург Николай Иванович Пирогов был командирован на Кавказ для указания мер по устройству военно-полевой медицины, для помощи раненым и применения новых хирургических способов в широком масштабе, таких как анестезирование и твердая (неподвижная) крахмальная повязка, применяемая при сложных переломах конечностей, впоследствии замененная на гипсовую повязку. Проведенные им в самых трудных условиях девять месяцев, на протяжении которых он большей частью стоял на коленях перед ранеными, делая операции, дали ему богатый опыт по обезболиванию посредством эфира. Однако по возвращении его ждал недружелюбный прием военным министром, князем Чернышевым. Пирогов вспоминает

об этом в своем письме к баронессе Э. Ф. Раден от 27 февраля 1876 г.: «...утомленный мучительными трудами, в нервном возбуждении от результата своих испытаний на поле битвы, я велел о себе доложить военному министру, почти тотчас по своем приезде, и не обратил внимания, в каком платье я к нему явился. За это я должен был выслушать резкий выговор насчет моего нерадения к установленной форме... Я был так рассержен, что со мной приключился истерический припадок...»⁶. Узнав об этом приеме и о решении Пирогова покинуть Россию, великая княгиня пригласила Пирогова к себе, выразив особое уважение, заинтересовалась результатами «анестизаций на поле сражения».

В 1854 г. над Россией разразилась «травматическая эпидемия», как называл Пирогов войну. Великая княгиня Елена Павловна решила организовать женскую помощь больным и раненым на поле битвы, предложив Пирогову самому избрать медицинский персонал. Ею было обнародовано воззвание ко всем русским женщинам, не связанным семейными обязанностями, с призывом о помощи больным и раненым. «Там, где “травматическая эпидемия” неизбежна, ум и сердце мыслящего и чувствующего человека неизбежно должны вступать во вражду. Человеческий ум, в этих случаях, напрягает все усилия на истребление, на избрание способов вызвать возбуждение слепой храбрости, – человеческое сердце взывает к пощаде, к милосердию; оно мимолетному опьянению безумной отваги противопоставляет постоянный подвиг, вырывает из рук смерти губительную косу и заменяет ее, по прекрасному выражению Баратынского, оливой мира, и в виду врагов напоминает о страждущих братьях. Кто мог осуществить высокую задачу, требующую терпения и нежности, самозабвения в упорном труде и неослабной внимательности к насущным мелочам? Женщина... понимавшая, что высшее и лучшее призвание женщины в жизни – иногда исцелять, часто помогать и всегда облегчать»⁷.

План создания общины встречал насмешки и противодействие со стороны высшего военного начальства, боявшегося нарушений военной дисциплины, но, благодаря настойчивости Елены Павловны, 25 октября 1854 г. был утвержден Устав Красновоздвиженской общины, разработанный священником А. Гумилевским. Великая княгиня обратилась к русским женщинам с призывом отдать для облегчения страждущих защитников родины свой труд и заботу. Для креста, который предстояло носить сестрам, Елена Павловна выбрала Андреевскую ленту. На кресте были надписи: «Возьмите иго Мое на себя» и «Ты, Боже, крепость моя». Свой выбор Елена Павловна объяснила тем, что только в смиренном терпении крепость и силу получаем мы от Бога.

Л. Н. Толстой, побывавший во время обороны Севастополя в 1854–1855 гг., наблюдавший жуткие картины кровавых схваток, в «Севастопольских рассказах» так описывает работу сестер: «Сестры, со спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами»⁸.

В страницы истории Красновоздвиженской общины вписано «не только самоотверженное, доходившее до геройства и личной гибели, облегчение страданий раненым и умирающим, но и светлое нравственное утешение, которое сестры вносили в угасавшую жизнь безвестных защитников Севастополя»⁹. Деятельность сестер «проявила в ярком свете способность русской женщины совершать с трогательной простотою и душевным величием подвиги самоотречения и любви и показала правоту великой княгини, столь уверенной в успехе нового дела, которому она отдалась всей душой... Все время, пока сестры находились на театре военных действий, она мыслью и душой была с ними и с несчастными страдальцами, которых они должны были облегчать»¹⁰.

Великой княгиней учрежден клинический институт, который дал возможность врачам, окончившим курс и начавшим врачебную практику, слушать лекции по интересующим их специальным предметам и знакомиться с новыми успехами и современным состоянием медицины. Позднее он был переименован в Еленинский клинический институт.

В 1873 г. образовано особое ведомство учреждений великой княгини Елены Павловны, в состав которого входили: училище святой Елены, Марининский институт, Повивальный институт, бесплатная Елизаветинская клиническая больница для малолетних детей бедных родителей, Максимилиановская лечебница для приходящих, Крестовоздвиженская община сестер милосердия, при которой, кроме больницы, имелась еще лечебница для приходящих больных и бесплатная школа для 30 девочек, в которой ученицы бесплатно получали обед и учебные пособия. В 1875 г. Кони был назначен членом совета управления учреждений великой княгини Елены Павловны. Позднее, в связи упразднением ведомства, община перешла в ведение Российского общества Красного Креста. Анри Дюнан, основатель Международного комитета Красного Креста говорил, что если сегодня Красный Крест охватывает мир, то это благодаря примеру, поданному во время войны в Крыму Ее Императорским Высочеством великой княгиней Еленой Павловной.

Пример ее жизни показывает, что великая княгиня была великой не только по титулу, а по сути ее высокой души и высокого ума. Черты ее характера – религиозность, милосердие, всемирная отзывчивость, оптимизм, проявляющийся в вере в способности человека, в его опыт, мастерство и умение преодолевать жизненные трудности, и привлекли внимание Кони для написания очерка об этой достойнейшей представительнице Дома Романовых.

«Чужестранка, умевшая стать гораздо более, “чем многие по крови нам родные”, искавшая и защищавшая своим благородным сердцем выдающихся людей... она заслуживает самой благодарной, а ввиду ее настойчивой деятельности для отмены крепостного права – даже умиленной памяти. Духовно приближая к себе талантливых трудолюбцев на всех поприщах знания или искусства, она, не щадя усилий, а иногда и материальных жертв, умела, по выражению одного из современников, “подвязывать им крылья”, когда у них не хватало сил развернуться во всю ширь или когда они бессильно опускались в минуты невольного отчаяния»¹¹.

Примечания

- ¹ Главные деятели освобождения крестьян /под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1903. С. 21–23.
- ² Кони А. Ф. Собрание сочинений. М. : Юрид. лит., 1969. Т. 8. С. 193.
- ³ ГБЛ. Ф. 334. К. 15. № 5.
- ⁴ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 8. С. 246.
- ⁵ Анненский Н. Ф. Великая реформа. Т. 5, М., 1910–1911. С. 14.
- ⁶ Пирогов Н. И. Сочинения. Т. 2. СПб., 1887. С. 501–502.
- ⁷ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 210.
- ⁸ Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. Севастополь в мае. М. : Просвещение, 1987. С. 33.
- ⁹ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 213.
- ¹⁰ Анненский Н. Ф. Великая реформа. С. 19–20.
- ¹¹ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 208.

В. В. Денисов

**НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЕЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Важное место в системе управления РПЦ занимали настоятели монастырей, которые занимались не только административной и хозяйственной деятельностью, но и осуществляли духовное руководство обителью. В зависимости от статуса монастыря и собственного положения в церковной иерархии должности настоятелей могли иметь разные названия: в мужских – настоятель, строитель, игумен и архимандрит, а в женских – настоятельница и игуменья.

В исследуемый период на территории Верхнего Поволжья можно обнаружить биографические сведения о настоятелях как мужских, так и женских обителей. Начать изучение вопроса следует с мужских монастырей Тверской епархии. В качестве примера можно привести «Послужной список настоятеля Николаевского Клобуковского монастыря архимандрита Иоанникия (Михайлова) за 1919 год»¹. Мирское имя настоятеля Иаков Михайлов, он родился 1859 г. в крестьянской семье, холост. Образование получил в земской школе. 29 июня 1885 г. Иаков поступил в число братии Калязинского Троицкого монастыря, где и принял монашеский постриг в 1890 г. В 1891 г. он был рукоположен в диакона, в 1892–1894 гг. являлся ризничным диаконом, а с 1893 г. – иеромонахом.

8 января 1894 г. Иоанникий (Михайлов) определен казначеем Калязинского Троицкого монастыря. За свои заслуги перед РПЦ 1 февраля 1896 г. он был награжден набедренником. В 1893 г. по причине серьезного заболевания ему пришлось уволиться от должности. Однако 13 сентября 1903 г. Иоанникий (Михайлов) определен казначеем Кашинского Николаевского Клобукова монастыря. В 1908 г. он был удостоен благословения Святейшего

синода, в 1909 г. – награжден наперсным крестом Святейшего синода. С 16 февраля 1909 г. исправлял должность настоятеля Клобукова монастыря, а 12 июля 1910 г. возведен в сан архимандрита.

В Ярославской епархии к числу наиболее известных настоятелей Ростовского Борисоглебского монастыря относится архимандрит Антоний (Павловский). Его мирское имя Алексей Никитич Павловский². Его точная дата рождения неизвестна, но, возможно, он родился около 1810 г. По окончании семинарии в 1837 г. Алексей стал священником Успенской церкви г. Углича, сменив на этой должности своего тестя протоиерея Федора Федорова.

После смерти жены в 1852 г. он принял монашество под именем Антоний и был назначен на должность казначея Ярославского архиерейского дома. В 1856 г. последовала очередная перемена в жизни Антония (Павловского) – он получил назначение настоятелем Пошехонской Исаковой пустыни. В этой обители он прослужил до 1864 г., когда по указу из Святейшего Правительствующего синода от 1 июля 1864 г., в соответствии с представлением архиепископа Нила был переведен в Угличский Покровский монастырь с возведением в сан архимандрита, сменив на этой должности прежнего настоятеля архимандрита Евангела, переведенного в Угличский Алексеевский монастырь³. Возглавляя вышеуказанные обители этот настоятель большое внимание уделял их благоустройству, проводил ремонтные работы, а также занимался изучением истории обителей.

В Покровском монастыре Антоний (Павловский) служил до 1881 г., пока в соответствии с указом Святейшего синода от 27 апреля того же года не стал настоятелем Ростовского Борисоглебского монастыря, одной из самых известных и крупных обителей Ярославско-Ростовской епархии⁴. Месяц спустя, 23 мая 1881 г., он получил назначение благочинным над ростовскими мужскими и женскими монастырями. Но пребывал Антоний (Павловский) на этих должностях недолго, поскольку находился в преклонном возрасте. Скончался он, вероятно, в начале 1882 г.

Среди настоятелей Костромской епархии стоит упомянуть о настоятеле Николо-Бабаевского монастыря архимандрите Иустине (Татаринове). В миру он был известен как Иван Григорьевич Татаринов, родился в Петербурге, из мещан, получил домашнее образование⁵. В 1840 г., желая подготовиться к монашеской жизни, поступил в Староголутвин монастырь Московской епархии. Семью годами позже он был переведен в Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом, где своим поведением и природными дарованиями обратил на себя внимание ее настоятеля архимандрита Игнатия (Брянчанинова). На уникальный по красоте и объему голос (тенор) молодого послушника обратил внимание великий русский композитор М. И. Глинка, который сделал из него прекрасного духовного регента и певца. Следуя за своим духовным наставником, назначенным на кафедру Кавказскую и Черноморскую, некоторое время служил экономом Кавказского архиерейского дома.

После кончины епископа Игнатия (Брянчанинова) архимандрит Иустин (Татаринов) в октябре 1867 г. был утвержден Святейшим синодом в должности

настоятеля Николо-Бабаевского монастыря⁶. Прежде всего, он сосредоточил свои усилия на завершении строительства Иверского храма, поскольку из-за пожара, случившегося в обители 26 января 1870 г., сроки работ существенно затянулись. Однако настоятель организовал в Москве и других местах сбор средств, которых хватило на подготовку храма к освящению в сентябре 1877 г. Затем Иустин (Татаринов) завершил отделку нижней церкви, средний престол которой был освящен в честь Рождества Христова, а придельный – во имя Сретения Господня и священномученика Игнатия Богоносца. При нем также был построен новый двухэтажный каменный корпус в восточной части монастыря для помещения братии.

Архимандрит Иустин (Татаринов) был удостоен архипастырского благословения за «подвиг по спасению погибавших в Волге», благословения Святейшего синода и высочайшей благодарности. Он являлся кавалером всех служебных наград до ордена Святой Анны II степени включительно, а также ордена Святого Владимира IV степени, знака Красного Креста и других, пожизненный член Костромского Феодоровско-Сергиевского братства, служил также благочинным епархиальных монастырей. Как знаток и любитель церковного пения, Иустин (Татаринов) много времени уделял подготовке монастырских певчих. Скончался он в январе 1890 г.⁷

Изучение биографических данных настоятелей мужских монастырей Верхнего Поволжья показало, что характер их движения по карьерной лестнице имел существенные различия. Так, деятельность ряда игуменов была связана с одним или двумя монастырями, расположенными в пределах одного или двух соседних уездов губернии. Другая часть настоятелей более активно перемещалась между различными обителями внутри одной епархии. Также в исследуемом в разное время служили игумены, имевшие опыт, полученный в других административно-территориальных единицах РПЦ. Следует отметить, что некоторые наиболее заслуженные настоятели монастырей Верхнего Поволжья могли быть возведены в архиерейский сан. Так, одним из указов Святейшего синода от 1841 г. предписывалось быть епископом Томским и Енисейским Толгского Первоклассного монастыря архимандриту Афанасию⁸.

Несколько примеров биографий настоятельниц женских монастырей. Среди церковных деятелей Тверской епархии хорошо была известна игуменья Антония (Мезенцова). Игуменья Антония Кашинская, в миру Александра Павловна Мезенцова, родилась 5 ноября 1814 г. в с. Высокое Угличского уезда Ярославской губернии, в дворянской семье⁹. В 1818 г. после посещения мощей святителя Димитрия Ростовского она излечилась от паралича ног. Еще в молодые годы Александра выражала желание принять постриг, однако братья и сестры удерживали ее от этого шага. В 1837 г. она поступила в Суздальский Покрова Богородицы монастырь, но двумя годами позже по настоянию родственников перевелась в Кашинский Сретенский монастырь. В 1848 г. приняла постриг в рясофор под именем Антония. В 1849 г. распоряжением архиепископа Тверского Гавриила (Розанова) ее назначили начальницей Тверского приюта для девочек духовного звания. В 1850 г. Антония вернулась в Кашинский

Сретенский монастырь, а в 1854 г. приняла постриг в мантию. Несмотря на стремление к уединенной жизни, через год она была назначена настоятельницей монастыря с возведением в сан игуменьи.

Настоятельница Антония много времени уделяла благоустройству вверенной ей обители, завела скотный двор, построила кирпичный завод. При заводе вскоре была основана пустынь, включавшая в себя кладбищенский храм, освященный во имя пустынножителей Петра Афонского, Онуфрия Великого и Иоанна Лествичника, и двухэтажный корпус. На деньги благотворителей игуменья возвела церковь Казанской иконы Божией Матери, каменную часовню и школу. Также ее стараниями построены два двухэтажных каменных келейных корпуса, в которых разместились беднейшие сестры обители.

Сама игуменья Антония обладала незаурядными художественными способностями. Так, в 1843–1844 гг. она обучалась живописи, а годом позже занималась написанием икон для иконостаса строящегося в обители Троицкого храма и запрестольного Распятия. По ее указанию в монастыре было возобновлено богослужебное пение по нотам, а сестры начали обучаться иконописи. Игуменья Антония отличалась нестяжательностью, нищелюбием, при ней существенно активизировалась благотворительная деятельность монастыря. За свои труды в 1864 г. она была награждена наперсным крестом. Окружающие знали ее усердной молитвенницей и считали, что она обладает даром исцеления. Скончалась игуменья 26 января 1875 г. в г. Кашин, Тверской губернии и была погребена в часовне Кашинского Сретенского монастыря.

Не меньшим уважением в Ярославской епархии пользовалась игуменья Угличского Богоявленского монастыря Исмарагда (Воскресенская). Исмарагда (Измарагда) родилась 21 апреля 1814 г. в с. Воскресенском в Перхулове Угличского уезда Ярославской губернии¹⁰. Мирское имя – Александра Алексеевна Воскресенская. Отец дьякон церкви с. Воскресенского Алексей Григорьевич, мать Наталья Алексеевна. 5 марта 1831 г. Александра вместе с родственниками прибыла в Ярославль на ярмарку. В Казанском монастыре они посетили свою родственницу, которая являлась келейной послушницей игуменьи Маргариты. Неожиданно для родных Александра упросила настоятельницу принять ее в монастырь. Здесь она поступила в руководство к казначее Еликониде, а 30 марта 1834 г. была причислена к штату монастырских послушниц.

27 августа 1836 г. Александра переведена в число послушниц Богоявленского монастыря, где стала правой рукой новой игуменьи Еликониды. 21 ноября 1842 г. облечена рясофором и получила имя Алевтины. В 1843–1850 гг. она жила и работала на кирпичном заводе по подготовке материалов для строительства Богоявленского собора. 5 ноября 1855 г. рясофорная монахиня пострижена в мантию с именем Исмарагды. 22 апреля определена в должность казначеи монастыря.

С 10 июня 1864 г. Исмарагда настоятельница, а затем игуменья Богоявленского монастыря. Ее стараниями в обители были построены: каменная пристройка к корпусу с восточной стороны, новый двухэтажный корпус с южной стороны, двухэтажный дом и часовня в г. Рыбинске, каменные служебные

здания и другие. 19 апреля 1869 г. она награждена золотым крестом от Святейшего синода, в 1882 г. – золотым наперсным крестом из Кабинета Его Величества и серебряным знаком Красного Креста. В 1883 г. сделала вклад «на вечное время» в Алексеевский мужской монастырь за право пользования монастырским кладбищем для погребения тел умерших манатейных монахинь¹¹. Игуменья Исмарагда скончалась 30 мая 1894 г.

Интересные сведения о деятельности настоятельницы Макарьевского Решемского женского общежительного монастыря Костромской епархии Досифеи (Ипатовой) сохранились в архивном фонде монастыря¹². Она родилась в 1840 г., из крестьян Костромской губернии. Получила образование в училище при Костромском Богоявленском женском монастыре. Поступила в Костромской Крестовоздвиженский монастырь 20 марта 1858 г. В связи с закрытием обители была переведена послушницей в Костромской Богоявленский монастырь. 16 февраля 1870 г. она была пострижена в рясофор, а 22 марта 1886 г. – в мантию.

За время своего долгослужения игуменья Досифея выполняла самые разные послушания. Так, более 40 лет она служила на клиросе (1858–1900), 18 лет помогала при письмоводской и была «живописицей» (1863–1881), 12 лет являлась «письмоводительницей» и заведующей постройкой (1881–1900). 3 января 1900 г. она была настоятельницей Свято-Троицкого общежительного монастыря Галичского уезда с возведением в сан игуменьи, а 22 января 1900 г. посвящена в сан игуменьи преосвященным Виссарионом епископом Костромским. 31 августа 1901 г. ее переместили в Макарьевский Решемский общежительный монастырь на должность настоятельницы.

Заслуги игуменьи Досифеи неоднократно отмечались руководством РПЦ. Так, 6 мая 1895 г. она получила благословение Святейшего синода, 30 января 1897 г. – темнобронзовую медаль для ношения на груди на ленте из государственных цветов. 6 мая 1902 г. она удостоилась благодарности Святейшего синода с грамотой, а в 1903 г. – наперсного креста Святейшего синода.

Среди настоятельниц епархий Верхнего Поволжья имелись не только лица, показавшие себя внутри региона, но и люди, проявившие себя за его пределами. Так, игуменья Варвара (Блохина), в миру Елизавета Дмитриевна Блохина, начинала свой монашеский путь послушницей Костромского Анастасионого монастыря, куда она поступила 14 марта 1853 г. За годы пребывания в обители она стала лучшей чтицей в обители, служила помощницей уставщицы и помощницей ризничей, во время русско-турецкой войны, получив диплом сестры милосердия, ухаживала за ранеными в устроенных при монастыре эвакуационных госпиталях. В 1868 г. Елизавета Блохина была пострижена в рясофор, а 12 августа 1887 г. – в мантию с именем Варвара. В августе 1888 г. из Костромы она, как одна из лучших монахинь, была послана в местечко Иевве, где стала основательницей и первой настоятельницей монастыря на месте явления Божией Матери на Пюхтицкой (Богородичной) горе. По мнению П. Н. Зырянова, такой размах деятельности в третьей четверти XIX в. был необычен не только для Костромской епархии, но и для всей Российской империи¹³.

Изучение биографических данных настоятельниц женских обителей Верхнего Поволжья показало, что характер их продвижения по карьерной лестнице в основном был аналогичен рассмотренным выше примерам из мужских монастырей. Некоторые игуменьи были связаны с одной или двумя обителями, находившимися в пределах одного или двух соседних уездов губернии. Их другая часть более активно перемещалась между различными монастырями в пределах одной епархии. Ряд настоятельниц обладали опытом, полученным в других административно-территориальных единицах РПЦ. Главным отличием женских монастырей от мужских являлось то, что достижение сана игуменьи для женщин являлось высшей ступенью в церковной иерархии, в то время как настоятели мужских монастырей могли продолжить свое движение по карьерной лестнице на епископских должностях.

Примечания

- ¹ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.
- ² *Антоний, архим.* Угличский Покровский монастырь. 2-е изд. доп. Углич, 2004. С. 55–63.
- ³ Епархиальная хроника // Ярославские епархиальные ведомости (далее ЯЕВ). 1864. Ч. офиц. № 34.
- ⁴ Епархиальная хроника // ЯЕВ. 1881. Ч. офиц. № 21.
- ⁵ *Воскресенский Ал.* Николаевский Бабаевский общежительный монастырь Костромской епархии и святыни его. Кострома, 1912. С. 21–22.
- ⁶ ГАКО. Ф. 130. Оп. 13. Д. 108. Л. 3 об.-6; Д. 134. Л. 17 об.-22.
- ⁷ Некролог // Костромские епархиальные ведомости. 1890. Ч. неофиц. № 5.
- ⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5297. Л. 1.
- ⁹ *Антония Кашинская* // Православная энциклопедия. Т.2. М., 2001. С.638.
- ¹⁰ Государственный архив Ярославской области, филиал в г. Угличе. Ф. 37. Оп. 1. Д. 17. Л. 205, 206, 277, 310 и др.; Д. 18. Лл. 20, 49, 76, 88, 144 и др.
- ¹¹ *Ярославский К.* Краткие сведения о жизни и деятельности настоятельницы Угличского Богдавленского женского монастыря игуменнии Измарагды (Воскресенской), 1814–1890. Ярославль, 1890. 30 с.
- ¹² ГАКО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 5 об. – 6.
- ¹³ *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / ИРИ РАН. М.: Русское слово, 1999. С. 139.

А. И. Евстратова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Благотворительность, помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц, вызывалась разными мотивами: состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями.

Как система благотворительность начала складываться в рамках государственной деятельности. В последней четверти XVIII в. она осознавалась правительством как компонент политики «просвещенного абсолютизма». И именно в провинции «помощь сирым и убогим» развивалась по всем направлениям.

Религиозная мораль, идея свободы, взаимного уважения и солидарности становились нормой добродетельной жизни. «Благотворительность, – писал В. О. Ключевский, – была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием нравственного личного здоровья»¹.

Жизнь потребовала нового отношения к чисто человеческим достоинствам личности. Внутренний мир человека, его духовное и нравственное состояние стали привлекать к себе внимание больше, чем его материальное и иерархическое положение в обществе.

XIX в. и первая половина XX в. – наиболее яркий период в развитии благотворительности. На этом этапе благотворительность стала приобретать характер частных и общественных добровольных пожертвований. Одновременно изменилась политика государства по отношению к неимущим. Это произошло не только от того, что репрессиями уже не удавалось удерживать низшие слои населения в спокойном состоянии, но и в связи с ускоренным внедрением в общественное сознание гуманистических идей, порожденных эпохой Просвещения, в частности таких, как природное равенство людей, пробуждение достоинства личности и искоренение грубости нравов через распространение образования и правильного воспитания.

Помощь бедным и неимущим осуществлялась через государственное призрение, общественную благотворительность, а также через частных лиц. В России, по сравнению с западноевропейскими странами, сильное распространение получила общественная и особенно частная благотворительность. Произошло это из-за неспособности государственного призрения оказать достаточную помощь социально обездоленным. Представители различных социальных слоев очень активно включались в благотворительную деятельность.

Так, в истории благотворительности Костромской губернии можно выделить целые семьи благотворителей. Особенно часто это явление имело место в купеческих семьях. Зачастую почетные члены обществ и попечители приютов, школ и больниц становились городскими головами и почетными гражданами своего родного города. С их мнением начинали считаться, их дети становились завидными партиями в браке. Постепенно под влиянием ряда факторов изменялся статус российского купечества.

Характерным для костромского купечества было объединение нескольких мотивов благотворительности, что увеличивало масштаб и активность их филантропической деятельности.

История костромской частной благотворительности изобилует примерами многолетней семейной благотворительной практики и традициями преемственности в деле попечения бедных.

Семья купцов Юдиных из г. Чухломы прославила себя долговременной службой на благо родному городу. Иван Иванович Юдин был потомственным почетным гражданином, в 1860–1902 гг. служил городским головою и удостоился звания почетного гражданина г. Чухломы².

По ходатайству И. И. Юдина в Чухломе открылись женское городское училище, богадельня, общественный банк; были благоустроены улицы, разбиты бульвары, налажено уличное освещение. Учитывая тот факт, что подобные Чухломе уездные города находились в плачевном состоянии, многие здания требовали ремонта и реконструкции, благотворительность в градостроительстве являлась наиболее полезным шагом на пути сохранения лица города, поддержания удобства для его обитателей.

Геннадий Васильевич Юдин, двоюродный брат И. И. Юдина, коллекционер редких рукописей, собиратель библиографической литературы, владелец богатейшей библиотеки в 10 тысяч томов, будучи купцом, одновременно издавал журналы и книги. Хорошо образованный, он понимал, насколько богата и интересна история Костромского края, и поэтому пожертвовал средства на строительство здания Романовского музея (ныне музей изобразительных искусств в г. Костроме). Примечательно, что ни до этого, ни после 1917 г. в городе не предпринималось строительство специального здания для музея.

Как человек, увлекающийся историей, Г. В. Юдин, будучи издателем, выпускал в свет сочинения путешественников XVIII–XIX вв., историков и литераторов. Он владел уникальным архивом, содержащим рукописи Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, автографы А. С. Пушкина и И. С. Тургенева³. Перед смертью Г. В. Юдин издал свою книгу, над которой работал долгие годы – «Материалы для истории города Чухломы» и передал ее в дар городу.

Судиславский купец, предприниматель Иван Петрович Третьяков – известная личность в Костромском крае. Миллионер, фабрикант, сын крепостного крестьянина, И. П. Третьяков родился в 1840 г. в с. Жвалово близ г. Судиславля Костромского уезда. Отец Ивана, Петр Федорович Третьяков, вольноотпущенный крестьянин помещика Елагина, в 1845 г. на 500 рублей серебром устроил деревянный кожевенный завод. И уже через год был в числе лучших граждан города. С детства приучая сына к предпринимательству, постепенно отец передал ему все дела.

В 21 год Иван Третьяков, используя капитал отца, входит в судиславский купеческий мир. Талантливый от природы, И. П. Третьяков сумел вложить свой капитал так, что к 1882 г. в окрестностях Судиславля стояло 40 химических заводов (против одного в 1860 г.)⁴. Эти предприятия обслуживали текстильную промышленность от Костромы до Кинешмы. И. П. Третьяков брался за все: в его ведении находились мельницы, фабрики, транспорт, торговля, земля. Он скупал у разорившихся помещиков имения (несколько десятков тысяч), а потом сдавал в аренду другим купцам, а те в свою очередь привозили ему свою овощную продукцию на винокуренные заводы.

В чрезвычайно короткий срок И. П. Третьяков вошел в число пятидесяти самых богатых и влиятельных лиц Костромской губернии, среди которых

в то время были сплошь аристократы. К началу XX в. Судиславль, благодаря предприятиям И. П. Третьякова, выдвинулся на пятое место в Костромской губернии по уровню своей промышленности и торговли.

Про финансовую энергию И. П. Третьякова складывали легенды, будто бы он поспевал всюду. Несмотря на свое происхождение и ограниченное образование, И. П. Третьяков был человеком светским, мог часами говорить о литературе, писал стихи, путешествовал по Европе, пытался дать своим десяти детям лучшее образование.

Нельзя не отметить его попечительской деятельности и в г. Костроме. Несмотря на то что И. П. Третьяков не жил постоянно в главном городе губернии, он являлся добросовестным попечителем Мариинского детского приюта в Костроме⁵. Ежегодно им вносились не только членские взносы, но и средства на нужды приюта.

Попечительство учебных заведений – не менее весомая ступень в благотворительности И. П. Третьякова. Десятки «третьяковых» делали порой для того или иного учебного заведения гораздо больше, чем это могло сделать государство.

Так, в ноябре 1860 г. в Шуе было открыто женское училище второго разряда. Меценатами в этом благородном деле выступили шуйские купцы А. А. Посылин и П. А. Борисов, а также купчихи А. И. Попова и А. В. Горелина. В 1871 г. при помощи купечества была открыта мужская прогимназия (неполная гимназия). Она считалась классической и, согласно уставу гимназий, выпускникам классических гимназий предоставлялось монопольное право поступления в университеты Российской империи.

Филантропическая деятельность купечества была весьма многосторонней, отличалась значительными объемами финансирования, помогала в решении многих острых социальных проблем.

Славились своей благотворительностью и женщины из купеческих семей. Воспитывая своих дочерей, богатые московские купцы откровенно ориентировались на аристократию: девиц обучали чтению, письму, началам арифметики, игре на фортепьяно, европейским языкам. Вопреки хрестоматийным представлениям о купеческой среде как о «темном царстве», мода на воспитание существовала уже, видимо, с 1830–1840 гг.

Мать известного коллекционера Павла Михайловича Третьякова, Александра Даниловна, дочь купца Борисова, 1812 г. рождения, по купеческим меркам «имела образование». В юности брала уроки на фортепьяно и уже, будучи старушкой преклонных лет, играла внукам знаменитый полонез Огинского. На иностранных языках А. Д. Третьякова не говорила, но немного понимала. У Третьяковой было 11 детей,⁶ из них умерли от жестокой скарлатины, но остальным пятерым она сумела дать приличное образование. Дети получили прекрасное домашнее образование, знали великолепно языки, литературу, имели самых известных в то время учителей.

«Если женщины купеческой элиты получали домашнее воспитание (а затем, с 80-х годов XIX века и гимназическое), не отличавшееся от дворянского,

то в семьях коммерсантов победнее да помельче и нравы были пожестче да построже. Богатую невесту “на выданье” держали дома строго, без излишнего общения со сверстниками и сверстницами. Замуж выйти было трудно, если только не женился на ней компаньон отца в торговом деле». Лет после сорока эти несчастные женщины, потеряв надежду иметь собственную семью, целиком уходили в богадельню, благочестивую жизнь, проводя время в поездках по монастырям, посещая заключенных в тюрьмах, наделении нищих милостыней. Не оставляя в этом мире наследников, они тщательно готовили духовное завещание, по которому передавали все имущество на благотворительные нужды⁶.

Так поступила Дарья Михайловна Великолепова (1811–1887). Ее отец за 10 лет оптовой торговли винами сумел нажить хорошее состояние и даже попал во всероссийский список предпринимателей 1832 г. В 1875 г. престарелая Великолепова, никогда не бывшая замужем, унаследовала все фамильное состояние. Огромная сумма (более полумиллиона рублей) была передана г. Москве через душеприказчика Великолеповой. Весь капитал «имени почетных граждан Н. М. и Д. М. Великолеповых» предназначался на пособия бедным, выдававшиеся с 1889 г.

Немалую роль в возникновении значительного слоя благотворительниц сыграло русское брачное законодательство (нормы, регулировавшие имущество и правовое положение женщин), которое было принято в 1833 г. и действовало вплоть до 1917 г. Оно опережало европейские юридические нормы в вопросе о раздельности собственности супругов.

Купчихи располагали большими капиталами и распоряжались ими по своему усмотрению. К примеру, к вдове Н. А. Алексеева (московского городского головы в 1885–1893 гг.) после гибели мужа, в отсутствие у нее сыновей, перешли дом и торговые помещения стоимостью 460 тыс. рублей, а также денежный капитал в 1195 тыс. рублей. Если учесть, что А. В. Алексеева была дочерью текстильного фабриканта В. Д. Коншина и получила хорошее приданое, то неудивительно, что она сделала одно из самых крупных пожертвований за всю историю Москвы. На ее средства были построены корпус и лечебные мастерские в Алексеевской психиатрической больнице, 50 тыс. рублей было выделено для раздачи пособий бедным купеческим вдовам, был открыт приют на 88 девочек-сирот при Пресненском попечительстве о бедных. Алексеева скончалась еще не старой женщиной в 1903 г., завещав Москве почти 1,5 млн рублей на благотворительные и другие нужды. Почти такую же сумму даровала Москве А. И. Коншина, супруга серпуховского текстильного фабриканта. Не имея детей, И. Н. Коншин оставил ей по завещанию в 1898 г. все свое состояние, оценивавшееся в сумму 10,5 млн рублей. Будучи и до этого богатейшей женщиной (ей, к примеру, принадлежал особняк на Пречистинке, после революции занятый под Дом ученых), Александра Ивановна завещала более 6 млн рублей на благотворительные заведения Москвы и Серпухова.

Щедро жертвовали на сословные, земские, городские учреждения женщины династии Морозовых.

Мария Федоровна Морозова жертвовала многим обществам и учреждениям, среди которых были Московский университет и Строгановское училище.

Участие в филантропии выделяло положительные качества и милосердие российских предпринимательских семей. Что же заставляло женщин из богатых купеческих семей заниматься благотворительностью? Историк А. Н. Боханов считает, что главным стимулом было их желание повысить свой социальный статус. Однако не следует забывать о том, что женщины из купеческих семей были в то время хорошо образованными, посещали Европу, проникались идеями либерализма. В то же время они не переставали быть хранительницами патриархальности в купеческих семьях. Наложение этих двух аспектов и наличие денег давало им возможность заниматься благотворительностью.

В первой половине XIX в. энтузиасты стали создавать благотворительные организации для сирот и беспризорников. Наибольшую известность получили те из них, что относились к Ведомству учреждений императрицы Марии. Императрица Мария Федоровна после смерти Екатерины II приняла на себя попечительство над воспитательными домами. Она сумела привлечь на свою сторону многих состоятельных людей. С годами Ведомство императрицы превратилось в крупную организацию; в 1856 г. в ней было 365 учебных благотворительных заведений, а в воспитательных домах и приютах насчитывалось свыше 60 тыс. детей⁷.

Состоявшийся в марте 1910 г. первый Всероссийский съезд деятелей по призрению отметил наличие в стране 4762 благотворительных обществ и 6278 благотворительных заведений⁸.

В условиях становления новых общественных отношений и распада прежней сословной структуры общества благотворительность становилась формой нравственной и гражданской самореализации, позволяла ощущать единство с нуждами народа, была для многих состоятельных людей, формой общественного служения.

Примечания

¹ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1998. С. 78.

² Купцы Юдины из Чухломы // *Костромская старина.* 1994. № 6. С. 21.

³ Там же.

⁴ *Смирнов Ю.* Торговое дело купцов Третьяковых // *Губернский дом.* 1994. № 1. С. 30.

⁵ ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 210. Л. 1, 2.

⁶ *Былое.* 1996. № 5.

⁷ *Жукова Л. А.* По заветам Марфы и Марии // *Родина.* 1996. Л. 3. С. 20.

⁸ *Бурьшкін П. А.* Москва купеческая. М., 1992. С. 25.

И. А. Задоров

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

«Этот род театра пережил свою славу и вряд ли ему суждено вновь возродиться и играть прежнюю роль»¹. Такой приговор в конце XIX в. был вынесен академиком В. Н. Перетцем народному кукольному театру (к которому можно отнести площадные, ярмарочные представления и вертеп), в течение нескольких столетий бывшему отрадой трудовых низов России. Точка зрения академика отражала на тот момент реальную действительность и являлась констатацией общего мнения. В это время народный кукольный театр испытывал глубокий кризис. Вполне уже сформировалась и укрепилась демократическая линия развития искусства. С высоким профессиональным искусством ярмарочное искусство конкурировать не смело.

Но, с другой стороны, к концу XIX – началу XX в. все большую популярность начинает приобретать домашний, или любительский, кукольный театр. Наборы кукол продавались повсеместно, привозились из-за рубежа вместе с декорациями и готовыми пьесами. Кукольные спектакли ставились в домах аристократов и купцов, разночинцев и крестьян. Как оказалось, вследствие случайно сделанного недавно открытия, домашний кукольный театр со временем появился и в царской семье.

30 июля 2007 г. из постоянной экспозиции музея театральных кукол Государственного академического центрального театра кукол им. С. В. Образцова для съемки фильма о Савве Мамонтове (режиссер Е. Герасимов, художник Е. Татарская) были извлечены ширма французского театра Гиньоль и три куклы: Капрал, Арлекин и невеста. Художник-реставратор А. Лигусов написал впоследствии следующее: «Для осмотра и подготовки к съемкам... ширму подняли в мастерские, и там при ярком свете в глаза бросились две бумажные бирки, наклеенные на ее боковой поверхности. Первая – розовая, с надписью “Инв. номер 5603” красным карандашом – не вызвала никаких эмоций. Зато вторая привлекла своей необычностью: на кусочке бумаги, размером с небольшую почтовую марку, с выцветшим орнаментом и перфорированным, как у марки, краем, четыре короткие строчки, сделанные чернилами: “Александр. дворец пол. насл-ка. Игральная № 333”»².

Резиденцией последнего российского императора Николая II был тот самый Александровский дворец. Это дает нам возможность предположить, что слова «насл-к» и «игральная» могут означать причастность цесаревича к данному театру и то, что наследник мог играть с ним. А. Лигусову удалось, опираясь на архивные данные, воссоздать путь данного театра до его появления в музее театральных кукол Государственного академического центрального театра кукол им. С. В. Образцова. В своей статье он писал: «Обращение к книгам регистрации поступлений музея подтвердило эту догадку. Там указано, что ширма и семь кукол (с подробным описанием) поступили в музей ГАЦТК из Государственного музея игрушки в 1945 году, куда они попали в 1932 году из Музея Екатерининского дворца. Екатерининский и Александровский дворцы, как известно, находятся рядом, в Царском селе»³.

Хочется отметить и интересное совпадение: 1 августа 2007 г. кукольный театр цесаревича впервые покинул музей театра кукол и был отправлен на съемки фильма, а 1 августа 1917 г. сам цесаревич Алексей и его семья навсегда покинули Александровский дворец и были отправлены в Тобольск, где в скором времени вся семья была расстреляна в подвале доме железнодорожника Ипатова.

После отъезда царствующей семьи в Александровском дворце сразу же началась инвентаризация. Данная работа велась под руководством художественно-исторической комиссии Временного правительства в которую вошли Г. К. Лукомский, Э. Ф. Голлербах, А. Н. Бенуа. Скорее всего это именно они наклеили те самые марки, благодаря которым 90 лет спустя удалось установить принадлежность ширмы.

После проведенной в 1918 г. очередной инвентаризации Александровский дворец был открыт для посещения, экспозиция детской половины просуществовала до 1931 г., после чего была передана в музей игрушки. В Государственном историческом музее в начале 2001 г. была широко представлена коллекция Музея игрушки. На некоторых предметах этой выставки были наклеены точно такие же бирки, как и на ширме.

Театр был изготовлен популярной в начале века французской фирмой игрушек *Paradis des enfants* (фр. – Детский рай), располагающейся в то время на пересечении улиц Риволи и де Лувр в Париже. Фирма делала куклы на заказ. Иногда по желанию клиента куклы получали портретное сходство. Впрочем, достаточно условное, так как «согласно традициям кукла – всегда скорее шарж, нежели точный портрет»⁴. На куклах, в отличие от ширмы, нет никаких указаний об изготовителе, но они сделаны с большим вкусом и удивительны сами по себе.

Еще больший сюрприз, чем ширма, смогли преподнести куклы, так как сходство их с императором Николаем II и супругой его императрицей Александрой Федоровной было поразительным. Это побудило сотрудников музея достать из экспозиции и другие куклы, поступившие в ГАЦТК из Государственного музея вместе с ширмой. Каково же было удивление, когда одна из кукол оказалась похожа на мать Николая II – вдовствующую императрицу Марию Федоровну, другая – Полишинель⁵ – на светлейшего князя К. А. Горчакова. Арлекин – «плут» и «обжора», смесь невежества, остроумия, глупости и грации – своим огромным, спрятанным под черной маской носом и бородой напомнил друга царственной семьи Григория Распутина. А самая невзрачная на первый взгляд кукла, одетая как служанка, хотя это Мадлон – жена Полишинеля, оказалась, бесспорно, похожей на няню цесаревича Алексея М. И. Вешнякову.

Схожесть кукол с императорской семьей и ее близким окружением могут подчеркнуть и некоторые отдельные детали. Изображенный на пуговицах мундира куклы, похожей на императора Николая II, якорь означает у христиан символ спасения и надежды. Реставраторы обнаружили на голове куклы, похожей на Александру Федоровну, маленькие гвоздики, спрятанные под прическу. Возможно раньше они удерживали какое то украшение, например диадему – ее очень любила надевать императрица.

У куклы, похожей на вдовствующую императрицу Марию Федоровну, отсутствует передняя часть прически, но остались отверстия от гвоздиков, на которые могла, возможно, крепиться шляпа. Еще одной общей чертой между куклой и императрицей является коса, уложенная подобием кольца на затылке – любимая прическа Марии Федоровны, которую она носила на протяжении практически всей своей жизни.

Кукла Арлекина, чье лицо закрыто черной маской, – это копия Распутина. Реставраторы ГАЦТК, описывая одежду, которая была надета на этой кукле, отметили пять пуговиц, украшенных пятиконечной звездой. Этот древний символ, расположенный одним лучом вверх, обозначал учителя, наставника. Но если перевернуть звезду вершиной вниз, то она приобретает совсем другое значение и становится символом дьявола⁶.

Менее узнаваемым персонажем является прототип куклы Офицера в треуголке, но это, бесспорно, сам цесаревич. Символ божественного величия – белые волосы, которые аккуратно были спрятаны под треуголку. Наследник был долгожданным ребенком в семье, и его рождение было воспринято как дар Божий. Определенная непохожесть куклы объяснима трудностью изготовления портретной копии ребенка.

У всех кукол, изображающих членов императорской семьи, голова была сделана из папье-маше, и только у Арлекина и Мадлон головы были деревянные. Это объяснимо. Как известно, членов императорской семьи бить было нельзя, поэтому все удары, что приходились по сюжету пьес театра Полишинеля-Гиньоля, доставались именно Арлекину и Мадлон. Присутствующий на бороде Арлекина скол, вероятнее всего, возник в результате избияния его Полишинелем.

Для удобства использования кукол подобного вида кукловоды оборачивали указательный палец куском бумаги, чтобы кукла держалась более крепко. Зачастую это был крафт, но в одной голове куклы из этой коллекции был обнаружен кусочек кальки с планом какого-то здания. «Расположение комнат, колонны и балконы, а также надписи на чертеже “санитарка” и “грязное белье” позволяют предположить, что это часть плана Екатерининского дворца, в котором располагался лазарет ее величества императрицы Александры Федоровны, где в годы войны работали как сама императрица, так и ее старшие дочери»⁷. Возможно, приезжал туда и цесаревич. Для раненых в госпитале устраивались концерты артистов императорских театров. Возможно, что и кукольное представление с участием этого театра там разыгрывалось.

Точное количество кукол в «кукольном театре» цесаревича Алексея нам неизвестно. Так же нам не известен и мастер, изготовивший эти куклы, так похожие на членов императорской семьи (ведь, безусловно, все они изображали самых близких наследнику людей – мать, отца, бабушку и т. д.), и тот, кому принадлежал заказ на изготовление. Не случайна и фигура Распутина, вспомним хотя бы его утверждение и твердое убеждение императрицы, что, пока жив Распутин, – жив и наследник. Полишинель, при всей своей схожести с Горчаковым, скорее всего сам Гиньоль, каким его изображали на плакатах начала XX в.

Место изготовления кукол и ширмы говорит о высоком положении человека, который заказал их. Мы можем лишь предположить, что это, например, могла быть бабушка цесаревича Мария Федоровна, которая любила посещать Францию. Данный подарок мог также преподнести и премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре, когда находился с официальным визитом в Санкт-Петербурге 9 июля 1914 г. В своем дневнике император Николай II оставил следующую запись за этот день: «В 11:30 Пуанкаре привез сам подарки для Аликс и детей»⁸. На следующий день делегация на броненосце «France» покинула Петербург. Спустя небольшой промежуток времени началась Первая мировая война. События, происходившие далее, всем хорошо известны; быть может, именно поэтому мы так мало знаем про этот «кукольный театр», ведь даже участники тех событий в своих мемуарах описывают только ход войны, политический кризис, революции – одну и другую – и очень мало пишут о жизни и быте императорской семьи.

Примечания

¹ *Перетц В. Н.* Кукольный театр на Руси. Спб., 1896. Кн. 2. С. 28.

² *Лигусов А.* Театр кукол царевича Алексея // Театр чудес. 2009. № 1. С. 23.

³ Там же. С. 26.

⁴ *Кравченко А., Лигусов А.* Половина наследника. Игральная. № 333// Вещь в себе. 2007. № 12. С. 40.

⁵ П о л и ш и н е л ь – персонаж французского народного театра. Появился на сцене ярмарочного театра в конце XVI в. (близок маске Пульчинеллы из итальянской комедии дель арте). Полишинель – горбун, веселый задира и насмешник (Новый полный словарь иностранных слов вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / сост. Е. Ефремов; под ред. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. 2-е изд., 1912).

⁶ См.: *Андреева А., Куклев В., Ровнер А.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.; СПб., 2005. С. 211–221.

⁷ *Лигусов А.* Театр кукол царевича Алексея // Театр чудес. 2009. № 1. С. 26–27.

⁸ Дневник Николая II. [Электрон. ресурс]. Сайт: www.rus-sky.com. 24.12.2009 [190 Kb]. Режим доступа: <http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1914.htm> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

М. Ю. Половникова

РОМАНОВЫ И РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПАЛЕСТИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Благотворительная деятельность является одним из наиболее важных и необходимых по положению занятием состоятельных слоев общества на протяжении всей многовековой истории стран мира и, в частности, России. Данный вид деятельности часто играл большую роль в жизни знатных и обеспеченных сословий. Российская императорская семья активно участвовала в развитии

столь благородного предприятия и всячески поощряла общество на расширении благотворительной инициативы. Создаваемые на территории Российской империи и вне ее границ учреждения разного профиля обычно находились под опекой аристократии и членов императорской семьи.

В 1882 г. в Палестине было создано Православное общество, вдохновителем и основателем которого является Василий Николаевич Хитрово, представитель старинной дворянской семьи. Данное Общество – организация религиозного, внешнеполитического и благотворительного плана, и императорская семья сыграла большую роль не только в ее развитии, но и в становлении.

В 1882 г., после длительного периода подготовки и пересмотра проектов Общества, было создано Православное Палестинское общество, в состав «его почетных членов косяком пошли лица наиболее авторитетные и влиятельные, включая августейших особ»¹. Члены семьи Романовых на протяжении 35 лет существования Общества играли одну из главных ролей в его деятельности.

Ключевую роль в истории образования Православного Палестинского общества сыграло паломничество в Святую Землю братьев императора Александра III, которое состоялось в мае 1881 г. Великие князья Сергей и Павел Александровичи и их двоюродный брат великий князь Константин Константинович совершили паломничество, поводом для которого стали сразу два события в августейшей семье. Во-первых, 22 мая 1880 г. умерла императрица Мария Александровна, во-вторых, убийство самого императора Александра II 1 марта 1881 г.

Необходимо отметить, что почившая императрица, принцесса Гессен-Дармштадтская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, в православии принявшая имя Марии Александровны, косвенно оказала большое влияние на создание Православного общества в Палестине. Императрица Мария Александровна по состоянию здоровья не могла осуществить свою мечту и совершить паломничество в Иерусалим, но она по праву считалась покровительницей и благотворительницей Святой Земли. Она жертвовала средства на строительство и благотворительную деятельность в данном регионе, в частности на ее деньги была построена Русская больница в Иерусалиме, содержалась школа для арабских девочек в Бет-Джалле, ставшая впоследствии основой для женской учительской семинарии Православного общества.

Историк и член Общества А. А. Дмитриевский отмечал, что «христианскую ревность и горячую любовь к Святой Земле царственные родители передали в наследие своим августейшим детям»². У императора Александра II и императрицы Марии Александровны было 8 детей, воспитанных в религиозном духе. Из них наиболее заинтересован в развитии Палестинского общества был Сергей Александрович, брат вступившего после Александра II на престол императора Александра III.

Новый император отличался глубокой религиозностью, что сыграло немалую роль в развитии и распространении православия в России и за ее пределами в период его царствования. Именно при его участии было создано Православное общество в Палестине, которое наряду с религиозными целями

преследовало возможность разрешения внешнеполитической напряженности. Необходимо отметить, что жена императора Александра III, датская принцесса Дагмар, получившая при крещении в России имя Марии Федоровны, была не менее верующей, чем ее муж. Воспитанная в лютеранстве, после принятия православной веры она стала поистине православной государыней, воспитывая своих детей в канонах православной веры. Готовясь к жизни в России, будущая жена старшего сына императора Александра II тщательно изучала историю и нравы России, изучала структуру церкви и ее догмы, на протяжении всей жизни следовала нравственным религиозным устоям. «Императрица, принявшая православие, свято чтит религиозные обряды и старалась воспитать такое к ним отношение у своих детей»³.

Возвращаясь к деятельности Православного Палестинского общества, следует уделить внимание деятельности одного из братьев императора Александра III. Сергей Александрович был верующим человеком, что отразилось на его мировоззрении и занимаемом месте в жизни. Великий князь находился в тесном духовном контакте с начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином, что также способствовало заинтересованности князя в укреплении русского влияния в данном регионе.

В итоге В. Н. Хитрово, одержимый идеей создания Православного общества в Палестине, добился аудиенции у великого князя Сергея Александровича, и последний согласился возглавить создаваемое Общество. 8 мая 1882 г. устав Общества был утвержден, а 21 мая во дворце великого князя Николая Николаевича Старшего, который также совершил паломничество в Святую Землю ранее, в 1872 г., «в присутствии членов императорской фамилии, русского и греческого духовенства, ученых и дипломатов после молебна в домовая церковь»⁴ состоялось торжественное открытие Православного Палестинского общества. Таким образом, Православное общество – это детище всей августейшей семьи, многие члены которой приняли активное участие в его создании, развитии и расширении деятельности в первые десятилетия его существования.

21 мая 1882 г. – дата окончательного создания Православного общества – имеет особое значение для императорской семьи. В 1881 г., в канун годовщины со дня смерти императрицы Марии Александровны, день, когда ее младшие сыновья Сергей и Павел впервые вступили на Святую Землю. Поэтому Палестинское общество – это в большей мере дань памяти матери для ее сыновей. Это доказывает и то, что один из первых храмов в Святой Земле был построен в память почившей императрицы Марии Александровны и назван в честь равноапостольной Марии Магдалины.

Великий князь Сергей Александрович и его жена, а затем вдова, великая княгиня Елизавета Федоровна стояли во главе Православного общества, впоследствии получившего название Императорского Православного Палестинского общества. На протяжении всей своей деятельности Общество пользовалось августейшим вниманием и поддержкой.

В 1888 г. великие князья Сергей и Павел Александровичи и великая княгиня Елизавета Федоровна совершили очередную поездку в Святую Землю.

Данное путешествие длилось с 29 сентября по 6 октября и принесло большую пользу развитию Общества и привлечению великих князей и княгини к еще более тесной деятельности в его рамках.

«Их Императорские Высочества Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Великий Князь Павел Александрович предприняли путешествие в Святую Землю с целью присутствовать при освящении построенного близ Иерусалима, на средства Государя Императора и Его Августейших Братьев и Сестры, храма в память в Бозе почивающей Государыни Императрицы Марии Александровны, а также для обозрения в Сирии и Палестине учреждений Православного Палестинского Общества, председателем которого, как известно, состоит Великий Князь Сергей Александрович»⁵. В процессе данной поездки князя и княгиня узнали ситуацию, сложившуюся в Святой Земле, задачи, стоявшие перед Обществом и возможности для их осуществления.

Одной из важных целей августейших особ было присутствие при освящении церкви. «Храм, о пяти куполах, построен в строгом русском стиле, по проекту тайного советника Гримма... Над входными западными воротами красуется большое мозаичное изображение св. равноапостольной Марии Магдалины, прекрасно исполненное в Венеции... Со стороны главного фасада, на столбах, на которых держится западная часть террасы, между лестницами, вырезана на мраморных досках, на четырех языках: русском, греческом, латинском и арабском, надпись: “В память в Бозе почившей Государыни Императрицы Марии Александровны”»⁶. Таким образом, дань памяти матери была отдана и увековечена в Святой Земле.

Судьба Сергея Александровича была трагична. Его активная деятельность принесла ощутимый вклад в развитие всех трех отделений Общества. Но его жизнь резко оборвалась. 4 февраля 1905 г. председатель Общества великий князь Сергей Александрович был убит бомбой террориста. Его память была увековечена в Святой Земле: только что достроенное Назаретское подворье было названо в память погибшего великого князя. «Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, искренне сочувствуя, как бывшая паломница ко Гробу Господню, целям и деятельности основанного Ее Августейшим Супругом Палестинского Общества, благоволила выразить желание принять на себя звание Председателя Общества. 14 сего февраля последовало Высочайшее Государя Императора соизволение на осуществление желания Ее Императорского Высочества принять на себя звание Председателя Общества»⁷.

Таким образом, семья Романовых сыграла большую роль в создании и становлении Православного Палестинского общества. Его деятельность была близка по целям и задачам для многих членов августейшей семьи. Сплоченность и единомыслие в вопросе о создании Православного общества в Палестине способствовало перспективному развитию Общества и осуществлению целей и задач, поставленных перед его отделениями. Необходимо отметить, что председателями Общества также являлись члены данной семьи. Первым председателем был один из сыновей Александра II, великий князь Сергей Александрович,

трагически погибший и позднее причисленный к лику святых. После его гибели в 1905 г. председателем с соблагования императора становится его жена, великая княгиня Елизавета Федоровна, при которой расширяется просветительская деятельность Общества на Ближнем Востоке. Почетными членами Общества и его деятельными участниками являлись многие августейшие особы. В итоге, семья Романовых, ее сплоченность и глубокая религиозность способствовали становлению и расширению деятельности Императорского Православного Палестинского общества на протяжении всей его истории.

Примечания

¹ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. С. 168.

² Цит. по: Лисовой Н. Н. Указ. соч. С. 168.

³ Кудрина Ю. «Верю в Бога и верю, что настанут наконец счастливые дни для нашей дорогой России» // Наука и религия. 2004. № 10. С. 17.

⁴ Лисовой Н. Н. Указ. соч. С. 169.

⁵ Путешествие в Святую Землю Великих князей Сергея и Павла Александровичей и Великой княгини Елизаветы Федоровны // Россия в Святой Земле: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1 / Архив внешней политики Российской Империи, МИД РФ и др.; сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н. Н. Лисового, предисл. П. В. Стегния. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 160.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Циркулярное письмо Совета ИППО с сообщением о кончине основателя и Председателя Общества Великого князя Сергея Александровича // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Т. 1. С. 321.

И. А. Устинова

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРАВЛЕНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА (1613–1645)*

В истории русской государственности период существования Московского царства занимает особое место. В это время происходит институциональное оформление государственного аппарата на всех властных уровнях (центральном, региональном, местном), в основных чертах складывается сословная организация общества и система сословного управления (старосты губные, земские, поповские). Важным элементом этой системы является и православная церковь, в административной структуре которой востребованными оказываются как приказная форма управления (патриаршие и епархиальные приказы), так и элемент сословного самоуправления (поповские старосты). В XVI в. эта система только

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект МК-574.2011.6).

формируется, потом переживает испытания Смутного времени, а во второй половине XVII века она начинает трансформироваться под давлением наступающего абсолютизма. Таким образом, временем наиболее активного и равноправного сотрудничества государства, общества и церкви стали первые десятилетия после Смуты, охарактеризовавшиеся интенсивной работой Земских соборов, началом бюрократизации приказной системы, сосуществованием на местах элементов сословного самоуправления и присланных из центра воевод.

Отечественная историография насчитывает немало работ, посвященных истории русского абсолютизма¹ и изучению приказной системы². Разрабатывалась и сословная организация Московского царства и проблемы ее взаимодействия с государством³. Большинство современных историков согласны с тем, что принятие Соборного уложения 1649 г. стало переломом в сторону абсолютизации власти и устранения сословного элемента из системы управления⁴. Внимание к истории русской церкви начиная с XIX в. также было весьма велико: кроме обобщающих трудов, были созданы и специализированные исследования о социально-экономическом положении церкви в XVI–XVII вв.⁵, становлении духовенства как сословия⁶, истории церковного управления⁷. Однако проблема взаимодействия государства и церкви в административно-организационном контексте остается практически не изученной, особенно в отношении регионального и местного уровней власти. Наибольший интерес в указанных хронологических рамках представляет период правления царя Михаила Федоровича Романова, когда церковно-государственное взаимодействие на всех уровнях было особенно интенсивным в силу кровнородственных связей царя и патриарха. В этот период также шло складывание системы патриарших приказов (Казенного, Дворцового и Разрядного⁸), оформление Патриаршей области (территориальное и юридическое⁹), а также реформа церковной дани 1632 г.¹⁰ Столь многообразные и сложные преобразования, отягощенные разрушениями Смуты, потребовали консолидации административного аппарата церкви и государства.

Местный аппарат государственного управления в первой половине XVII в. был представлен назначавшимися из центра воеводами, которые обладали военной, судебной и фискальной властью в городе и уезде. Вторым звеном местного управления были старосты – губные от дворянства и земские от городского населения и государственных крестьян. Первые участвовали в организации военной службы дворян уезда и имели определенный объем полицейской власти, вторые занимались раскладкой и сбором податей. Известно, что между воеводами и старостами нередко возникали ожесточенные конфликты, иногда выливавшиеся в городские восстания¹¹. Местная церковная администрация также состояла как из чиновников, присланных центральной властью – десятильников, так и из местных выборных старост поповских. В этом случае ситуация осложнялась тем, что десятильники были светскими лицами, но в их функции входил контроль за деятельностью священства всей десятины, что также порождало конфликты¹². Наконец, важную роль в церковной жизни играли и крупные монастыри, к которым патриаршая власть обращалась по всем важным административным нуждам (описание земель и имущества, организация расследований и т. п.)¹³.

Полномочия каждого из названных должностных лиц регулировались целой серией документов как публичного, так и частноправового характера. К первым относятся законы, решения земских и церковных соборов, царские и патриаршие указы, уставные грамоты. Например, полномочия старост поповских были подробно прописаны еще в Стоглаве 1551 г., а позднее дополнялись решениями Освященного собора¹⁴. Полномочия воевод и губных старост указывались в царских наказах и грамотах¹⁵. Все они свидетельствуют о достаточно высокой дифференциации полномочий должностных лиц на местах. Однако на практике, деятельность местных органов власти регулировалась еще и жалованными, несудимыми и тарханскими грамотами, изымавшими различные объекты управления (например, монастыри) из-под власти воевод и старост. Подобных грамот сохранилось немало, но наиболее рельефно полномочия церковной власти выразились в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича патриарху Филарету 1625 г.: «тех городов (входивших в состав Патриаршей области. – *И. У.*) и монастырей архимандритов и игуменов, и черных попов, и дьяконов, и братью, и слуг и служебников, и девичьих монастырей игуменей и стариц, и слуг и служебников, и соборных церквей протопопов, и протодьяконов, и попов, и дьяконов, и приходных и ружных храмов попов же и дьяконов, и весь причет церковный, и монастырских и церковных вотчинных крестьян, и всяких монастырских и церковных людей, во всяких управных и в духовных делах судом и управою, кроме разбойных и татинных и кровавых дел, которые меж ими суд и росправа, или кто сторонний человек побьет челом (перечислены те же категории лиц. – *И. У.*) ... велели ведать и расправу меж ими чинить, и пошлины имать по Уложению, отцу нашему Великому Государю святейшему Патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси, в домовую и в свою казну, или кому отец наш... боярам своим и приказным людям прикажет»¹⁶. Это общее установление дополняет грамота на две трети Варзужской волости от 20 ноября 1619 г., где отмечено, что «наши (царские.– *И. У.*) воеводы и приказные люди Варзужских крестьян *не судят и не ведают их ни в чем*»¹⁷ (курсив мой. – *И. У.*). Аналогичными грамотами были оформлены права патриарха на деревни под Муромом, рыбные ловли в селе Озерецком Московского уезда и многие другие владения¹⁸. Таким образом, во всех делах, кроме самых серьезных уголовных, патриаршая администрация оказывалась самостоятельной и независимой от деятельности центральных и местных светских властей.

Однако за отсутствием собственных карательных органов на местах воеводский аппарат был для патриаршей кафедры незаменим при организации судопроизводства, сыска и выдачи беглых крестьян и в других случаях. До нас дошли многие документы, вышедшие из патриаршей приказной канцелярии – памяти, записные книги, судные дела и др., содержание которых позволяет реконструировать наиболее типичные случаи обращения к местной светской администрации со стороны патриаршей кафедры. Среди адресатов этих документов фигурируют воеводы, губные старосты, городские и волостные приказные люди¹⁹. К сожалению, разграничить сферу полномочий каждого из них затруднительно. Интенсивность сообщения с ним иллюстрируют следующие цифры: в 1643/44 г. из патриарших приказов были отправлены грамоты в 50 городов²⁰.

Наиболее часто патриаршие приказы обращались к воеводам и губным старостам с просьбой о содействии выполнению приказов патриарха, на разных этапах судебного дела, при необходимости привести в исполнение судебный приговор или измененное решение. Так, в грамоте от 28 февраля 1632 г. кеврольскому воеводе Ивану Степановичу Рагозину и подьячему Петру Стеншину патриарх просит отобрать у некоего Прошки Моисеева сенные угодья и рыбные ловли по реке Кулоге и отдать их на оброк Антониево-Сийскому монастырю²¹. По-видимому, просьба была исполнена, и уже 10 февраля 1633 г. в Пинегу и Кевроль пошла новая грамота с указанием о выселении того же Прошки Моисеева также и с земли, принадлежащей церкви Рождества Пречистой Богородицы²². 29 июня 1621 г. из патриаршего Казенного приказа в Переславль-Залесский к воеводе Семену Ивановичу Лыкову была направлена грамота об отказе охотнику Кирилу Патрикееву во владении пустой церковной землей и «нашу оброчную грамоту, какова ему Кирилу дана из Казенного приказа... велети у него взяти» и отдать по Государеву указу игумену Никольского монастыря Иеву²³. И. И. Шимко указывает, что к передаче дел в руки воевод патриаршие власти прибегали только в крайнем случае обнаружения «ослушников» – съемщиков земли, уклонявшихся от платежа намеренно, а не под давлением стеснительных обстоятельств²⁴. Еще один пример относится к декабрю 1643 г., когда в Нижний Новгород к воеводе Борису Нащокину и дьяку Луке Талызину было направлено распоряжение о внесении безместного нижегородского дьякона Дмитрия Парфеньева в лавочные книги за вдовой Панкратовой по ее иску²⁵. Нередки и обращения к воеводам и губным старостам со стороны патриарха за помощью в осуществлении раздела имущества по завещаниям²⁶.

Как правило, патриарх напрямую обращался к воеводам, отправляя им инструкции по каждому делу. Примером может служить грамота к галицкому воеводе Федору Алябьеву, где предписывается сыскать, призвать к ответу и сопроводить в патриарший Разрядный приказ солончаря Симоновского монастыря старца Павла Изосимовского и слугу Богдана Григорьева за то, что они соляные варницы Троице-Сергиева монастыря «убычили» (забаррикадировали дорогу, мешая вывозу соли) и старцев этого монастыря побили и ограбили²⁷.

В более простых случаях, когда следствие полностью осуществляли старосты поповские и десятильники, от местных воевод требовалась лишь техническая помощь – подводы, сопровождение и т. д. Примером подобному служит дело о завещании мезенского крестьянина Максима Суханина от 1631 г.²⁸ Свое весьма значительное имущество (среди прочего речь идет о 500 оленях) крестьянин завещал патриаршей кафедре и нескольким монастырям. По существовавшей практике, патриарх приказал игумену Антониево-Сийского монастыря Ионе и мезенскому попу Василию имущество это переписать и проконтролировать его отправку адресатам, а помощь им должен был оказать воевода. Патриарх предписывает попу Василию: «свесяться с мезенским с воеводою с Микитою Паниным, и по тем росписям те Максимовы животы Суханина, что сыскано, пересмотря налицо запечатать своею печатью». При этом особо оговорено, что воеводе «в те в сыскные животы вступаться не велеть, а о том ему от нас писано

же». Отправка значительной доли наследства (упомянутых оленей) в Москву, к патриарху, также потребовала помощи воеводы: «А прислал бы еси то все и олени с ним с Иваном Чертовым (патриаршим десятильником, который был послан для этого дела из Москвы. – И. У.) по нынешнему по зимнему пути, или весною, как их лучши к Москве гнать, а у воеводы б у Микиты Панина о том взял бы еси под ту нашу казну и под олени подводы и провожатых, сколько будет человек пригоже, а на Мезень к воеводе к Миките Панину о том от нас писано ж» (курсив мой. – И. У.).

Сохранились и примеры злоупотреблений местных властей, в которых они действовали совместно с представителями духовенства. В патриаршей грамоте от 24 марта 1631 г. тому же Антониево-Сийскому монастырю предписывается расследовать деятельность черного попа Воскресенского монастыря Арсения Артемьева, белого попа Тихона Иванова и дьячка Тимофея Юрьева²⁹. Они обвинялись в бражничестве, неисполнении своих обязанностей, распутном образе жизни, а также в том, что «ездили для торгу на мирских подводах». Еще более серьезным было обвинение в сговоре с воеводами, которым указанные попы и дьяк «на них, мирских людей, ушничают, и продажу, и насилства чинят с одного с воеводами; да тот же черный поп Арсений и белый поп Тихон к челобитным и к обыскам воровски руки прикладывают в их место мирских людей и вместо детей духовных не по их велению, а тот же дьячок Тимошка те воровские челобитные и обыски пишет». Неизвестно, чем закончилось это дело, однако патриарх наказал про него «сыскивать повальным обыском», по каждому из обвинений и даже узнать «сколькожды кто на кабаке был».

Таким образом, в первой половине XVII в. система церковного управления и самоуправления на местах оставалась весьма автономной, сохраняя традиции, восходившие к первым векам крещения Руси. Однако в процессе решения текущих дел она приходила в тесное соприкосновение с органами государственной власти, что было связано с потребностью восстановления и консолидации общественных и властных структур – главной задачей правления первого царя из династии Романовых. Наиболее интенсивным периодом такого взаимодействия следует признать патриаршество Филарета Романова (1619–1633), когда отец царя, сам носивший титул «великого государя», прямо и непосредственно апеллировал к местным чиновникам во всех случаях, когда ему необходима была их помощь. При этом, однако, церковные власти внимательно следили чтобы их привилегии неподсудности, льготности и самостоятельности не были нарушены воеводами и старостами на местах.

Примечания

¹ См.: *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества в начальный период становления абсолютизма в России (1645–1682 гг.). М., 2001.

² В отечественной историографии существует школа приказной историографии. Новейшие исследования по этой проблематике см.: *Рогожин Н. М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009; *Новохатко О.В.* Записные книги

РАЗДЕЛ II

Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001; *Ее же*. Разряд в 175-м году. М., 2007 и др. работы.

³ См., напр.: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009; *Талина Г.В.* Указ. соч. и др. работы.

⁴ См. напр.: *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; *Маньков А.Г.* Соборное Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980; *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004 и др. работы.

⁵ См. напр.: *Владения и крепостные крестьяне русской церкви в конце XVII в.* / сост. и отв. ред. Я. Е. Водарский. М., 1988; *Русское православие: веки истории* / отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1988 и др. работы.

⁶ Библиографию по этой теме см.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России XVI–XVII в. М., 2002.

⁷ *Шимко И. И.* Патриарший Казенный приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894; *Маландин В. В.* Церковь и государство в Патриаршество Филарета. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Устинова И.А.* Книги Патриарших приказов первой половины XVII в. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007 и др. работы.

⁸ В отечественной историографии время возникновения Патриарших приказов датируют по-разному: от конца XVI в. (*Неволин К. А.* Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1959. С. 133, 202, 203; *Лисейцев Д. В.* Указ. соч. С. 428–450; *Рыбалко Н. В.* Дьяческий аппарат Патриаршего и Монастырского приказов в конце XVI – начале XVII вв. в России // Мир православия: сб. науч. статей. Вып. 6. Волгоград, 2006. С. 242–251) до 1623–1625 гг. (*Кантерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 192; *Шимко И. И.* Патриарший казенный приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894. С. 4; *Маландин В. В.* Церковь и государство в Патриаршество Филарета. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16).

⁹ Географические рамки исследования охватывают территорию Патриаршей области – епархии патриарха, границы которой для данного периода описаны царской жалованной грамотой от 1625 г. и охватывают около 40 городов центра и юга страны: Москва с уездом, Владимир, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кострома, Плесо, Юрьевец-Повольский, Нижний Новгород с уездом и пригородами, Балахна, Кинешма, Лух, Гороховец, Ядрин с уездами, Галич с пригородами и уездом, Арзамас, Алатерь, Курмыш, Темников, Вятка с пригородами, Кайгородок, Пинега и Кевроль, Мезень, Ржева-Володимирова, Торопец, Боровск, Звенигород, Руза, Волок Ламский, Можайск, Мосальск, Дмитров, Серпухов, Брянск, Карачев, Севск и Комаритцкая волость, Путивль, Курск, Рыльск, Оскол, Белгород, Волуйка, Белозеро. См.: *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.* СПб., 1841. Т. 3. № 164. С. 231.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 195 и далее.

¹¹ См. напр.: *Булгаков М. Б.* Земское самоуправление в г. Коломне в конце XVII в.: конфликты и государственный контроль // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): сб. ст. памяти проф. А. Г. Кузьмина и проф. В. Г. Тюкавкина. М., 2008. Ч. 1. С. 344–350.

¹² *Д е с я т и н а* – часть церковно-административного округа, как правило, состоявшего из города с уездом. О деятельности десятильников и их конфликтах с духовенством см.: *Кантерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; *Шимко И. И.* Указ. соч.; *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. Казань, 1897. и др. работы.

¹³ Примером может служить сборник грамот патриарха Филарета, адресованных игумену Антониево-Сийского монастыря Ионе: Акты Сийского монастыря. Вып. 1. Грамоты Патриарха Филарета (1619–1633 гг.). Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1913.

¹⁴ *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. Гл. 67–69; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией и др. императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 360. (далее ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 223 и другие.

¹⁵ См. напр.: Выписка из уставной книги Разбойного приказа 1631 г. // АИ. Т. 3. № 167; Царский наказ воеводам Ф. В. Волынскому и И. С. Урусову // АИ. Т. 3. № 116.

¹⁶ ААЭ. Т. 3. № 164. С. 231 – 232.

¹⁷ АИ. Т. 3. № 82. С. 80 – 81.

¹⁸ Подробнее см.: *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, Патриархов и св. Синода (988 – 1738 гг.) Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 328 – 335.

¹⁹ Наиболее насыщенный в этом отношении источник – Записная книга печатным пошлинам 1643/44 гг., созданная в Патриаршем Казенном приказе для учета выдачи грамот и взимания за них пошлин: РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 19.

²⁰ Там же.

²¹ Акты Сийского монастыря. № 48.

²² Там же. № 50.

²³ *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 484. № 1334 (9068).

²⁴ *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 182.

²⁵ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 19. Л. 31 об.

²⁶ Там же. Л. 1, 2 об., 5, 7, 18 об., 22, 107–107 об. и другие.

²⁷ Акты Сийского монастыря. № 175.

²⁸ Там же. № 42.

²⁹ Там же. № 44.

Г. С. Чувардин
П. Е. Подделкова

**ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН И ОРЛОВСКИЙ ПОМЕЩИК:
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ
В ЖИЗНИ Г. ОРЛА И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

На современном отрезке развития отечественной исторической науки значительное внимание уделяется анализу роли и места представителей различных групп и уровней элит на процессы, происходящие в отдельные исторические эпохи в различных странах и регионах. Не является в этом плане исключением и история Российской империи пореформенного периода как наиболее сложная по параметру изучения социальной и культурной трансформации и механики социодинамических процессов эпоха. Важное место в понимании особенностей социокультурной эволюции России указанного периода занимает изучение *высшего уровня* ее политической, а по крупному

счету, военно-политической элиты. Указанная тема сохраняет свою очевидную актуальность и находится на стадии активной разработки. При этом в ее прочтение оказались вовлечены не только историки, но и представители смежных социогуманитарных наук (культурологии, социологии, политологии, различных отраслей психологии и др.). Историография рассматриваемой темы крайне не скудна в силу того, что отечественная элитология и имажинология, связанные с изучением феномена военной элиты, находятся в стадии становления. В нашем случае под термином «высший уровень военно-политической элиты» следует понимать так называемую великокняжескую среду – мужскую половину представителей Российского императорского дома Романовых.

Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон определяют Российский императорский дом как «особый класс, преимущества которого обуславливаются или тем, что его члены, при известных условиях, могут быть призваны к наследованию престола, или же тем, что они связаны браком с лицами, имеющими, или могущими иметь право на престол»¹.

Вплоть до событий 1917 г. Россия продолжала оставаться государством, военный фактор существования которого, как и во времена создателя этого государства Петра I, оставался решающим. Это являлось причиной того, что высший эшелон власти был укомплектован в основном представителями российского генералитета, особый сегмент которого составляли сами Романовы – великие князья, а также, с эпохи Александра III, князья императорской крови.

Императорский Дом Романовых может считаться уникальной институцией, *обладающей рангом государственного учреждения*, формирующей ареопаг высшей государственно-политической и военной элиты империи. В Основных законах Российской империи указывалось: «Все лица, происшедшие от Императорской Крови в законном, дозволенном царствующим Императором, браке, с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются Членами Императорского Дома»².

По существующей традиции мужчины из правящего дома уже при рождении становились «военными людьми». В этом плане примечательны воспоминания великого князя Александра Михайловича. Князь писал: «2-го апреля 1866 года, в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии»³.

Рассуждая о принадлежности представителей правящей династии исключительно к военному сословию (в силу «традиционного характера» этой принадлежности), великий князь отмечал: «За исключением наследника и его трех сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители Императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и флоте и соперничали друг с другом»⁴. И, резюмируя свои рассуждения на тему предназначения мужского компонента великокняжеской среды, Александр Михайлович отмечал: «Одна мысль о том, что один из нас мог бы избрать какую-либо другую карьеру, кроме военной, могла бы показаться полным абсурдом, ибо традиции Дома

Романовых требовали, чтобы все его члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли»⁵.

Безусловно, милютинская военная реформа изменила облик русской армии, но в то же время в российской военной машине оставались «незыблемые островки» былой воинской традиции – речь идет о двух важнейших ее компонентах: российской императорской гвардии и великих князьях, составлявших верхушку российского генералитета.

Подавляющая часть великих князей (всего за период 1855–1914 гг. генеральная совокупность по категории «великие князья» составляет 31 чел.⁶) имела воинские звания не ниже полковника. Полковничьи звания увязывались со «сломанными карьерами», являвшимися следствием бурных любовных романов. В данном случае уместно упоминание двух персон: великого князя Николая Константиновича, признанного душевнобольным, лишенного всех званий и отличий и отправленного в ссылку сначала в Оренбург, а затем в Ташкент; и Михаила Михайловича, женившегося в 1891 г. без разрешения императора на старшей дочери принца Николая Вильгельма Наусского графине Софье Меренберг. В соответствии со Сводом законов Российской Империи, «на брак каждого лица Императорского Дома необходимо соизволение царствующего Императора, и брак, без соизволения сего совершенный, законным не признается»⁷. Указанный брак на территории России был признан недействительным, а великий князь был лишен воинского и светского звания⁸.

Примечателен тот факт, что в XX в. в «ссылку» в г. Орел попал даже брат царя Михаил Александрович. В ссылке он командовал дислоцирующимся в городе гусарским полком. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов отмечал: «В 1909 году осенью произошло наше, и для меня и для великого князя совершенно неожиданное, переселение в город Орел. В этом городе был расположен 17-й Гусарский Черниговский полк, командиром которого был назначен Михаил Александрович... Это был первый случай, что ближайший родственник Государя, и притом считавшийся Правителем страны в случае кончины императора, назначался командиром армейского полка, стоявшего в провинции»⁹.

Данная тема представляет значительный интерес, так как выводит нас на анализ специфических взаимоотношений представителей Правящего Дома и русской провинции. В предлагаемой статье мы хотели бы затронуть один из частных аспектов обозначенной темы – взаимоотношения великого князя Михаила Александровича, брата императора Николая II, с г. Орлом и Орловской губернией.

Великий князь Михаил занимает особое место в русской истории XX в.

Если бы не роковая любовная страсть, увлекшая князя на путь нескончаемых авантю¹⁰, данный исторический деятель мог бы сыграть в отечественной истории столь же существенную роль, как Константин Николаевич и Николай Николаевич Старший при Александре II или Владимир Александрович и Алексей Александрович при Александре III. По печальному стечению обстоятельств, сбежавший за границу Михаил уступил значительную часть своей популярности более одиозной и во многом противоречивой по оценкам

последствий деятельности фигуре великого князя Николая Николаевича Младшего (при приблизительно равных интеллектуальных и профессиональных качествах обоих).

Многие современники отмечали неординарность натуры великого князя Михаила Александровича и, в первую очередь, его особенные человеческие качества – мягкость и покладистость характера, умение легко сходитьсь и нравиться людям, отсутствие снобизма, такт и ряд других качеств. Так, Д. И. Абрикосов отмечал, что во время пребывания в доме Шереметьевских (Наталья Сергеевна Вульферт, в девичестве Шереметьевская, была объектом ухаживания Михаила) великого князя, наблюдалась «странная картина»: «Отец Натальи, известный московский адвокат, игнорировал происхождение великого князя и обращался с ним как с простым смертным. Великий князь, который никогда не бывал в обществе обычных людей, наслаждался отсутствием дворцовых церемоний. Те, кто встречался с ним, находили его очень приятным человеком и удивлялись, как мало он знает о реальной жизни»¹¹. Подобный склад характера прослеживался и у брата Михаила – Георгия.

Впрочем, указанные качества оценивались скорее как «слабость натуры» великого князя. Михаила Александровича упрекали в неразборчивости в связях «политического характера» (в частности, близости к графу С. Ю. Витте) и легкой внушаемости, которые, в конечном итоге, могли превратить его в политическую марионетку и привести страну к гибели. Адъютант великого князя А. А. Мордвинов по указанному поводу отмечал: «Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко попадающим под чужое влияние. По натуре он действительно был мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдержаться и быстро остывать»¹².

В связи с бурным романом великого князя и Натальи Вульферт в обществе высказывались серьезные сомнения в его способности к продуманным и взвешенным решениям. Известный русский консерватор генерал А. А. Киреев в 1905 г. отмечал, что Михаил «гораздо ниже» по способностям Николая II¹³ и выражал серьезные сомнения, что к 27 годам великий князь «поумнел»¹⁴. В данном случае речь идет не об умственных качествах, а о способности великого князя быть «ответственным» политическим деятелем, к чему его обязывала принадлежность к Правящему Дому.

Интеллектуальные способности Михаила Александрович не вызывали сомнения, тем более что он получил качественное (для своего времени) домашнее образование. Он обучался в рамках образовательной традиции, заведенной еще со времен Николая I, естественно, с поправкой на эволюцию образования. На ранних стадиях обучения набор учебных предметов мало чем отличался от преподаваемого другим великим князьям. В «Расписании учебных занятий великого князя за 1894–1897 гг.»¹⁵ фигурируют следующие учебные предметы: точные науки – математика (преподаватель Вулих), физика (Боргман), топография (Штубендорф), география (Лапченко), экономика (Витте); гуманитарные – русская словесность (Ратевский), Закон Божий (Енышев), история (Сиповский), французский (Тормейер), английский

(Хис), немецкий (Прейс) языки; эстетическое воспитание – музыка (Риззони, Болидзий), обязательные занятия на флейте, рисование (Лемох). Кроме этого, обязательны были фехтование (Смерчинский), верховая езда и фронтовые учения¹⁶.

Со временем Михаил получает специальное военное образование и проходит практическое обучение (стажировку) в гвардейских частях и подразделениях. Особое место в военном образовании великого князя занимает пребывание в 5-й батарее гвардейской конно-артиллерийской бригады (с 28.04.1900 г.), на базе которой он изучал курс Михайловского артиллерийского училища вместе со своим кузеном Андреем Владимировичем, оставившем об этом событии воспоминания¹⁷. Служба наследника престола практически ничем не отличалась от службы остальных офицеров. Великий князь принимал активное участие в отстреле новых артсистем (скорострельных пушек) и в апробировании их применения в условиях артиллерийского полигона¹⁸. Михаил Александрович был произведен в корнеты л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в 1898 г., а с 1902 г. по 1904 г. стажировался в л.-гв. Преображенском полку. В 1904 г. он возвращается на «постоянное место службы» – в л.-гв. Кирасирский Ее Величества полк. 6 мая 1899 г. великий князь был «пожалован» флигель-адъютантом в Свиту Его Императорского Величества.

Современники отмечали, что специфические особенности характера Михаила сформировались под воздействием его особых отношений с отцом. Александр III не просто любил своего сына, но и сознательно баловал его, позволяя вещи, недопустимые для старших братьев – Николая и Георгия. Граф С. Ю. Витте отмечал: «Больше всех император Александр III любил своего сына Михаила Александровича... Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно»¹⁹. Впрочем, все три сына Александра III были буквально «раздавлены» тяжелым характером и непререкаемым авторитетом отца. Примечателен тот факт, что Николай II испытывал откровенный страх при появлении великого князя Владимира Александровича, в котором он до конца жизни видел продолжение своего отца.

«Провинциальная жизнь» великого князя в качестве орловского помещика, а затем и почетного гражданина г. Орла началась с трагических событий. Связь великого князя Михаила Александровича с г. Орлом обозначилась после смерти его брата Георгия Александровича в июне 1899 г., в управлении которого находилось имение Брасово, располагавшееся на территории Орловской губернии. Брасовское имение было приобретено в собственность великого князя в 1882 г. от камергера Высочайшего двора действительного статского советника В. В. Апраксина за 4 200 000 руб. Общая площадь земель, находившихся в «экономическом пользовании» к середине 1890-х гг., составляла 99 769 дес. 504 кв. сажен. Земли имения находились на территориях Севского и Трубчевского уездов²⁰. поголовье рабочего скота имения в 1894 г. составляло 2587 гол., урожайность зерна – 285 680 т, сена – 22 673 т. Общая доходность имения составляла 302138 руб. в год, при постоянном среднем росте доходности в 1890-х гг. 6,5 % в год²¹.

К моменту смерти брата Михаилу уже исполнилось 20 лет. Старший брат, император Николай II, объявляет его наследником Престола (наследником-цесаревичем). «По наследству» великому князю перешла значительная доля имущества брата (как цесаревича), в том числе Брасовское имение и имение «Дерюгино» в Дмитровском уезде Орловской губернии. Великий князь в одночасье становится орловским помещиком. Впервые свое имение великий князь посещает в апреле 1901 г. В «Орловских ведомостях» указанного времени отмечалось: «В первых числах апреля текущего года Орловская губерния была осчастливлена пребыванием в пределах ея Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича, впервые посетившего Собственное Его Высочества имение «Брасово», расположенное в пределах Севского уезда»²². Великий князь был встречен орловским губернатором А. В. Трубниковым, курским губернатором графом А. Д. Милютиным, орловским губернским предводителем дворянства М. А. Стаховичем и рядом других местных властных чиновников²³. Большая часть времени ушла на осмотр имения и ознакомление с его «хозяйственными особенностями»²⁴.

Первое посещение Орла великим князем состоялось в августе 1903 г., когда он принимал участие в организованной орловским земством сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке и инспектировал «свой павильон» – павильон «Брасовской экономии». На территории Брасовского имения проводились «экономические эксперименты» – имелся опытный конный завод, винокуренные заводы Черниговского (Чернявского), Навлинского, Карачевского, Брасовского, Ивановского и Локоско-Севского уездов, маслобойня и льноделочное заведение²⁵. На выставке демонстрировались достижения указанной «экономии».

С момента превращения г. Орла в губернский центр (формально с 1778 г.) его неоднократно посещали представители Правящего Дома Романовых. Так, в 1786 г. город посетила Екатерина II, в сентябре 1851 г. был проездом наследник-цесаревич Александр Николаевич. Затем, став императором, Александр II, еще дважды посетил город (в 1867 и 1873 гг.). Кроме этого, в город приезжал трагически погибший наследник-цесаревич Николай Александрович, в 1873 г. – императрица Мария Александровна, великие князья Сергей Александрович (со своей супругой Елизаветой Федоровной) и Константин Константинович.

Визит наследника-цесаревича Михаила Александровича воспринимался как особое благорасположение к городу. Очевидец событий отмечал: «Уже за несколько дней до приезда Государя Наследника старый, маститый Орел стал неузнаваемым: пообчистился, принарядился и расправил свои мощные крылья, как бы готовясь к радостному полету на желанную встречу юного брата и наследника обожаемого Царя»²⁶. В городе было воздвигнуто несколько арок с вензельными изображениями Государя Наследника и надписью «26 августа 1906 г.». Михаила Александровича встречали части гарнизона: 51-го драгунского Черниговского, 151-го пехотного Можайского, 142-го Звенигородского полков, во главе с начальником гарнизона генерал-лейтенантом Александром Игнатьевичем Коссовичем.²⁷ Здесь же были исполняющий должность губернатора К.А.Балясный, а также значительная группа местных чиновников разно-

го ранга и горожан. Михаил, посетив основные достопримечательности города и «свой павильон», был поражен степенью верноподданнических настроений орловцев. Пообщавшись на этнографическом отделе выставки с членами Орловской ученой архивной комиссии, великий князь взял ее деятельность под свое покровительство. В документе, направленном в МВД, указывалось: «Орловская учетная Архивная Комиссия довела до сведения Министерства Внутренних Дел, что 26 августа сего года Его Императорское Высочество Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича благоволил выразить согласие на принятие под свое Августейшее Покровительство названную Архивную Комиссию...»²⁸

И все-таки наибольший интерес представляет так называемая «почетная ссылка» великого князя в Орел в качестве командующего 51-м драгунским, а с 1909 г. 17-м гусарским Черниговским полком. Причиной «ссылки» стало любовное увлечение молодого и не искусенного в амурных делах великого князя.

В силу экзальтированности своей натуры великий князь легко поддавался любовным увлечениям. Первой его избранницей была фрейлина великой княгини Ольги Александровны Александра Владимировна Коссиковская («Дина»). Комментируя развивающийся роман, генерал Киреев писал: «Великий князь Михаил Александрович настаивает на том, чтобы жениться на Коссиковской, хотя она уже некрасива и старше его. Это опасно, потому что ведь наследник ещё очень мал, доживет ли он до царства или нет? Это очень сомнительно. Стало быть, рисковать опасно, а если Михаил Александрович женится на Коссиковской, то ведь ему придется отказаться от престола...»²⁹ Впрочем, данную связь удалось «разрушить». Были использованы все средства, вплоть до апелляции к патриотическому чувству Ольги Александровны³⁰. Примечательно, что в это время у Михаила обнаруживается язва желудка, что, по всей вероятности, могло быть связано с перенесенным им «любовным стрессом».

Второй трагический любовный роман, приведший великого князя в «орловскую почетную ссылку», разыгрался в 1908 г. в период командования Михаилом Александровичем одним из эскадронов л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Графиня Л. Воронцова-Дашкова вспоминала: «Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из полковых праздников Великому князю в числе других жен офицеров была представлена Наталья Сергеевна Вульферт. Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло в длительный роман, закончившийся браком и отречением Великого князя от всех присущих ему по положению прав»³¹.

Узнав о тайных встречах брата и последовательном желании жениться на Наталье Сергеевне, Николай II решает помочь ему избежать необдуманного решения путем назначения на должность командира 17-го Черниговского гусарского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны полка³². Назначение было объявлено в «Высочайшем повелении» 16 мая 1909 г.³³

Необходимо учитывать, что по кодексу «гвардейской чести» Михаил Александрович совершил неблаговидный поступок, за который «простой смертный» гвардеец должен был не только покинуть любую гвардейскую часть, тем более

один из полков «тяжелой кавалерии», но и мог лишиться офицерского звания³⁴. Откровенных адюльтеров в гвардии, как правило, не прощали.

Михаил Александрович прибыл в Орел и вступил в командование полком 7 июня 1909 г. Орловский губернатор оповестил местных чиновников о прибытии великого князя следующей телеграммой: «В дополнение к предложению от 1 июня за №3450, сообщаю Вам, Милостивый Государь, что согласно телеграммы, полученной от г. Адъютанта Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича, полковника Мордвинова, Его Высочество имеет прибыть в г. Орел 7 сего июня в 8 час. утра и что прием депутации может состояться на вокзале тотчас по прибытии поезда»³⁵. По приезде в Орел губернским земством Михаилу была поднесена икона святителя орловской земли Св. Кукши, изготовленная в г. Москве в магазине икон Силина³⁶.

17-й Черниговский гусарский полк, дислоцирующийся в Орле с 1896 г., имел значительную историю, начало которой возводилось к эпохе правления Алексея Михайловича Романова (старшинство полка с 1668 г.).

Предком черниговских гусар считается один из Компанейских или Охоче-комонных полков при московском царе, сформированных гетманом Малороссии Демьяном Игнатьевичем Многогрешным. Во время Полтавской битвы компанейцы составляли личную охрану гетмана Ивана Скоропадского и принимали участие в преследовании шведов. С 1775 г. полк считается регулярным, а с 1779 г. получает название Черниговский легкоконный. Затем, уже как Черниговский карабинерный, принимает участие под общим командованием А. В. Суворова в делах при Фокштанах и Рымнике. Павел I трансформирует полк в кирасирский, а Александр I – в драгунский. Полк принимает участие в сражениях при Шенграбене и Аустерлице. Черниговцы также отличились в Бородинской битве, где полк потерял 17 офицеров и нижних чинов убитыми, а 104 – ранеными. В декабре 1812 г. полк был переименован в конно-егерский. Затем были заграничные походы, участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и «польских событиях» 1831 г.³⁷ Но в 1833 г. полк был расформирован и восстановлен только 16.09.1896 г. в составе 6 эскадронов под названием 51-й драгунский Черниговский полк. В материалах по истории полка отмечалось: «10(?) сентября 1896 г. из 6-ти эскадронов, выделенных из бывших 9, 21, 15, 39, 45 и 46 драгунских полков, был сформирован новый драгунский полк, которому в память старого, расформированного в 1833 году Черниговского Конно-егерского полка, присвоено было название “Черниговского” драгунского и №51»³⁸.

Шефом указанного полка с 19.08.1898 г. по 3.09.1911 г. являлась великая княгиня Елизавета Федоровна. Великая княгиня принимала действенное участие в жизни полка, на что указывает значительный массив телеграмм периода ее шефства³⁹. Затем шефство над полком возьмет сам Михаил Александрович. Начиная с 1898 г. полком командовали полковники А. А. Цуриков (1898–1901 гг.), В. С. Зенкевич (1902–1904 гг.), А. М. фон Кауфман (1905–1907 гг.) и Н. В. Урусов (1909 г.)⁴⁰.

Командование полком практически не утруждало великого князя, так как он постоянно находился в разъездах, в том числе и за границей (Германия,

Великобритания). О своих отлучках великий князь уведомлял полковых офицеров соответствующими телеграммами. В качестве иллюстрации можно привести одну из них: «Орел из Петербурга Аничк. дворец. 25.04.1910. Уведомляю, что сегодня уезжаю в Англию, куда высочайше командирован на похороны короля, предполагаю вернуться через десять дней»⁴¹.

Формально местом проживания великого князя в Орле становится дом В. Н. Ляковского на Борисоглебской улице («дом с львами») ⁴². Общее командование полком осуществлял старший полковник Н. С. Блохин.

Полк неоднократно получал «благодарность» от командира 2-й отдельной кавалерийской бригады, бывшего генерал-квартирмистра Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-лейтенанта Павла Александровича Стаховича. Михаилу Александровичу, в свою очередь, оставалось только благодарить полк и лично полковника Н. С. Блохина. Вот пример одной из таких телеграмм: «Телеграмма. Орел полковнику Блохину. Из Гатчины. Дворец. Благодарю за телеграмму, получил также от генерала Стаховича о блестящем смотре, рад, что наш полк заслужил похвалу бригадного командира, передайте от моего имени благодарность полку. Михаил»⁴³.

Позднее, по протекции великого князя, полковник Н. С. Блохин получает Черниговцев в свот полномочное командование (с 1911 по 1914 гг.). Михаил всегда относился с крайним уважением к своему личному и профессиональному окружению. Это видно на примере его адъютантов А. А. Мордвинова и Н. А. Врангеля, которым, несмотря на установленную над Михаилом опеку, в связи с женитьбой на Наталье Сергеевне, он выхлопотал по 150 000 руб., помещенных в бумагах 4%-й государственной ренты, то есть по 6 000 руб. годовых⁴⁴.

В конечном итоге за успешное командование полком великий князь получает «крайне благоприятную» аттестацию генерала П. А. Стаховича. В ней отмечалось следующее: «Командир 17 гус. Черниговского полка, Флигель-Адъютант, Полковник Его Императорского высочества Великий Князь Михаил Александрович – выдающийся, достоин выдвижения на должность командира гвардейского кавалерийского полка и начальника отдельной кавалерийской бригады вне очереди»⁴⁵. За период пребывания Михаила в г. Орле никаких серьезных происшествий ни в частях гарнизона, ни в городе не произошло.

В декабре 1909 г. Орловская городская дума выступила с инициативой о присвоении великому князю Михаилу Александровичу звания Почетного гражданина г. Орла «дабы увековечить в сердцах граждан Орла счастливое событие в жизни родного города – длительное пребывание ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА среди граждан города»⁴⁶. Параллельно инициативы подобного рода выдвинули граждане г. Ельца и г. Севска⁴⁷. В конечном итоге 20 декабря 1909 г. Николай II «Всемилоостливейше соизволил» на присвоение великому князю Михаилу Александровичу звания Почётного гражданина г. Орла⁴⁸.

Михаил Александрович окончательно покидает Орел в 1911 г. Он оставляет пределы России и выезжает с Натальей Сергеевной, за развод которой с поручиком Владимиром Владимировичем Вульффертом они бились весь 1910 г., за границу. К этому моменту у них рождается ребенок, получивший

имя в память среднего брата Михаила – Георгий. Михаил клятвенно заверяет императора, что «жениться на ней [Наталье Сергеевне]... намерений не имеет»⁴⁹. Как известно, «клятвенное» свое обещание великий князь не сдержал. Михаил Александрович вернулся в Россию только в 1914 г. Его супруга получила титул графини Брасовой по названию Орловского имения великого князя.

Великий князь Михаил Александрович разделил трагическую судьбу своего старшего брата. Примечателен тот факт, что «брасовский след» активно отслеживался большевиками за границей. Советские спецслужбы проявляли неподдельный интерес к сыну Михаила Александровича Георгию Михайловичу Брасову, жизнь которого оборвалась в 21 год во время автомобильной катастрофы. Наталья Сергеевна умерла в 1952 г. в Париже в крайней бедности.

На примере судьбы великого князя Михаила Александровича наглядно прослеживается процесс общего перерождения политической власти Российской Империи. Постепенно уходящий в историческое небытие аристократический принцип ее формирования, сопровождаемый серьезной мировоззренческой ломкой, был сопряжен с сознательным политическим эскапизмом несменяемых представителей власти «по праву рождения», их желанием получать от жизни простые, «земные» блага и нежеланием брать на себя избыточную ответственность за судьбы страны. К началу XX в. Правящий Имперский Дом был серьезно утомлен 200-летним политическим аскетизмом.

Примечания

¹ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона с иллюстрациями и дополнительными материалами [Электрон. ресурс]. М.: ООО «ИДДК ГРУПП», 2003. Диск «Тексты». Статья «Российский императорский дом».

² Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1: Свод Основных Государственных законов. Спб., 1906; Продолжение Свода законов Российской Империи. Ч. 1. Спб., 1912. Ст. 126.

³ Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний. М., 1991. С.14.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ При этом не учитывается 12 князей императорской крови: 6 сыновей великого князя Константина Константиновича (Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь, Георгий) и 6 сыновей великого князя Александра Михайловича (Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий).

⁷ Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1: Свод Основных Государственных законов. Спб., 1906; Продолжение Свода законов Российской Империи. Ч. 1. Спб., 1912, Ст. 183.

⁸ Только в 1909 г. Николай II возвратил ему звание полковника и флигель-адъютанта.

⁹ *Мордвинов А. А.* Великий князь Михаил Александрович // Возрождение (Париж). 1938. 9 дек.

¹⁰ В сущности, одной авантюры растянутой во времени.

¹¹ Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Абрикосова // Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 288.

¹² *Мордвинов А. А.* Великий князь Михаил Александрович.

¹³ *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 // сост. К. А.Соловьев. М., 2010. С. 194.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ То есть с 16 по 19 лет. Великий князь родился 22.11.1878 г.

¹⁶ ГАРФ. Ф.668. Оп. 1. М/ф. Д. 120 (1: Л. 1–31; 2: Л. 1–27).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 12 (об.)

¹⁹ *Butte С. Ю.* Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 282.

²⁰ Краткий очерк Брасовского имения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича. Орел, 1895. С. 3.

²¹ Там же. Графическое приложение. Таблицы 1–3.

²² Орловские губернские ведомости. 1901. № 19. 10 марта. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 4.

²⁵ ГАОО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 17, 20, 53, 59, 92.

²⁶ *Попов Н. С.* Пребывание Его Императорского высочества Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича в Орле 26 августа 1903 г. Орел, 1903. С. 7.

²⁷ В «Списке генералам по старшинству» от 1 сентября 1896 г. (С. 783) приводятся следующие сведения: «Выпускник Владимирской гимназии, Константиновского военного училища и Николаевской инженерной академии (2 разряд), участник событий 1863–1864 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. До командования гарнизоном возглавлял 1 бригаду 1 гренадерской дивизии. Женат, трое детей».

²⁸ ГАОО. Ф. 580. Стол 2. Оп. 1. Е.хр. 3001. Л. 1.

²⁹ *Киреев А. А.* Указ. соч. С. 234.

³⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 166–167.

³¹ *Хрусталеv В. М., Лыкова Л. А.* Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы [Электрон. ресурс]. Пермь, 1996. Режим доступа: http://www.tsaarinikolai.com/tekstit/Mihail_Romanov_11.pdf.

³² Указанное название полк получил 6.12.1907 г., до этого числился как 51-й драгунский Черниговский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

³³ Памятка 17-го гусарского Черниговского Е. И. Выс. В. К. Михаила Александровича полка (1668–1911 гг.). Составлена М. К. Соколовским. Спб., 1911. С. 30.

³⁴ Классический пример – судьба В. В. Бискупского, тайно женившегося на шансонетке Вьяльцевой. Вследствие чего он был вынужден покинуть л.-гв. Конный полк.

³⁵ ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Стол 2. Д. 3613. Л. 5.

³⁶ ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Е.хр. 282.

³⁷ Памятка 17-го гусарского Черниговского Е. И. Выс. В. К. Михаила Александровича полка (1668–1911 гг.); Памятка Черниговского драгуна: «5 против 30», 1805–1905. Орел, 1907.

³⁸ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Е.хр. 6. Л. 2.

³⁹ ГАОО. Ф. 305. 1902–1913. Оп. 1. Е.хр. 7.

⁴⁰ Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии на 1898–1914 гг. Орел, 1898–1914.

⁴¹ ГАОО. Ф. 305. 1902–1913. Оп. 1. Е.хр. 7. Л. 41.

⁴² ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Е.х. 1110. Л. 30.

⁴³ ГАОО. Ф. 305. 1902–1913. Оп. 1. Е.хр. 7. Л. 23.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 126. Л. 2–2(обр.).

⁴⁶ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 2. 1909. Л. 307.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5–1. Д. 1а. 1911. Там же. Л. 128–129.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 2. 1909. Л. 311.

⁴⁹ Там же. Д. 33. Л. 1.

И. Т. Шатохин
С. Б. Шатохина

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.
В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
И УХАЖИВАНИЕ ЗА НЕВЕСТОЙ**

Частная жизнь российских чиновников не всегда находила отражение на страницах их воспоминаний. В тех же случаях, когда они повествовали о семье, детях, родственниках, то степень детализации и искренности часто оставляла желать лучшего. Особенной закрытостью отмечены темы, связанные с первой любовью, ухаживанием за невестой, женитьбой. Тем не менее, в постоянно пополняющемся комплексе опубликованных воспоминаний можно найти ряд интересных произведений, авторы которых находили возможным поделиться с читателями даже такими чувствами, как переживания, связанные с первой любовью.

Описание событий, связанных с первой любовью авторов, с их ухаживанием за невестами – будущими женами, – редкое явление в мемуарах чиновников. Не каждый мемуарист даже на закате жизни решался по этическим соображениям раскрывать подробности, факты и обстоятельства, связанные с жизнью других людей. Поэтому в текстах не всегда присутствуют имена молодых дам, ставших предметом увлечения авторов воспоминаний. Нередко эти имена скрыты за инициалами, особенно если любовь автора не была взаимной. Были и другие щепетильные обстоятельства, когда, например, молодой человек с тяжелым сердцем принимал решение оставить предмет своего внимания в покое и даже на время покинуть город. Например, молодой чиновник Переселенческого управления Министерства земледелия А. А. Татищев выбрал именно такой способ, чтобы прервать отношения с дамой, за которой он активно ухаживал несколько месяцев: «конец этой зимы (1907–1908 гг. – *Ш.И., Ш.С.*) оставил во мне довольно тягостное по себе воспоминание. Мое увлечение К.Ш. очень сердило Мама, которая желала для меня другого человека, и из ее слов я понял, этого недоброжелательства не устранить, и не считал себя почему-то вправе подвергать любимого мною человека оскорбительному недоброжелательству моей матери. Вместе с тем я не был и вполне уверен в ответственности чувства с другой стороны. Все это меня очень мучило, и тем не менее я старался каждый день видаться и даже, помню, раз ушел со службы, чтобы пойти кататься на лыжах на острова. Все это разрешилось на масленице каким-то паратифом, уложившим меня в постель и, несмотря на кратковременность (помнится около 10 дней), страшно меня ослабившим, так что я уехал в Беллицы отдыхать. <...> В итоге во мне сложилось твердое намерение переменить обстановку и на время уехать из Петербурга. Обстоятельства мне благоприятствовали. Переселенческое управление организовало летом 1908 года ряд

экспедиций по обследованию незаселенных пространств Азиатской России, и я решил... просить назначения в состав одной из экспедиций»¹.

Приведенный фрагмент из воспоминаний А. А. Татищева, на наш взгляд, можно рассматривать как определенный индикатор изменения стереотипов поведения поколения молодых людей начала XX в. в стандартной ситуации «ухаживание – женитьба». Разрушение патриархальных традиций в семье, связанное с общей модернизацией общественных отношений, коснулось и поведенческих стереотипов в системном треугольнике «родители (мать и/или отец)» – сын (дочь) – невеста сына (жених дочери)». Из выше приведенной цитаты следует, что А. А. Татищев принял решение о прекращении отношений со своей невестой не по тому, что его кандидатура в спутницы жизни не получила одобрение со стороны его матери, а скорее по комплексу причин. Доминирующей причиной, как нам представляется, было то, что он не хотел создавать сложности для любимой дамы и подвергать ее «оскорбительному недоброежелательству» его матери. Акцент автором сделан именно на нежелание создать психологически сложную атмосферу для своей невесты, если она станет его женой. А вот то, что эта же атмосфера будет создана и для его матери, он не пишет, хотя, конечно же, подразумевает это. Не решается настаивать на своем выборе автор еще и потому, что сам окажется между двумя дорогими и любимыми для себя людьми в ситуации постоянного сглаживания противоречий и конфликтов.

Типичный пример первой юношеской любви, хлопот и переживаний с этим связанных, можно найти в мемуарах князя В. А. Друцкого-Соколинского. Завершая обучение в Училище правоведения, он мечтал стать одним из первых на выпуске и получить золотую медаль. Однако этому не суждено было сбыться: «Уже в октябре нам приходилось сдавать более 600 страниц уголовного права и потому работы было достаточно. Сдал я эти репетиции хорошо и по всем предметам – уголовному, гражданскому и римскому праву – получил по двенадцати. Уже товарищи и Соболевский указывали на меня как на одного из будущих медалистов, как вдруг одно обстоятельство выбило меня совершенно из колеи, отняло всякое желание заниматься, низведя меня на декабрьских репетициях до средней категории воспитанников. Я влюбился. В то время среди подростков-барышень была графиня Надежда Сергеевна Толстая, маленькая веселая толстушка, хорошенькая, неглупая, и вот в эту Наденьку я влюбился. Хлопот образовалось много: надо было вовремя попасть на Мойку, 16, исхитриться остаться там обедать, чтобы дольше побыть со своим «предметом», выйти в определенный час на набережную, чтобы ее встретить, попасть на танцевальное утро к таким-то и т. д. Голова моя занята была Наденькой, но не уголовным правом, и потому в декабре Таганцев поставил мне 10, Grimm – 9, и все мои мечты о золотой медали были таким образом похоронены. С этого момента мои занятия приняли иную форму: я работал, но без энтузиазма и особой усидчивости, ибо медаль как цель была утеряна. Поэтому перешел я в I класс во втором десятке, а окончил училище вторым после медальеров, иначе сказать девятым,

ибо медалей золотых и серебряных у нас было всего семь. Так тонут маленькие дети!.. Кстати сказать, роман мой никаких последствий не имел, и, уже, будучи штатским, я весьма равнодушно присутствовал на свадьбе Наденьки, вышедшей замуж за гвардейского улана А. П. Коцебу»².

Историю первой любви и горького разочарования поведал еще один мемуарист – видный сановник в Министерстве Императорского двора В. С. Кривенко. Будучи 15-летним кадетом в Полтаве, он стал бывать в доме состоятельного семейства Ждановичей. С первого своего визита он легко подружился с их единственной дочерью. «Лида заметила нас из окна и встретила в передней. Из соседней комнаты слышались звуки вальса. Еле я успел снять пальто и неловко, конфузясь, поклониться девушке, как она подхватила меня и заставила влететь в гостиную вальсом. Розовенькое, смеющееся личико, черные глаза и вообще вся хорошенькая фигурка сразу произвели на меня, затворника, одуряющее впечатление. Я, ни за что не соглашавшийся на корпусном вечере войти в танцевальную залу, удивлялся, как это так свободно танцую с барышней. Меня оставили обедать, и я вернулся в корпус в восторженном состоянии. Старик Жданович пригласил меня бывать у них, и я этим воспользовался, явившись на следующее воскресенье. Плутовка Лида подметила мое к ней неравнодушие и слегка кокетничала со мной; правда я был единственным кавалером»³.

Зарождению светлого чувства у подростка способствовал не только возраст, но и то, что он, обучаясь в закрытом военизированном учебном заведении, не имел опыта общения с девушками, поэтому первая же симпатичная сверстница с легкостью завладела его сердцем. Для юной девушки, которую родители специально привезли на зиму в город, чтобы вывозить в свет, сверстник-кадет был кавалером, приятным собеседником и танцором, а танцевать она любила. «Прошел месяц. Лида делала мне глазки, позволяла целовать кончики розовых пальчиков и вздыхать, вздыхать!.. Я был на седьмом небе и мечтал, что такое блаженное состояние продолжится вечно. Приближался Николин день, который знаменовался всегда большим балом в институте, куда приглашалось самое избранное местное дамское общество, а для танцев – кадеты. Я раньше никогда не был на этом балу, но слышал многое от моего товарища, сына директрисы, и рассказывал Лидии о предстоящем веселом торжестве. Она захотела во что бы то ни стало попасть туда и пристала с этим и к матери, и к отцу. Мне лично не очень улыбалась перспектива ее выезда. Как бы хорошо, думалось мне, не нарушать заведенного порядка и быть подальше от других, от усатых кавалеров, от возможных соперников. Ждановичи не знали никого из институтской администрации и, следовательно, попасть на бал было нельзя. Лида страшно огорчилась и, вбежав в свою беленькую комнатку, бросилась на диван, уткнулась в подушку и горько расплакалась. Мне стало невыразимо жаль это маленькое, хорошенькое создание, и я решил утешить ее. – Лида, не плачьте. Вы будете танцевать на балу, я вам это устрою. Клянусь!»⁴

Влюбленный кадет выполнил клятву и организовал приглашение Лизы на бал. Однако его опасения сбылись: Лида без сожаления в течение первого

же танца променяла его на первого попавшегося «усатого кавалера», вмиг разбив любящее сердце и возвышенные мечтания В. С. Кривенко. «Перед кадрилию я встретился в коридоре с сияющей Лидой; она была в белом платье убранном цветами. Не знаю, как другим, но мне она показалась положительной красавицей и недосыгаемой. Первая кадрилию заранее была мне обещана. Послышался ритурнель. Лида оперлась на мою руку, и я, не слыша под собою ног, горделиво вошел в залу. Визави мой, однако, не явился; видимо, он струсил и забился в одну из классных комнат. Меня это нисколько не огорчило, и я с удовольствием променял бы кадрилию на беседу *tete a tete* в коридоре; но моя дама была не того мнения и приказывала мне разыскать визави. Фон Драншем, стоявший недалеко и присматривавшийся к Лиде, услышал, в чем дело, приказал мне представить его ей и предложил свои услуги в качестве визави. По мере того, как одна фигура сменялась другою, я чувствовал, что Лида уходит от меня все дальше и дальше... Она не спускала глаз с ловкого конно-артиллериста, который, позванивая шпорами, молодецкато проделывал балансе и шены. На моих глазах, в течение четверти часа деревенская беззаботная барышня без боя сдалась и впорхнула в клетку на всю жизнь. Ревность клокотала в моей груди, а поручик торжествовал, и я слышал, как ему обещали и вторую кадрилию, и мазурку. Какая неблагодарность! Я же ее сам сюда пригласил, и теперь казись!»⁵. Несмотря на то что В. С. Кривенко писал воспоминания на склоне лет, вышеприведенные цитаты свидетельствуют, что первая любовь оставила в его душе глубокий и противоречивый след. Нежность и искренность этого чувства, смешанные с горечью и обидой от предательства дорогого и милого создания, не стерлись за долгие годы в его памяти и сердце.

Пожалуй, наиболее подробно развитие отношений от первой встречи со своей избранницей до свадьбы описал в своих мемуарах М. М. Осоргин. Несомненный интерес представляет тот фрагмент воспоминаний, где автор рассказывает о зарождении чувства и признании себя местным обществом женихом конкретной девушки. «12-го июня (1886 г. – *Ш. И., Ш. С.*), в день рождения Мама, приехали к нам ее поздравить обе княжны Трубецкие с братьями. Приехали они пароходом, я их встретил в линейке и прямо отвез в церковь. Помню, как, подъезжая, на паперти увидел трех нищих, которых по обычаю в этот день собирали, чтобы дать по церковному преданию три милостыни – в память Петра, Онуфрия и Арсения. Мама очень строго придерживалась этого обычая, и я сам этих нищих щедро одарил. В голове еще у меня ничего не созрело, но рад я был очень увидеть княжну Елизавету Николаевну. Много мы с ней гуляли вместе с остальными, но всегда рядом, по саду; помню, как на Мариинской аллее она мне в подробности с большим волнением рассказывала смерть своей тетушки Марии Алексеевны Лопухиной. Там же у нас зашел разговор о романе *Julie de Friscoeur*, и мне в первый раз в жизни совершенно легко говорилось и я чувствовал себя вполне свободно. В ней я не чувствовал ни насмешки, как в младшей ее сестре, ни натянутости, и вот в этот раз сознал, что по отношению именно

к ней у меня что-то большее, чем простой интерес. Когда они уехали, стало мне очень грустно, и я был рад перспективе их вновь увидеть, так как с Варей (сестра автора. – Ш. И., Ш. С.) были приглашены принять участие у них в спектакле, устраиваемом 23-го июня по случаю именин их *grande tante*, княжны Аграфены Александровны Оболенской. Тетушка эта не приехала в Калугу, а спектакль все-таки был устроен; для всех он был очень веселый, а для меня и очень счастливый, так как после него я стал женихом»⁶.

Другие авторы или вовсе не пишут в своих мемуарах о романтическом периоде ухаживания за своими будущими женами, или упоминают об этом вскользь. Например, А. Н. Трубникова, судя по его воспоминаниям, в 1880 г. после возвращения с русско-турецкой войны больше всего волновало расставание с боевыми товарищами по Уланскому полку и получение выгодной должности, чем романтика складывания отношений с невестой: «Несмотря на такое лестное предложение, я очень горячо поблагодарил Л. С. Макова и все-таки отложил свой выход из полка, так как грустно было оставлять полк и навсегда расставаться с товарищами. А время шло, и мне предстояло жениться, и оставаться в полку было невыносимо, а, тем более, мне представлялось такое хорошее назначение, как чиновником особых поручений при министре внутренних дел. Поэтому я в 1880 г. в лагерь не пошел, а жил в Петербурге, навещая свою невесту, подав прошение о переводе меня в гражданское ведомство»⁷.

Генерал П. Г. Курлов, например, мог бы поведать своим читателям о романтической истории своей первой женитьбы, когда он увез чужую невесту в день свадьбы из дома жениха. Об этом долго судачила Кострома, поэтому эта история не могла не попасть на страницы воспоминаний князя В. А. Друцкого-Соколинского, служившего в 1907–1913 гг. здесь в губернском правлении. «Помню, что одним из первых был наш визит к Чумаковым, миллионерам, фабрикантам махорки и владельцам огромной фабрики в самом городе Костроме. Чумаковых было два брата – Иван и Михаил Михайловичи. Иван был холост. Михаил – женат и обоим было уже тогда за 50. В свое время Иван собрался жениться, и дело дошло уже до дня свадьбы, однако поистине: “не кажи гоп, пока не перескочишь”, как говорят хохлы, ибо пока жених одевался, чтобы ехать в церковь, к воротам чумаковского дома подъехала лихая тройка, красивый товарищ прокурора местного окружного суда выскочил из коляски, из окна невестиной комнаты дан был условный сигнал, приятели товарища прокурора вынесли по черной лестнице чемоданы, он сам ухватил свою Дульсинею и, пользуясь темнотой, умчал ее навстречу лучезарному счастью, ярким светом озарявшему предприимчивого товарища прокурора. <...> Лихой товарищ прокурора был не кто иной, как П. Г. Курлов, впоследствии минский губернатор, а потом и товарищ министра, а Дульсиня – его первая жена, урожденная Вахрамеева»⁸. Однако генерал П. Г. Курлов в своих воспоминаниях не нашел места для такого рода сведений. На страницах его мемуаров нет места его родным и близким, даже слово «семья» упоминается всего дважды: 1) в предисловии, когда он говорит о долге «перед моею семьею»;

2) в последнем абзаце мемуаров, когда он прощается с Родиной: «16 августа 1918 года оставил я Россию, с тяжелым чувством, что старой России я больше никогда не увижу и что едва ли мне и моей семье придется когда-нибудь вернуться на родину»⁹.

В мемуарах чиновников практически не найти описаний событий, связанных с женитьбой. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, гендерными различиями в восприятии этого важнейшего события в жизни человека. Для женщины в рассматриваемый период выход замуж – это своеобразная жизненная революция, связанная с изменениями фамилии (принадлежности к роду), переход в дом или семью мужа, в то время как для мужчины этот этап не нес в себе столь радикальных перемен. Вероятно, поэтому упоминание самого факта женитьбы лишь иногда можно встретить у мемуаристов и, как правило, без каких-либо подробностей. Так, князь С. Д. Урусов об этом событии сообщает практически в телеграфном стиле: «30 июня (1885 г. – Ш. И., Ш. С.) в Церкви Спаса на Песках я был обвенчан с дочерью председателя Московского окружного суда В. Н. Лаврова и в тот же день вечером выехал с женой в Калугу, а оттуда в имение родителей моей жены, отстоявшее от Калуги в 14 верстах»¹⁰.

Воспоминания орловского губернатора А. Н. Трубникова подтверждают наш тезис о существенной гендерной разнице в восприятии свадьбы. Как видно из его мемуаров, он сильно любил свою рано умершую жену, однако о свадьбе он сообщает мимоходом: «Я, по совету А. И. Деспот-Зеновича, сделал кое-кому визиты, а в ноябре месяце была назначена моя свадьба, а потому я не очень торопился с занятиями по МВД»¹¹. И далее упоминания о свадьбе привязаны к другим событиям: «Мы женились 9-го ноября 1880 г., а к 9 ноября 1882 г. у нас было уже два мальчика – Николай и Александр, и между ними была разница 1 год с небольшим. Вскоре после нашей свадьбы наступило “прощенное” воскресенье 1-го марта, и этот день сделался историческим, потому что в этот день был убит государь император Александр II. А дело было так»¹². Последнее упоминание свадьбы, которая, несомненно, была определенной координатой в жизни автора, так же подтверждает логику нашего подхода. Важное семейное торжество в его восприятии отступает на второй план на фоне более масштабного и значимого для автора события – гибели императора. Если о свадьбе он только упоминает, пусть и не однажды, то свое восприятие событий, свои переживания и действия 1 марта 1881 года он описал подробно и обстоятельно¹³.

Развивая тезис о гендерном различии в восприятии свадьбы как рубежного события в жизни человека, следует обратить внимание на следующее размышление М. М. Осоргина. «Наступило лето 1886 года, в котором перевернулась вся моя жизнь: я женился и для меня началась совершенно новая пора. Создавая свое новое гнездо, свою новую семью, строил я свою жизнь, собирая лучшее как из своей семьи, так и из семьи моей жены. В начале все то, что было нового у Трубецких, что не соответствовало укладу семьи Осоргинской, казалось мне самым настоящим и хотелось мне все переделать на новый лад;

но с течением времени анализ брал верх, и, воздавая должное всему прекрасному семьи моей жены, я все более научился ценить и те сокровища любви и горячности, скромности и отсутствия самомнения, которыми была богата семья Осоргиных»¹⁴. Несомненно, что для автора бракосочетание стало отправной точкой для серьезной творческой работы по формированию такого жизненного уклада своей семьи, который органически сочетал бы самые лучшие и достойные элементы из опыта семьи своих родителей и семьи родителей жены. Однако, создание этого нового уклада, как видно из приведенной цитаты, осуществлял сам М. М. Осоргин.

Таким образом, проанализировав даже небольшое количество мемуаров, можно утверждать, что эти источники дают некоторый объем информации, позволяющий получить представление об обычно закрытой стороне частной жизни. Темы первой любви, ухода за невестой в той или иной степени находили свое отражение в мемуарной литературе. Подготовка к бракосочетанию, сама свадьба или вовсе не упоминались, или же авторы об этом говорили как о само собой разумеющихся фактах биографии. Вероятно, в силу гендерных особенностей восприятия этой стороны частной жизни, для мужчин свадебные сюжеты были мало интересными. Следует отметить, что у многих авторов рассказы о первой любви и уходе за невестой имеют яркую эмоциональную окраску. Порой создается впечатление, что мемуаристы заново переживали свои юношеские чувства. Эти аспекты могут стать отправной точкой при проведении историко-психологического исследования частной жизни российского чиновничества рассматриваемого периода.

Примечания

¹ *Татищев А. А.* Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. С. 53.

² *Друцкой-Соколинский В. А.* Да благословенна память: Записки русского дворянина (1880–1914 гг.) / сост. ред. А. В. Воробьев. Орел: Вариант В, 1996. С. 137–138.

³ *Кривенко В. С.* В Министерстве двора: Воспоминания. СПб.: Нестер-История, 2006. С. 88.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М.: Рос. фонд культуры: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 2008. С. 310.

⁷ *Трубников А. Н.* Воспоминания / вступ. статья, сост., коммент., указ. А. С. Минакова. Орел: Александр Воробьев, 2004. С. 38.

⁸ *Друцкой-Соколинский В. А.* Да благословенна память. С. 268–269.

⁹ *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 10, 297

¹⁰ *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы / вступ. статья, подгот. текста, сост. и коммент. Н. Б. Хайловой. М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 153.

¹¹ *Трубников А. Н.* Воспоминания. С. 39.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 40–42.

¹⁴ *Осоргин М. М.* Воспоминания. С. 310.

РАЗДЕЛ III

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ XVIII – НАЧАЛА XX В. (ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ)

М. П. Мохначева

ИМПЕРАТОРСКИЙ КОНВОЙ: 200 ЛЕТ ИСТОРИИ

2011 г. и два следующих богаты на исторические юбилеи, знаковые в истории России и ее многонациональной культуры. 2011 г. войдет в историю страны как год 150-летия отмены крепостного права, 300-летия петербургского издательского дела, полиграфии и журналистики, 200-летия истории Императорского конвоя, предтечи Собственного Его Императорского Величества Конвоя (далее – СЕИВК).

Безусловно, у каждой из этих дат свой вектор, свой собственный глубокий след в истории России, соизмеримый в масштабах страны с предстоящим в 2013 г. 400-летием Дома Романовых, а в истории мировой цивилизации и культуры – с европеизацией России.

Выбор истории СЕИВК в качестве темы доклада на IV Романовских чтениях «Династия Романовых в судьбах российских земель» обусловлен рядом причин, главная из которых – насущная потребность осмыслить роль СЕИВК не только в контексте истории Дома Романовых, но и сквозь призму повседневной жизни горцев Кавказа, из которых формировались команды Конвоя. Историография СЕИВК переплетена с военной историей России, в меньшей мере обращена к истории церемониалов Дома Романовых. Отметим наиболее значимые в этом списке труды С. Петина «Собственный Его Императорского Величества Конвой» (СПб., 1842), Б. Хрещатинского «История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка» (СПб., 1913), а также труд И. Н. Оприца «Лейб-гвардии казачий Его Величества полк в годы революции и гражданской войны 1917–1920» (Париж, 1939).

Краткий, но содержательный обзор историографии императорского конвоя изложен в электронном издании работы Д. Сень «Императорский конвой и участие в нем казаков Кубани»¹. Из него следует, что роль императорского конвоя в социокультурных преобразованиях на Кавказе, включая быт и семейный уклад горцев, увы, продолжает оставаться на периферии исследовательских интересов. Причин несколько, но все они, на наш взгляд, упираются в проблему междисциплинарных подходов к осмыслению накопленного знания.

© М. П. Мохначева, 2011

Отметим монографию Э. Шеуджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» (М.; Майкоп, 2010), где автор ставит перед будущими исследователями истории народов Кавказа ряд когнитивных задач, среди которых первоочередными применительно к истории СЕИВК являются две: обращение к феномену краеведения Кавказа как форме «наведения мостов» между устной и письменной памятью и «историческая память и историография: встречное движение», где в качестве концептов или ключей к решению каждой задачи предложены очень точные наукоемкие по сути высказывания Р. Осборна о прошлом, как «стране открытий», которая «служит фоном, на котором разворачиваются истории, рассказываемые нами другим и самим себе», и Р. Коллингууда: «Наука вообще... не заключается в коллекционировании приобретенного знания и в той или иной его систематизации. Она состоит в фиксации чего-то такого, чего мы еще не знаем, и в попытке это познать».

В случае с СЕИВК «фиксация чего-то такого, чего мы еще не знаем» – это пространственно-временные и функциональные границы института телохранителей в его российском варианте истории. Необходимо познать «встречное движение» устной памяти и документальной истории в вопросе о том, как и когда охрана личной безопасности государя и членов его семьи превратилась, с одной стороны, в особый род государственной службы, с другой продолжала оставаться делом чести социально привилегированной личности, налагающей на эту личность высокий нравственный долг.

Поиск ответов на эти непростые вопросы сопряжен со скрупулезным изучением конкретных фактов и событий «взаимодействия» службы телохранителей и охраняемой ею первых лиц государства. Опираясь на методики исторической психологии и исторической антропологии, можно задаться целью познать эволюцию самосознания «Другого» в действиях императорского конвоя и государя в конкретных исторических условиях не только экстремальных, но и в протокольных – на официальных церемониях и приемах, отслеживая поведенческое соответствие (или несоответствие) установленным регламентом, канонами и традициями.

Перечисленный выше круг актуальных задач дальнейшего изучения истории императорского конвоя немаловажен в плане осознания историко-культурного значения еще одного юбилея 2011 г. – 75-летия Президентского полка, преемника Кремлевского полка особого назначения, созданного в 1936 г. «для решения боевых задач» по обеспечению охраны резиденции правительства СССР – Московского Кремля и других наиболее важных объектов российской и советской государственности².

У императорского конвоя и его преемника СЕИВК богатая, уходящая вглубь веков предыстория. Очертить ее в рамках одного доклада невозможно, Отметим лишь основные вехи, характеризующие принципы формирования СЕИВК сообразно личным представлениям российских императоров. Это важно для дальнейшей разработки истории конвоя на основе собранных эмпирических данных и «историй, рассказываемых нами другим и самим себе», но еще более важно для сохранения преемственности национальных традиций, связанных

с охраной государственных символов, памятников и святынь в условиях современной действительности, сопряженной с «девальвацией общественных идеалов, тотальным отказом от прежних ценностно-смысловых ориентиров... и в целом национальной самобытности российского многонационального государства»³.

В 1698 г. по указу Петр I были упразднены институт рынды – почетной службы оруженосцев-телохранителей, служивших у московских великих князей «не по прибору», а «по отечеству», не за жалование, а «чести ради».⁴ Были упразднены и стремленные стрельцы – конные охранники государя. На смену им пришла лейб-гвардия в составе Преображенского и Семеновского полков. Таким образом, был сделан новый шаг по пути превращения института телохранителей из инструмента личной власти в государственную структуру со своим аппаратом управления.⁵

Следующий шаг в создании императорского конвоя в составе учреждений Дома Романовых был предпринят в эпоху Екатерины Великой. Сведения о нем встречаются в военной хронике 1775 г. Так, 20 апреля 1775 г. в Москве для конвоя имп. Екатерины II по случаю празднования Кучук-Кайнарджийского мира были сформированы Донская и Чугуевская придворные казачьи команды во главе с атаманом А. И. Иловайским⁶. В ноябре 1796 г. Павел I повелел включить эти команды в состав лейб-гусарского Казачьего полка, который должен был нести службу по охране царя и членов его семьи. В январе 1798 г. этот полк был разделен на два полка, и из двух его казачьих эскадронов был сформирован новый лейб-гвардии Казачий полк. В мае следующего года в его составе появился еще один – 3-й эскадрон.

Известный афоризм «Дайте мне казаков, и я покорю весь мир», записанный кем-то со слов Наполеона, – один из ярких примеров того, как со временем меняется пространство исторической памяти, как время разрушает пространство или наоборот расширяет его, предлагая новый путь «встречного движения» памяти и науки в интерпретации исторического события. Довольно часто этот афоризм звучит в публичных выступлениях ученых в связи с оценкой Бородинской битвы. Впрочем, есть такие авторы, их меньше, кто считает, что эти слова были сказаны Наполеоном гораздо раньше, в 1801 г., по поводу Оренбургского похода на Индию казаков под командованием войскового наказного атамана В. П. Орлова⁷. Есть еще одна версия этого афоризма: «Дайте мне 20 тысяч казаков – и я покорю всю Европу, даже весь мир». Не так давно ее вспомнила корреспондент газеты «The Times» Джулиан Эванс по поводу обсуждения в СМИ проекта Закона РФ «О государственной службе Российского казачества» (ноябрь 2005 г.)⁸.

Для нас в данном случае важно то, что афоризм великого Наполеона Бонапарта о казачестве транслирует историческую память, зафиксированную в афоризме Архимеда «Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю», а также то, что все три версии афоризма Наполеона связаны с феноменом социокультурной общности казачества, и в каждой из версий заключен момент истины: признание силы казачества, восхищение его храбростью, осознание его исторической роли... А далее

в контексте описания Бородинского сражения очевидно то самое «встречное движение» исторической памяти и историографии, фиксируемое авторами как факт осознания Наполеоном того, что сражение у села Бородино не сможет решить исход войны с Россией, французская армия терпит поражение, французские батареи бессильны перед казаками лейб-гвардии Казачьего полка...⁹

Наполеон едва ли мог знать, что Черноморская казачья сотня, с которой исследователи связывают восхищенный возглас Наполеона, наблюдавшего за натиском казаков на французские батареи на бородинском поле сражения, еще совсем недавно, – 18 мая 1811 г., – была сформирована по высочайшему повелению Александра I «в уважение к подвигам, неоднократно оказанным Черноморским Казачьим войском в делах против неприятеля, из офицеров и отличнейших казаков», и прикомандирована к лейб-гвардии Казачьему полку, о котором он, Наполеон, конечно же, знал, не мог не знать, был наслышан о его славной боевой истории в XVIII в.

Храбрость черноморцев была отмечена и русским командованием. Именно на Черноморскую казачью сотню была возложена миссия личного конвоя Александра I во время заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг.¹⁰

25 апреля 1813 г. Черноморская казачья сотня была переименована в лейб-гвардии Черноморский эскадрон¹¹.

Порядок формирования личного императорского конвоя был принципиально изменен 1 мая 1828 г., когда Николай I учредил СЕИВК¹² и ввел в его состав вновь образованный лейб-гвардии Кавказско-горский взвод, который вскоре был развернут в полуэскадрон, состоявший из представителей горских аристократических родов, князей и узденей Кабарды, Чечни, а также из кумыков и нагайцев. Командование полуэскадрона принял на себя потомок крымских ханов ротмистр Султан-Азамат-Гирей. Главкомандующим СЕИВК конвоя стал шеф корпуса жандармов, командующий Главной имп. Квартирой, генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, возглавивший в 1826 г. СЕИВК канцелярию. Таким образом, в его руках оказались главные рычаги управления жизнью Дома Романовых и Российской империи.

Отныне в истории Дома Романовых началась новая эпоха: защита личной неприкосновенности государя и членов его семьи была доверена иностранцам – иноверцам¹³. На случай чрезвычайной ситуации (отказа горских конвоиров выполнять приказы начальства или, что еще хуже, их участия в протестных выступлениях) функция обеспечения личной охраны государя возлагалась на отдельный корпус жандармов, созданный 28 апреля 1827 г. Любопытно и то, что должность шефа жандармов была учреждена 25 июня 1826 г. Так теория официальной народности («православная вера, самодержавие и народность») обрела, говоря языком М. П. Погодина, «столпостены», базирующиеся на принципе «разделяй и властвуй»¹⁴.

Поговаривали, что именно Бенкендорф подал императору мысль о создании в составе СЕИВК особого подразделения из числа горцев-мусульман, не знавших ни слова по-русски, но умевших лучше всех стрелять и убивать, в чем европейцы убедились уже в 1831 г. во время подавления польского восстания,

в котором Кавказско-горский полуэскадрон участвовал в составе Русского экспедиционного корпуса. И это было первое его боевое крещение.

На примере истории формирования Кавказско-горского эскадрона очевидно, что официальные распоряжения не успевали за быстротой действий по созданию подразделений СЕИВК¹⁵. После восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., куда заговорщики вывели роты лейб-гвардии Московского полка¹⁶, Морского гвардейского экипажа¹⁷ и лейб-гвардии Гренадерского полка¹⁸, Николай I не доверял гвардейским частям, созданным его отцом. Он знал, что верными присяге оставались лейб-гвардии Конный, Кавалергардский и Преображенский полки, но он знал и о том, что в списках осужденных декабристов были офицеры и этих, и других гвардейских частей императорской армии...

Пользуясь доверием Николая I, Бенкендорф также быстро сформировал в составе СЕИВК специальную команду Кавказского казачьего линейного войска. В личном письме графу Эриванскому (1828), св. князю Варшавскому (1831), командиру Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующему Грузией (1827–1831), генерал-фельдмаршалу (1829) И. Ф. Паскевичу он так описал замысел новой структуры в составе СЕИВК: «Государь Император, желая ознаменовать благоволение к линейным казачьим полкам, повелел избрать из их среды 50 человек, которые составят конвой главной императорской квартиры, и вместе с тем дать всем чинам сего конвоя преимущества старой гвардии и особенный мундир»¹⁹.

В середине 1831 г. начался отбор в эту команду, а уже 12 октября 1832 г. было объявлено о создании Кавказского казачьего линейного полуэскадрона в составе 2 офицеров, 4 урядников и 24 крепких, рослых, искусных в джигитовке, непревзойденных в стрельбе и владении холодным оружием казаков. В марте 1833 г. состав полуэскадрона был увеличен вдвое и разделен на две смены, каждая из которых должна была в течение двух лет находиться на службе при Дворе, а затем на «льготе»: вернуться в станицы, откуда призывались в состав СЕИВК, и жить по общему для всех линейных казаков регламенту воинской службы.

В 1830-х – середине 1840-х гг. насильственные «культурные прививки» горцам, отобранным в состав СЕИВК, а значит, и их семьям, детям и внукам, дополнил еще один немаловажный прием Бенкендорфа, рассчитанный на сдерживание возможных стычек между горцами-конвоирами: строго регламентированный отбор по этническому признаку в конвойные команды и взводы СЕИВК, менявшиеся в каждом новом составе. С этой целью в 1838 г. в составе конвоя появилось новое формирование – команда лезгин, в марте 1839 г. – команда Закавказского конно-мусульманского полка, иррегулярного воинского подразделения, созданного в составе русской армии в 1835 г. и сформированного из этнических азербайджанцев²⁰.

В самом первом наборе лейб-гвардии Кавказско-горского эскадрона преваляли кабардинцы (12 человек), в 1835 г. уже лезгины (43 человек), в 1839 г. – армяне и ахалцихские турки (30 человек)²¹. История этих формирований еще не написана и ждет своих исследователей...

Причин, почему Николай I решился на столь рискованный эксперимент с составом императорского конвоя, несколько, они выходят за рамки локальной истории и нуждаются в крупномасштабном исследовании. Слишком многое было завязано в кавказский «гордиев узел» и в плане межэтнических конфликтов и российских интересов на Кавказе, и в плане международных конфликтов за сферы влияния на Кавказе и войн за Кавказ, наконец, в плане ситуации в самой России, в армии и в обществе, после 14 декабря 1825 г.

Николай I согласился на предложение Бенкендорфа, желая переиграть всех, включая европейскую дипломатию, на что первым обратил внимание один из крупнейших российских кавказоведов Е. Д. Фелицын²².

Александр II с первых дней царствования принялся за новый порядок отбора в состав конвойных команд, приводя их в соответствие с реорганизацией казачьих войск на Северном Кавказе. Теперь конвой состоял из 2 эскадронов: лейб-гвардии Кавказского, созданного 18 ноября 1856 г. в составе 4 взводов (команд грузин, горцев, лезгин и мусульман)²³, и лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона в составе двух команд²⁴.

С октября 1867 г. казачьи команды формировались уже отдельно от своих войск. Так в составе СЕИВК появились лейб-гвардии 1-й и 2-й Кавказский Кубанский и лейб-гвардии Кавказский Терский эскадроны, в декабре 1881 г. был создан еще один Терский эскадрон. Через 10 лет эти эскадроны были переименованы в сотни и стали именоваться лейб-гвардии 1-й и 2-й Кубанскими и 3-й и 4-й Терскими казачьими сотнями СЕИВК. В феврале 1915 г. была сформирована 5-я Сводная сотня конвоя.

Февральская революция 1917 г. внесла свои коррективы: 4 марта СЕИВК был переименован в Конвой Верховного Главнокомандующего, а уже 13 марта – в лейб-гвардии Кавказский казачий полк, который вскоре был отправлен в действующую армию «с включением в Гвардейскую кавалерийскую дивизию». В марте – июне 1917 г. Конвой был расформирован. С осени 1920 г. началась «другая история» Конвоя – его деятельность в составе рассеяния Русского Зарубежья.

Сегодня перед исследователями 200-летней истории императорского конвоя стоит принципиально новая задача по обеспечению «встречного движения» исторической памяти и историографии. Важно не потерять накопленную память, не обратить историографию в рассказывание истории, но обогатить ее реконструкцией неизвестных страниц из жизни СЕИВК на основе новых методик и исследовательских практик, одной из которых является история повседневности его горских и казачьих формирований²⁵.

Примечания

¹ *Сень Д.* Императорский конвой и участие в нем казаков Кубани [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://cossackweb.narod.ru/kazaki/r_konv03.htm.

² См. официальный сайт Президентского полка. Режим доступа: <http://www.ppolk.ru/>. См. также: <http://www.ppolk.ru/istoriya-polka/>.

³ *Шеуджен Э.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М. ; Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. – С. 276.

⁴ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2000. 288 с. См. также: Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 119–138.

⁵ См.: Погодин М. Происхождение Преображенского полка и с ним гвардии [Электрон. ресурс] // Русский вестник. 1875. С. 419–449. Режим доступа http://history.scps.ru/lib/rus_vestnik_02_1875.htm; Карцев. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1853. С. 54.

⁶ См.: Савельев Е. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века: Ист. исследование: в 3 ч. Ч. 3. Гл. 10: Атаман Алексей Иванович Иловайский [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://passion-don.org/history-3/chapter-10.html>.

⁷ См.: Арсеньев А. В. Атаман Платов – завоеватель Индии // Исторический вестник. 1893. Т. 54; Азаренко А. Н. Февральский казачий поход в Индию [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/04/10/138>.

⁸ <http://obozrevatel.com/news/2005/7/4/23970.htm>.

⁹ В качестве примера см.: Сень Д. Указ. соч.: Введение: «...Случилось так, что несколько поколений наших соотечественников не знали, да и сейчас не знают, когда и в связи с чем Наполеон произнес это высказывание. А за этой небольшой фразой скрыта интересная страница истории, в которой было место только для мужества, героизма, доблестного выполнения своего долга и преданности родной земле и не было места трусости и предательству. Но вернемся к Наполеону. Каждый из нас, конечно же, помнит один из Великих дней Славы русского оружия ? день Бородино. Именно в этот день, ошеломленный маневром и яростной атакой казаков на батарею французов Наполеон Бонапарт и произнес фразу, в которой заключено все: верх восхищения противником и признание бессилия своей армии. Да, в день Бородинского сражения, которое, по мнению французского императора, должно было решить исход войны, он восхищался теми, кто разрушил все его планы ? казаками лейб-гвардии Казачьего полка и лейб-гвардии Черноморской казачьей сотни, со времени учреждения которой ведет свою историю Собственный Его Императорского Конвой (СЕИВК)».

¹⁰ Из предписания военного министра за № 1314 от 18 мая 1811 г. Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье узнаем, что отбор в состав сотни конных казаков от Черноморского войска для создания специальной лейб-гвардии Черноморской казачьей сотни производился из бывших запорожцев, переселенных на Кубань. В состав сотни входили штабс-офицер, 3 обер-офицера, 14 урядников и 100 казаков, 118 строевых лошадей и столько же «подъемных» (Подробно: Фролов Б. Е. Формирование Черноморской гвардейской сотни [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.mihistory.kiev.ua/istor2/Kazachestvo/Chernomor_kaz/Formir_chernom.htm; см. также: Фролов Б. Е., Науменко В. Е. Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион (1811–1861 гг.). Краснодар, 2002.

¹¹ Через 30 лет, 1 июля 1842 г., эскадрон был откомандирован от лейб-гвардии Казачьего полка и развернут в самостоятельный лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион.

¹² См.: Плотников Н. Д. СЕИВК // Военно-исторический журнал. 1991. № 5 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/army/convoy.htm>.

¹³ См.: Шевяков Т. Гвардейцы Кавказа // Родина, № 1/2000 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=131&n=7.

¹⁴ См.: Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 233–244.

¹⁵ Формирование полуэскадрона проводилось в Ставрополе, закончилось в сентябре 1828 г. Уже 2 мая 1829 г. полуэскадрон прибыл в Петербург в составе 80 чел. и был расквартирован в казармах Семеновского полка. Официальная дата создания лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона – 30 апреля 1830 г.

¹⁶ Полк был сформирован в 1811 г. из 2-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка как лейб-гвардии Литовский полк, в 1817 г. переименован в Московский лейб-гвардии полк. 14 декабря 1825 г. полк отказался принимать присягу на верность государю и первым выступил на Сенатскую площадь. В начале 1826 г. из нижних чинов и офицеров гвардии, «невольнo впавших в проступок» 14 декабря 1825 г., был сформирован лейб-гвардии Сводный полк. В состав полка вошел второй батальон лейб-гвардии Гренадерского полка и три роты второго батальона лейб-гвардии Московского полка, а также часть учебного Карабинерного полка. В конце зимы 1826 г. полк был отправлен на Кавказ для участия в отражении нападения персов, чтобы «смыть вину кровью». (См.: *Пестриков Н. С.* История лейб-гвардии Московского полка. Т. 1–2. СПб., 1903–1904).

¹⁷ История этого формирования в составе императорской гвардии берет начало в 1710 г., тогда Петр создал Придворную гренадерскую команду. Морской гвардейский экипаж был сформирован в 1810 г. Первое боевое крещение получил в войне 1812 г. Отличился в сражении под Бауценом в Саксонии (1813 г.). Вместе с российской гвардией 19 марта 1814 г. вступил в Париж. В 1819–1825 гг. участвовали в дальних походах во Францию, Англию, Пруссию, к Фарерским островам и Исландии, а также в Гибралтар и Плимут. Многие офицеры полка были активными участниками тайных обществ декабристов. После восстания 14 декабря 1825 г. они были осуждены на каторжные работы либо отправлены в дальние флотилии, либо сосланы на Кавказ (см.: *Поливанов В. Т., Бякин Г. И.* Морской гвардейский экипаж: Страницы истории. СПб., 1996).

¹⁸ 14 декабря 1825 г. к восставшим на Сенатской площади примкнула часть 2-го батальона лейб-гвардии Гренадерского полка. После разгрома восстания уцелевшие гренaдeры были арестованы и сосланы в армейские полки на Кавказ (см.: *Семченко Я. И.* Лейб-гвардии Гренадерский полк // Военно-исторический журнал. 1991. № 10).

¹⁹ Цит. по: *Сень Д.* Указ. соч.

²⁰ В 1849 г. за участие в Венгерской кампании Закавказский конно-мусульманский полк получил Георгиевское знамя с надписью «За отличную храбрость и мужество в делах против мятежных венгров, за сражение 21 июля 1849 года при г. Дебречине и за отбитие у неприятеля при деле сем четырех орудий». В 1857 г. лейб-гвардии команда мусульман императорского конвоя была переименована в 4-й взвод лейб-гвардии Кавказского эскадрона СЕИВК.

²¹ Современники отмечали, что горским конвоирам было трудно привыкать к Петербургу и к казарменному быту, установленному общевоинским регламентом воинской службы, канцелярия СЕИВК была завалена рапортами конвоиров с просьбой под любым предлогом вернуться на «льготу». Не давало быстрых желаемых результатов и обучение горских князей и узденей в дворянских институтах. Лучшее, что можно было сделать в этой ситуации, расквартировать команды конвоя за пределами столицы. В 1845 г. СЕИВК получил собственные казармы в Царском селе, тогда же были учреждены дополнительные правила несения службы во время церемониалов и прочих мероприятий с участием государя. Проект правил составил Бенкендорф, редактором текста был сам Николай I.

²² См.: *Фелицын Е. Д.* Князь Сефер-бей Зан: политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик, 2010. См. также: *Панеш А. Д.* Магомет-Амин Сефер-бей Зан – выразитель двух течений в освободительном движении западных адыгов. (К постановке проблемы) // Информационно-аналитический вестник АдИГИ. Майкоп, 2001; *Он же.* Юрицизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864). Майкоп, 2006.

²³ 2 февраля 1861 г. в состав эскадрона вошел Черноморский дивизион.

²⁴ Одна из команд была на службе, другая – на «льготе» по месту проживания в казачьих станицах. При этом увеличился срок службы в Петербурге: у казаков с 2 до 3 лет,

у горцев – с 2 до 4 лет. По окончании службы в составе конвоя все юнкера и оруженосцы лейб-гвардии Кавказского эскадрона производились в офицеры.

²⁵ Первые шаги в этом направлении уже делаются. См.: *Таболкина Т.* Основные направления изучения казачества [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.cbs1vao.ru/kazak/024_osn_napr.htm.

А. Д. Шипилов

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Одна из ведущих тенденций мирового развития – регионализация – дала мощный толчок формированию в современном гуманитарном знании комплекса регионоведческих дисциплин, имеющих предметом своего изучения «регион» (определенная территория, со специфическими экономической, этнографической, конфессиональной, социокультурной ситуациями, совпадающая/не совпадающая с административным делением). Традиции изучения регионов начали закладываться в Европе еще в Новое время в рамках географии и государственоведения, наук, комплексно сочетавших теоретическое изучение с практическим применением полученных знаний. В России комплексное изучение регионов, базировавшееся, прежде всего, на достижениях западной науки, зародилось в эпоху петровских преобразований, имея целью рациональное использования природных и человеческих ресурсов для решения внешне- и внутриполитических вопросов.

Костромская земля, монолитная в этническом и религиозном отношении, как внутренний регион привлекла пристальное внимание государственных и академических учреждений лишь с 1760-х гг. Ведущая роль в регионоведческих исследованиях принадлежала государству (анкеты, генеральное межевание, топографические описания). Определенную роль сыграла Академия наук, в рамках которой происходило оформление собственно научных целей изучения регионов. Академические экспедиции 1760–1770-х гг. наряду с государственоведческими мероприятиями пробудили интерес к местным «достопамятностям» среди костромских деятелей (Н. С. Сумароков, И. К. Васьков), которые воспринимали свои занятия как дело государственное и одновременно – как частный интерес к родному краю. Ранние местные труды комплексно описывали регион, привлекая данные истории, географии, статистики, этнографии и других дисциплин. Первые регионоведы стремились сделать свои сочинения достоянием как местного общества, так и столичных специалистов. Регионоведческие исследования второй половины XVIII в. являют пример взаимодействия правительства, академической науки и местных любителей, соотношение усилий которых постоянно менялось.

На рубеже XVIII–XIX вв. в качестве активных деятелей начали выдвигаться костромские священнослужители. Объяснение численного преобладания священников среди лиц, занятых изучением региона, на протяжении XIX – начала XX в. лежит в специфике сети учебных заведений Костромской губернии, где наиболее авторитетным образовательным учреждением гуманитарного профиля на протяжении долгого времени была духовная семинария. Профессиональная принадлежность авторов предопределила тематику их работ: в общем списке трудов преобладают сочинения по церковной проблематике.

Среди множества священнослужителей, зарекомендовавших себя на уровне регионоведческих штудий (священники В. Я. Актов, Я. А. Арсеньев, П. Ф. Островский, епископ Павел II Подлипский и др.), несомненно, исключительное место занимает самый знаменитый автор-костромич – протоиерей М. Я. Диев. Размах исследовательской деятельности Диева, его сотрудничество в научных обществах, сотворчество со столичными учеными, страсть к коллекционированию и копированию исторических источников, собиранию библиотек, – все это предопределило всероссийский масштаб его личности и достижений.

Охлаждение интереса государства к изучению регионов (в том числе Костромского края), наряду с застойными явлениями в Академии наук в первой половине XIX в., никак не сказались на развитии интереса местных любителей к краю. Выросшие в количественном отношении провинциальные деятели включали в себя представителей разных сословий и социальных групп – от мещан, купцов и священнослужителей до аристократии (князь А. Д. Козловский). Преобладающими в регионоведческих штудиях стали монографические работы гуманитарного плана, вытеснившие труды комплексного характера.

Деятельность властей способствовала созданию учреждения – губернского статистического комитета, которое могло стать центром объединения энтузиастов регионоведческих исследований (1835). Однако индивидуалистические тенденции среди костромских деятелей, наряду с невысоким образовательным уровнем основной массы населения, обрекли на неудачу эту попытку. В лучшем положении оказались «Костромские губернские ведомости» (1838), надолго монополизировавшие роль единственного легального периодического органа, на страницах которого находилось место местным изысканиям. Наиболее плодотворно в этом отношении «Ведомости» развивались при редакторе неофициального отдела П. И. Андроникове.

Увеличение числа людей, активно вовлеченных в регионоведческие штудии в Костромском крае, с 1860-х гг. было обусловлено внутривластным развитием страны, и, в частности, развитием провинциальной разночинной интеллигенции. С 1860-х гг. начался всплеск деятельности статистического комитета (с приходом секретаря В. Г. Пирогова), и упадок «Губернских ведомостей», связанный с уходом П. И. Андроникова, что в очередной раз подтвердило тезис о ведущей роли личности в любых мероприятиях в провинции.

Качественно новый этап развития регионоведческих штудий в Костромском крае начался с создания губернской ученой архивной комиссии (1885).

К серьезным достижениям членов ученой архивной комиссии необходимо отнести расширение определенной ей верховной властью деятельности в архивной сфере до занятий по истории, археологии, этнографии и другим (преимущественно гуманитарным) дисциплинам, исследующим край. Комиссия стала центром притяжения людей, увлеченных идеей изучения региона, сохранения его символического наследия. Местные особенности социокультурной обстановки стали причиной сворачивания деятельности комиссии накануне Первой мировой войны.

Внутри комиссии сформировалось ядро из наиболее увлеченных деятелей, зарекомендовавших себя деятельностью по разбору и сохранению архивов, изучению и охране памятников культуры, исследованиями по археологии, истории, этнографии, генеалогии и другим дисциплинам: Н. А. Альбицкий, В. А. Апушкин, И. В. Баженов, Н. М. Бекаревич, Н. Н. Виноградов, В. Г. Пиров, И. Д. Преображенский, И. А. Рязановский, Н. Н. Селифонтов, Л. П. Скворцов, И. К. Херсонский. Идея сохранения символического наследия региона вызвала к жизни создание музея (1891), со временем открытого для публики.

На излете существования ученой архивной комиссии в Костроме почти одновременно возникли два учреждения, внесшие определенный вклад в изучение региона (1912). Построенное по профессиональному принципу Костромское церковно-историческое общество ставило себе целью объединение исследователей церковной старины и, в какой-то мере, координацию их деятельности. Достижения его были невелики, а период существования – весьма краток: общество не смогло выжить в условиях атеистического государства.

Костромское научное общество по изучению местного края было создано на принципиально иных основаниях, нежели комиссия. Общество, возникшее как действительно общественная организация, имело весьма демократический состав, положив в основу своей деятельности идею комплексного обследования края. Общество знаменовало собой новый этап регионоведческих штудий, с преимущественным вниманием к практическому применению полученных результатов для социально-экономического и культурного развития губернии, к широкому распространению знаний о крае в среде населения. Неудивительно, что подобный широкий подход к изучению края с акцентом на социально-экономических вопросах позволил обществу пережить падение старой и установление новой власти, просуществовав в изменившихся условиях до 1929 г., а ряду наиболее активных деятелей (В. И. Смирнову, Е. Ф. Дюбюку) продолжить свою регионоведческую деятельность в условиях советской власти.

В целом можно заключить, что традиции регионоведческих исследований в Костромском крае повторяют общероссийскую картину. Выявленные отличия обусловлены природно-географическими чертами региона, особенностями социокультурной обстановки и спецификой сети учебных заведений.

Формирование образа Костромского края и костромской региональной идентичности началось в конце XVIII в., завершившись к середине XIX в., совпав по времени с оформлением русского национального самосознания.

Особенностью формирования образа Костромского края, правого и верноподданнического с точки зрения общественно-политической дифференциации, была его монолитность, связанная с конструкцией образа на базе одной основной идеи: роль костромичей в сохранении и спасении династии Романовых (подвиг Ивана Сусанина). Коррекция образа, связанная с добавлением критических элементов, была обусловлена изменением общественно-политической обстановки в регионе в начале XX в.

В традиционном обществе, каким была Российская империя, книги и местные издания (неофициальные части «губернских» и «епархиальных» ведомостей), будучи основными и единственными институтами формирования и трансляции общественного мнения, создавали образ региона, который может рассматриваться, как сконструированное коллективное представление образованного меньшинства, преимущественно представителей гуманитарных дисциплин, о крае. Внешние поводы (мероприятия центральных властей и события провинциальной жизни), как правило, актуализировали внимание к образу региона. Изучение формирования образа позволяют выделить следующие его функции, которые конструировались местными изданиями: а) информационная, обогащавшая знания и представления о крае (природа, история, культура и т. д.); б) коммуникативная, позволявшая рассматривать Кострому как составную часть империи; в) идентификационная, способствовавшая оформлению региональной идентичности (различение «свой» – «чужой») и воспитывавшая у местных деятелей активный исследовательский интерес к изучению края, осмыслению его потребностей и интересов; г) контролирующая, обращавшая внимание на деятельность властей и общества. Последняя проявилась в начале XX в. как ответ на активное вхождение политики в жизнь провинции.

Внешняя социальность познания в регионоведческих штудиях на протяжении XVIII – начала XX в. определялась утилитарным подходом российского государства и общества. Познание страны и возможность использования ее разнообразных ресурсов для осуществления внутренних и внешних мероприятий предопределили направленность и характер исследований. В указанный промежуток времени сменилось 4 основных парадигмы, господствовавших в науке: утилитарное мировоззрение в первой половине XVIII в., Просвещение второй половины XVIII в., романтизм и позитивизм. Для местных любителей «достопамятностей» изменение парадигм не имело принципиального характера. Сформировавшийся в провинции тип эрудитского письма без особых изменений был преобладающим на всем протяжении изучаемого периода. Исключения были весьма немногочисленны.

Внутренняя социальность познания в регионоведческих штудиях на протяжении XVIII – начала XX в. определялась формами познавательного общения. В рамках академической и университетской науки в указанный промежуток времени оформились границы предметов исследования, методология и методы изучения, интерпретационные методики. Регионоведческие штудии в России, отличавшиеся на первых порах комплексностью подхода,

постепенно распались на ряд отдельных дисциплин (дифференциация наук). Заимствованные западноевропейские формы организации научной деятельности (формальные и неформальные объединения ученых, система подготовки кадров, система научных коммуникаций), обеспечивавшие передачу исследовательского опыта, прижились в России и дали впечатляющие результаты уже во второй половине XVIII в. Дальнейшее развитие указанных форм также шло в русле общемирового развития науки. Самым эффективным механизмом трансляции методов познания, а также норм и ценностей научного сообщества стала научная школа.

Основной фигурой изучения региона на местах был любитель, энтузиаст, профессионально не связанный с исследовательской деятельностью, наукой. Попытки организации объединений по изучению края в регионах оказываются обреченными на неудачу, до тех пор пока государство не инициирует создание учреждений, имевших смешанный государственно-общественный характер: статистических комитетов и ученых архивных комиссий.

Социокультурная обстановка в провинции долго не позволяла оформиться исследовательским занятиям как социально значимой деятельности, позволяя последней существовать лишь в качестве индивидуального интереса. Энтузиазм местных любителей в деле изучения регионов не всегда вел к появлению ценных в научном плане сочинений. Более успешной видится роль провинциальных деятелей в популяризации базовых знаний о крае, развитии местного патриотизма (уникальность места, особенность быта и т. д.), конструировании образа региона и региональной идентичности.

Система подготовки научных кадров в провинции отсутствовала, за исключением университетских городов. Обращение выпускников местных учебных заведений к изучению региона во многом носило случайный характер. Элементы научной коммуникации, такие как периодика, полемика, диспуты и т. д., в провинции начинают появляться лишь со второй половины XIX в., так и не став общепринятыми. Ни в одной из губернии Российской империи не сформировалась научная школа по изучению регионов.

Единственными факторами, обеспечивавшими непрерывное существование традиции изучения региона на местах, могут считаться личные связи между любителями «достопамятностей» и корпус опубликованных и неопубликованных трудов о крае, игравших своего рода роль источника вдохновения, кладезя информации, базы ретранслируемых фактов, мифов и образов региона.

Порожденный конкретной парадигмой науки тип познавательной деятельности, проявляющийся в основном в формировании специфического научно-исследовательского аппарата, для местных любителей имел второстепенное значение, появляясь в их трудах как слабое отражение общероссийских процессов. Для отдельных периодов регионоведческих штудий можно выделить определенный круг наиболее часто разрабатываемых проблем.

Формирование традиции регионоведческого изучения в России XVIII – начала XX в. прошло ряд этапов, рассмотренных выше. Начало традиции регионоведческого изучения проходило в рамках экстенсивного пути формирования, когда

внешнесоциальные потребности определяли внутрисоциальный тип познания. Рубеж XVIII–XIX вв. стал временем «нормальной науки», приведшей к затуханию традиции и началом «научной революции», которая обусловлена позитивистской парадигмой. Новый этап развития традиции достиг своего пика в начале XX в., когда он был насильственно прерван извне.

**И. В. Голубева
Н. Б. Пургина**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ САНИТАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Крупнейшим достижением земской медицины было сочетание лечебной и санитарно-профилактической деятельности, имевшей своей целью, прежде всего, предупреждение инфекционных заболеваний, имевших в России характер мощных эпидемий. В Костромской губернии число умиравших от инфекционных болезней (в первую очередь – оспы, кори, коклюша, тифа, холеры и др.) составляло в конце XIX – начале XX в. 30 % всего количества смертей. С постепенным развитием земской медицины пришло осознание того, что эпидемии можно предупреждать с помощью санитарных мер, проводимых одновременно по всей губернии, постоянным наблюдением над эпидемиологическим состоянием в крае. Это способствовало организационному оформлению санитарного направления земской медицины. Виднейший дореволюционный исследователь деятельности земства в России Б. Б. Веселовский выделял 3 периода в истории земской санитарии: 1) разрозненные попытки санитарной организации; 2) основание и деятельность медико-статистического бюро; 3) создание санитарных советов¹. По данным Веселовского, врачебно-санитарные советы в Костромской губернии стали появляться в течение 90-х гг. XIX в., и к 1898 г. они были организованы в 4 уездах². На очередной сессии 1902 г. Костромское земство постановило «приступить к организации на широких началах санитарии» и было в числе тех 11 губернских земских учреждений, которые в начале 1900-х гг. учредили губернское санитарное бюро³. Губерния «была разделена на 3 санитарных округа, в 1903 году был приглашен заведующий санитарным бюро, а число округов было доведено до 4»⁴.

Одним из организаторов санитарного дела в Костромской губернии был Захарий Григорьевич Френкель (1869–1970). По окончании Дерптского университета он некоторое время служил в Медицинском совете МВД, а затем земским врачом в Новгородском и Петербургском земствах. Сотрудничал во многих журналах и газетах. Вместе с П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским работал в журналах «Новое слово» и «Начало», являвшихся органами «легального марксизма». Был выслан в административном порядке

из Петербурга и некоторое время работал в Вологодском земстве. В 1904 г. З. Г. Френкель стал заведующим санитарным отделом губернской земской управы в Костроме. Как известный специалист в области общественной медицины, гигиены и санитарии, Френкель неоднократно и деятельно участвовал в работе Пироговских съездов врачей.

З. Г. Френкель – один из учредителей и организаторов «Союза Освобождение»; член кадетской партии с начала ее организации, дважды кооптирован в ЦК (19 октября 1906 г., в марте 1917 г.); один из организаторов и руководителей Костромского отдела партии Народной свободы. В партийном кругу, среди интеллигенции города пользовался неизменным авторитетом. Депутат 1-й Государственной думы от Костромской губернии. Печатался в журналах «Земское дело» и «Городское дело». С 1910 г. главный редактор «Земского дела». В 1913 г. З. Г. Френкель был одним из организаторов российской Гигиенической выставки, выпустил труд «Очерки земского врачебно-санитарного дела». Принял активное участие в организации Всероссийского союза городов, возглавил вместе с инженером В. И. Штейнингером его Петроградское отделение. После Февральской революции 1917 г. входил в состав Центрального врачебно-санитарного совета при Временном правительстве. После Октябрьской революции Френкель работал в органах здравоохранения Союза коммун Северной области. В 1920-е гг. занимался преподавательской и научной работой. Являлся основателем и многолетним руководителем Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (1924–1953), членом Академии медицинских наук.

В результате «длительной коллективной работы земских врачей», как отмечалось в юбилейном издании Костромского губернского земства, в губернии в начале XX в. сложилась следующая структура врачебно-санитарной организации:

- 1) периодические съезды врачей и председателей земств губернии;
- 2) губернский врачебно-санитарный совет;
- 3) уездные врачебно-санитарные советы;
- 4) санитарное бюро и санитарные врачи;
- 5) основанием всей этой системы были участковые земские врачи⁵.

Губернские съезды земских врачей созывались и до образования санитарной организации с периодичностью раз в 3–4 года. Первый в России съезд земских врачей состоялся в Тверской губернии в 1871 г., и его примеру последовали другие губернии, в том числе и Костромская.

В Костромской губернии съезды проводились в 1873, 1874, 1881, 1893, 1895, 1898, 1903, 1906 гг.⁶ До появления санитарной организации земские врачи затрагивали на своих съездах многие вопросы, касавшиеся данного направления работы, но после ее создания эти вопросы стали решаться более целенаправленно. Так, на VIII съезде в 1903 г. «большое внимание было уделено вопросу о распространении среди населения понятий по гигиене и медицине, признано необходимым повсеместное устройство и ведение врачами народных чтений и бесед по гигиене и медицине»⁷.

IX съезд врачей Костромской губернии (16 октября 1906 г.) принял «Основные положения об участии губернского земства в борьбе с эпидемиями». Было решено, что эта работа должна вестись совместными усилиями губернского и уездных земств. Помощь губернского земства должна выражаться в координирующей роли, в «усилении» медицинского персонала, в открытии временных участков на время эпидемии в районах наибольшего распространения, далеко расположенных от врачебных пунктов, в снабжении персонала необходимыми препаратами, а также принятии мер по улучшению питания населения при эпидемиях. Кроме того, губернское земство было обязано бесплатно лечить инфекционных больных в лечебницах и содержать постоянные отряды при губернской управе, состоящие из одного врача и двух фельдшеров⁸.

Съезды уездных врачей начали созываться с 1895 г., их программы были близки программам губернских съездов, но касались местных вопросов.

Высоко оценивал значение съездов земских врачей в Костромской губернии гласный Кинешемского уездного земства, а впоследствии ученый с мировым именем Н. Д. Кондратьев, отмечавший, что съезды указывали земству рациональные пути в деле постановки медицины, являлись способом общественной самокритики и самосовершенствования, служили «лучшим барометром пробелов земско-медицинской деятельности с одной стороны и соответственных нужд населения с другой... съездами подчеркивался характер медицинской деятельности как общественного служения», и, вследствие этого, деятельность врачей становилась «чем-то в высшей степени общественным и ответственным»⁹.

В периоды между врачебными съездами санитарно-профилактической работой земства руководил врачебно-санитарный совет при губернском земстве. До 1915 г. он состоял из врача-заведующего, делопроизводителя, двух старших и одного младшего счетчика. К 1917 г. состав санитарного совета пополнился врачом, занимавшимся делами общественного призрения, его помощником, счетчиком по статистике деятельности военно-санитарного учреждения Костромской губернии и др.¹⁰ В компетенцию данного органа входили организация съездов врачей и проведение в жизнь их постановлений, а также решений губернского и уездных собраний по данному направлению работы.

В каждом уезде имелись врачебно-санитарные советы, которые следили за проведением постановлений съездов врачей, губернского и уездных собраний, готовили к ним материалы. Представители уездных санитарных советов, избираемые для участия в губернских съездах и в губернском санитарном совещании, являлись связующим звеном между губернской и уездными организациями. В 1903 г. на губернском съезде врачей и представителей земских управ была выработана инструкция для деятельности уездных санитарных советов, которые с того времени стали консультативными органами при уездных управах в решении вопросов, касающихся врачебного дела.

Исполнением всей текущей врачебно-санитарной работы занималось санитарное бюро – отделение при губернской управе. В деятельности губернской санитарной организации с 1911 г. произошел перерыв: из-за разногласий

с управой все 11 сотрудников бюро вышли в отставку. Попытки управы заменить места санитарных врачей не дали результатов. Это продолжалось до 1913 г., когда был приглашен заведующий санитарным отделом М. С. Тарасенко и несколько санитарных врачей. Нормальное развитие организации было восстановлено лишь в 1915 г., когда губернская управа после пререканий с губернской администрацией об утверждении пригласила на должность заведующего санитарным отделом врача А. С. Дурново. С этого времени во врачебно-санитарной организации восстановилась интенсивная работа.

За период деятельности санитарной организации земства число санитарных врачей с 3 на всю губернию к 1918 г. увеличилось до 13: по одному на каждый уезд, и 2 – для Кинешемского уезда¹¹. Губернским собранием очередной сессии 1916 г. было принято положение об учреждении вторых должностей уездных санитарных врачей во всех уездах.

Уездные санитарные врачи наряду со своей специальной работой вели консультативную и организационную работу при уездных управах и уездных санитарных советах; вместе с представителями уездных санитарных советов являлись связующим звеном между губернскими и уездными организациями.

Вся санитарная организация содержалась за счет губернского земства. Как врачебная, так и санитарная деятельность земства освещалась на страницах издания «Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии»¹².

Особое место в работе санитарной организации занимала противоэпидемиологическая деятельность, направленная на предупреждение таких инфекционных заболеваний, как оспа, корь, дифтерит, скарлатина, дизентерия, тиф и т. д. При санитарном бюро существовал эпидемический врачебный персонал, по штату состоявший из 3 эпидемических врачей и 6 фельдшеров¹³. В бюро имелся запас дезинфицирующих средств, вакцины, сыворотки, специальной литературы для населения, инвентарь для оборудования временных больниц, а также резерв персонала на случай неожиданных эпидемических вспышек.

Взаимоотношения губернского и уездных земств в борьбе с эпидемиями регулировались особыми правилами, разработанными IX съездом врачей Костромской губернии и принятыми Губернским земским собранием сессии 1906 г. Согласно им врачебно-санитарная организация губернского земства должна была принимать участие в борьбе с эпидемиями в губернии лишь в тех случаях, когда наличных сил местного участкового персонала недостаточно.

В 1901 г. расходы уездных земств на эпидемические мероприятия составляли 3,5 тыс. рублей, или 0,6 % от медицинской сметы¹⁴.

Значительными были успехи земства в деле оспопрививания, доходившего до самых глухих деревень и спасавшего жизнь детям и взрослому населению.

Руководство оспопрививанием находилось до 1864 г. в ведении так называемых оспенных комитетов, располагавших для своих целей «оспенными капиталами». Комитеты снабжали волостные сельские общества вакциной, отпускали средства на найм оспопрививателей, приобретение инструментов. С введением земств первоначально они обязывались заботиться лишь о поставках

оспенной материи, а содержание и найм оспопрививателей осуществляли сельские общества. Оспопрививание было обязанностью уездных земств. С середины 1870-х гг. появляются идеи по упразднению «оспенников» и осуществление оспопрививания за счет финансирования земства. Так, в 1877 г. это осуществили Ветлужское и Нерехтское уездные земства¹⁵. Для проведения оспопрививания земства прибегали к услугам фельдшерского персонала, а также учителей земских школ. С 1890 г. в Костромской губернии оспопрививанием стал заниматься исключительно медицинский персонал в 8 уездах, а в 1900 г. – во всех 12. После учреждения санитарного бюро в губернии борьба с оспой и другими эпидемическими заболеваниями перешла в его ведение. 21 июня 1914 г. в связи с новым законом об оспопрививании, согласно которому целому ряду категорий служащих и учащихся предписывалось сделать обязательную прививку, в уездах прошли врачебно-санитарные совещания. Так, одним из решений Кинешемского врачебно-санитарного совещания стало принятие на очередной сессии земского собрания в 1916 г. схемы реорганизации в уезде оспопрививания и проведение в жизнь общегубернского плана оспопрививания с 1917 г. План включал систематическое прививание всех новорожденных в уезде, четкую регистрацию, создание специального медицинского персонала, освобожденного от других обязанностей. Первая мировая война прервала эту работу, а предложенный план так и не был введен в жизнь. Неслучайно в 1916 г. Костромское губернское земское собрание отметило, что дело оспопрививания в губернии находится на недостаточном уровне: в период 1896–1915 гг. в губернии было зарегистрировано 18 281 случай заболевания оспой, что в среднем составляло 912 заболеваний в год. Однако определенный прогресс был достигнут, если вспомнить, что в 1898 г., например, число зарегистрированных больных составляло 3923 человек, а в 1904 г. – 748; хотя в последующие годы отмечался некоторый рост, однако, он не превышал исходный уровень 1896–1898 гг.¹⁶

Важным направлением в деятельности санитарного бюро являлось распространение знаний по вопросам медицины и гигиены. В 1905 г. было решено организовать склад справочной и просветительной литературы, «теневых картин» и других наглядных пособий для чтений и бесед по медицине и гигиене. Так, в 1909–1910 гг. было разослано в уездные санитарные организации 35 000 листов и 3500 брошюр (а в 1910–1911 гг. – 18 000 и 1130 соответственно) для ознакомления населения с медициной и гигиеной¹⁷.

В 1916–1917 гг. по примеру других губерний в Костромской губернии стал использоваться новый способ распространения гигиенических и медицинских знаний – передвижные выставки, состоявшие из диаграмм, картограмм, муляжей, натуральных препаратов, бактериологических препаратов, дававших наглядное представление о строении тела человека, заразных заболеваниях и о способах их предупреждения. Губернское санитарное отделение организовало показательную выставку-музей, основные отделы которого были посвящены борьбе с инфекционными болезнями, детской смертностью, туберкулезом, алкоголизмом, сифилисом, а также анатомии и школьной гигиене.

К 1918 г. к созданию выставок приступили Кологривское, Кинешемское, Ветлужское и Костромское уездные земства.

Противоэпидемическая деятельность бюро строилась на основе ведения постоянной регистрации заболеваемости в ходе повседневного оказания населению медицинской помощи. Костромское бюро ежемесячно собирало эти данные, планируя свою противоэпидемиологическую деятельность. Регистрация инфекционных болезней началась с 1894 г. По поручению губернской земской управы врачом П. Илинским был составлен обзор заболеваний за 1895 г. на основе сведений, предоставленных земскими врачами. Составлялись таблицы с указаниями количества заболевших по уездам и волостям. Учет велся по таким болезням, как оспа, скарлатина, дифтерия, корь, коклюш, грипп, сыпной, брюшной и нераспознанный виды тифа, дизентерия, холера, заушница, рожа, гнойное воспаление глаз, сибирская язва, водобоязнь¹⁸. В 1911 г. был разработан карточный материал по оспе за 15 лет в Юрьевецком, Варнавинском и Ветлужском уездах, сибирской язве и скарлатине – в Юрьевецком уезде и сифилису – в Костромском и Кологривском уездах¹⁹.

Необходимость борьбы в губернии с венерическими заболеваниями была подчеркнута еще на губернском съезде земских врачей в 1895 г., отметившем значительное распространение сифилиса в губернии. Съезд признал необходимость своевременного обнаружения и точной регистрации болезни²⁰. Наиболее строгому надзору подлежали мужчины, возвращавшиеся с заработков, артели рабочих, «пришлый люд и бродячие женщины».

Губернское земство отпускало пособия и ссуды на устройство сифилитических отделений, дезинфекционных камер, за его счет были построены две межурездные больницы в Солигаличском уезде и городе Унже.

Для борьбы с венерическими заболеваниями в 1917 г. был разработан особый план. Его проведение должно было занять одно из главных направлений в работе губернской врачебно-санитарной организации в связи с развитием венерических заболеваний среди населения в годы Первой мировой войны. Кроме культурно-просветительных мер, он предусматривал открытие отделений для венерических больных при всех участковых больницах.

Основную роль в проведении санитарно-профилактических мероприятий играли санитарные врачи, деятельность которых на местах трудно переоценить. Функции санитарного врача были многообразны. Он вел регулярные консультации в управе по медико-санитарным вопросам, переписку по текущим медицинским делам своего уезда и запросам управ губернской и других уездов, составлял эпидемические ведомости по всему уезду на основании карточного материала из медицинских участков, заведовал оспопрививанием, готовил материалы и доклады к совещаниям, содействовал осуществлению постановлений врачебно-санитарных совещаний и земских собраний. Среди санитарных врачей Костромского земства было немало настоящих подвижников своего дела. Одним из них был, например, П. С. Новиков, приглашенный на эту должность Кинешемской уездной земской управой в 1906 г. Всего за 6 лет его пребывания на своем посту в уезде была создана широкая сеть

земских лечебных заведений, построено хирургическое отделение при Кинешемской земской больнице, при 2 больницах открыты зубные кабинеты, началось строительство санатория для туберкулезных больных, организована выставка по инфекционным болезням, собран огромный статистический материал по распространенности в уезде сифилиса, брюшного тифа, сибирской язвы, оспы, холеры и т. д.

По мере развития санитарной деятельности именно санитарными врачами стал проводиться фабрично- и школьно-санитарный надзор с целью своевременного выявления возможных источников заболеваний, предотвращения условий их возникновения и оказания больным необходимой медицинской помощи.

Обследуя условия труда и быта рабочих губернии, санитарные врачи ежегодно посещали десятки промышленных заведений. По итогам обследований медиками отмечался тот факт, что степень и характер заболеваемости рабочих зависит от условий профессионального труда. Например, санитарный врач С. А. Глебовский, в 1907 г. обследовавший кожевенные заводы в Галичском уезде, писал в своем отчете: «Воздух помещений, пропитанный углекислотой и сероводородом, и постоянная сырость в них создают ряд профессиональных заболеваний и... особое расположение к заболеваниям дыхательных путей, кожным болезням и ревматизму»²¹. В 1909 г. санитарный врач Кинешемского уезда П. С. Новиков, обследовав сапожно-валяльные заводы, в своем отчете отметил, что «...более половины заводов содержится крайне неопрятно... Заводские помещения тесны, пыльны, полное отсутствие вентиляции»²². Несоблюдение санитарных норм и требований безопасности труда выявлялись врачами на фабриках и заводах во всех уездах губернии. Санитарные врачи обращали внимание и на антисанитарные жилищно-бытовые условия рабочих. Было выявлено, что одной из главных причин заражения рабочих холерой являлась загрязненная фабричными нечистотами питьевая вода²³.

Санитарные врачи добивались от фабрикантов установки на предприятиях и в казармах рабочих специальных баков с чистой водой, строительства при фабриках «заразных» барачков для изоляции инфекционных больных, формировали передвижные медицинские пункты из студентов, фельдшеров и санитаров, выезжавших в очаги заболеваний. Каждый уездный санитарный врач проводил просветительную работу на промышленных предприятиях в форме бесед, лекций об эпидемических и других заболеваниях, распространения литературы на санитарно-гигиеническую тематику.

Школьно-санитарный надзор включал в себя мероприятия по осмотру школьников, участие санитарных врачей в выборе места под школу, рассмотрение планов школьных зданий, оценку школьного оборудования.

Введение горячего питания в школах было одной из форм адресной помощи земства детям. Впервые горячий приварок был введен в 1910 г. в Костромском уезде, а в последующие годы в Юрьевецком, Кологривском, Ветлужском и Солигаличском уездах.

Все данные по санитарной помощи населению, включая разработку материалов по заболеваемости населения, рождаемости, смертности, передавалась в земское статистическое бюро, которое занималось их обработкой и последующей публикацией.

Деятельность санитарных врачей не ограничивалась только выявлением и устранением факторов возникновения инфекционных заболеваний, она включала в себя попытку утверждения норм санитарного поведения населения. Статья 108 «Положения о земских учреждениях 1890 г.» предоставляла губернскому земству издавать обязательные постановления по ряду предметов, касающихся санитарных условий жизни и труда населения. В 1905 г. были разработаны и приняты обязательные для жителей губернии санитарные постановления, в которых значительное место было отведено вопросам фабрично-заводской санитарии и гигиены²⁴.

Одним из направлений работы губернской санитарной организации было улучшение водоснабжения губернии и устройство полей орошения при лечебницах. С начала 1900-х гг. Костромское и другие земства начали выдавать ссуды на сооружение новых колодцев и улучшение состояния водохранилищ. В 1908–1909 гг. при губернском земстве создается гидротехнический отдел, цель которого – обеспечение населения доброкачественной питьевой водой²⁵. В 1911 г. губернское земство окончило или почти завершило работы по обследованию водоснабжения деревень, от жителей которых поступили ходатайства о его улучшении²⁶.

«Специфическим» направлением деятельности земств была забота о питании населения северных лесных уездов Костромской губернии, занимавшихся сплавом леса. Для сплавщиков открывались лечебно-продовольственные пункты²⁷. Они создавались в местах значительного скопления народа – пристанях, железнодорожных станциях, где важно было не просто накормить, но и выявить заболевших, оказать им помощь. Рядом с ними устраивались временные места для ночлега. К 1911 г. лечебно-продовольственные пункты были организованы в следующих точках: 1 – в Ямской слободе г. Кинешмы, 2 – в Макарьевском уезде – городах Макарьево и Унже, 2 – в Юрьевоцком уезде – посаде Пучеж и г. Юрьевце, а также г. Козмодемьянске Казанской губернии²⁸.

В деревнях в страдную пору сельскохозяйственных работ, когда все взрослое население находилось в поле, чтобы не оставлять детей без присмотра, земства устраивали приюты-ясли. В «Извлечениях из отчетов о деятельности летних яслей-приютов...» (1902) можно найти данные по 24 таким яслям в населенных пунктах разных уездов губернии²⁹. Среди задач, поставленных земством перед персоналом яслей-приютов, были следующие: «...научить крестьянок правильному уходу за детьми... сберечь деревню от пожаров, повлиять на уменьшение детской заболеваемости в летнее время и... уменьшение детской смертности»³⁰.

Сделанное земством в направлении улучшения санитарного состояния губернии трудно переоценить. Фактически земству принадлежал приоритет в постановке этого важного и нужного дела. По словам известного врача

и общественного деятеля В. О. Португалова, «земская медицина впервые ввела исследование причины болезней народа и придумала способ предохранения. Можно без преувеличения сказать, что чуть не с первого дня рождения земская медицина выбрала своим девизом: предохранять, предупреждать болезни»³¹.

Примечания

¹ *Веселовский Б. Б.* История земства: в 4 т. Спб., 1909–1911. Т. 1. С. 309–315.

² Там же. Т. 1. С. 308.

³ Там же. Т. 4. С. 10, 444.

⁴ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к 50-летию существования. Кострома, 1915. С. 60.

⁵ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. Кострома, 1918. С. 37.

⁶ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 302.

⁷ Санитарное бюро Костромского губернского земства: Доклады Костромской губернской земской управы по санитарному отделению. Январь – февраль 1905 года. Кострома, 1905. С. 23.

⁸ Свод постановлений IX губернского съезда врачей Костромской губернии, краткие сведения по его организации. Кострома, б.г. С. 77.

⁹ *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 321.

¹⁰ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства... С. 43.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства.... С. 38.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 325.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 404.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 409.; Доклад № 17 о регистрации оспопрививания в Костромской губернии в связи с законом 21 июня 1914 г. // Доклады КГЗУ по врачебно-санитарным вопросам и постановления по ним губернского земского собрания очередной сессии 1916 г. Кострома, 1917. С. 83–89.

¹⁷ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 г. по санитарному и гидротехническому отделениям. Вып. 1. Кострома, 1911. С. 9.

¹⁸ *Илинский П.* Обзор заболеваний заразными болезнями в Костромской губернии за 1895 год. Кострома, 1895. С. 14.

¹⁹ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 г. по санитарному и гидротехническому отделениям. С. 65.

²⁰ *Илинский П.* Обзор заболеваний заразными болезнями в Костромской губернии за 1895 год. С. 32.

²¹ Отчеты санитарных врачей Костромского губернского земства за 1907 год. Кострома, 1908. С. 28.

²² Отчеты санитарных врачей Костромского губернского земства (январь – ноябрь 1909 г.). Кострома, 1909. С. 59–60.

²³ Отчеты санитарных врачей Костромского губернского земства за 1907 год. С. 4–5.

²⁴ Обязательные санитарные постановления Костромского губернского земства для жителей Костромской губернии. Кострома, 1905.

²⁵ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч. Т. 4. С. 85–86.

²⁶ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 г. по санитарному и гидротехническому отделениям. С. 27.

Доходы и расходы православного монастыря Российской империи в XIX – начале XX в.

²⁷ Ковальковский А. К. Земство и агрономическая работа// Известия Костромского губернского земства. 1914. № 5. С. 28.

²⁸ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 г. по санитарному и гидротехническому отделениям. С. 67.

²⁹ Извлечение из отчетов о деятельности летних яслей-приютов в 1902 году в Костромской губернии. Кострома, 1902.

³⁰ Там же. С. 332.

³¹ Цит. по: Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы, культура. М., 1996. С. 146.

А. В. Гневашев

**ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАСТЫРЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА ПРИМЕРЕ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ)**

Тема доходов и расходов православных монастырей Российской империи остается наименее изученной в историографии как дореволюционной, советской, так и современной. Авторы большинства исследований прослеживают путь становления монастырского ансамбля, жизнь и быт братии, социальный и духовный вклад в развитие страны, не уделяя при этом внимания экономической составляющей жизни святых обителей. Однако финансовый аспект деятельности монастырей является наиболее важным вследствие того, что по реформе 1764 г. православные монастыри были лишены штатного казенного содержания (из 15 монастырей и одного архиерейского дома костромской епархии содержание в 1867 г. получили 10, всего в сумме 6324 руб. 98 коп.)¹ земель и крупных оброчных статей, что вынудило их перестраивать хозяйственную жизнь на новый лад - капиталистический. В дальнейшем это приведет к трансформации православного монастыря в капиталистическое предприятие, одной из задач которого было получение прибыли любыми доступными методами, что негативно скажется как на моральном укладе монастырских братий, так и на отношении общества к монастырям, потускнение идеалов аскетизма особенно ярко проявится в конце XIX – начале XX в.

Чухломский Авраамиево-Городецкий монастырь на всем протяжении своего существования в дореволюционный период был крупнейшим землевладельцем в Чухломском уезде губернии, а в период до 1764 г. – и крупнейшим владельцем сначала зависимых, а потом крепостных крестьян. Большие земельные и иные богатства обеспечивали его экономическую независимость и позволяли играть определенную роль в жизни не только округа и уезда, но и всей северо-западной части Костромской губернии. Потеряв в результате секуляризации 1762–1764 гг. большинство своих владений, обитель постепенно приходит

в упадок², и одно время едва не становится одним из центров прихода³. Этот период продолжается вплоть до конца XVIII в. Секуляризации также способствовали упадку авторитета и влияния обители, однако начиная с 1790-х гг. монастырь постепенно возвращает некоторые из своих прежних владений, приобретает новые и постепенно восстанавливается и возвращает себе частично былую экономическую мощь.

Доходы монастыря условно можно разделить на 3 группы: 1) сельскохозяйственные угодья, земельные и водные владения; 2) промышленная и торговая собственность; 3) другие источники (церковные, пожертвования и вечные вклады, гостиница, капитал и т. д.).

Сельскохозяйственные и другие земельные владения в отличие от водных угодий, промышленной и торговой собственности не приносили монастырю устойчивую стабильную прибыль в деньгах. Монастырь, владея участками земли, находящимися в разных уездах (Чухломском, Солигаличском), непосредственно для своих нужд использовал только находящиеся поблизости, остальные сдавал в аренду. Информации о доходности владений нет, стоит только упомянуть тот факт, что монастырь, правильно ведя хозяйство на своих участках, имел возможность продавать полученные продукты (в 1916 г. получено 541 руб. 50 коп.⁴). Вероятно, с пашни и огородов монастырь получал большое количество зерна и овощей, однако расход муки был велик, и она покупалась в больших количествах (особенно в праздники и ярмарки). Удаленные территории, сдававшиеся в аренду, приносили очень небольшую прибыль (участок земли «Долгое Поле» неизменно сдавался за 4 руб. в год⁵ в 1882, 1883, 1884⁶ гг. Таким образом, в денежном отношении сельскохозяйственные земли практически не приносили дохода, но зато они частично обеспечивали монастырь продуктами питания⁷. К водным объектам в собственности монастыря можно отнести Чухломское озеро, полученное во владение в 1797 г.⁸ Обитель так же, как и удаленные земли, сдавала отдельные участки озера в аренду местным крестьянам и мещанам. Доходность в отличие от сельхозугодий была довольно высокой. По документам, в прослеженный период (1815–1916 гг.)⁹ арендной платы получали от 35 до 787 руб. в год, разница связана с неполнотой данных по некоторым годам, а в среднем – 550 руб., при этом не неся каких-либо расходов на содержание данного владения. До 1861 г. прибыльность была еще выше, так как одновременно с денежной оплатой монастырь получал бесплатную рабочую силу¹⁰ и свежую выловленную рыбу («Тимофеевское 40 руб. + 30 жнецов + 3 пуда рыбы»)¹¹.

Промышленная и торговая собственность представлена двумя мельницами, торговыми лавками, питейным заведением, кирпичным заводом. Доходность данных владений была порядком выше сельхозвладений. Все эти владения также непосредственно братией не использовались (кроме кирпичного завода), а сдавались в аренду населению. Наибольший доход приносили мельницы – от 1100 до 1920 руб. в год¹² (с конца XIX в. по документам у монастыря только одна мельница). С конца XIX в. арендная плата колебалась от 800 до 960 руб.¹³ Монастырская администрация часто сталкивалась с неплатежеспособностью

арендаторов, и настоятель, идя на уступки, разрешал уплачивать аренду различными работами («Уплачено постройкою для кухни и разным материалом – 131 р. 54 коп.»¹⁴). Как с озера, так и с мельниц монастырь получал продукт производства, т. е. муку. Арендаторы ловлей часть улова отдавали бесплатно, также и зерно молотось в любое время и также бесплатно. Таким образом, видно что монастырь удачно построил использование мельниц(ы), что позволяло получать максимальную прибыль с минимальными затратами, при этом получая привилегию при помоле муки.

Доходы с других владений проследить сложно из-за недостатка материала. Кирпичный завод упоминается в 1833, 1834, 1836¹⁵, 1848¹⁶ и косвенно в 1856¹⁷ гг. Однако данных о доходах не найдено. Это объяснимо тем, что кирпичный завод строился для нужд монастыря в связи с активным строительством в 1930–1960-х гг. XIX в. Питейный дом («кабак»), так же как и завод, упоминается в документах нечасто, а именно в 1801¹⁸, 1879¹⁹, 1882²⁰, 1883²¹ и 1884²² гг. Единственный документ, сообщающий плату за аренду «кабака», это договор аренды между монастырем и купцом Завьяловым. По нему плата за «кабак» составляла 450 руб. в год²³. Торговые лавки в документах встречаются в 1861 (2 раза)²⁴, 1864²⁵, 1868²⁶ гг. По источникам, доход с них равнялся в среднем около 250 руб. в год²⁷. Так же, как и по другим владениям, обитель не несла каких-либо расходов на содержание собственности. В среднем доля дохода с владений составляла от 20 до 30 % бюджета (1916 г. – 2399 руб. 20 коп. из 12 546 руб. 11 коп.²⁸).

К другим источникам можно отнести доход с гостиницы, который в среднем составлял 200–300 руб. в год, что составляло около 3 % доходной части. Она никогда не пустовала, так как «...редкий житель уездов: Чухломского, Солигаличского и других соседних не приходит раз в год поклониться Преподобному...»²⁹. Очень важной составляющей монастырского бюджета был доход с капитала. Он складывался из разницы между доходами и расходами, которая использовалась на благоустройство обители или же скапливалась в виде капитала и вкладывалась в государственный банк под 4 %. Начиная с середины XIX в. по начало XX в. доход практически непрерывно возрастал (1853 г. – 10 702 руб., 1886 г. – 21 651 руб., 1916 г. – 71 270 руб.)³⁰. Общий денежный оборот монастырских средств, вложенных в процентные бумаги³¹, был довольно существен и составлял в 1856 г. – 9260 руб. 18 коп.³², в 1884 г. – 15 879 руб. 50 коп.³³ Доходы с капитала в монастырском бюджете играли существенную роль и колебались от 15 до 30 %³⁴. Важную роль в наполнении бюджета имели пожертвования и вечные вклады. Сумма пожертвований всегда была довольно высокой и стабильной, и, вероятно, так же как и общий доход монастыря, возрастала (в 1884 г. было пожертвовано 775 руб.), в среднем же по всем годам она была не менее 7 % от общего дохода. Сумма вкладов варьировалась от 5³⁵ до 500 руб.³⁶. Существенная часть пожертвований приходилась на предметы религиозного культа (иконы, посуду и т. д.)³⁷. Церковные доходы составляли в среднем около 20 % общего дохода обители (1916 г. – 2848 руб.

61 коп.³⁸, или 22,7 % доходов) и зависели в основном от продажи свечей (1916 г. – 1425 руб.³⁹, или 50 % от общей суммы), просфор (1916 г. – 327 руб. 30 коп., или 11,5 %), проскомидных, прикладных и молебных сборов (1916 г. – 219 руб. 13 коп., или 7,7 %; 48 руб. 53 коп., или 1,7 %; 183 руб. 29 коп., или 6,4 % соответственно), и годовое поминовение (1916 г. – 458 руб. 50 коп., или 16,1 %)⁴⁰. Доходы от ходов с плащаницей наравне с процентами с капитала, церковных и доходов с владений составляли основу монастырского бюджета (вместе в 1916 г. они составляли 92,5 % бюджета). Примерно в общей монастырской казне он составлял не менее 20 %⁴¹, а в среднем около 25 % (не менее 2000 руб. в год). Случайные доходы (продажа посуды, гробов, материал, двери и т. д.) составляли мизерную часть монастырского бюджета – не более 2 %.

Чухломский монастырь в XIX – начале XX в. рационально строит свое хозяйство, что помогает ему получать максимальную выгоду от всех своих владений при минимальных усилиях со стороны самой обители.

Если сообщений об источниках и размерах прибыли обители довольно много, то упоминаний о расходах практически нет. Рассматривать расходные статьи возможно только на основе росписи бюджета монастыря за 1916 год⁴², который показывает нам затраты монастыря. По нему главной расходной статьей были затраты на хозяйство монастыря, составлявшие 78,1 %, в том числе содержание братии – 26,5 %, содержание зданий – 20,6 %, сельское хозяйство – 17 %, на пищу братии, рабочих и богомольцев – 14 %. Остальные расходы (содержание и украшение храмов, содержание преосвященного Викария, содержание чинов 5-го стола Духовной консистории, по составлению и хранению запасного капитала, канцелярские, благотворительные расходы) вместе составляли чуть больше 20%, а иногда и менее. Как видно, благотворительность у монастыря была на одном из последних мест. В целом расход на пожертвования различным обществам и учреждениям был не более 500 руб. в год (в 1916 г. – 423 руб.).

Основу хозяйственных затрат составляла оплата труда наемной рабочей силы (в 1916 г. монастырь на данные нужды потратил 3132 руб. 42 коп., или 25 % всех монастырских затрат, 43 % всех затрат на содержание зданий, 80 % расходов на сельское хозяйство). Вероятно, сами монахи не выполняли никаких строительных и других работ по поддержанию монастырских зданий и сельского хозяйства. Даже такие работы, как «рубка леса и дров и вывозка их и распиловка»⁴³, выполнялись наемной силой. При этом на само развитие сельского хозяйства денег практически не тратится, так на покупку удобрений и семян в 1916 г. потрачено менее 100 руб.

Расходы на пищу братии, рабочих и богомольцев, составлявшие около 14% расходной части монастырского бюджета, вероятно, не были постоянными. Так, в 1868 г. затрачено более 3000 руб.⁴⁴, а в 1916 г. – 1737 руб. 98 коп.⁴⁵

Проанализировав все выше представленные документы по монастырскому бюджету, можно сделать вывод, что правильно поставленное использование владений, активный вклад монастырских средств в процентные

бумаги, использование высокого авторитета обители у окрестного населения (пожертвования, доход от обхода с плащаницей), а также старание минимизировать расходы приводили в к тому, что бюджет обители практически всегда был положительный⁴⁶ (несмотря на высокие расходы на наемную силу), и монастырь практически каждый год пополнял свой капитал, который к 1916 г. достиг 71 270 руб.⁴⁷

Примечания

¹ Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868. С. 90.

² Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861, С. 16.

³ «Преподобным Авраамием было основано четыре монастыря на территории костромской губернии, 3 из которых были закрыты: Новоозерский монастырь при учреждении штатов оставлен был на своем содержании, но в 1775 году был закрыт за бедностию и переведен в разряд приходских церквей, Великая пустынь существовала до 1764 года и имела 267 душ крестьян, а Верхняя еще в конце XVII столетия была приписана к Городецкому монастырю. На их месте сейчас стоят церкви: Ризоположенская, что в Озерках, и Соборно-Богородицкая, что в Верхней пустыни, или село Коровье» (Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 1–2).

⁴ Чухломский краеведческий музей (далее ЧКМ) Кп. № 881. Инв. № 763.

⁵ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Вероятнее всего, монастырь большей частью обеспечивал себя только огородными продуктами (овощами и корнеплодами), зерновые же в большей части покупались.

⁸ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 795.

⁹ ГАКО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 109–110; ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 799; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 783; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 798.

¹⁰ По документам, последний раз данный факт встречается в 1840 г., но, возможно, такая форма оплаты просуществовала вплоть до отмены крепостного права в России в 1861 г.

¹¹ ГАКО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 109.

¹² Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. С. 24; Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. С. 116; по документам: ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 769; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

¹³ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 769, ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 770.

¹⁴ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 769.

¹⁵ Тетрадь без инвентарного номера из фондов ЧКМ.

¹⁶ ГАКО. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1071.

¹⁷ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

РАЗДЕЛ III

¹⁸ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁹ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 782.

²⁰ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 69.

²¹ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 71.

²² ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 69.

²³ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 782.

²⁴ Материалы для географии и статистики России. СПб. 1861, С. 173; Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. С. 24.

²⁵ ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

²⁶ Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. С. 116.

²⁷ Там же. С. 24; ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

²⁸ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

²⁹ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. С. 17

³⁰ Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. С. 116; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763; ГАКО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 108–109 (всего имеется данных за 14 лет).

³¹ Преобладает информация за 1856 и 1884 гг., поэтому подсчет был сделан только по этим годам. Под общим денежным оборотом понимается сумма за год как по вкладам, так и по снятию процентов.

³² ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 36, 57, 125, 126, 127.

³³ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 73, 86, 93, 125.

³⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 109; ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

³⁵ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.

³⁶ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 80.

³⁷ КЕВ. 1896. № 4. С. 111.

³⁸ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

⁴¹ Данный процент, вероятно, занижен. Если учитывать, что в 1916 г., когда страна находилась на грани революции и поражения в войне, а население стало менее религиозно и даже часть его была настроена атеистически, доход составлял 21,6 %, то в более ранний период, возможно, процент был выше и, вероятно, достигал 30 %.

⁴² ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

⁴³ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

⁴⁴ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 764.

⁴⁵ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

⁴⁶ Исключение бюджеты за 1823, 1825, 1831, 1832 и 1833 гг. (в это время еще не было одной из главных доходных статей – процента с капитала).

⁴⁷ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

О. В. Горохова

РОМАНОВСКИЙ ПАНСИОН ПРИ КОСТРОМСКОЙ ГРИГОРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Еще «в 1850 г. дворянство Костромской губернии постановило образовать капитал в 150 тыс. руб. (с этой целью собиралось ежегодно по 7 коп. с владеемой крестьянской души) для учреждения в Костроме института для благородных девиц. С открытием Григоровского училища дворянство вошло с ходатайством, вместо предполагавшегося института, об устройстве при Григоровском женском училище пансиона на 40 девиц из потомственных дворян Костромской губернии, с присвоением ему наименования Романовский в честь Царствующего Дома. На это последовало Высочайшее соизволение 25 июля 1864 г. Открытие пансиона состоялось 30 августа 1865 г.»¹, – повествовал учитель математики (01.08.1906), редактор отчетов о родительских собраниях², староста гимназической Александро-Невской церкви (1912) и историк гимназии Константин Петрович Аржеников (17.11.1862–22.03.1933)³.

«В ознаменование... 50-летнего юбилея существования Григоровской женской гимназии... в день храмового праздника в гимназической церкви, 23 ноября 1907 года, в честь Св. Благоверного князя Александра Невского... в зале гимназии прочитана была К. П. Аржениковым, в присутствии приглашенных почетных лиц, учащихся и учащихся означенная историческая записка»⁴.

Символично, что и «торжество открытия женского училища в г. Костроме состоялось 26 августа 1857 г., в день коронавания Императора Александра II, указавшего в Высочайшем повелении открывать повсеместно училища для девиц»⁵.

Костромское женское трехклассное училище для всех сословий, как известно, было основано отставным артиллерии подпоручиком (1823), почетным попечителем Костромской губернской гимназии (1857–1870) и почетным членом костромского губернского попечительства о детских приютах (20.01.1858) и костромского городского попечительного комитета о бедных (06.01.1859), дважды удостоившегося благодарности попечителя Московского учебного округа (05.08.1858, 02.08.1868), Александром Николаевичем Григоровым (01.02.1799–13.01.1870)⁶, имя которого высочайшим повелением было присвоено училищу 25 июля 1864 года⁷.

«Костромская Григоровская женская гимназия состоит из 7-ми классов, и в том же здании помещается Романовский дворянский пансион, Высочайше утвержденный 25 июля 1864 года, и как гимназия, так и пансион состоят под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы», – подтверждалось и в отчетах о состоянии Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона⁸.

И соответственно с открытия и на протяжении полстолетия Григоровская гимназия и Романовский пансион были не обделены вниманием имядателей. Так, 16 августа 1858 г. «было осчастливлено посещением Их Величеств губернское училище для девиц. У подъезда, при встрече Их, находились: генерал-адъютант

Чевкин, почетный попечитель гимназии Григоров с супругою, инспектрисса заведения, дочь генерал-майора Шкот, и директор гимназии Егоров. При входе Их Величеств в зал училища, девицы встретили Их глубоким реверансом и приветствовали словами: “Счастье имеем, Ваше Императорское Величество!” ...Её Величество спросила инспектриссу: “Давно ли существует заведение?” “26 августа исполнится год”, – отвечала та. “Как, только ещё? – сказала Государыня Императрица, – и в это короткое время оно успело так развиться?” ...Воспользовавшись этим случаем, директор обратился с докладом к Государыне Императрице и, сколько возможно было, по краткости времени, объяснил, что существенную заботливость его в этом заведении составляет правильный ход учения, и что он не имеет в виду умножать число живущих в заведении воспитанниц. Ее Императорское Величество изволила милостиво одобрить эту мысль, сказав: “Старайтесь, чтобы было побольше приходящих девиц и чтобы в заведении во всем была простота”⁹.

15 августа 1866 г. «Их Высочества [Наследник Цесаревич Александр Александрович и Великий Князь Владимир Александрович] посетили Григоровскую женскую гимназию и Романовский пансион, где была устроена выставка сельских мануфактурных произведений Костромской губернии. На выставке Цесаревич купил троичную русскую сбрую работы костромского купца Кулакова»¹⁰.

15 мая 1868 г. «Григоровское училище и Романовский пансион посетил Его Императорское Высочество Великий князь Алексей Александрович»¹¹.

19 мая 1913 г. во время празднования 300-летия Дома Романовых «по всему пути следования Ея Императорского Величества с Их Императорскими Высочествами Наследником Цесаревичем и Великими Князьями расставлены были воспитанницы женских учебных заведений г. Костромы и Костромской губернии... Медленно следовали открытые экипажи, в которых помещались Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Их Императорские Высочества Наследник Цесаревич, Великие Княжны и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Воспитанницы учебных заведений бросали по пути следования Ея Величества и Их Высочеств заранее заготовленные живые цветы и восторженными кликами чистых детских голосов приветствовали ласково улыбающуюся им и отвечающую на приветствия поклонами Государыню Императрицу и других Августейших особ»¹².

«Романовский дворянский пансион, – как отмечалось в гимназических отчетах, – содержится преимущественно на средства гг. дворян Костромской губернии... В пансионе своекоштными пансионерками принимаются преимущественно дети дворян Костромской и других губерний, но за недостатком их – допускается прием дочерей и других сословий... Находящиеся в Романовском дворянском пансионе воспитанницы, до начала уроков и после уроков, во все время внеклассных занятий, постоянно бывают под наблюдением двух дежурных надзирательниц пансиона, занимающих должности надзирательниц Григоровской женской гимназии; кроме сего непосредственный надзор за воспитанницами имеет г-жа начальница, а высшее попечение о всех пансионерках принадлежит г-же попечительнице гимназии и пансиона»¹³.

Единственным развлечением пансионеров было чтение, но даже в разгар революции, 22 декабря 1905 г., педагогический совет признал «желательным, чтобы школа руководила чтением учащихся, высказываясь вместе с тем против всякой насильственной регламентации... [однако] Совет не находит возможным ходатайствовать о выдаче ученицам из публичных библиотек всяких имеющихся там книг, в виду того, что, рассмотрев список запрещенных книг, он признает некоторые из них неудобными для чтения воспитанницами»¹⁴.

Собственная библиотека Григоровской гимназии и Романовского пансиона являлась общей и состояла из 7 отделов (книги духовного содержания, русская и иностранная словесность, русская и всеобщая история, география и путешествия, естествознание и математика, книги на иностранных языках, журналы и сборники). Расходы на библиотеку в 1876 г. составляли 56 руб. 97 коп., 1877 г. – 31 руб. 87 коп., на книги и учебные пособия для пансионеров в 1876 г. – 168 руб. 70 коп., 1877 г. – 191 руб. 37 коп., и к 1878 г. общая библиотека гимназии и пансиона насчитывала 700 томов книг и журналов и 600 учебных пособий, что и получило отражение в опубликованном в том же году каталоге¹⁵.

С открытием приготовительного и VIII (педагогического) классов в 1881–1883 гг. библиотека была значительно пополнена и разделена по возрастам учениц, а 1887–1889 гг. часть книг выделена для фундаментальной библиотеки, которой в 1890–1891 гг. начальница и учительница истории и французского языка гимназии (06.10.1873–10.01.1901) Вера Ивановна Шахова (27.06.1840–27.09.1917) передала 543 книги, в том числе 48 на французском языке. Ученической библиотеке в 1895 г. учителями гимназии и пансиона было пожертвовано книг на 20 руб.¹⁶, и в 1907 г. фундаментальная библиотека насчитывала 757 названий в 1776 томах, ученическая – 1346 названий в 2315 томах, а расход на фундаментальную и ученическую библиотеки и естественно-научный и физический кабинеты составлял 1306 руб. 26 коп.¹⁷ В последнем учебном 1917/18 г. фундаментальная библиотека включала 982 названия в 2138 томах, ученическая – 1873 названия в 3125 томах¹⁸.

В собраниях Костромской областной универсальной библиотеки (КОУНБ) и Государственного архива Костромской области (ГАКО) выявлено более полутора десятков книг, в том числе история Греции, жизнеописание Сократа, Байрона и В. А. Жуковского, Избранные мысли о воспитании и образовании Л. Н. Толстого и др.¹⁹, с круглыми штампами диаметром 30 мм²⁰ Григоровской гимназии и Романовского пансиона, а также инскриптами, например духовного писателя, заведующего женской воскресной школой (1906–1918) и товарища председателя (1909–1918) Костромского Александровского православного братства Ивана Михайловича Студитского (1858 – не ранее 1918): «В библиотеку Григоровской женск. гимназии от автора. 1917 г., нбр. 29»²¹) и монограммами (например, Е.Ш.²² и К.Ш.²³).

Последние принадлежали, очевидно, Екатерине Владимировне Шаховой, урожденной Клементьевой (1810–22.08.1886)²⁴, дочери отставного капитана Владимира Ивановича Клементьева (1781–?) и Анны Алексеевны, урожденной Колычевой (1779–?), затем жене отставного капитана (1833) Ивана Алексеевича

Шахова (1801–01.01.1853) и матери начальницы Григоровской гимназии и Романовского пансиона Веры Ивановны Шаховой²⁵.

Примечания

¹ *Аржеников К. П.* Историческая записка о 50-летию Костромской Григоровской женской гимназии, 1857–1907 // Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. Кострома: Губ. тип., 1908. С. 48–49.

² Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. Отчеты о собраниях, изданные гимназией / под ред. К.П. Арженикова. Кострома: Губ. тип., 1906. 57, II с.

³ *Резепин П. П.* Городские думы: гласные и головы // Губернский дом (Кострома). 2007. № 1/2 (76/77). С. 73.

⁴ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. С. 10–11.

⁵ *Аржеников К. П.* Указ. соч. С. 43–44.

⁶ *Григорович А. И.* Об учреждении женских училищ в Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1858. № 43. Ч. неофиц. С. 436–437; ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 483. Л. 329–333, 505 об. – 510, 567–569.

⁷ *Аржеников К. П.* Указ. соч. С. 48.

⁸ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона за 1876 и 1877 гг. Кострома: Тип. Андроникова, 1878. С. 3.

⁹ *Андроников П. И.* Император Александр II в Костромской стороне. Кострома: Тип. П. И. Андроникова, 1858. С. 9–11.

¹⁰ *Скворцов Л. П.* Материалы для истории г. Костромы / сост. член КГУАК Л. Скворцов. Кострома: Губ. тип, 1913. Ч. 1. С. 334.

¹¹ *Аржеников К. П.* Указ. соч. С. 49.

¹² *Виноградов Н. Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–21 мая 1913 года / изд. КГУАК; сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Губ. тип., 1914. С. 91–92.

¹³ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. С. 36–37.

¹⁴ Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. Отчеты о собраниях, изданные гимназией. С. 40.

¹⁵ Каталог ученической библиотеки в Костромской Григоровской женской гимназии в 1878 г. Кострома: Тип. П. Андроникова, 1878. 25 с.

¹⁶ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского пансиона за 1893, 1894 и 1895 годы. С. 21.

¹⁷ ГАКО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–3.

¹⁸ ГАКО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 346. Л. 2.

¹⁹ *Александров Н. Н.* Лорд Байрон: его жизнь и литературная деятельность: биограф. очерк. СПб., 1892. (ЖЗЛ. Биограф. б-ка Ф. Павленкова); *Водовозова Е.* Как люди на белом свете живут. Болгары. Сербы. Черногорцы. СПб., 1898; *Водовозова Е.* Как люди на белом свете живут. Французы. СПб., 1899; *Курциус Э.* История Греции. Т. 1: От начала Персидских войн. 2-е изд. М., 1880; *Миловидов И. В.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома, 1885; *Огарков В. В.* В. А. Жуковский, его жизнь и литературная деятельность: биограф. очерк. СПб., 1894; *Пушкин А. С.* Полтава: поэма / с учеб. примеч. преподавателя В. А. Яковлева. СПб., 1869; *Романович П. П.* Русская старина в родной поэзии: ил. сб. стихотвор. образцов с примеч.

и словарем. Новгород, 1890; *Снегирев Л. Ф.* Жизнь и смерть Сократа, рассказанная Ксенофонтom и Платоном. М., 1895; *Тиндаль Дж.* Звук в общедоступном изложении путем опытов. СПб., 1902; *Толстой Л. Н.* Избранные мысли о воспитании и образовании, предисл. И. Горбунова-Посадова. М., 1909. (Б-ка свободного воспитания и образования / под ред. И. Горбунова-Посадова); *Черняева М.* Когда и как стала Волга русской рекой. М., 1904.

²⁰ *Горохова О. В.* Книжные знаки учебных библиотек // Костромская старина. 2006. № 19. С. 51.

²¹ *Студитский И. М.* Десятилетие воскресной женской школы при Запрудненской рукодельной школе Костромского Александровского Православного Братства (1906 – 21 октября 1916 гг.) / сост. И. Студитский, изд. Л. С. Чумакова. Кострома: Губ. тип., 1917. 58 с.: портр., фот. (ГАКО. № 6583).

²² Ваза. СПб., 1857. № 1–12. КОУНБ. ЦР 2947.3.

²³ Le Moniteur de la Mode. Journal du grand Modes. Literture, Beaux-Arts, Theatres, & c. Paris, Б.г. КОУНБ. № ЦР 1822.3.

²⁴ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 6045. Л. 50–51.

²⁵ ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 89 об.

Е. С. Иванова

РЕВИЗИЯ СЕНАТОРОМ А. В. АЛЯБЬЕВЫМ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В первой половине XIX в. главой местной администрации являлся губернатор с широким кругом полномочий. Причем на протяжении этого времени власть губернаторов усиливалась и росло их влияние на местные органы всех ведомств¹. Многие губернаторы чувствовали себя безнаказанными и, вместо того чтобы охранять законный порядок, часто нарушали его. Нередко злоупотребления губернатора вызывали недовольство местных жителей и они обращались с жалобами к императору. По этим жалобам Правительствующим сенатом или Министерством внутренних дел устраивались ревизии. Одна из таких ревизий произошла в Костромской губернии в 1815 г.

Решение о ревизии Костромской губернии было принято после очередной жалобы представителей костромского дворянства. В апреле 1815 г. полковником Шулепниковым от лица 52 дворян была подана жалоба на притеснения костромского гражданского губернатора Н. Ф. Пасынкова². Пасынков являлся костромским гражданским губернатором с 1807 г.³

Ревизию осуществлял сенатор Александр Васильевич Алябьев, имевший до этого опыт ревизии Олонекской губернии и московских присутственных мест⁴.

Помимо проверки представленных в жалобе злоупотреблений, сенатор А. В. Алябьев должен был осуществить общую ревизию губернии. Действовал он на основе инструкции от 1 августа 1805 г., по которой сенаторы должны были проверять канцелярское делопроизводство губернских и уездным присутственных мест; осматривать школы, больницы, тюрьмы; принимать жалобы от населения⁵. А. В. Алябьев прибыл в Кострому 24 июля 1815 г.⁶ Прибыв

в губернию, каждый реквизирующий сенатор приступал немедленно к ознакомлению с канцелярским делопроизводством присутственных мест, к ревизии входящих и исходящих журналов, настольных реестров, протоколов, журналов заседаний и т. д.⁷ Не стал исключением и А. В. Алябьев, который нашел в этой сфере множество нарушений.

В практике сенаторских ревизий часто бывало, что присутственные места подавали заниженные данные о числе нерешенных дел. Например, при первоначальной подаче ведомостей о решенных и нерешенных делах по губернскому правлению было показано 143 нерешенных дела, а в казенной палате – 246 дел⁸. Но после требования именных ведомостей оказалось по губернскому правлению нерешенных дел уже 603, а в казенной палате – 675. Советник губернского правления Телешов объяснял это тем, что таковая разность произошла от того, что «в первоподанной ведомости были показаны только те дела, коих решение зависело от губернского правления, а те которые со стороны правления кончены и состояли в отчете других мест, в той ведомости показаны не были, во второй же поданной по требованию сенатора ведомости, помещены были уже и те и другие дела»⁹. Но Телешов умолчал о том, что губернское правление специально отсылает дела по другим местам, чтобы уменьшить у себя количество наличных нерешенных дел.

В различных канцеляриях нарушения были сходными: отсутствие настольных регистров за некоторые годы, а из наличествующих часто нельзя было узнать, решено дело или нет, «в докладных регистрах бумаги разных чисел в палаты поступающие записываются в одно число, резолюции отмечаются через семь и более дней» и т. д.¹⁰

При ревизии была выявлена «крайняя медлительность» в решении дел. Причины такой медлительности, например в палатах гражданского и уголовного суда, А. В. Алябьев видел в том, что «палата требует по делам подсудимых чрез губернское правление, умножая чрез то одну переписку оною, несмотря, что полиция, как градская, так и земская наравне обязаны исполнять указы палаты, как и самого губернского правления»¹¹.

Много нареканий вызвало положение дел в губернском правлении. Сенатор нашел, что дела в правлении находятся «в беспорядке, смешаны кой как, бумаги к ним не подобраны» и открыл немало дел – «по которым действия правления не согласовывались с порядком и законом»¹². Причины неисправностей в губернском правлении Н. Ф. Пасынков объяснял нехваткой «количества присутствующих», из-за того что «губернское правление не имеет довольной суммы на содержание канцелярии, не может иметь у себя лучших и искусных писмоводцев, на таком малом жаловании, которое получают многие приказные от 50 до 100 рублей в год»¹³.

Слова Н. Ф. Пасынкова отчасти подтверждаются и самим А. В. Алябьевым, который в донесении Сенату так описывает одного из чиновников губернского правления Юрьева. «Советник губернского правления Юрьев служит более 40 лет беспорочно, в военной службе слишком долго продолжаемой, он изувечен в сражении, не владеет от того одной рукою. Самый беднейший человек

и в преклонных летах. Занимал место действительно не для вида, но для пропитания себя жалованьем. Человек не знающий совершенно дел в слабости здоровья своего, не мог никак соблюдать порядка по его должности. Он подписывал только журналы и исходящие, не имея никакого понятия о последствиях»¹⁴.

По произведенному А. В. Алябьевым обревизовании Костромской губернии, открылось множество нарушений и по рекрутскому присутствию. Сенатор открыл, что «по 83, 84, 85 наборам принято весьма много людей гораздо моложе повеленных указами о тех наборах, и несколько таких, которые старше оных лет... равно не соблюдается в прием казенных крестьян и мещан надлежащей очереди, но за всем оным в журналах присутствия означаются, что приняты те люди законных лет и по очереди... сельские начальники отдавали в рекруты одиноких крестьян, а с великосемейных брали деньги, выдавая им мирские приговоры на избавление их от рекрутства, а земские и уездные суды, ровно как и уездный стряпчий, по доходящим до них жалобам имея все то в виду, не токмо не прекращали таковых злоупотреблений, но еще сами старались скрывать виновных в том»¹⁵.

По высочайше предоставленному А. В. Алябьеву праву, он мог отстранять от должности виновных за «беспорядки и упущения по службе», но делал это он только за вопиющие проступки, многие же чиновники, хотя и отдавались под суд, оставались на своих местах. Объяснял это А. В. Алябьев тем, что «он отстранил бы от должности тех, которые виновны, но останавливается за тем, что в присутственных местах по производству дел будет остановка»¹⁶. Тем более что при сенаторе обыкновенно за полгода решалось больше дел и исполнялось бумаг, чем до него в течение целого года¹⁷. Так, во время пребывания А. В. Алябьева в губернии в Палате гражданского суда решено было дел: по указам Сената – 12, по частным прошениям – 38, апелляционные – 6, по поношениям, сообщениям – 456, а всего – 512¹⁸.

Помимо ревизии присутственных мест, сенатор принимал жалобы от местного населения. Большинство вопросов, поданных А. В. Алябьеву, касалось жалоб о неправильной отдаче в рекруты, лихоимства и вымогательства чиновников. Подавались просьбы об определении жалования вдовам, сиротам и участникам ополчения, решении земельных споров. Немало жалоб касалось медленного разрешения дел. Так, мещанин Федор Пыпин подал жалобу о том, что его дело о завладении титулярной советницею Анной Михаевой принадлежащей ему земли в местной полиции рассматривается уже 5 лет¹⁹. Были жалобы и родителей на детей. Капитанша Аграфена Полозова пожаловалась на своего сына губернского секретаря Евграфа, «причинившего ей чрез дерзновенные поступки свои оскорбления и обиды»²⁰.

Сам губернатор Н. Ф. Пасынков был обвинен по 22 делам, отозван от должности, но после разбирательства в Правительствующем сенате по 6 делам он был оправдан²¹. Среди дел, по которым был оправдан губернатор, два дела касались качества обмундирования рекрут и ополчения. Также губернатор вместе с вице-губернатором, губернским прокурором и стряпчим обвинялся в принятии подарков при принятии рекрут по Яковлевской волости Костромского

уезда, но Правительствующий сенат признал «показания крестьян и записки о подарках недостаточными и не мало не доказанными»²².

Дела, по которым Н. Ф. Пасынкова признали виновным, в большинстве своем были связаны с обеспечением армии, организацией ополчения, дворянскими выборами, а также неправильной организацией торгов на содержание почтовых станций²³.

Обвинения, влекущие за собой денежные взыскания с губернатора, касались дел о несостоятельном почтосодержателе мещанине Четвертном и о торгах в 1814 г. на содержание почтовых станций. В первом случае Пасынков обвинялся в том, что «когда содержатель почтовых станций мещанин Четвертной, принявший на себя обязанность сию по контракту сделался не состоятельным в исполнении оной, то почтовая гоньба за Четвертного передана была другим лицам, в удовлетворении коих следовало уплатить по расчету 12 тыс. руб. Пасынков, не находя других способов к таковому вознаграждению, сделал заем сих денег из дворянской суммы и впоследствии, дабы возвратить оную в дворянскую кассу, включил 12 тыс. руб. в общую раскладку земских повинностей по губернии на 1812 год»²⁴. Во втором же случае обвинения касались того, что «Пасынков назначил для торгов сроки краткие и несообразные с законом и, не дождавшись сведений от всех уездов о ценах там состоящихся, отдал подряд за весьма превосходную цену не только против прежнего трехлетия, но и против цен, в уездах выпрошенных. А сие доказывает стачку торговавшихся и невнимательность губернатора к общественным нуждам»²⁵. По этим делам было принято решение взыскать недостатки с Пасынкова, но только сумму этих недостатков Правительствующий сенат долго не мог точно назначить. Связано это было с тем, что дети Пасынкова вели активную переписку с Правительствующим сенатом, пытаясь всячески обосновать неправильность размера установленного с их отца взыскания²⁶.

Обвинялся губернатор в неправильном назначении дворянских выборов 1814 г. и незаконном утверждении в должности выбранных в органы дворянского самоуправления четырех чиновников. А. В. Алябьев выявил, что «губернатор не в праве был за силою высочайшего указа 2 декабря 1812 г. назначать выборы до возвращения ополчения, о прибытии которого было уже извещено. Но губернатор в оправдание свое приводил, что упомянутый указ должен относиться на те губернии, где дворян, за выбытием в ополчение, находится весьма недостаточно, в Костромской же губернии осталось оных значительное количество, как удостоверил его губернский предводитель. О времени прибытия же ополчения он не имел точного сведения»²⁷. В итоге по выборам назначены и утверждены губернатором в разные должности такие чиновники, которые по законам не должны были совсем избираться – одни из-за отсутствия недвижимого имущества, другие по неслужению в обер-офицерских чинах, а третьи по нахождению их под судом и следствием. Правительствующий сенат приходит к выводу, что «поспешность выборов и незаконное утверждение чиновников доказывают, что цель таковых выборов не могла быть благонамеренной, и губернатор устраня большую и лучшую часть дворян от всякого участия при оных, искал поместить в разные должности только тех, которых он желал, и чрез коих мог достигать своих намерений»²⁸.

Сенат нашел, что бывший губернатор весьма неправильно утвердил князя Козловского губернским предводителем, надворного советника Насекина уездным буйским предводителем, коллежского ассесора Щедрина костромским земским исправником, потому что «князь Козловский за прием в 1809 году в рекруты трех человек, коим со дня их покупки не прошло узаконенного трехгодичного срока, находился под судом уголовной палаты, которою освобожден был только по всемилостивешмему манифесту, а после дело о сем состояло в рассмотрении 6 департамента Правительствующего сената, которым решено в 1816 году. Насекин же и Щедрин прикосновенны были к делу Киленина об убийстве сестры своей, о каковой прикосновенности он губернатор не мог не знать... но не взирая на сие он утвердил сих чиновников в должностях, в совершенную противность указов 15 марта 1809 года и 28 января 1810 года, воспреещающим таковых подсудимых допускать к выборам»²⁹. Кроме этого, вопросы Сената вызвало и утверждение в должности макарьевского исправника Горталова. Выяснилось, что губернское правление скрыло от Правительственного Сената то, что не все дела в суде против Горталова решены, и это позволило утвердить его в должности. При разбирательстве этого дела члены губернского правления показали, что они сделали это по настоянию бывшего губернатора Н. Ф. Пасынкова. Все эти чиновники, по предложению А. В. Алябьева, были отстранены от своих должностей еще до окончания ревизии³⁰.

Более того, сразу же после этих сомнительных выборов дворяне в специальном приговоре от лица всего дворянства изъявили губернатору признательность «за хорошее управление губернией», но, как выявила ревизия, приговор этот не был обсуждаем на дворянском собрании, а подписан он был большей частью чиновниками, вновь определенными по выбору, и следовательно, «признательность изъявлялась бывшему губернатору не за усердие и попечение его о пользах губернии, но за утверждение по выборам»³¹.

Губернаторство Н. Ф. Пасынкова пришлось на годы Отечественной войны и заграничных походов русской армии. И здесь в действиях губернатора по вопросам снабжения армии и организации ополчения А. В. Алябьев нашел существенные нарушения. В 1812 г., по высочайшему повелению, велено было Н. Ф. Пасынкову посредством дворян купить в Костромской губернии 500 артиллерийских лошадей платою из казны по 150 руб. за каждую, но он вместо покупки разложил поставку лошадей на участки дворянских имений, полагая с 578 душ по одной лошади, назначил самые крайние сроки для представления их в Кострому, чего многие исполнить не могли, а потому и принуждены были покупать лошадей в Костроме, где губернатором учреждена была для сего особая комиссия из губернского предводителя и полицеймейстера, от коей купец Юдин и ставил уже лошадей вместо участков, получая за каждую не по 150 рублей, назначенных казною, но от 350 до 400 рублей – каковая плата и самое разложение лошадей сих на участки не могли не быть отягощением для дворян. Современники считают, что губернатор немало обогатился на этом деле³². Не мог Н. Ф. Пасынков представить верного отчета о числе именных французских военнопленных, прошедших через Костромскую губернию в 1812–1813 гг.³³ Вмешивался бывший губернатор в ход

выборов в ополчение. Его признали виновным в том, что он «находился в собрании дворян... вопреки узаконениям, воспрещающим входить губернаторам в дворянские выборы, что давал советы окружному начальнику гр. Толстому кого оставить из тех чиновников на службе или переменить... что губернатор назначал членов в комитет пожертвованый сам собою»³⁴.

Таким образом, Н. Ф. Пасынков был признан виновным в неисполнении своей должности, в нарушении законного порядка, в отступлении от именных высочайших указов, в самовластных и неправильных распоряжениях, в неосновательном донесении начальству, в противозаконном назначении выборов и утверждении по оной чиновников, в слабом надзоре за течением дел по присутственным местам³⁵.

Если дело Н. Ф. Пасынкова рассматривали в Правительствующем сенате, то дела губернских и уездных чиновников рассматривались в костромских палатах суда и тянулись несколько лет. В Сенате отмечали, что «в производстве всех тех дел (по ревизии Алябьева) происходит ощутительная медлительность большей частью от нескорой дачи подсудимыми ответов и неисполнение в свое время Присутственными местами требований палаты» и требовали ускорения в их решении³⁶.

Но многим чиновникам удалось избежать наказания. Интересен тот факт, что по ревизии сенатора Е. А. Дурасова Костромской губернии в 1827 г. обнаружилось, что «член костромской Врачебной управы штаб-лекарь надворный советник Шрейбер, который прежде сего по делу о злоупотреблениях, найденных ревизовавшим Костромскую губернию сенатором Алябьевым, был уже обвинен в лихоимстве при рекрутских наборах, но от суда и следствия освобожден, по недоказательству... ныне по многим уездам вновь называется прикосновенным к лихоимству, коим обогащал себя при отдаче рекрут»³⁷. Из этого примера видно, что избежавшие наказания чиновники продолжали и дальше свои злоупотребления.

Дело самого Н. Ф. Пасынкова также затянулось. В 1836 г. Костромскому дворянскому депутатскому собранию было предписано взыскать с бывшего гражданского губернатора Н. Ф. Пасынкова 22 000 руб. недоимок по дворянскому имению. Однако в 1837 г., в связи со смертью должника, указом Правительствующего сената недоимка была списана³⁸.

Таким образом, проводимая в 1815 г. ревизия Костромской губернии сенатором А. В. Алябьевым выявила множественные нарушения в области губернского и уездного управления, в результате чего многие чиновники, и в том числе губернатор, были уволены или преданы суду. Но, как часто бывало в первой половине XIX в., многим из них удалось избежать наказания.

Примечания

¹ *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М.: Карпов: НАНОО «МСГИ», 2004. С.81.

² ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2 об, Д. 1094. Л. 16.

³ Русский биографический словарь... Т. 13. С. 367.

⁴ Там же. Т. 2. С. 81.

- ⁵ ПСЗ-I. Т. 18. № 21861. С. 1150–1151.
⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 18.
⁷ История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911 гг. Т. 3. СПб., 1911. С. 637.
⁸ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1091. Л. 13 об; Д. 1094. Л. 122.
⁹ Там же. Д. 1265. Л. 4об.
¹⁰ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 112 – 113 об, 116, 126 об.
¹¹ Там же. Л. 113 об.
¹² Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1091. Л. 13 об.
¹³ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 5748. Л. 147.
¹⁴ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1265. Л. 3.
¹⁵ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 33, 128 об.
¹⁶ Там же. Л. 17 об.
¹⁷ История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911 гг. Т. 3. С. 648–649.
¹⁸ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 121 об.
¹⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 5748. Л. 163.
²⁰ Там же. Д. 5748. Л. 170.
²¹ Там же. Ф. 179. Оп. 1. 1091. Л. 23. Д. 2123. Л. 4.
²² Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1442. Л. 34, 100 об, 115.
²³ Там же. Л. 2 об. – 47, 100–120.
²⁴ Там же. Ф. 179. П. 1. Д. 2123. Л. 4–4 об.
²⁵ Там же. Л. 7–7 об.
²⁶ Там же. Л. 9.
²⁷ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1442. Л. 23–23 об.
²⁸ Там же. Л. 108–109.
²⁹ Там же. Л. 110–110 об.
³⁰ Там же. Л. 111–111 об.
³¹ Там же. Л. 109 об.
³² Там же. Л. 104–105 об.
³³ Там же. Л. 116–116 об.
³⁴ Там же. Л. 9.
³⁵ Там же. Л. 124–124 об.
³⁶ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1305. Л. 20 об.
³⁷ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1247. Л. 66 об.
³⁸ Костромские губернские ведомости. 1839. 8 апр. С. 42.

А. Е. Кухаренко

К ВОПРОСУ О КОРОННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГЛАВЫ ДОМА РОМАНОВЫХ НА АЛТАЕ

Алтайский (до 1834 г. – Колывано-Воскресенский) горный округ на протяжении практически всего периода своего существования был неразрывно и напрямую связан с императорской властью. Ключевым звеном данной связи выступал Кабинет Его Императорского Величества (далее – Кабинет), который являлся финансово-хозяйственным учреждением монарха. Именно эксплуатация природных ресурсов региона, располагавшегося на юго-востоке

Западной Сибири, стала одним из важнейших источников формирования бюджета кабинетского ведомства, а через него – и монархической власти. Поэтому положение округа находилось в зависимости от эволюции Кабинета и императорской власти в структуре государственного строя Российской империи, образуя уникальный механизм финансирования императора.

В своих публикациях мы проследили эволюцию Кабинета в государственной системе управления в имперский период Российского государства¹, где старались использовать современные достижения не только исторической науки, но и теории государства и права, управления, политологии. В выработке методологических установок мы опирались на системно-структурный подход, комплексный анализ государства как саморазвивающейся и саморегулирующейся институт-системы. Историография по истории Кабинета представлена нами в отдельной статье².

Рассмотрение эволюции Кабинета и Алтайского (Колывано-Воскресенского) горного округа позволяет предложить один из возможных ответов на ключевой вопрос их истории, имеющий принципиальную методологическую значимость, – владельческую принадлежность округа. Анализ литературы по данной проблеме стал предметом изложения на молодежной конференции в Новосибирске в 2008 г.³ Здесь лишь отметим, что эта тема получила неоднозначные оценки у специалистов и представлена тремя точками зрения о частном, государственном и смешанном характере владельческой принадлежности округа российским императорам. Несмотря на большие исследовательские перспективы, меньше всего сторонников и довольно слабую аргументацию имеет вторая позиция, что, по нашему мнению, совершенно неоправданно. Пытаясь восполнить этот пробел, в качестве обсуждения предлагаем авторский взгляд на положение и владельческую принадлежность Алтайского (Колывано-Воскресенского) горного округа в контексте развития кабинетского ведомства. Задача статьи состоит в том, чтобы обобщить результаты проведенного нами исследования и целено представить свою систему рассуждений.

На первом этапе складывания предпосылок для превращения Кабинета в особую государственную структуру (1704–1747 гг.) происходили процессы активной и кардинальной политической трансформации Российской империи в сторону построения государства современного типа. Обозначилось движение к иной государственно-правовой и законодательной основе, в связи с чем система государственного управления потребовала иного подхода. Институциональный толчок привел к нарастающим темпам модернизации государственной институт-системы. Начались процессы разделения между государством как институтом управления обществом и государем как главой этого института, относившиеся не только к государственно-правовой структуре, но и к идеологии и сознанию людей. Следствием явился наметившийся процесс отделения государственной собственности и собственности государя⁴.

Кабинет зарождался при Петре I как общегосударственный орган⁵. На этапе своего возникновения он приобрел некую неопределенность в системе государственных учреждений, о чем свидетельствуют постоянные изменения его

структуры и функций в послепетровский период⁶. В то же самое время процесс превращения монарха в элемент государственной системы требовал создания специального механизма для его финансового поддержания, обеспечения стабильной деятельности и независимости.

Возникновению такого механизма способствовал ряд факторов. Во-первых, это существование особой территории – Сибири как специфической единой правовой платформы, где государство имело относительную институциональную свободу действий. В свою очередь инициатива А. Демидова по развитию горной промышленности в районе Верхнего Приобья привлекла к себе повышенное внимание императорской власти, усилившееся после начала добычи серебра, что стало одним из факторов, определившим развитие данного региона почти на два столетия.

Возникла благоприятная ситуация «наложения», когда в силу аморфности функциональной структуры, поиска своей ниши и «приближения» к императорской власти Кабинет выступил подходящей оболочкой для реализации потребности в создании особой финансовой базы императора как важного элемента государственного устройства. Указанная ситуация нашла конкретное выражение в указах от 1 и 12 мая 1747 г.⁷ о передаче Кольвано-Воскресенских горных заводов Кабинету. Мы уже высказывали мысль, что императорская власть сделала это искусно и вполне законно⁸.

С этого момента, по нашему убеждению, начался этап, который связан с формированием Кабинета как особого государственного института (1747–1797гг.). В результате продолжавшейся эволюции государственного устройства к 80–90-м гг. XVIII в. закончился процесс отделения понятий «государства» и «государя», оформление государства как глобального института Нового времени и монарха как одной из его частей. Несколько медленнее шло структурирование форм собственности.

Взятие Кольвано-Воскресенских заводов в Кабинет привело к началу его эволюции в сторону финансово-хозяйственного учреждения, потере им общегосударственных функций в 1786 г.⁹ и сосредоточению на финансировании императора. Тем не менее, главная функция ведомства оформилась довольно определенно – это аккумуляция средств из различных государственных и особых государственных источников. Кольвано-Воскресенские заводы играли важнейшую роль в пополнении бюджета Кабинета¹⁰. Успешность финансирования обеспечивалась прогрессивным ростом доходов от эксплуатации рудных богатств юго-востока Западной Сибири и выходом на стабильную ежегодную норму в 1000 пудов серебра.

Финансовые вложения Кабинета шли «на поддержание престижа императорской власти среди подданных, удовлетворение интереса монарха к тем или иным государственным проблемам, укрепление позиций учреждений, занятых “материальными делами” коронованной особы»¹¹. Наличие фактов траты денег по личной прихоти монарха и существование так называемых «комнатных сумм» мы расцениваем как составляющую задачи Кабинета – обеспечение нормальной жизнедеятельности и относительной свободы высшего лица империи.

Это немаловажный фактор в вопросе функционирования главы государства, что соответствует также и современной практике.

Эволюция государственной системы и императорской власти в ней привела к оформлению своеобразного феодального держания императора «за службу», реализуемого опосредованно через Кабинет. Последний представлял собой абстрактного феодального держателя, который получил в свое распоряжение природные и людские ресурсы для извлечения доходов на содержание института монарха. Спецификой процесса было и то, что интересы института государя и личные интересы монарха сливались воедино, будучи до конца еще не разделенными в самой государственной системе, точно так же, как и взаимоотношения между нарождавшимся государственным началом и личными интересами императора¹².

Итак, по нашему представлению, округ был отдан государством Кабинету на правах владения а не собственности, и через него опосредованно – императору. Земли округа стали представлять собой особую государственную собственность, целью которой было поддержание монарха как института в рамках специфического государственного механизма – коронного или кабинетского ведомства. Среди доказательств того, что округ не являлся частной собственностью императора, по нашему мнению, наиболее важным является тот факт, что государство взимало с крестьян земельный оброк, который являлся феодальным подтверждением собственности государства на землю. Для более полной характеристики эволюции кабинетского ведомства нами проводилось сопоставление с развитием удельных территорий¹³.

С приобретением коронным ведомством функциональной определенности устанавливалась четкая зависимость между Кабинетом и Кольвано-Воскресенским округом, их эволюцией и положением императора на троне, результирующая целым рядом особенностей эволюции и противоречивости статуса в структуре государственного управления и государственной собственности. К концу рассматриваемого нами периода в действиях императорской власти появилась тенденция в отношении Кольвано-Воскресенского округа, которую мы назвали «частнособственнической», что было вызвано, по всей видимости, особенностями положения самодержавной власти и другими факторами.

Следующий исторический период эволюции Кабинета (1797–1855 гг.), на наш взгляд, характеризовался усилением указанной выше тенденции и внешним усложнением вопроса о владельческой принадлежности Кольвано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа. Характерной чертой данного этапа было стремление императорской власти к усилению контроля над Кабинетом и округом, к превращению последнего в свою частную собственность. Внешней формой проявления этой тенденции стало употребление с рубежа 20–30-х гг. XIX в. в законодательстве по отношению к округу понятия «частная собственность государя императора»¹⁴. Важным направлением в реализации «частнособственнической» тенденции стало стремление Кабинета и подчиненных ему структур добиться соединения функций землевладельца и администратора на территории юго-восточной части Западной Сибири¹⁵.

Ведомственные интересы короны не всегда совпадали с интересами государства, а политика Кабинета, имевшего значительную самостоятельность, подчас не укладывалась в русло общей политики других ведомств. Особое положение Кабинета в системе государственных учреждений как института, подчиненного непосредственно монарху, делало его неуязвимым в ведомственных спорах. Общеимперское законодательство на коронное хозяйство не распространялось, если это не было специально оговорено¹⁶.

Усилению охарактеризованных выше процессов способствовало соединение коронного ведомства с Департаментом уделов в одном Министерстве императорского двора и уделов. Созданное 22 августа 1826 г. и объединившее разрозненные части придворного управления, оно вывело Кабинет из-под контроля Сената или потенциально иного высшего учреждения Российской империи¹⁷. Тот факт, что организация министерства по времени совпала с довольно шатким положением Николая I на троне, можно расценивать как стремление монарха стабилизировать контроль над своей финансовой базой, тем более что Кабинет и Департамент уделов имели схожие функции по финансированию императора.

На протяжении рассматриваемого нами этапа произошло два эволюционных скачка в механизме поступления средств от Кольвано-Воскресенского округа, которые можно оценить как попытку заменить эксплуатацию недр округа денежными выплатами, что представляется нам наиболее вероятным конечным шагом в дальнейшей эволюции механизма финансирования монарха. Оба факта были связаны со сменой ведомственного подчинения Кольвано-Воскресенских заводов. Первая попытка относилась к 1800 г., когда Павел I подчинил Кольвано-Воскресенский горный округ Берг-коллегии в обмен на выплату из казны Кабинету стоимости произведенных металлов¹⁸. Однако данный опыт продлился всего полгода, после чего в 1801–1803 гг. Александр I возвратил сначала Кольвано-Воскресенские, а затем Нерчинские заводы из Берг-коллегии в Кабинет¹⁹. Второй опыт имел место в правление Николая I, когда произошла передача Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов под управление Министерства финансов в 1830 г.²⁰, обязав его выплачивать ежегодно Кабинету сумму за 1000 пудов «золотистого серебра». Данный период был более продолжительным и составил 25 лет.

Мы считаем, что интенсивный характер развития частнособственнической тенденции привел к возникновению в исторической науке мнения, что округ являлся частной собственностью монарха. Тем не менее, Алтайский горный округ, по нашему мнению, оставался особой государственной собственностью, так как сохранялся земельный оброк, округ передавался не по наследству, а по титулу, существовали устойчивые связи во взаимоотношениях Кабинета с другими государственными учреждениями по поводу горной промышленности²¹ и Алтайских заводов, непосредственное управление коронными округами нередко сливалось с органами общей гражданской администрации²², не изменилась векторная направленность бюджета кабинетского ведомства. Однако в силу существовавшей формы правления император стремился полностью вывести

Кабинет из-под контроля государства и затем присвоить себе собственнические права на округ, что характеризуется стремительным «отпочкованием» Кабинета от других государственных структур, изолированностью административно-хозяйственного комплекса на Алтае, попыткой законодательно оформить владельческие права императора на округ.

Возвращение Алтайского горного округа в 1855 г.²³ Кабинету можно связать с желанием взять источники доходов под усиленный контроль в условиях нестабильной ситуации в России. Эволюция Кабинета начала приобретать другие формы в связи с начавшейся экономической модернизацией страны. Наступил следующий этап в истории Кабинета (1855–1899 гг.). Системная связка император – Кабинет – округ вместе вступили, как и вся страна, в полосу радикальных изменений. Эволюция коронного ведомства проходила в условиях экономической модернизации. Происходило нарастание соперничества государства как системы с одним из ее элементов – императорской властью. «Втягивание» монарха внутрь целостной государственной системы управления выразилось в наступлении государства на институт монарха, а значит, и на механизм, который поддерживал этот институт, то есть на Кабинет и Алтайский горный округ. Являясь финансово-экономической базой кабинетского ведомства, округ оказался ареной столкновения различных сил.

Реформы 60-х гг. XIX в. привели к ломке кабинетской структуры. В условиях угрозы разрушения созданной в предыдущие годы изолированной системы, Кабинет начал контрнаступление в деле получения максимальных выгод от реформы. Прежде всего, он стремился ликвидировать земельный оброк, выплачивавшийся приписными крестьянами государству, который, как уже говорилось выше, являлся показателем права собственности. Министерству финансов удалось отстоять свои интересы, однако сумма платежа была понижена и трансформировалась в 1/4 часть выплачивавшегося сельским населением округа единого 6-рублевого оброка²⁴. Сохранение данного финансового механизма принципиально важно и стало одним из факторов последующей эволюции Кабинета и округа. Тем не менее, передача населения в ведение гражданской администрации вызвала защитную реакцию коронного ведомства в условиях потери целостности своей структуры против чужеродного влияния, породив особую непримиримость.

Структурный и хозяйственный вакуум в пореформенное время способствовала стихийности развития кабинетского хозяйства в округе при Александре II. Чиновники не смогли приспособиться к новым социально-экономическим условиям, и с рубежа 60–70-х гг. XIX в. обозначилось падение производства серебра. Кабинет консервативно решал производственные проблемы через административную систему, что заставило Министерство императорского двора и уделов в 1871 г. учредить в Барнауле филиал Центрального отделения контроля и кассы²⁵.

Кризис самодержавия 1879–1882 гг., поступательный рост бюджета Министерства финансов и серьезные проблемы с эксплуатацией алтайских заводов заставили Александра III обратить особое внимание на деятельность Кабинета

и округа как на один из важнейших источников своих доходов. Императорская власть была вынуждена включаться в конкуренцию с государственными институтами и стремиться к интенсификации своего хозяйства, так как темпы роста общества и государства становились опасными для самодержавной власти. На общегосударственном уровне было осуществлено ограничение возможностей Кабинета в использовании государственной казны²⁶. Последовали ревизии Кабинета и Алтайского горного округа посторонними ведомству лицами.

Итогом стало реформирование Кабинета в начале 80-х гг. XIX в., одним из актов которого явилось превращение его в центральный орган Министерства императорского двора и уделов. В 1883 г. была проведена и реформа окружного управления на Алтае²⁷. Тем самым действия монарха стали импульсом к развитию механизма и показали заинтересованность императора в дальнейшей эволюции института поддержания его власти. Однако надежды на подъем горной промышленности не оправдали себя, что подготовило переориентацию алтайского производственно-территориального комплекса с разработки недр на лесо- и землеэксплуатацию. Смена хозяйственной доминанты вызвала сложнейшие трансформационные процессы в структуре кабинетской администрации на Алтае. Официально новое направление было оформлено административной реформой 1896 г.²⁸

Укрепление государственных позиций привело к тому, что Министерство финансов обратило внимание на Сибирь, в том числе и на Алтайский округ, где до конца 90-х гг. XIX в. так и не были решены вопросы поземельного устройства крестьян. Кабинет в свою очередь, имея острую потребность в увеличении финансовой отдачи от собственного хозяйства и испытывая давление государства, пошел на уступки. Проведение податной и землеустроительной реформ с 1899 г.²⁹, которые были тесно связаны с аналогичными преобразованиями на казенных землях³⁰, явилось кардинальным шагом в эволюции кабинетского механизма, который означал запуск процесса замены землевладельческой возможности эксплуатировать территорию денежными выплатами из государственного бюджета.

Податная и землеустроительная реформы 1899 г. стали прологом к новому направлению в эволюции Кабинета и Алтайского округа (1899–1917 гг.). Процедура выкупа земельного имущества была рассчитана на 49 лет и на начальном этапе предполагала зависимость от сроков завершения землеустройства, которое должен был осуществлять Кабинет³¹. Заинтересованность коронного ведомства в получении финансовых ресурсов определила быстрые темпы проведения землеустроительных работ, существенно упавшие только в период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.³²

Начавшаяся ликвидация государством феодального пережитка в виде кабинетского землевладения в структуре финансирования императора практически параллельно сопровождалась эволюцией самого института монархии и всей системы государственного устройства в связи с появлением Государственной Думы и жесточайшего кризиса самодержавной власти, проявившегося в революции 1905–1907 гг. Если при Павле I и Николае I процесс замены эксплуатации недр

денежными выплатами во многом опережал время, то в начале XX в. шли уже более сложные, но и более органичные процессы эволюции связки государство – император – Кабинет – округ в структуре системы государственного строя Российской империи.

Создание Государственной Думы привело к ограничению государственных выплат Кабинету установлением строго фиксированной суммы³³. Давление государства стало более эффективным, так как оно воздействовало на два крайних звена взаимосвязанной системы императорской власти. Обозначилась тенденция к замене алтайского производственно-территориального комплекса денежными выплатами на одном краю системы и реальным ограничением самодержавной власти на другом.

Следующим ударом государства стало проведение столыпинской реформы и отчуждение значительных земель округа под колонизацию. Хотя это привело к поступлению новых финансовых средств от процедуры выкупа, однако лишило кабинетскую администрацию значительного количества плодородных земель, которые либо приносили, либо должны были приносить в будущем доход от аренды.

Период растерянности сменился «новым курсом» Кабинета в округе, который отвечал потребности интенсифицировать земельное и лесное дело³⁴, так как собственное хозяйство Кабинета становилось основой содержания двора, где на первый план выдвинулись доходы от Алтайского и Нерчинского округов. После назначения начальником округа В. П. Михайлова и административной реформы 1911 г. были проведены масштабные работы по рационализации и повышению эффективности эксплуатации природных ресурсов округа вместо их бессистемного и хаотичного использования. Эти меры значительно увеличили доходность Кабинета от округа³⁵.

Ситуация во взаимоотношениях государство – император – Кабинет – округ относительно стабилизировалась, так как после целой серии неудач коронное ведомство стало более агрессивно отстаивать свои позиции точно так же, как несколько укрепились позиции самодержавной власти после революции. На наш взгляд, подобную ситуацию можно назвать «динамичным равновесием». Однако, Кабинету пришлось столкнуться с новой формой борьбы против его владельческих прав на округ, которую мы условно назвали «юридической интервенцией». Она состояла в активном обсуждении прав ведомства на округ. Специфику этого процесса определяла постепенная «эрозия» единой платформы собственности Кабинета в округе и принципа неотчуждаемости кабинетских земель. В целом, период 1910-х гг. характерен жестким противостоянием государственных и кабинетских структур.

К 1917 г. можно констатировать существование денежных выплат наравне с сохранением определенных территорий, в отношении которых в перспективе ожидалось давление со стороны государственных учреждений в силу целого ряда причин³⁶. К сожалению, эволюция механизма поддержания института монарха не была завершена, так как падение самодержавия привело и к ликвидации Кабинета 27 марта 1917 г.³⁷ Однако динамика его развития

дает основание для предположения о замене эксплуатации земли денежными выплатами монарху из госбюджет в будущем. Прямая связь округа с Кабинетом могла бы полностью исчезнуть, заменившись финансовыми средствами из Министерства финансов.

Примечание

¹ *Кухаренко А. Е.* Эволюция Кабинета Его Императорского Величества и ее влияние на положение Алтайского (горного) округа (1704–1917 гг.) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 16–18; *Он же.* Начальные этапы развития Кабинета Его Императорского Величества и их взаимосвязь с историей Алтая (1704–1797 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История: науч. журн. 2009. № 4(8). С. 110–117; *Он же.* Стремление императорской власти к усилению контроля над Кабинетом Его Императорского Величества и Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным округом (1797–1855 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири: VII научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 104–106; *Он же.* Изменения в положении Алтайского (горного) округа и их зависимость от трансформации Кабинета Его Императорского Величества во второй половине XIX в. // IV научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2007. С. 67–71; *Он же.* Трансформация экономической политики в Алтайском округе в связи с новым направлением эволюции Кабинета Его Императорского Величества в 1899–1917 годах // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 87–94.

² *Кухаренко А. Е.* История Кабинета Е.И.В. в дореволюционной, советской и современной литературе // V научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2009. С. 53–60.

³ *Кухаренко А. Е.* Владельческая принадлежность Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа (к историографии проблемы) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Параллель, 2008. С. 144–153.

⁴ *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение (1747–1917гг). Новосибирск, 1973. С. 53.

⁵ 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904. СПб., 1911. С. XIII; *Жидков Г. П.* Указ. соч. С. 52.

⁶ *Мякотин В. А.* Кабинет Императорского Величества // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. с ил. [Электрон. ресурс]. М., 2004; 200-летие Кабинета... С. 288–290, 305–308.

⁷ Из указа императрицы Елизаветы Петровны бригадиру А. Беэру от 1 мая 1747 г. // *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Указ.соч. С. 286–288; Из указа бригадиру Беэру // *Соболева Т. Н., Разгон В. Н.* Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII– первая половина XIX в.). Барнаул, 1997. С. 71–74; ПСЗРИ-1. Т. 12. № 9403.

⁸ *Кухаренко А. Е.* Начальные этапы развития Кабинета... С. 113.

⁹ 200-летие Кабинета... С. 397–404; ПСЗРИ -1. Т. 22. № 16415.

¹⁰ *Жидков Г. П.* Указ. соч. С. 87–88.

¹¹ *Соболева Т. Н.* Участие Министерства финансов и других финансово-хозяйственных структур в становлении и развитии кабинетского хозяйства на юго-востоке Западной Сибири // Финансы Алтая, 1747–2002. Барнаул, 2002. С. 11.

¹² *Кухаренко А. Е.* Начальные этапы развития Кабинета ... С. 114.

¹³ Там же. С. 115.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее ПСЗРИ-2). Т. 5. № 3604.; ПСЗРИ-2. Т. 30. Отд. 1. № 29365; *Бородавкин А. П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 4–5.

¹⁵ *Жидков Г. П.* Указ. соч. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 57–58.

¹⁷ ПСЗРИ-2. Т.1. № 541, 542.

- ¹⁸ ПСЗРИ-1. Т. 26. № 19690; Либеральная и консервативная тенденции в организации управления горными *Борблик Е. М.* округами Сибири в начале XIX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири (XIX в.). Барнаул, 1992. С. 9–12.
- ¹⁹ *Соболева Т. Н.* Участие Министерства финансов С. 13–14.
- ²⁰ ПСЗРИ-2. Т. 5. № 3604.
- ²¹ Кричевцев М.В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С.13-14.
- ²² *Жидков Г. П.* Указ. соч. С. 76.
- ²³ ПСЗРИ-2. Т. 30. Отд. 1. № 29365.; *Соболева Т. Н., Разгон В. Н.* Указ. соч. С. 133–138.
- ²⁴ *Бородавкин А. П.* Указ. соч. С. 80–114; *Жидков Г. П.* Указ.соч. С. 127–133; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.4. Оп. 1. Д. 2144. Л. 1–2, 3–7об.
- ²⁵ *Соболева Т. Н.* Участие Министерства финансов ... С. 18–21.
- ²⁶ Там же. С. 21–22; Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894гг.) / под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1901. Ч. 1. Кн. 1. С. 24–27.
- ²⁷ ПСЗРИ-3. СПб., 1885–1916. Т. 3. № 1366.
- ²⁸ ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. № 12738. С. 270; Отд. 2. № 12738. С. 123–125.
- ²⁹ ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. № 16363, 16991; Узаконения по землеустройству крестьян Алтайского округа. СПб., 1899. С. 55–59; *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979. С. 253–272;
- ³⁰ *Топчий А. Т.* Указ. соч. С. 253.
- ³¹ *Соболева Т. Н.* Участие Министерства финансов... С. 162–164.; *Топчий А. Т.* Указ. соч. С. 259–262.
- ³² *Кухаренко А. Е.* Трансформация экономической политики... С. 89.
- ³³ *Соболева Т. Н.* Участие Министерства финансов... С. 25.
- ³⁴ *Жидков Г. П.* Указ. соч. С. 194–238.
- ³⁵ *Кухаренко А. Е.* Трансформация экономической политики... С. 91–92.
- ³⁶ Там же. С. 93.
- ³⁷ *Соболева Т. Н.* Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 263.

С. В. Малышко

**ПОСЛЕДНИЙ ПРОТОПРЕСВИТЕР РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА:
ВЕХИ БИОГРАФИИ Г. И. ШАВЕЛЬСКОГО**

Будущий протопресвитер военного и морского духовенства о. Георгий Иванович Шавельский родился 6 января 1871 г. в с. Дубокрай Витебской губернии в семье дьяка. В 19 августа 1891 г., после окончания духовного училища, был назначен на должность псаломщика одного из бедных приходов Витебской губернии и одновременно – учителем в местной сельской школе, где он проработал до 12 марта 1895 г. Приняв священный сан 19 марта 1895 г., о. Георгий получает назначение на приход Полоцкой губернии, а спустя два года, овдовев,

в 1898 г., по рекомендации витебского архиепископа, был направлен в Петербург для поступления в духовную академию, где зарекомендовал себя как старательный ученик, получив при этом назначение на должность проповедника в Александровский машиностроительный завод и на должность благочинного в имение Великого князя Дмитрия Константиновича в Стрельне. Со временем, в 1901 г., находясь на третьем курсе семинарии, был назначен настоятелем Суворовской церкви Николаевской академии Генерального Штаба в Петербурге.

В годы Русско-японской войны о. Георгий получил назначение на место полкового священника в 33-й Восточно-сибирский стрелковый полк в марте 1904 г., а спустя некоторое время – дивизионного благочинного 9-й Восточно-сибирской стрелковой дивизии. Закончив войну в звании Главного священника 1-й Маньчжурской армии (с 1 декабря 1904 г. по февраль 1906 г.), о. Георгий за свою пастырскую работу, организаторские способности и героизм был удостоен наград в виде сана протоиерейства, наперсного креста на георгиевской ленте и ордена святого равноапостольного князя Владимира IV степени с мечами. По поводу награждения протоиерея Шавельского крестом на георгиевской ленте существует определенная несогласованность: так, К. Капков отмечает, что будущий протопресвитер был награжден именно наперсным крестом на георгиевской ленте¹, в то время, как в биографическом очерке, напечатанном в «Воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота», отмечено, что о. Георгий получил награду за участие в боевых действиях во время Русско-японской войны в виде ордена св. Георгия Победоносца². По нашему мнению, в биографическом разделе воспоминаний содержится неточность, ввиду того что исследователи, не специализирующиеся на военной истории и военном деле, обычно отождествляют такие награды, как Георгиевский крест (орден для военных) и крест на георгиевской ленте (награда для священников за подвиги на поле боя), тем более что в послужном списке о. Георгия (Шавельского) награждение орденом не фигурирует так же, как и нет его на фотографиях о. протопресвитера рядом с другими наградами, в то время как крест на георгиевской ленте зафиксирован на всех фото.

После войны о. Георгий (Шавельский) вернулся в Петербург на свою должность настоятеля Суворовской церкви, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью законоучителя в Смольном институте с 1906 по 1910 г. С 1910 г. – профессор богословия Историко-филологического института. В том же году протоиерей Георгий был избран членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. В следующем году протоиерея Георгия было решено назначить помощником протопресвитера Е. Аквилонова, но смерть последнего внесла свои коррективы: 20/21 апреля Синод, а 22 апреля – император Николай II утвердили протоиерея Георгия на должность военного протопресвитера, которого, в связи с назначением, 25 апреля того же года наградили правом ношения митры.

В 1914 г., в канун Первой мировой войны, по инициативе протопресвитера, в Петербурге был проведен I Всероссийский съезд военного и морского духовенства, который продемонстрировал активную деятельность протопресвитера

Шавельского в вопросе пастырской службы и работы по ее оптимизации, улучшению правового и материального положения военного и морского духовенства, раскрыв тем самым как позитивные аспекты существования военного духовенства, так и негативные факторы, которые сдерживали развитие духовенства военного и морского ведомств³.

В годы Первой мировой войны протопресвитер, согласно штату, находился в Ставке Верховного главнокомандующего, где его деятельность заключалась в согласовании работы военных священников и постоянном ее руководстве непосредственно на театре боевых действий. Почти ежемесячно протопресвитер отъезжал на линию фронта к передовым позициям для контроля над службой священников, бесед с нижними чинами и выяснения уровня ответственности священников в выполнении своих прямых обязанностей и его рекомендаций. За значительную работу, проведенную протопресвитером Георгием, в январе 1915 г. он был награжден орденом Александра Невского. Награду ему собственноручно вручил император Николай II. В годы Первой мировой войны, а именно 1 ноября 1915 г., о. протопресвитер был избран членом Св. синода, в котором он и находился до апреля 1917 г., постоянно курсируя между Могилевом, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, и Петроградом, где происходили заседания Синода.

За годы войны протопресвитер Георгий Шавельский проявил себя как деятельный руководитель военно-духовного ведомства: проехал всю линию фронта: от Прибалтики до Причерноморья и Кавказа, побывав и в Восточной Пруссии, и в Варшавском округе, и в Галиции; инспектировал подведомственное ему духовенство, проводил пастырские собрания священников, составлял и распространял циркуляры и инструкции военному духовенству и послания армии и флоту, посещал госпитали, решал текущие вопросы, в том числе и по поводу награждений военного духовенства и духовенства воинских подразделений, призванного из епархиального ведомства, собирал информацию о деятельности православных священников на передовой линии обороны, рапорты и отчеты духовенства о состоянии церковных дел на отвоеванной территории и тому подобное. В своих воспоминаниях последний протопресвитер российской императорской армии писал о том, что посещение госпиталей всегда приносило ему большое моральное удовольствие, оказывая больным моральную поддержку, а ему давая новые силы для пастырской деятельности⁴.

С началом Февральской революции, 9 марта, Шавельский был арестован и заключен в тюрьму в Таврическом дворце, но освобожден 10 марта по причине отсутствия состава преступления. Основанием для его ареста послужила докладная записка от имени генерала Гурко, датированная декабрем 1916 г., по поводу пропаганды сектантства в войсках и резолюция на ней, суть которой заключалась в поручении жандармскому управлению взять вопрос под свой контроль. Учитывая состояние своего здоровья, а также факт ареста, протопресвитер Георгий 5–6 апреля 1917 г. подал прошение обер-прокурору Св. синода с просьбой отставки ввиду того, что его арест выявил недоверие к его личности со стороны власти, в прошении он также предлагал назначить

вместо себя протоиерея П. Лепорского, однако просьбы не были удовлетворены⁵. На II Всероссийском съезде военного и морского духовенства (июль 1917 г.), на котором была предложена идея выборного начала протопресвитера военноморского ведомства и его управления, полномочия протопресвитера Шавельского были подтверждены тайным голосованием⁶.

Во время работы Всероссийского православного Поместного собора в 1917–1918 гг. о. Георгий принимал участие в его заседаниях как протопресвитер военного и морского духовенства, товарищ председателя, член Высшего церковного совета при патриархе Тихоне. Кроме того, о. Георгий (Шавельский) в определенный момент был выдвинут деятелями собора как один из кандидатов в патриархи⁷.

Одним из важных вопросов, который требовал немедленного решения протопресвитером, был вопрос порядка богослужений для военных церквей в условиях военного времени, постоянных нарядов и дежурств, авральных работ или тревог. По словам как протопресвитера Георгия, так и о. Митрофана (Серебрянского), полкового священника 51-го Драгунского Черниговского е.и.в. великой княгини Елизаветы Федоровны полка, который принимал участие в Русско-японской войне, за столетнюю историю военного духовенства не был создан порядок совершения богослужений в воинских подразделениях или вариант его сокращения, учитывая сложность совершения богослужений по Типикону ввиду нехватки времени, обстоятельств военного времени или особенностей военной службы⁸. Правило, которым руководствовались при сокращении в совершении богослужений, заключалось в формулировке: “Аще изволит предстоятель”, – что, конечно, вносило определенное отличие богослужений в разных полковых церквях. Чтоб положить конец произвольному, а иногда и безграмотному сокращению богослужений, о. Георгий обратился к Св. синоду с просьбой позволить разработать и внедрить определенный порядок сокращения богослужения, на что председательствующий на заседании Синода митрополит Владимир не согласился, хотя и позволил протопресвитеру действовать от своего имени на собственное усмотрение, а последний, изложив и получив высочайшее одобрение Николая II, установил порядок богослужений, практикуемый в придворных церквях, изложенный и сравненный с приходским в составленной нами таблице.

Важным было и решение вопроса массового дезертирства, имевшего место на Рижском фронте в декабре 1916 г. Случилось так, что один из батальонов 17-го Сибирского стрелкового полка 5-й Сибирской стрелковой дивизии 12-й армии отказался идти в атаку, поддавшись влиянию немецкой пропаганды, за что был разоружен и изолирован от других воинских подразделений. 25 декабря, в день Рождества Христова, протопресвитер прибыл в штаб Сибирского корпуса, а оттуда отбыл в расположение изолированного батальона, где отслужил молебен и также произнес проповедь, начав ее с разъяснения воинского подвига, выполнения военного долга, продолжив историей полка и завершив, в достаточно строгой форме, разъяснением измены как самого тяжелого преступления. Проповедь протопресвитера действительно произвела большое впе-

РАЗДЕЛ III

чатление: через два дня батальон принимал участие в атаке, в которой большинство кровью искупило измену присяге⁹. Следует отметить, что, по словам о. Георгия, когда он пытался говорить подобным тоном с чинами 63-го Сибирского стрелкового полка в мае 1917 г., когда тот митинговал, отказываясь идти в окопы, эффект, на фоне бурлящей революции, оказался обратным: от разъяренной толпы протопресвитера Шавельского спасли старослужащие, для которых священник не был обычным человеком¹⁰.

Т а б л и ц а

Сравнение порядка богослужений в храмах епархиального и военного ведомств

Приходские церкви (1915 г.)	Военные церкви (1915 г.)
Часы обычные	Часы обычные
Великая вечерня – обычная	Великая вечерня – обычная
Утренняя:	Утренняя:
1. Шестопсалмие (6 псалмов разделенных на две части).	1. Шестопсалмие сокращено до 4 псалмов: 2 с первой половины и 2 со второй.
2. Тропари: гласа, праздника, Богородичны.	2. Тропари по шестопсалмию – один.
3. Кафизма (в монастырях – 2).	3. Кафизма сокращена до одного псалма.
4. Седальны.	4. Из канона – 4-я и 5-я песни по 2–3 тропаря без ектений.
5. Канон (1, 3–9 песни).	5. Из 6 стихов Песни Богородицы полагалось петь только 2 – 3.
6. Ектении после 3-й, 6-й и 9-й песни.	6. Великое Славословие обычное.
7. После 8-й песни – Песнь Богородицы на 6 стихов.	В праздничные дни полагалось читать одну из трех паремий, служить литию, полиелей
8. Великое Славословие обычное	
9. В праздничные дни читалось три паремий, служилась лития, полиелей	
Литургия	Литургия
Литургия без сокращений	На литургии оглашенных после Мирной ектеньи полагалось петь сразу Единородный Сыне;, опуская два антифона и две Малых ектеньи

Приходилось протопресвитеру заниматься и вопросами обмена пленными священнослужителями. К таким обменам привлекались правительства воюющих стран через страны, декларировавшие свой нейтралитет, Международный Красный Крест и папа римский¹¹.

После Октябрьского переворота 1917 г. ведомство протопресвитера прекратило свое существование в январе 1918 г., а о. Георгий был вынужден скрываться от большевистского террора, не успев выйти из отпуска, предоставленного ему Св. синодом по состоянию здоровья¹². 30 сентября 1918 г., после трехнедельного путешествия пешком, верхом, пароходом и железной дорогой в одежде оборванца с паспортом давно умершего крестьянина Скобленко, он прибыл

в Киев, где в то время установилась власть П. Скоропадского, а оттуда – с документами на имя киевского дворянина Г. И. Шавельского – в Крым, где находился великий князь Николай Николаевич. В 1918 г. о. Георгий стал во главе военного духовенства Добровольческой армии генерала А. Деникина, одновременно принимая участие в работах Ставропольского собора (май 1919 г.) и Временного Высшего Церковного управления на юге России (1919–1920 гг.), а после разгрома армии генерала Врангеля эмигрировал в Болгарию, где находился под юрисдикцией Болгарской православной церкви и занимал должность профессора богословского факультета Софийского университета и преподавателя Софийской российской гимназии, полностью отойдя от политической деятельности и не принимая участия в церковных дискуссиях, которые имели место среди российских эмигрантов. Умер 2 октября 1951 г. в Софии, где и был похоронен на русском кладбище.

Деятельность протопресвитера российской армии и ее значение нашли свое отображение в высочайше пожалованных наградах, а именно: орден св. Анны III степени с мечами (20.10.1904), орден св. Владимира IV степени с мечами (14.03.1905), золотой наперсный крест на георгиевской ленте (28.05.1905), орден св. Анны II степени с мечами (27.11.1905), протоиерейство (1905), палица (1910), митра (25.04.1911), орден св. Владимира III степени (06.05.1912), орден св. Анны I степени (04.10.1913), орден св. Владимира II ст. (06.11.1914), орден св. Александра Невского (1915)¹³.

Воспоминания исследователей и современников протопресвитера о его личности, конечно, очень противоречивы, ввиду того что сам протопресвитер отличался критическим мышлением и прямолинейностью, не боясь сказать правду в лицо. Так, как отмечает А. Самойлов, офицер Генерального Штаба из управления генерал-квартирмейстера Ю. Данилова, протопресвитер «производил впечатление человека хитрого и ловкого. Он начинал свою духовную карьеру простым полковым священником в нашей Маньчжурской армии»¹⁴. Данная характеристика обусловлена, по нашему мнению, тем фактором, что протопресвитер имел право присутствия на военном совещании, непосредственной отчетности императору, доклада Главнокомандующему, состоя в должности руководителя ведомства, в то время как большинство считало его обычным священником при Штабе Верховного главнокомандующего, по случаю чего случались различные казусы¹⁵.

Достаточно критически к протопресвитеру Г. Шавельскому относился и князь Н. Жевахов, впоследствии – товарищ обер-прокурора Синода, называя его «всесильным» и таким, который имел влияние на императора, самонадеянным и маловерующим человеком: «Да ведь этот один человек погубит всю Россию»¹⁶. Такая характеристика протопресвитера Жеваховым была дана после того, как о. Георгий (Шавельский) отказал ему в проведении Крестного хода всей линией фронта по окопам, что было вне сферы полномочий протопресвитера и достаточно хорошо продемонстрировало некомпетентность Жевахова в военных и военно-церковных делах. Личность же князя Жевахова могут охарактеризовать его слова, приведенные в воспоминаниях протопресвитера

Шавельского по поводу приезда в ставку князя с иконой Песчанской Богоматери: «Как вы думаете: не обидится на нас Божья Матерь, что мы Ее икону все же не очень торжественно встретили?»¹⁷, или в воспоминаниях самого князя Жевахова в разговоре с архиепископом Константином: «...иначе Вы прогневаете святителя Иоасафа»¹⁸ (по-видимому, в вопросах догматики князь был недостаточно образован). Стоит отметить, что, в свою очередь, и протопресвитер о князе Жевахове отзывался достаточно негативно, используя эпитеты «маленький князек», «князек он был захудалый» и т. п.¹⁹.

Полной противоположностью взгляда князя Жевахова на личность о. Георгия являются воспоминания контр-адмирала Морского отделения Ставки, либерала по убеждениям, А. Д. Бубнова, который отмечал, что среди иерархов Церкви редко можно было встретить настолько пронизательного, мудрого и привлекательного своими высокими качествами человека; он был прекрасно осведомленный о настроениях народа благодаря обширной сети военных священников, которые исполняли свой долг в подразделениях, укомплектованных людьми разных сословий²⁰.

Среди современных исследователей можем отметить А. А. Кострюкова. В своей публикации исследователь предпринял попытку объективно изложить спорные аспекты биографии последнего протопресвитера русской армии и флота, его взгляды, факторы, повлиявшие на их возникновение и эволюцию²¹, упустив литургические взгляды о. протопресвитера, а также тот аспект, что о. Георгий, будучи в определенный период своей жизни законоучителем, был достаточно знаком с церковными канонами и исходя из этого не предпринимал никаких важных шагов относительно богослужения (как пример: присоединение униатского населения к православию) без согласования с Синодом²². Стоит также указать, что Г. И. Шавельский не пошел на разрыв с Русской православной церковью, уйдя в Зарубежную РПЦ, а сохранил каноническое единство с полнотой Вселенского Православия через Болгарскую православную церковь, как бы там ни указывали на объективные или субъективные причины: факт остается фактом.

Относительно взглядов о. Георгия (Шавельского) на вопрос о присоединении населения униатского вероисповедания, он предлагал среди галицких униатов заниматься миссионерской деятельностью, не критикуя их взгляды или духовенство и не добиваясь немедленного принятия православия, а всеми способами показывая им величие и истинность православной веры, совершая для них (по возможности бесплатно) богослужения и требы, привлекая для этого опытных и образованных священников с семинарским или академическим образованием, находящихся на государственном обеспечении²³.

Нельзя согласиться с о. Георгием и его взглядами на проблему унии и решения греко-католического вопроса в русле православного вероучения, однако стоит отдать ему должное: протопресвитер не стал действовать по собственному усмотрению, а обратился с рапортом в Св. синод за разъяснениями по поводу присоединения униатского населения к Православной церкви и рекомендациям для пастырской работы священнослужителей, оказавшихся на территории

с массовым проживанием греко-католического населения²⁴. Определяя тот факт, что местное население, которому, по мнению протопресвитера, католические догматы далеки для восприятия, обращается к православным священникам, он просил дать ответ на вопрос, не считается ли факт обращения к православному священнику актом присоединения к православной церкви и можно ли без формальных, по мнению о. Георгия, действий не отказывать им в удовлетворении религиозных нужд. Однако от Синода ответа на рапорт протопресвитера не поступило в виду резолюции обер-прокурора Синода об отказе озвучить рапорт на заседании высшего церковного органа²⁵.

Учитывая методы, предложенные протопресвитером, при содействии графа Бобринского, генерал-губернатора Галиции, Верховным Главнокомандующим императором Николаем II заведование церковными делами в прифронтовой зоне и на отвоеванной территории было возложено на протопресвитера военного и морского духовенства. В августе – сентябре 1916 г. обязанности представителя протопресвитера были возложены на ординарного профессора Киевской духовной академии, доктора церковной истории, знатока истории Западно-Русской митрополии и истории униатства, протоиерея Ф. И. Титова²⁶.

Таким образом, можем отметить, что последний протопресвитер российской императорской армии, прошедший путь от приходского дьяка, полкового священника до протопресвитера военного и морского духовенства, в военном отношении приравненный к генерал-лейтенанту, а в церковном – к архиепископу – члена Синода, в личном плане стяжал себе как поклонников, так и недоброжелателей как за свои личные, так и деловые качества. Обусловлено это было, по нашему мнению, надеждами, которые возлагались на него, а также настроениями и склонностями самих современников протопресвитера Г. И. Шавельского. Консерваторы воспринимали его негативно, а либералы – наоборот, отзывались о нем достаточно хорошо. Учитывая, что протопресвитеру как представителю военного духовенства были чужды аскетизм и созерцательность и, как следствие, предвзятое отношение к черному духовенству в военно-духовном ведомстве, что вытекало из специфики прохождения службы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства, о. Георгий пытался обновить состав военного духовенства за счет белого.

По поводу личности протопресвитера Шавельского, отметим, что он был врагом мистицизма, суеверия и невежества, которые были распространены в России накануне революции. Прогрессивность его взглядов заключалась в толерантности к иноверным и одноверцам, а именно: он был достаточно либеральным по поводу принятия в лоно православия представителей других религий, которое заключалось в исповедании веры, исповеди и причастии, а по отношению к одноверцам, представителем церковно-исторической школы, которые изучали и освещали не только положительные аспекты жизни Церкви, но и негативные, ставя, в первую очередь, истинность факта, акцентируя внимание на том, что Церковь – истинная, но люди, находящиеся в ней – по человеческой природе – не лишены греха. Кроме того, деятели указанной школы, среди которых можем отметить профессора Знаменского, привыкли видеть

в историческом процессе объективность и последовательность исторических явлений и событий, конечно, по воле Божьей, но определяя и фактор творческого начала и свободы выбора, предоставленные человеку Всевышним. Мистицизм и ожидание разнообразных чудес как элементы провиденциалистской исторической школы в отмеченную выше историографическую парадигму, в которой отдельно была определена роль личности, не вписывались.

Примечания

¹ *Капков К. Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX вв.: справочные материалы. М.: Летопись, 2008. С. 124.

² *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1954. Т. 1. С. 6–7.

³ Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 2-я – богослужбная, 1914 // РГИА. Ф. 806 – Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. Оп. 5 – 1907–1918. Д. 9432. Ч. 3. 147 л.; Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 6-я – правовая. 1914 // РГИА. Ф. 806 – Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. Оп. 5 – 1907–1918. Д. 9432. Ч. 7. 211 л.; Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 9-я – морская. 1914 // РГИА. Ф. 806 – Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. – Оп. 5 – 1907–1918. Д. 9432. Ч. 10. 78 л.

⁴ *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 1. С. 161.

⁵ Личное дело протопресвитера Г. И. Шавельского, 28.04. – 15.12.1917 // РГИА. Ф.806 – Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. Оп. 5 – 1907–1918. Д. 10336. 27 л. Л. 10.

⁶ Там же, Л. 8 – 8об.

⁷ *Кострюков А. А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pobeda.ru/content/view/4273/257/>.

⁸ *Сребрянский М.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке М.: Отчий дом, 1996. 352 с.

⁹ *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 2. С. 272–277.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 277.

¹¹ Об обмене пленными служителями культа (аббат Жилле, Горбацевич и др.), 20.06.1916 – 10.10.1917 // РГИА. – Ф.806 – Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. Оп. 5 – 1907–1918. Д. 10047. 48 л. Л. 6, 9, 11, 16.

¹² Личное дело протопресвитера... Л.2, 13.

¹³ *Капков К. Г.* Памятная книга... С. 125–126.

¹⁴ *Самойлов А. А.* Две жизни. Л., 1958. С. 141–159, 161–169; Первая мировая / сост., предисл., вступление, статьи к документам и коммент. С. Н. Семанова. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 414–432.

¹⁵ *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 1. С. 117–118.

¹⁶ *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Священного Синода: в 2 т. М.: Родник, б.г. Т. 1. С. 74.

¹⁷ *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 2. С. 76–77.

¹⁸ *Жевахов Н. Д.* Воспоминания... С. 80.

¹⁹ *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 2. С. 70–81.

²⁰ *Бубнов А. Д.* В царской ставке. М.: Вече, 2008. С. 33.

²¹ *Кострюков А. А.* Указ.статья.

²² *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания... Т. 1. С. 176.

²³ Шавельский Г. И., *протопресв.* Воспоминания... Т. 1. С. 178.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 175.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 176.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 33–36, 38–40.

Н. В. Мухачев

**ВВЕДЕНИЕ «СУХОГО ЗАКОНА» В НАЧАЛЕ XX В.
В РОССИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ, ВОЛОГОДСКОЙ,
НИЖЕГОРОДСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Незадолго до начала Первой мировой войны по указанию царя Николая II в правительстве была начата проработка вопроса о возможности введения «сухого закона», несмотря на то что треть государственного бюджета составляли доходы от винной монополии.

30 января 1914 г. на имя управляющего министерством финансов П. Л. Барка поступил Высочайший рескрипт, предлагающий приступить к преобразованиям в питейной сфере: «нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподанных». 18 июля 1914 г. был объявлен временный запрет на продажу питей в связи с вступлением России в войну с Германией. Это было начало «сухого закона».

8 августа 1914 г. Николай II принял делегацию из 40 представителей городского самоуправления, которые единогласно высказались за прекращение торговли водкой. Позднее был подтвержден запрет на продажу «спирта, вина и водочных изделий» до окончания военного времени (за исключением трактирных заведений I разряда, собраний и клубов). В сентябре Николай II в ответной телеграмме на ходатайство Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников объявил о намерении «навсегда воспретить в России казенную продажу водки». С аналогичной просьбой выступил Святейший синод.

27 сентября и 13 октября 1914 г. Совет министров принял положения, дающие право городским думам, земским собраниям и сельским обществам запрещать питейную торговлю в местностях, находящихся в их ведении.

Обязательным постановлением от 28 июля 1914 г. главноначальствующий Костромской губернии запретил продажу всякого рода опьяняющих веществ в качестве заменяющих спиртные напитки, а два месяца спустя им же была воспрещена торговля виноградными винами из ренсковых погребов и других заведений на все время чрезвычайной охраны¹. В 1914 г. также удостоились высочайшего одобрения выработанные военным министром меры против потребления спиртных напитков в армии.

Города и земства Костромской губернии возбудили едва ли не большее количество ходатайств об укреплении трезвости, чем города и земства других губерний. По сообщениям газет, из всех городов Империи по 1 декабря 1914 г. лишь 80 возбудили ходатайства о полном или частичном прекращении торговли в России спиртными напитками (19 губернских городов и 51 уездных); в числе этих 80 городов – 14 городов Костромской губернии с г. Костромой во главе. Депутаты Ярославской думы выступили с таким же предложением².

Правительство не скрывало, что прекращение продажи крепких напитков – мера исключительная и временная, введенная лишь на период военных действий как часть стратегии воюющего государства. Желаемый эффект отрезвления в стране, где главным народным напитком была водка, оказался достигнутым быстро. По официальным данным, при снижении за год продажи спирта, водки и водочных изделий (в перерасчете на сорокоградусные напитки) на 99,9% среднедушевое потребление сократилось в 1915 г. до 0,03 л абсолютного алкоголя.

Несмотря на одобрение «сухого закона», многие представители высшей бюрократии осознавали, что данный шаг был далеко не однозначным и мог вскоре негативно отразиться на экономике страны. При этом чиновники усиленно искали новые источники пополнения государственного бюджета³. Некоторые современники отмечали, что благодаря введению «сухого закона» мобилизация прошла очень спокойно. Хотя, например, известно, что в Костромской губернии запасными чинами были разгромлены 17 казенных винных лавок и 5 транспортов с вином.

После закрытия казенных мест продажи в них оставались алкогольные напитки. Нередки были случаи, когда по настойчивым требованиям населения их открывали без разрешения. Перевозка остатков спиртных напитков с казенных винных лавок в винные склады, проходившая под тщательной охраной, в основном была закончена в октябре 1914 г.

Введение «сухого закона» в России обсуждалось весьма оживленно. В 1915 г. «Обществом заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» было сделано статистическое обследование влияния прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда рабочих. Сравнивались два трехмесячных периода с августа по ноябрь 1913 г. и тот же отрезок времени в 1914 г. Ответы прислали 172 предприятия с общим количеством рабочих 214 695 человек. Руководители самых различных предприятий отмечали благоприятные последствия введения «сухого закона» для российской промышленности. С помощью анкеты было установлено, что несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, связанные с военным временем, отрезвление населения имело положительное влияние на развитие производительных сил⁴.

Войдя в русскую жизнь сюрпризом, принудительное отрезвление вызвало ряд неожиданных последствий самого разнообразного толка.

Изучение общественного мнения было произведено в Костромской, Пензенской, Нижегородской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерниях, начиная с осени 1914 г. и заканчивая весной 1915 г. Данные всех анкет собраны Д. Н. Вороновым.

В Костромской губернии около 90 % принявших участие в опросе отмечали, что праздники и свадьбы без спиртного проходили спокойнее, без буйств. А вот в Московской губернии об этом свидетельствовало лишь 56 % респондентов, но 88 % опрошенных заявили об улучшении семейных отношений. В Костромской и Нижегородской анкетах отмечалось, что сбор новобранцев стал проходить тихо и спокойно. Среди опрошенных в Московской и Костромской губерниях только 6 % высказывались за возобновление виноторговли после войны. Анкетными опросами зафиксирован целый ряд интересных зависимостей. Так, оказалось, что деревня, населению которой пришлось перейти практически к полному воздержанию от потребления спиртного, в целом легче переносит запрет, чем город. В хозяйственной сфере, где «водочная повинность» изымала до 20% валовой прибыли, ситуация изменилась в лучшую сторону, поскольку были частично преодолены или снижены материальные потери, связанные с пьянством. Питейные обычаи (например, угощение, имевшее значение при найме работников или как средство отсрочки долгов, подкупа общественного схода и т. д.) заменялись деловым расчетом. Деревня неожиданно обнаружила спрос на тракторы, селекционное зерно и скот. Поскольку в условиях войны подобный спрос не мог быть обеспечен, то увеличились вклады в сберкассы: с августа 1914 г. по апрель 1915 г. деревенские вклады выросли на 261,7 млн руб., тогда как за тот же период прошлого года – только на 6,5 млн руб.

Постепенно изменился и образ жизни: по данным анкет, расходы на свадьбы и праздники перестали быть столь разорительными, сократившись в 10–15 раз только за счет спиртного. Повсеместно было отмечено исчезновение помочей и магарычей, рост самосознания крестьянина и улучшение поведения молодежи, подъем духовных запросов и религиозного настроения, спокойствие деревни во время набора новобранцев, снижение хулиганства, улучшение семейных отношений, пробуждение тяги к знаниям, особенно прикладным, усилился интерес к общественным делам. Но старшие возрастные группы труднее переносили запрет, процент пьющих здесь всегда был выше, чем среди молодежи. И особенно неохотно мирились с ним пролетарские слои деревни – поденщики, батраки. Однако противники запрета подчеркивали, что изъятие водки привело к сильнейшему развитию в сельской местности азартных игр.

Костромским научным обществом были разосланы анкеты по изучению местного края губернии в конце 1914 г. Больше всего было получено анкет из Нерехтского и Костромского уездов. Отмечено, что в дни войны с прекращением продажи водки, с прояснением у многих сознания своей личности возник интерес к книгам научного содержания, в частности к сочинениям по сельскому хозяйству.

Особенно заметно изменилась в первые трезвые месяцы жизнь в городах. «Исчезли знакомые картины уличного пьянства, скрылись пьяные, растерзанные фигуры, оглашавшие улицы непристойной бранью, не видно стало всякого рода попрошайек, нищих, темных личностей и т. п. Общий тон уличной жизни стал сразу совсем иной... Опустились камеры для вытрезвления при участках и сразу резко сократилось число алкоголиков как в специальных амбулаториях,

так и в психиатрических и общих больницах», – писал работавший в Москве доктор И. Н. Введенский в начале 1915 г.

Прекращение продажи водки породило проблему организации крестьянского досуга. Протрезвевшая деревня проявляла интерес к различным формам культурного отдыха. Этому в значительной степени способствовали земства, которые во время войны развернули культурно-просветительскую деятельность. Так, новым начинанием стала организация в деревне кинематографических сеансов и народных театров. В июне 1915 г. Ярославское губернское земство организовало сеансы кинематографии в селениях Пошехонского и Ярославского уездов. Несмотря на активность земств, кинематограф и театр не могли прийти в каждую деревню, и проблема досуга оставалась чрезвычайно острой. На смену одному пороку, пьянству, пришел другой – карточная игра на деньги. Не только молодежь, но и семейные люди стали проводить значительную часть своего времени, выходные и праздники за этим развлечением⁵. «Несколько человек из мастеровых Нерехтского уезда Костромской губернии проигрывали так много, что жены их плачут и говорят, что карты хуже вина. Играют в селах, деревнях, на постоянных дворах по вечерам под воскресенье и в праздники».

Вместе с тем социологические исследования показали, что уже на втором году войны в стране начало расти «суррогатное пьянство», и «наркотическое потребление» алкоголя быстро приближалось к прежним показателям (количество приводов в полицию, попадание в лечебницы и т. п.). Одним из источников приобретения спиртных напитков состоятельными гражданами являлись рестораны, где широко процветала тайная торговля алкоголем по завышенной цене, а также частные склады, откуда по ночам вывозились большие партии ходового товара.

Быстро распространялось потребление денатурированного спирта, одеколону, политуры, древесного спирта и прочих суррогатов спиртных напитков. При этом все знали о том, что эти вещества ядовиты, но все равно употребляли их, умирая или становясь слабоумными и косноязычными.

«Отравление денатуратом и другими суррогатами, представлявшее до войны явление сравнительно редкое, сразу резко возросло с первых же дней трезвости и имеет, по-видимому, склонность все увеличиваться», – писал по этому поводу Введенский⁶.

В поисках же более сильных возбуждений пили лак, одеколон, политуру, денатурированный и древесный спирт. «В Жирятинской волости Нерехтского уезда Костромской губернии рекрута гуляли и пили политуру и одеколон». Все это очень похоже на яд; многие болели, были даже случаи смерти. В г.Костроме столярную политуру легко превращали в несколько сносный напиток для опьянения. Торговцы этим товаром продавали политуру по 70–80 коп. за фунт и получали при этом стопроцентную прибыль. «Одна маленькая лавочка, мелочная, грязная и убогая, но не единственная, – описывал свои впечатления корреспондент «Московского листка». – Эта лавочка в обеденный час продает два пуда политуры. В день, особенно праздничный, до восьми – десяти пудов, при этом платят за фунт до 3 рублей».

Для питья политуры, сообщал доктор Л. С. Минор, знающие люди использовали определенные сорта политур, – так называемые шеллачные (№ 12 и № 13)⁷.

В течение лета 1915 г. в с. Наволоках Кинешемского уезда Костромской губернии появились мастера по изготовлению «пьяной кумы» или браги и часто можно было слышать пьяные песни и ругань не только в праздник, но и в будни. В своем письме из деревни крестьянин П. Уткин сообщал, что «...в Костромском уезде от г. Костромы до с. Молвитино нет ни одной чайной, где бы ни торговали брагой. Слышно, что и по другим трактам тоже введена эта торговля. Продается брага по 1 руб. 50 коп. – четверть, 60 коп. – чайник, 30 коп. – бутылка и 6 руб. – ведро».

Излюбленным «напитком» обывателей среднего достатка становился одеколон. Приобрести его можно было в аптеках и аптекарских магазинах поначалу практически беспрепятственно. В прессе ежедневно появлялись сведения об отравлении одеколоном с летальным исходом. Попыткой пресечения употребления одеколona «внутри» было специальное обязательное постановление, изданное градоначальником Москвы князем Ф. Ф. Юсуповым, запрещавшее изготовление и продажу препаратов из спирта, пригодных к употреблению для питья. В сентябре 1915 г. вышло постановление градоначальника, запрещавшее парфюмерным заводам выпускать одеколон крепостью ниже 80 % и с содержанием эфирных масел менее 5 %.

В деревне, где не было этих суррогатов, повсеместно и в огромных количествах появился заменитель водки – самогон. В конце 1915 г. в приходских церквях Костромской губернии в церковных летописях были отмечены случаи смерти от злоупотребления крепкими напитками, и о них велись беседы с прихожанами.

В городах среди рабочих выросло потребление денатурата, одеколona, лака и политуры; интеллигенция все больше злоупотребляла аптечными препаратами на спирту. Наибольшее распространение питьевого потребления лака и политуры получило в двух столичных городах, где увеличение производства этих изделий в 1915 г. по сравнению с 1914 г. достигло по отдельным заводам: в Петрограде для лака 600 % и политуры 1575 %, в Москве – 2260 % и 1800 % соответственно. В Петрограде, например, только за первый год войны из 150 аптек было продано в переработанном виде 984 тыс. л чистого спирта, что составило свыше 3 млн бутылок водки на общую сумму 6,5 млн руб. Оборот некоторых столичных аптек по продаже настоянных на спирту капель и разных видов одеколona достигал 500 и более рублей в день. На выставке по вопросам организации разумных развлечений для народа, проведенной в 1915 г., в качестве экспонатов был представлен внушительный ассортимент спиртных напитков (около 20 видов), самодельно изготавливаемых из денатурированного спирта, одеколona, политуры и пр., которые свободно продавались на рынке⁸.

Благодаря сравнительной легкости получения разрешения на приобретение денатурированного спирта, он занял первое место среди всех суррогатов, употребляющихся населением. В ноябре 1914 г. ярославский, а в марте 1915 г. вологодский губернаторы отмечали о развитии в губерниях в значительных размерах потребления в качестве напитка денатурированного спирта.

После введения запрета, уже через несколько недель, из разных мест страны стали поступать известия о возвращении пьянства. С каждым днем все сильнее стало развиваться тайное винокурение и шинкарство, принимающее опасные размеры. В течение апреля 1914 г. по Костромской губернии за шинкарство составлено 257 протоколов, за тот же месяц 1913 г. – 95, всего за 1914 г. – 664.

В южных губерниях увеличилось потребление виноградных вин, а в пограничных областях расширилась контрабанда спирта. Особенно контрабандная торговля усилилась в Приморье и на Дальнем Востоке, которые, по данным местных властей, были просто «затоплены» сивухой из Манчжурии. По официальным подсчетам, в обмен на суррогаты спирта из края ежегодно вывозилось не менее 22 млн золотых рублей.

В период действия «сухого закона» на акцизные управления наравне с полицией была возложена основная ответственность на поддержание порядка. Ключевые задачи состояли в пресечении тайного винокурения и продажи алкогольных напитков. По собранным министерством финансов сведениям, за 6 месяцев с момента запрещения продажи спиртных напитков в России было обнаружено 1825 тайных винокуренных заводов, занимавшихся производством суррогата водки, так называемой «кумушки». Также было найдено 160 нелегальных винокуренных заводов, оборудованных по всем правилам современной техники, а также 92 завода, специально занимавшихся очисткой лака и, наконец, 60 заводов, производивших очистку денатурированного спирта. В Ветлужско-Варнавинском уезде были расположены кустарные заводы, каких в 1914 г. насчитывалось в уезде до 40 с 200 работавшими казанами, в течение рабочего периода, продолжающегося 7 месяцев, получалось древесного спирта на 78 000 рублей⁹.

Из Симбирской губернии писали, что местами по селам пьяных еще больше, чем было раньше. В Петроградской губернии были обнаружены целые лаборатории по выделке спирта из денатурата, одеколону и политуры. Кроме этого, в деревне додумались изготовлять и свои собственные «пьяные напитки»: «квасок», «медовый квас», «корчаму», «сыченую бражку», «воронку», «горючий спирт» и другие, – читаем в одной из статей журнала «В борьбе за трезвость» за 1916 г.

Начальник ярославского жандармского управления сообщал, что только в г. Рыбинске тайным привозом и сбытом денатурированного спирта занимались более 100 человек. Спирт привозили главным образом из Петрограда и Москвы. Денатурат в столице можно было достать не только в свечных лавках, но и через старших дворников, которые получали спирт по талонным книжкам. С 1915 г. денатурированный спирт в качестве напитка в Нижегородскую губернию стал ввозиться преимущественно из Москвы.

В Костроме в период 1915–1916 гг. конфискация спиртного была обыденным явлением. В начале масленичной недели 1915 г. полицией был обнаружен в гостинице «Кострома» целый винный склад, конфисковано до 500 бутылок коньяков, ликеров и др. вин.

Ситуация еще более обострилась в 1916–1917 гг. В деревне к этому времени невидимую силу приобрело самогонварение и продажа браги и пива.

К ответственности за производство и реализацию спиртосодержащей продукции привлекались представители всех сословий. Например, 3 мая 1916 г. в г. Романов-Борисоглебск Ярославской губернии на пристани пароходства «Кавказ и Меркурий» была задержана крестьянка Александрова с 18 бидонами денатурированного спирта, оказавшегося питьевым спиртом петроградского завода «Кенига». Тогда же к ответственности за торговлю денатуратом была привлечена дворянка М. И. Маркевич. 16 января полиция «реквизировала из дома Ловыгина целый воз браги». Такие же происшествия местные жители могли наблюдать на Новгородской, Полянской, Еленинской улицах Костромы. Во многих населенных пунктах Костромской губернии происходила открытая продажа «кумушки». В начале февраля 1917 г. в тайной выделке спирта были замечены даниловский мещанин А. Б. Борисов, рыбинская мещанка Е. В. Смирнова, крестьянин Лифляндской губернии Л. М. Бунде и т. д.¹⁰

После февраля 1917 г. Россия императорская осталась в прошлом. Но, несмотря на продолжавшийся запрет торговли спиртными напитками, их подпольное изготовление и торговля процветали. Пьянство распространялось по уездам губернии. В Костромском окружном суде и его отделениях на местах, как и раньше, рассматривалось большое количество дел об изготовлении и торговле спиртом, вином, брагой и пивом. Надежды на скорый мир таяли. Военская дисциплина падала, участились случаи пьянства.

В середине апреля 1917 г. в г.Кинешме Костромской губернии были разгромлены винные погреба и расхищенное вино распивалось опьяневшими солдатами. 27 ноября этого года начались беспорядки в г.Галиче Костромской губернии и продолжались три дня. Первоначально солдаты разграбили винный склад, и началось пьянство солдат и городской черни. Прекращению беспорядков содействовали солдаты, присланные из г. Костромы.

По состоянию на 27 октября 1917 г. на Костромском казенном винном складе имелось 18 934,84 ведра спирта в стеклянной посуде и 3760 ведер в чанах. В начале ноября был разгромлен винный склад в г. Судиславле Костромской губернии, а 22 ноября в 4 часа дня воинская команда, несущая караул в Костромском винном складе, начала его разграбление. Положение спас губпродкомиссар П. К. Коганович с рабочими-красногвардейцами с завода ПЛО. Однако впоследствии во избежание подобных эксцессов весь спирт был спущен через канализационную сеть в реку Волгу¹¹.

Конец октября и ноябрь 1917 г. были временем винных погромов по всей России «толпами темных личностей и несознательной части солдат»; в декабре советское правительство продлило запрет на торговлю водкой на время войны и революции.

Введенный в 1914 г. «сухой закон» принес полное отрезвление нашему народу, которое после Октябрьской революции продолжалось до 1925 г. О нашем «сухом законе» английский общественный деятель Ллойд Джордж сказал: «Это самый величественный акт национального героизма, который я только знаю»¹². Принудительная трезвость, безусловно, уменьшив открытое пьянство в России, не привела к полному отрезвлению страну и антиалкогольных идей среди

населения не укрепила. По мере того как ухудшались жизненные условия, затягивалась война, разрастался внутренний кризис, все больше росла потребность широких масс в алкогольном наркозе.

Неудачу «сухого закона» можно также объяснить тем, что его введение способствовало автоматическому закрытию учреждений, своей целью ставивших борьбу с пьянством и, прежде всего, обществ трезвости, возникших внутри народных масс. Но было уже поздно, хотя идея возродить народные общества трезвости с организацией во всех населенных пунктах отрядов для преследования тайного винокурения, незаконной продажи спиртных напитков и тому подобных злоупотреблений высказывалась акцизным надзором в мае 1917 г. и даже с поправкой на новые политические условия. В частности, предполагалось избегать действий, не одобренных общественными организациями, – местными комитетами рабочих и солдатских депутатов. Однако в некоторых районах органы местного самоуправления вместо борьбы с алкоголизмом разрешали, а нередко и поощряли продажу пива и виноградных вин.

Таким образом, введение «сухого закона» привело к значительному росту потребления различных суррогатов и спиртосодержащих веществ, как известно, отрицательно влиявших на физическое и психическое здоровье народа. Страдали же от этого, естественно, наименее обеспеченные слои населения. Не менее важной причиной неудачи запрета была коррупция, развитая как на местах, так и в крупных городах. Она перечеркивала все попытки государственной борьбы с нелегальным производством и торговлей спиртными напитками.

Центральным мотивом государственной питейной политики конца XIX – начала XX в. был фискальный интерес. Так, уничтожение кабаков привело к развитию уличного потребления спиртных напитков и шинкарству, а введение «сухого закона» повлекло за собой рост самогонварения. Основной причиной введения «сухого закона» была мобилизация, хотя в правительстве осознавалась необходимость борьбы с алкоголизмом. Именно поэтому все изменения в области питейного дела вводились под лозунгом борьбы с пьянством. К сожалению, ни монополия, ни даже «сухой закон» не смогли эффективно противостоять этому явлению. Народом с одинаковым успехом потреблялись сначала казенная водка, а затем, ввиду ее отсутствия, – суррогаты.

Пропаганда трезвости и «сухой закон» не отвечали сложившимся условиям существования народа. Борьба с алкоголизмом должна была начинаться не с изменений в законодательстве и попытки запретить потребление спиртных напитков, а с формирования жизненных условий, которые определяли другие потребности и культуру потребления напитков. Весь опыт реализации питейного законодательства на местном уровне свидетельствовал о том, что правительственные мероприятия не имели решающего успеха, так как не затрагивали глубинных основ бытия населения и носили в этом отношении второстепенный характер¹³.

Примечания

¹ См.: *Краснов И. А.* Кому на Руси пить хорошо? Очерки по истории алкогольного вопроса в дореволюционной России. СПб.: Спец. лит., 2004. С. 223, 227; Обязательное постановление главноначальствующего Костромской губернии // КГВ. 1914. № 30. 2 авг.;

№ 39. 4. окт.; См.: Военный отдел. Трезвость в армии // Костромская жизнь. 1914. № 127. 14 июня.

² См.: Города и земства о трезвости // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 1. С. 38–39; ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1671. Л. 50.

³ См.: Статистика производств, облагаемых акцизом. 1915. Ч. 1. Отд. 1. Пг., 1917. С. 107, 131, 152.; *Страхов В. В.* К вопросу об общественных проектах стабилизации государственных финансов в царской России в период Первой мировой войны // Российское общество и власть в прошлом и настоящем. М., 1998. С. 172 – 178.

⁴ См.: *Грановский Л. Б.* Алкоголизм и кооперация. М., 1915. С. 5; *Волков Г. Ю.* Политика правительства в годы первой мировой войны по искоренению пьянства в России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: WWW Kostroma.ru; ГАКО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 3881. Л. 2–3; Отрезвление рабочих. Статистическое обследование влияния прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда рабочих. М., 1915. С. 4; 63–77.

⁵ См.: *Воронов Д. Н.* Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916. С. 11–34; *Захарова Л.* Влияние трезвости на жизнь деревни Костромской губернии (по данным анкеты Костромского научного общества по изучению местного края). Отдельный оттиск из V вып. трудов Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома: М. Ф. Риттер, 1916; *Краснов И. А.* Указ. соч. С. 195, 196.; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 95–98.

⁶ См.: *Захарова Л.* Указ. соч. Кострома, 1916.; *Ткача И. Р.* «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб.: Журнал «Нева». С. 65.; *Введенский И. Н.* Опыт принудительной трезвости. М., 1915. С. 18–19; *Грановский Л. Б.* Указ. соч. С. 30–31; *Краснов И. А.* Указ. соч. С. 200.

⁷ См.: *Захарова Л.* Указ. соч.; Свободная торговля отравой. Кострома // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 2517. 29 янв.; Фунт = 96 золотников = 32 лота = 409,51г; пуд = 40 фунтов или 16,38 кг. (*Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. Кн. 1. М., 1999); Московский листок. 1916. № 100; *Краснов И. А.* Указ. соч. С. 201.

⁸ См.: Против пьянства. Наволоцкий оператор // Известия Костромского губернского земства 1916. № 2, февр. С. 69–70; От градоначальствующего г.Москвы. Обязательное постановление // ГАРФ. Ф. 102. (д-2). Оп. 73. 1915. Д. 9. Ч. 23. Т. 2. Л. 12, 21; Трезвость и акцизное ведомство // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 2667. 11 авг.; *Занороженченко В. Г., Гаплыков А. В.* Попытка решения проблемы пьянства в России в период первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы наркологии. 1998. № 3. С. 45; *Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я.* Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты). М., 1983. С. 74.

⁹ См.: ГАЯО. Рб.ф. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 59; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 351. Оп. 1. Д. 932. Л. 65; Развитие шинкарства // Костромская жизнь. 1914. № 94. 3 мая.; *Страшун И. Д.* Борьба с алкоголизмом (Законодательные меры. Положение дела борьбы в некоторых странах) // Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.; Л., 1928. С. 168–169; ГАЯО. Рб.ф. Ф. 117. Оп. 1. Д. 41. Л. 19; Земский химический завод. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 16. 10 нояб. С. 21–22.

¹⁰ См.: *Краснов И. А.* Указ. соч. С. 200–202; ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 919. Л. 45; ГАНО. Ф. 63. Оп. 268/1. Д. 512. Л. 171; Конфискация винного склада в гостинице «Кострома» // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 2519. 4 февр.; *Волков Г. Ю.* Указ. соч.; ГАЯО. Рб.ф. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 3–274; Ф. 140. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–10; Д. 49. Л. 20.

¹¹ См.: ЦДНКО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 9. Л. 3; Д. 6. Л. 40; Оп. 2. Д. 127. Л. 17, 22; Письмо из деревни. Злое дело. Афанасьев // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 34. 15 нояб. С. 17–18; «Приступить к уничтожению вина...». Переход в ведение губернского совета народного хозяйства // Губернский дом. 1999. № 5–6/99; *Бочков В.* Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 16.

¹² См.: *Маевский Е.* Непобежденное пьянство // Современник. 1915. № 2; *Сум Н.* Новое бытовое явление // Современный мир. 1915. № 5.

¹³ См.: *Карандашов Г. В.* Питейное дело в губернии Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века: Дис. ... канд.ист.наук. Ярославль. 2000. С. 82–92.

Л. Н. Новожилова

**ИВАН ОСИПОВИЧ СЕЛИФОНТОВ – НА СЛУЖБЕ
НЕ ГОСУДАРЮ, НО ГОСУДАРСТВУ**

Ивану Осиповичу Селифонтову пришлось жить в течение пяти переменившихся царствований, а служить в течение четырех. Он выделялся из многих сослуживцев своими способностями, широким для того времени образованием и твердостью воли и вышел в люди почти из ничего, так как ни по происхождению, ни по состоянию не принадлежал к той среде, из которой по преимуществу назначались в конце XVIII в. государственные деятели. В Селифонтове были заложены черты дворянина новой европеизированной России, человека, служащего не государю, но государству, верящего в рациональное управление на «общее дело». И в то же время он был чиновником своего времени, когда карьера, протекция, доброе расположение государыни и государя имели огромное значение для любого дворянина, приближенного к власти.

Родился И. О. Селифонтов 7 ноября 1743 г. в родовой усадьбе своего отца сельце Сывороткино Романовского уезда Ярославской губернии ¹. Сначала обучался дома, а в 1758 г. был зачислен в Морской корпус. 6 мая 1762 г. в возрасте около 19 лет он был выпущен из корпуса с чином мичмана корабельного флота.

Новая императрица Екатерина II распорядилась привести в порядок флот, нескольких морских офицеров послать в Англию «...для присмотра в их флоте военных порядков и действительных поступков с неприятелем»². В числе этих офицеров оказался и Селифонтов. В конце 1762 г. морские офицеры прибыли в Англию. В Лондоне их принял граф Александр Романович Воронцов, полномочный посол России в Англии. Он лишь на 2 года был старше Селифонтова. На всю жизнь их связала дружба. А. Р. Воронцов покровительствовал И. О. Селифонтову вплоть до своей смерти в 1805 г.

Заграничная командировка Селифонтова длилась почти 7 лет. Он служил на английском крейсере, обучался морскому делу в Мальтийском галерном флоте, был представлен Великому магистру. В 1773 г., плавая под флагом контр-адмирала Чичагова, он участвовал в сражении в Патрасском заливе и за храбрость, оказанную в этом бою, был удостоен ордена св. Георгия IV степени³.

Служба в штате графа Чернышова упрочила положение Селифонтова, и летом 1777г. он получает в командование придворные яхты-транспорты

и галеру «Россия», а вскоре и императорскую яхту «Екатерина». В навигацию 1781 г. И. О. Селифонтов, командуя эскадрой из 5 кораблей, совершает рейды у мыса Нордкап (северная точка современной Норвегии охраняя иностранные суда от американского пиратского судна).

И. О. Селифонтов увольняется с морской службы и в марте 1782 г. в чине бригадира, назначается председателем Уголовной палаты Пермского наместничества. Из двух кандидатов на эту должность императрица выбрала именно его. С новой должностью были связаны и новые надежды. Но уж больно далеко находилось новое место службы. Немного охотников находилось добровольно ехать служить в Сибирь. (Понятие «Сибирь» обозначало вплоть до революции территорию от Уральских гор до берегов Тихого Океана).

Нелегко приходилось на первых порах и Селифонтову, он мечтал о другом месте. Но, тем не менее, начал строить в Перми дом, завязал дружеские отношения с местными начальниками: пермским и тобольским генерал-губернатором Е. П. Кашкиным, пермским вице-губернатором А. В. Алябьевым.

В 1785 г. Селифонтов получает новую должность – тобольский вице-губернатор⁴. Это назначение открывало ему, хотя и не вполне, самостоятельную, но значительно более обширную административную деятельность. Непосредственным начальником его с 1787 г. вновь стал А. В. Алябьев, назначенный тобольским губернатором. Вице-губернатор являлся и председателем казенной палаты. На этой должности И. О. Селифонтову приходилось решать подрядные дела по продаже вина, перевозке соли, покупке и доставке для войск провианта и фуража. Такие дела носили довольно щекотливый характер, так как в каждой губернии были свои излюбленные подрядчики или монополисты с поддержкой более или менее влиятельных лиц в самой губернии и нередко в столице. Селифонтову приходилось лавировать между хозяйственными интересами губернии (обеспечивать ее вовремя солью, продовольствием, вином и т. п.), интересами губернаторов и распоряжениями Сената. Принимать правильные решения в таких условиях было весьма затруднительно. Вторая проблема, которая остро стояла в Сибири, заключалась в том, что в малонаселенных губерниях не хватало людей на чиновничьи должности, не говоря уже о честных и добросовестных служителях.

Указом от 30 марта 1796 г. Селифонтов был назначен иркутским и колыванским генерал-губернатором. С тяжелым сердцем он ехал в Сибирь: «императрица, благорасположением которой имел счастье пользоваться Иван Осипович, отошла от сего мира. Новый император не благоволил к Ивану Осиповичу, что ясно выразил и тем, что не желал его принять перед отъездом, будучи еще наследником престола»⁵. Прибыв в Тобольск 1 февраля 1797 г., он узнал, что генерал-губернаторства отменены указом императора Павла, Колыванская губерния упразднена, Селифонтов переименован из генерал-поручиков в тайные советники и назначен присутствовать в 6-м департаменте Правительствующего сената в Москве. Понижены в должностях или отправлены в отставку были многие екатерининские вельможи

и чиновники. Сформировавшемуся в екатерининское время Селифонтову новые порядки, вводимые преемниками Екатерины II, были чужды.

С восшествием на престол императора Александра I возвращаются на службу многие дворяне, вышедшие или отправленные в отставку после смерти Екатерины II. Покровитель Селифонтова граф А. Р. Воронцов, вызванный из отставки новым императором, рекомендует Александру I И. О. Селифонтова как способного и надежного администратора для производства сенаторской ревизии в сибирских губерниях.

Рескрипт Александра I Селифонтову от 9 июня 1801 г. предписывал:

- обследовать весь Сибирский край, составляющий губернии Пермскую, Тобольскую, Иркутскую и Бывшую Колыванскую;
- изучить «какое может быть удобнеее страны сей разделение и какое долженствует быть в ней сообразнейшее положению ея управление»⁶;
- проследить, соответствует ли сила и действия губернского управления народным нуждам «в отпращивании их повинностей, в правом суде, в самом образовании их и просвещении и, наконец, что всего нужнее в той уверенности, что они живут под добрым и радеющим о них правительством»⁷;
- собрать статистические, географические, исторические сведения о крае и его жителях;
- собрав все сведения, представить свои предложения по переустройству Сибирского края.

И. О. Селифонтов выехал из Петербурга в середине июля 1801 г., вернулся в столицу в начале декабря 1802 г. В Сибири он провел 1 год, вся командировка длилась около 1,5 года. За время своей поездки он посетил очень многие сибирские города и везде требовал от местных начальников необходимые сведения, разбирая жалобы, решал проблемы, отдавал распоряжения по лучшему устройству и решению вопросов.

Общие предложения о преобразовании управления Сибирским краем Селифонтов изложил в трех записках Правительствующему сенату. Они включают 109 пунктов (по Пермской губернии – 17, Тобольской и вновь проектируемой – 49, Иркутской – 73).

В основу предлагаемых нововведений Селифонтов положил целую массу статистических данных о Сибири. С этой целью он распорядился снять копии с наиболее важных и интересных дел, хранящихся в губернских архивах. Статистику эту пришлось вновь создать. Она делилась на географическую и историческую. Географическое описание должно было подразделяться на физическое и политическое. Для физической географии должны были дать сведения экспедиции столичных ученых. Политическая делилась по жителям на русских и ясашных. Русские: повинности, промыслы, количество, откуда прибыли и т. п. Ясашные (оседлые и кочующие): число, обычаи, вера, образ внутреннего управления, повинности, привилегии, занятия, отношения между собой и русскими. Историческая статистика включала в себя изменения в формах управления Сибирью с ранних времен, «удобства» или «неудобства» от перемен и т. п.

Селифонтов предложил также разделить Тобольскую губернию на Тобольскую и Томскую и ввиду отдаленности и необъятности Якутского и Камчатского краев образовать из них особые области в составе Иркутской губернии, но с более расширенной автономией.

Главные предложения по губерниям сводились к следующему:

- наладить систему управления: места, за неимением дворян в губерниях, замещать чиновниками от правительства, а на имеющиеся вакансии представлять своих кандидатов из местных чиновников;
- изменить часть уездов и упразднить некоторые уездные города по недостатку жителей и большой удаленности от других населенных мест;
- улучшить положение крестьян: приписать их к заводам по близости селений, гоньбу по тракту возложить на государственных крестьян ближайших к тракту или отдавать на подряды; отменить натуральную рекрутскую повинность;
- более справедливо разложить повинности между всеми городами и уездами;
- продавать казенную соль не только в городах, но и в уездах;
- улучшить жизнь служащих на китайской границе казаков (увеличить содержание, наделить землей);
- обучать грамоте детей в русских селениях, развивать здравоохранение (больницы, распространение медицинской литературы, изучение причины «сибирской язвы»);
- уезды разделить на комиссарства для надзора комиссара над хлебопашеством, разведением картофеля, приемом ясака.

Очень мудрую и дальновидную политику предложил И. О. Селифонтов в отношении коренных жителей Сибири: оставить у них выборных старшин, которые управляют административно и судебно своими соплеменниками, раскладывают ясак, а местное начальство, комиссары не должны выходить из пределов предписанных им должностей, не вмешиваться в решения старшин⁸.

Пришлось ревизору Сибирского края Селифонтову решать и другие важные для этого края вопросы. Еще при Павле I указом Сената от 17 октября 1799 г. было предписано переселить за Байкал до 10 тысяч человек партиями по 2 тысячи из сосланных на поселения, отставных нижних чинов, сданных помещиками в зачет рекрутов. Местные власти должны были заготовить хлеб, скот, построить дома. Селифонтов встретил в дороге переселенцев: раздетых, больных, умирающих от голода, просящих милостыню. Он установил, что из 334 домов для переселенцев отстроено только 12, пропала часть выделенных денег, не заготовлен скот и хлеб для посева и на прокормление, 20 % переселенцев больные, глухие, увечные, престарелые, негодные к хлебопашеству. По предложению Селифонтова, Сенат распорядился приостановить дальнейшее заселение Забайкальского края до создания условий, достигших Тобольской и Иркутской губерний остановить и обеспечить прокормлением, часть переселенцев селить по Тобольскому Московскому тракту, неправильно зачтенных помещиком за рекрут (больных и старых) вернуть на родину.

Вынужден был И. О. Селифонтов разбираться и во взаимных пререканиях, в ссоре военного иркутского губернатора генерала от инфантерии Б. Б. Леццано с генерал-майором О. И. Новицким – директором Тельминской суконной фабрики – по поводу инициативы Леццано о переносе фабрики на остров Ольхон. Жалобы их друг на друга дошли до императора. Александр I приказал Селифонтову разобраться в этом деле. Селифонтов вполне объективно установил, что в этом вопросе прав Новицкий – фабрику переносить нецелесообразно. Перенос потребовал бы очень больших затрат, сообщение с островом возможно лишь несколько месяцев в году, земля песчаная и каменистая, непригодная к хлебопашеству. Кроме указанных причин, остров Ольхон принадлежал двум кочующим родам бурятов, которые производили там звериный и рыбный промыслы, и лишать их земель, пожалованных предкам, было запрещено.

Большинство предложений по лучшему устройству Сибирского края, сделанных в ходе ревизии И.О.Селифонтовым, было Высочайше утверждено. Претворять их в жизнь пришлось ему самому, так как 29 марта 1803 г. он был назначен тобольским и иркутским генерал-губернатором. Деятельность Селифонтова по ревизии Сибири была высоко оценена государем. Награждения и знаки внимания последовали друг за другом: 6 марта 1803 г. И. О. Селифонтову пожалован чин действительного тайного советника, 4 июля – орден св. Александра Невского, 1 июля Селифонтов приглашен государем к обеду. Но с новым более высоким назначением и чином начался период падения, в столице было немало недоброжелателей и завистников, не сложились отношения и с министром внутренних дел Кочубеем.

Конкретные задачи, которые были поставлены перед Селифонтовым, основаны на предложениях его по ревизии. Чтобы их выполнить, Ивану Осиповичу давались исключительные полномочия: следить за исполнением законов, сменять и перемещать нерадивых и ненадежных чиновников, иметь решающий голос при решении определенных вопросов, самостоятельно принимать безотлагательные меры в крайних обстоятельствах (болезни, падеж скота, общественное беспокойство, неповиновение закону, пресечение явных злоупотреблений, недостаток продовольствия и др.). Подчинялись новому губернатору сухопутные и морские войска.

Около двух лет (март 1804 – декабрь 1806 г.) находился Селифонтов в Сибири в должности генерал-губернатора. Состояние дел в губерниях, ему вверенных, по его мнению, было крайне неудовлетворительным. В письме Воронцову от 4 января 1805 г. он писал: «Поистине донесу, что и сам бы я не бывши здесь не поверил, до какой степени беспечность бывших начальников и вообще чиновников довели вверенное им управление; много стоит мне труда преодолеть все, привести в желаемый порядок, паче не имея в столь отдаленном краю достойных и радетельных чиновников...»⁹. Действительно, «достойных и радетельных» служащих по-прежнему не хватало. Главную причину в неустроенности, в плохом ведении дел в Сибири Иван Осипович видел в неправильном подборе чиновников в губернские и уездные управления.

Только в Иркутской губернии в марте 1804 г. из 166 штатных чиновников 35 человек состояли под судом, уже отстранены от должности были 53. Честолюбие и корыстолюбие местных служителей брало верх, часто сменяемые начальники не успевали присмотреться и устранить беспорядки.

Несмотря на сопротивление части местных чиновников, объединившихся против Селифонтова, он сумел сделать много для улучшения вверенного ему края. Прежде всего, он восстановил хлебное довольствие, заставил хлеб покупать по умеренным ценам в запас и с расчетом на продовольствие войск, а поддержав действия солеваренных заводов, предотвратил недостаток в соли. Подрядчиков Селифонтов заставил почувствовать свои обязанности, разрушил их многолетние связи с чиновниками и тем самым предотвратил совместные их злоупотребления. Благодаря его усилиям была ограничена Американская компания в недозволенных действиях при перевозке своих товаров. Якутов новый губернатор оградил от притеснений нарядами. Чиновников, не занимавшихся никогда раньше своим делом, он заставил выполнять свои обязанности, насколько допускают их способности; наладил запущенное ранее дело по переселению за Байкал поселенцев; установил спокойствие и тишину в губернском городе, чего прежде от слабости полиции не было.

Разворошив сложившийся десятилетиями уклад жизни и службы местных чиновников, откупщиков, подрядчиков, Американской компании, Селифонтов не мог, конечно, уже рассчитывать на спокойную жизнь. На него шли доносы и жалобы императору и министру внутренних дел, нередко неверно докладывали ситуации по отдельным вопросам, и поэтому Александр I и Кочубей обвиняли Иркутского губернатора в неэффективном решении вопросов.

Исключительная власть, дарованная Селифонтову, на деле оказалась мифом. Роль начальника края низводили до комиссара по закупке хлеба в одной губернии. Предложения его назначить на свободные должности определенных людей «не по классам, а по уважению истинных способностей» отклонялись и назначались другие без его согласия. Просьбы поощрить лучших его помощников долгое время оставались без ответа. Почти вся деятельность И. О. Селифонтова за 2 года его генерал-губернаторства размельчались на борьбу с оппозицией и на переписку с высшим начальством по поводу необоснованных замечаний, выговоров, доносов.

Терпение Ивана Осиповича истощилось. Интриги отнимали много душевных сил и энергии, которые можно было бы применить на благо государства и Сибирского края. В письме Колокольцову от 23 сентября 1805 г. он писал: «... всегда вдали блесит наше счастье и рождает завистников, а расположение к неусыпным трудам на пользу службы и прямое исполнение звания производит злостных клеветников. ...Я буду доволен, оставя постыльную для меня Сибирь и народ, развращенный и неблагодарный...»¹⁰

17 февраля 1806 г. Селифонтов написал письмо графу В. П. Кочубею, закончив фразу, что если его служба не нужна, то он просит его уволить от оной. Последними словами воспользовался министр внутренних дел, между тем слова эти сорвались с пера под влиянием обещания графа Воронцова его

поддержать, т. е., иначе сказать, пристроить. Но Воронцов умер 2 декабря 1805 г., и Селифонтов, видимо, не знал о смерти своего покровителя, когда писал это письмо.

Выйдя в отставку в 1806 г., Иван Осипович поселился в сельце Сывороткино. Ему предстояло кормить семью, состоящую из жены, двух сыновей, двух дочерей, а с конца 1807 г. еще пятерых внучат – круглых сирот от умершей второй дочери Надежды Ивановны Карпека. Денежные средства были весьма ограничены. Несметное количество серебра и золота, как считали некоторые его знакомые, он из Сибири не вывез. Пенсии из государственного казначейства за 44-летнюю службу он не просил. Селифонтов получал 400 рублей пенсии по орденам, 10 тыс. рублей в год арендных платежей по Хвейданскому староству, доходы с недвижимого имущества и двух оброчных деревень.

Умер Иван Осипович 7 апреля 1822 г. В завещательном письме он просил похоронить его при церкви Благовещения, предать земле без всяких тщеславных обрядов, тленное его тело положить в саван, гроб обить простою черною материей, такое же покрывало положить на гроб, при погребении быть только трем священникам и одному диакону. Похоронен Иван Осипович был в с. Понгилово Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии¹¹.

После смерти И. О. Селифонтова осталась собранная им библиотека и огромное количество документов. Интересы бывшего моряка, много раз посещавшего Европу, долго жившего за границей, были разносторонними. Его особенно интересовала история, география, статистика иностранных государств и отечественная история, путешествия и мореплавание, естествознание; история Китая, Японии и Сибири необходимы были по службе его в Сибирских губерниях; изучал он догматы и других христианских вероисповеданий. Архив И. О. Селифонтова хранился в с. Семеновское Нерехтского уезда. Именно там его внук Николай Николаевич разбирал семейные документы и на их основе подготовил очерк о жизни и службе своего деда. Рукопись очерка, состоящая из нескольких томов, многочисленные документы, касающиеся личной жизни и служебного положения И. О. Селифонтова, сейчас хранятся в Государственном архиве Костромской области.

Примечания

¹ Родословная Селифонтовых и Румянцевых «для друзей» / сост. Н. Н. Селифонтовым. СПб., 1890. С. 24.

² ГАКО. Ф-656. Оп. 2. Д. 87. Л. 28.

³ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 87. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 87.

⁵ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 88. Л. 34.

⁶ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 98. Л. 4.

⁷ Там же.

⁸ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 89. Л. 52.

⁹ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 283. Л. 116.

¹⁰ ГАКО. Ф-655. Оп. 2. Д. 90. Л. 150.

¹¹ Русский провинциальный некрополь. Т.1. М., 1914. С. 779.

Л. В. Палий

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОЖАЛОВАНИЯ:
ОБ УСТРОЙСТВЕ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ГОРОДСКОГО САДА В Г. КУРСКЕ**

Большую часть территории современного парка им. 1 Мая, находящегося в самом центре Курска, до революции занимал Пушкинский сад. История его устройства интересна тем, что началась она задолго до формальной даты открытия этого объекта городской инфраструктуры.

В 1779 г. на месте будущего общественного сада был построен двухэтажный генерал-губернаторский дом. В свое время это было лучшее здание в городе. Здесь останавливалась возвращавшаяся из путешествия по южным губерниям России императрица Екатерина II¹. Но к началу XIX в. деревянный дворец совсем обветшал и находился в полном запустении. О последующем развитии событий очень подробно рассказывает «Записка о неисполненных до сего времени Высочайших указах Императора Александра I, последовавших в 1806 году, об устройстве в городе Курске городского сада»².

В декабре 1805 г. курское купечество обратилось к малороссийскому генерал-губернатору А. Б. Куракину с покорнейшим прошением об уступке городу места, на котором расположен ветхий генерал-губернаторский дом, для устройства торговой площади и пристани. Но, рассмотрев прошение, князь Куракин, напротив объяснения о крайней нужде города в этом земельном участке написал резолюцию: «за присоединением же к той площади сделать заведение или сад завести по способности здешнего климата гульбища могут производить пользу к умножению городских доходов коих столь недостаточно что невозможно пополнить требуемых расходов»³. Трудно сказать, что подвигло сановника к принятию такого решения: желание угодить любителю садов Александру I, а может, казавшаяся на первый взгляд легкость превращения этой местности в публичный сад, так как генерал-губернаторский дом с трех сторон был уже окружен таковым⁴.

Так или иначе, 17 февраля указом Александра I земельный участок передавался в собственность города для устройства на нем общественного сада. Тем же документом вице-губернатору Паскевичу было предписано контролировать все необходимые для этих целей работы⁵. Вторым указом от 10 апреля того же года, было разрешено материалы от сломки ветхого генерал-губернаторского дома и служб передать в пользу города. Кроме того, в его же распоряжение поступало смежное с ранее пожалованным участком место и остров, лежащий напротив него. В указе было закреплено условие передачи городу земельного участка: «...чтобы все пространство земли для сада сего отводимое и на плане его означенное оставалось при оном и ни на какое другое употребление не было бы обращено»⁶.

В сложившихся обстоятельствах курским купцам ничего не оставалось, как только «сие всемилостивейшее благоволение» принять «с верноподданническим

благоговением». Решением городской думы на разведение и устройство сада одновременно было выделено 8500 руб. с оговоркой, что если этой суммы будет недостаточно, довести ее до 10000 руб. Кроме того, была определена сумма ежегодного бюджета – 500 руб.⁷

В течение весны 1806 г. в городскую думу был последовательно препровожден целый ряд документов: копии указов, планы сада и построек в нем, собственноручно исправленные и утвержденные императором; предписания Казенной палаты о передаче участка и о составлении передаточной описи генерал-губернаторского дома и находившегося в нем имущества. Дума за этот же период в свою очередь приняла «важные» решения: завести специальные приходно-расходные книги, бережливо хранить полученные планы и выгодно вложить часть суммы, определенной на разведение сада⁸.

Лишь в 1807 г. началась процедура приема дома и имущества в ведение города, но и она не была окончена «по противоречию со стороны полиции»⁹. Тем временем, по распоряжению нового губернатора князя Прозоровского, а затем и согласно приказу главнокомандующего графа А. Г. Орлова-Чесменского, здание было передано в распоряжение губернской милиции «для исправления и помещения в оном огнестрельного оружия, мастеровых людей и почтовых смотрителей»¹⁰.

В течение 1808–1809 гг., пока ветшали старые, принятые городом постройки и разрушалась уже построенная с двух сторон, но не отделанная ограда, дума «имела разсуждение» о скорейшем исполнении высочайшей воли¹¹. Несмотря на личный контроль губернатора и его неоднократные ультимативные предписания, дело не сдвинулось с мертвой точки ни в 1809 г., ни в 1810 г. Осуществлению проекта мешало огромное количество всевозможных «препятствий», начиная от занятого почтарями и оружием дома и заканчивая грунтом, который вовсе был не пригоден для посадки деревьев¹². За это время лишь был снесен генерал-губернаторский дом, материалы от которого решено было: негодные продать, годные – положить на хранение. С трудом построенный кофейный дом в 1812 г. был приспособлен под лазарет¹³. В том же году затребованные канцелярией губернатора планы разведения сада были направлены туда из городской думы и таинственным образом пропали в архивах¹⁴.

По прошествии 25 лет, в течение 1837–1838 гг., с разрешения губернатора М. Н. Муравьева по ходатайству курского купечества на место разведения сада был проведен торг¹⁵. В 1844 г. по согласованию с Министерством внутренних дел были проданы остатки генерал-губернаторского дома, в 1847 г. – две беседки для предполагавшегося сада, а в 1859 г. – ограда¹⁶. Таким образом, о существовании указов об устройстве городского сада в центре Курска, а равно и о необходимости их выполнять было благополучно забыто.

Причем если в столице это произошло в силу объективных причин, то, похоже, городские власти Курска сделали то же самое вполне сознательно. Так, на плане 1844 г. нагорная площадь еще значилась как предназначенная для разведения сада, на плане 1882 г. это «временная базарная площадь», на плане же, утвержденном в 1884 г., просто «навозная площадь»¹⁷.

Безусловно, разместившаяся на Навозной площади торговля представлялась городским властям более выгодной статьей дохода, нежели устройство и содержание еще одного городского сада, мало окупавшегося за счет аренды, но зато требовавшего постоянных расходов. А если учесть не слишком удачный опыт находившегося рядом городского сквера, то вполне понятно упорное противодействие городского муниципалитета, с которым столкнулась администрация губернатора в 1890-е гг., когда вновь был поднят вопрос о разведении сада.

Интересно, что первенство в постановке проблемы все же принадлежало не государственным органам, а средствам массовой информации. В августе 1882 г. в «Курских губернских ведомостях» появилась обширная статья, посвященная проблеме приведения в порядок существующих в городе садов и скверов и вообще дефицита подобных мест отдыха для широких слоев населения¹⁸. Автор заметки, неплохо знакомый с обстоятельствами дела, просил кого-либо из осведомленных лиц среди читателей предоставить разъяснения о том, куда делся предполагавшийся сад и немалая сумма, предназначенная на его устройство¹⁹. Вряд ли какой-либо вразумительный ответ был тогда получен. Но уже спустя восемь лет этот же вопрос к городским властям, прозвучавший из уст губернатора В. В. Фон-Валя, нельзя было оставить без внимания.

21 июня 1890 г. в адрес городского головы было направлено предложение, в котором, кратко изложив обстоятельства дела, управляющий губернией настаивал на немедленном его обсуждении в городской думе и скорейшем принятии мер по исполнению монаршей воли²⁰. 26 июля в губернаторскую канцелярию поступил ответ, в котором городской голова сообщал, что для рассмотрения дела избрана комиссия гласных думы²¹. Результаты своей работы последняя озвучила на заседании 17 августа. Приговор думы гласил, что, несмотря на неизменное благоговение и верноподданнические чувства, требование губернатора о точном выполнении монаршей воли спустя 84 ½ года, не может быть осуществлено по целому ряду независящих от думы обстоятельств²². Далее скрупулезно перечислялись следующие причины: «1) так как в 1812 году план сада был утерян в губернаторской канцелярии, то невозможно ни определить границы участка, предназначенного для сада, ни разбить сад так как этого хотел император Александр I; 2) местность, предназначавшаяся под сад, за восемьдесят с лишним лет совершенно изменилась, вследствие естественных причин: река Тускарь поменяла русло, образовался крутой обрыв, возведены разрешенные в законном порядке здания²³; 3) город уже располагает обширным, хорошо устроенным городским сквером, его вполне достаточно для отдыха горожан; 4) в 1879 году пожар на Навозной площади уничтожил все торговые помещения и по ходатайству думы с 1882 года Министерство внутренних дел разрешило строительство новых торговых рядов не только деревянных, но и каменных. Отчуждение последних потребует больших затрат, обременительных для и без того скудной городской казны; 5) грунт площади непригоден для посадки деревьев; 6) удобное местоположение для торговой площади; 7) что же касается принятого по описи в 1807 году генерал-губернаторского дома с движимым имуществом, то городское управление не может нести ответственность за то, что не принимало»²⁴.

Но губернатора подобный ответ не удовлетворил. Собрав дополнительные сведения, он передал дело на рассмотрение курского Губернского по городским делам присутствия, заседание которого состоялось 9 октября 1890 г.²⁵ После изучения предоставленных материалов приговор думы от 17 августа был признан недействительным. Общественному управлению Курска предлагалось немедленно исполнить условие: или предоставить земельный участок, или подать ходатайство на высочайшее имя об отмене или изменении условий дарения²⁶. 15 ноября приговором думы было решено обратиться в Правительствующий сенат²⁷. Жалоба подавалась по представлению губернатора, в котором он высказал и свою точку зрения: «В центре г. Курска вблизи присутственных мест, архиерейского дома, женского монастыря, Собора и торговых рядов находится площадь, на которой два раза в неделю собирается базар и ввиду тесноты самой площади размещается в прилегающих к той улицам и переулках, рядом с перечисленными выше общественными зданиями, заграждая проход из них и нарушая благочиние во время Богослужения в соборе и женском монастыре. Кроме того, площадь эта, не очищаясь многие годы от навоза в санитарном отношении... представляет опасность, может стать причиной эпидемий...»²⁸ Сведения о неисполнении монаршей воли попали и в «Обзор Курской губернии за 1890 год»²⁹

Новый 1891 г. не принес кардинального решения вопроса, рассмотрение жалобы в Сенате затягивалось. Чтобы ускорить процесс, 14 апреля 1891 г. губернатор, изложив существо дела, подал рапорт на имя Министра внутренних дел³⁰. Ответ из МВД от 23 сентября сообщал о том, что дело по жалобе было передано в Техническо-строительный комитет, который не нашел необходимости в разведении сада. Члены комитета полагали, что ходатайство городского общественного управления должно быть удовлетворено³¹. По всей видимости, до конца 1891 г. губернатор отправил в МВД еще одно письмо, приложив собственноручно составленную «Записку на соображения, изложенные в выписке из журнала Техническо-Строительного комитета Министерства внутренних дел от 23 мая 1891 г. № 171, по делу о разведении сада на Навозной площади г. Курска»³², в которой аргументировано изложил свои возражения на все положения комитета.

Долгожданное решение Правительствующего сената состоялось лишь в июле 1892 г. Он признал жалобу курского городского головы Лаврова не заслуживающей уважения и оставлял ее «без дальнейших последствий»³³. Не было удовлетворено и ходатайство последнего на высочайшее имя об отмене или изменении условий дарения, поданное в марте 1893 г.³⁴ В итоге к декабрю того же года стало окончательно ясно, что сад на Навозной площади должен быть разведен.

По получении из столицы всех необходимых документов администрация губернатора незамедлительно приступила к подготовительным работам. 25 января 1894 г. было издано постановление Губернского правления. Предполагалось приступить к разведению сада не позднее весны 1894 г. Городскому общественному управлению предлагалось разделить площадь на 5 частей и, постепенно осваивая участки, закончить все работы к 1 июня 1898 г., существующие там деревянные постройки снести, а каменные со временем приспособить для какого-либо помещения в будущем саду³⁵.

Вышеизложенный план был отправлен в Городскую управу 31 января³⁶. Но все действия муниципалитета демонстрировали лишь намерение всячески тормозить развитие событий. Отвечая 12 апреля на запрос губернатора о причинах невыполнения его предписания, городской голова сообщал, что 8 февраля после доклада об отклонении ходатайства на заседании думы для решения вопроса о разведении сада была избрана специальная комиссия. Лишь 6 апреля ее членам было предложено приступить к выполнению возложенного на них поручения. После двух заседаний было принято очередное «конструктивное» решение: «... ввиду наступления праздничных дней, в которые производство каких-либо работ на Навозной площади является совершенно невозможным, а также ввиду того, что посадка деревьев может быть произведена не только в апреле, но и в мае, отложила осмотр местности до 25 апреля...»³⁷ Кроме того, нельзя было начать работы на намеченном по плану участке № 1 из-за предпраздничной торговли и главным образом отсутствия у управы соответствующих полномочий³⁸. Только 31 мая на заседании думы приступили к обсуждению вопроса о переносе торговли. В итоге было решено ходатайствовать перед губернатором об отсрочке всех мероприятий до 1896 г., а также оставить каменные лавки в пользовании их арендаторов³⁹.

23 июня Губернское присутствие отклонило ходатайство городской думы и приняло постановление ультимативного характера: «1) предельным сроком для прекращения торговли на навозной площади назначить 15 марта 1895 г., а для сноса деревянных лавок 15 апреля того же года, затем с этого последнего времени приступить уже к планировке и подготовке почвы для посадки деревьев, осенью же 1895 года начать посадку всей площади, которую окончить весной 1896 года с приглашением для сего специалиста садовника, 2) каменные городские постройки занятые лавками Сохиной и Бурцева предоставить в пользование арендаторов до истечения срока контрактов их с городом, т. е. до 1906 года, но с тем, чтобы городская дума ассигновала на поддержание сада и содержание сторожа не менее 400 руб. и чтобы лавки эти по истечении контрактных сроков составили принадлежность к саду с обращением для целей его»⁴⁰. Этим же постановлением Управа предупреждалась, что больше никакой дальнейшей отсрочки предоставляться не будет⁴¹.

Казалось бы, должно было наступить время нормальной подготовительной работы. В августе получила логическое завершение идея об организации общественного детского сада. Впервые она прозвучала в публичной лекции «Наш долг перед детьми», прочитанной В. И. Долженковым 25 марта 1894 г.⁴² 17 августа на очередном заседании городской думы было решено: при составлении проекта сада учесть, что основная часть свободного места должна быть отведена под игры детей школьного возраста⁴³.

Но 1895 г. вновь начался с разбирательств по самым разнообразным зачастую второстепенным поводам. Конфликтная ситуация возникла и из-за медлительности Городской управы при оформлении заказа на приобретение необходимых растений. Она вновь пыталась отложить закладку сада на осень, между тем как по приглашению вице-губернатора для составления сметы и плана весенней посадки из Киева приехал садовник Маршалъ⁴⁴.

10 апреля городская дума приступила к обсуждению проекта будущего сада. Отвергнув предложенный вниманию заседания проект о предназначении значительной территории сада для организации детских игр, уже рассматривавшийся 28 февраля, как не удовлетворяющий пожеланиям гласных, дума одобрила новый план, составленный комиссией с учетом всех высказанных ранее пожеланий. Обсуждались также вопросы перевода торговли с Навозной площади и приобретения растений. Проигнорировав все предупреждения о принудительной выписке растений и утверждении плана, дума постановила: 1) утвердить собственный проект сада; 2) оставить вопрос о более выгодном приобретении растений и весенней посадки их на усмотрение Управы⁴⁵. Представленный на рассмотрение Губернского присутствия приговор думы был отменен в части утверждения нового проекта сада, а само городское управление в очередной раз обвинено в уклонении от исполнения высочайшей воли⁴⁶.

Пока городские власти в ответ готовили жалобу на определение Губернского присутствия, в течение лета 1895 г. развернулись подготовительные работы, осуществлявшиеся арестантами. Готовилась почва для посадки деревьев: с площади вывозился скопившийся в огромных количествах навоз, насыпался слой плодородного грунта⁴⁷. Из-за отсутствия достаточного финансирования сорвалась одновременная закладка водопроводных труб⁴⁸. К началу сентября площадь была освобождена от построек, подготовлена под посадки и даже частично засажена деревьями⁴⁹. Несколько ранее, а именно 7 августа, на имя губернатора поступило письмо городского головы с просьбой представить жалобу на определение Губернского по земским и городским делам присутствия от 29 апреля в Правительствующий сенат⁵⁰. 27 августа жалоба рассматривалась в Курском по земским и городским делам присутствии. В журнале заседания было отмечено что, отвергнув спроектированный по поручению губернатора киевским садовником Маршалем план сада в английском стиле, дума предпочла: «...план, представляющий вид не сада, а плаца, обсаженного по краям деревьями»⁵¹. По окончании обсуждения было вынесено определение: «просить губернатора заключение по этому вопросу оставить на усмотрение МВД»⁵². 25 сентября все необходимые документы были отправлены Министру внутренних дел⁵³.

Затем в переписке между губернскими и городскими властями наступил почти двухлетний перерыв. Из документов 1898 г. мы узнаем, что посадка деревьев продолжалась и в 1896 г.⁵⁴ Вполне ясно, что неопределенность с проектом, существовавшая в эти годы, не могла способствовать осуществлению работ по разведению сада в полном объеме. Но в ожидании окончательного решения Сената городское управление не слишком заботилось и о сохранении уже осуществленного. Осматривавшему Навозную площадь в первые дни августа 1898 г. вице-губернатору представилась неприглядная картина: «...весьма многие посаженные деревца уже засохли, а другие плохо растут... газонов на открытых местах вовсе нет, а таковые места заросли сорными травами и бурьяном... дорожки не утрамбованы и не усыпаны песком и вследствие этого неудобопроходимы, в особенности в сырую погоду»⁵⁵. О намечавшемся ранее на этот год открытии не могло быть и речи. 7 августа 1898 г. признав работу

городской управы неудовлетворительной, вице-губернатор предложил ей с наступлением осени непременно приступить к необходимым для благоустройства сада работам с расчетом на открытие в летний сезон 1899 г.⁵⁶ Судя по повторному запросу вице-губернатора от 25 сентября о мерах, принятых Управою для выполнения предложения от 7 августа, городские власти продолжали придерживаться тактики затягивания решения любых вопросов, касающихся сада на Навозной площади⁵⁷.

Только 6 октября Управа сообщила, что решением, принятым на заседании думы 1 сентября разработка вопроса «о дальнейшем разведении на бывшей Навозной площади сада», а также и организация в нем детских игр и упражнений передается в городскую училищную комиссию, которая совместно с Обществом содействия начальному образованию в Курской губернии должна разработать и представить на рассмотрение и утверждение думы подробный проект⁵⁸.

Малоэффективная переписка, состоявшая из запросов администрации губернатора и поначалу редких, а затем и совсем прекратившихся отписок городской управы, продолжалась до января 1899 г.⁵⁹ Пожалуй, единственно конструктивным можно считать решение, принятое 24 ноября 1898 г. на заседании думы по предложению гласного Н. К. Реймера: в юбилейный год присвоить имя А. С. Пушкина открываемому детскому саду⁶⁰.

Наконец, 15 января 1899 г. городские власти получили решение Сената⁶¹. По указу от 25 ноября 1898 г. сад, мыслившийся городским управлением как детский, должен быть устроен по плану, утвержденному городской думой⁶². 15 августа 1899 г. в присутствии представителей городской администрации, председателя и членов Общества содействия начальному образованию сад был открыт для маленьких посетителей⁶³.

Подводя итог истории создания Пушкинского сада, заметим, что в ней, пожалуй, наиболее полно можно проследить механизм взаимоотношений властей различных уровней на начальных этапах создания зеленого объекта. Благодаря сохранившимся в достаточно полном объеме документам, позиции сторон предельно ясны. Прежде всего, это низкая заинтересованность городского управления в создании общественного сада как предприятия менее прибыльного, чем торговая площадь, следствием которой и стало использование всех возможных способов оттягивания исполнения указов, предписаний и решений по данному вопросу. Также понятна и позиция администрации губернатора, которая, являясь прямой представительницей имперской власти в губернии, просто не имела права оставить волю одного из ее представителей, пусть даже умершего, не исполненной.

Примечания

¹ Златоверхников Н. И. Екатерина Великая в Курске. Курск, 2000. С. 5.

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5922. Л. 41–55. Курск, 1890.

³ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 3, а так же Ф. 33. Оп. 2. Д. 5922. Л. 41–55. С. 3.

⁴ Златоверхников Н. И. Екатерина Великая в Курске. С. 5.

⁵ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5922. Л. 41–55. С. 1.

⁶ Там же. С. 2–3.

РАЗДЕЛ III

- ⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5922. Л. 41–55. С. 3.
- ⁸ Там же. С. 4–7.
- ⁹ Там же. С. 7.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 8–11.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 12–13.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 5.
- ¹⁸ РНБ. Курские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1882. 26 авг.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 5–7.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 14.
- ²³ Там же. Л. 15–16.
- ²⁴ Там же. Л. 16–18.
- ²⁵ Там же. Л. 34–46.
- ²⁶ Там же. Л. 45–46.
- ²⁷ Там же. Л. 48.
- ²⁸ Там же. Л. 49–50.
- ²⁹ Обзор Курской губернии за 1890 год. Курск, 1890. С. 19–20.
- ³⁰ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 56–59.
- ³¹ Там же. Л. 60–61.
- ³² Там же. Л. 63–69.
- ³³ Там же. Л. 70–74.
- ³⁴ Там же. Л. 80–87.
- ³⁵ Там же. Л. 121–125.
- ³⁶ Там же. Л. 124–125.
- ³⁷ Там же. Л. 132–133.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 136–138.
- ⁴⁰ Там же. Л. 152–156.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Отчет Общества Содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. Курск, 1900. С. 96.
- ⁴³ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 176.
- ⁴⁴ Там же. Л. 165–166, 170, 180.
- ⁴⁵ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–4.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5–6.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 184–185.
- ⁴⁸ Там же. Л. 186–188.
- ⁴⁹ Там же. Л. 189.
- ⁵⁰ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 319. Л. 8.
- ⁵¹ Там же. Л. 11.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 190.
- ⁵⁵ Там же. Л. 190–191.

⁵⁶ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921. Л. 190–191.

⁵⁷ Там же. Л. 192.

⁵⁸ Там же. Л. 193.

⁵⁹ Там же. Л. 189–195, 196–197.

⁶⁰ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7845. Л. 21.

⁶¹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 319. Л. 18–21.

⁶² Там же. Л. 15–17.

⁶³ Отчет Общества Содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. С. 99.

**О. Б. Панкратова
А. А. Турыгин**

**«РОССИЯ ДОЛЖНА БЫЛА ВЫНЕСТИ ЕЩЕ ТЯЖЕЛУЮ ОПЕРАЦИЮ,
ИЗВЕСТНУЮ ПОД ИМЕНЕМ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ»:
РОССИЯ И ЕВРОПА: ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА I
Н. Я. ДАНИЛЕВСКИМ**

Вопрос о взаимоотношениях России и Европы всегда был востребован российской историей, особенно эта проблема стала актуальна сейчас, в связи с грядущим вступлением России в ВТО и прямым заимствованием опыта западных стран.

В 1992 г., незадолго до смерти, великий русский мыслитель Лев Николаевич Гумилев пытался еще раз объяснить свое понимание этой проблемы: «Исторический опыт показал, что пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно противостояла натиску и Европы, и Китая, и мусульман». Оставляя в стороне вопрос о правильности или необходимости евразийской теории в целом, обращаем внимание на главное в данном тезисе – проблему необходимости сохранения самобытности, а значит, и самосознания любого народа. «К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здоровой и традиционной политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытаться всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос на условия России западноевропейских традиций поведения принес мало добра, и это неудивительно... Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не можем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать чужой опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт»¹.

В 70-е гг. XIX в. над этим же вопросом задумывался еще один русский историк Николай Яковлевич Данилевский. «Запад и Восток, Европа и Азия

представляется нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географическая аксиома, в которой никто не сомневается, а всякого русского правоверного последователя современной науки дрожь пробивает при мысли о возможности быть причисленным к сфере застоя и коснения. Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия – середины тут нет; нет Европо-Азии, Запада-Востока»².

Л. Н. Гумилев как будто объясняет произнесенные Н. Я. Данилевским понятия: «...широко распространенные понятия «Запад» и «Восток» бессмысленны, точнее неверны. А под «Западом» обычно понимается Романо-германская суперэтническая общность, а под «Востоком» вся остальная ойкумена, включающая в себя пять суперэтнических регионов: Островной, Дальний Восток, Китай, Индию, Афразию и Евразию»³.

Задумываясь над этими вопросами, Н. Я. Данилевский пытался ответить на вопрос: «принадлежит ли Россия Европе?» (ведь ответ на этот вопрос предполагал совершенно разные, иногда совершенно противоположные друг другу точки зрения на прошлое и самое главное – будущее России) и отвечал: «К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая... не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение общеевропейское – в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба... Не знала Россия и гнета, а также воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни к европейскому добру, ни европейскому злу; как же она может принадлежать к Европе? Ни истинная скоромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»⁴.

Но если Россия – не Европа, то встает все тот же давний, терзавший почти всех русских мыслителей вопрос – каковы должны быть отношения России с Европой? Это вопрос и для политиков (характер современной системы межгосударственных отношений и внешней политики России по отношению к Европе) и для историков (в зависимости от ответа на этот

вопрос оценки деятельности почти всех государственных деятелей России могут быть диаметрально противоположными).

Положение о том, что дружба с Европой всегда будет выгодна только Европе, развивали и Н. Я. Данилевский, и Л. Н. Гумилев (интересен факт, что один формулировал этот тезис в конце XIX в., а другой – во второй половине XX в.).

«Те Романо-германские державы, которые окажут России помощь... сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, что бы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии»⁵.

«Конечно, можно попытаться “войти в круг цивилизованных народов”, то есть чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничего не дается даром. Надо осознавать, что ценой присоединения в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция»⁶.

В этой связи, очень интересной является оценка деятельности Петра I Н. Я. Данилевским – «Россия должна была вынести еще тяжелую операцию, известную под именем Петровской реформы»⁷.

Исследователь считал, что «к началу XVIII века Россия почти окончила уже победоносную борьбу со своими восточными соседями. Дух русского народа, пробужденный событиями, под водительством двух приснопамятных людей: Минина и Хмельницкого, одержал также победу над изменившей народным славянским началам польской шляхтою, хотевшей принудить русский народ к той же измене. Не в далеком будущем предстояла, без сомнения, борьба с теми или другими народами Европы, которые, со свойственными всем сильным историческим деятелям предприимчивостью и честолюбием, всегда стремились расширить свою власть и влияние во все стороны – как через моря на Запад, так и на Восток»⁸.

Н. Я. Данилевский считал, что именно Петр осознал ясно необходимость в этой ситуации для России быстрого заимствования всех открытий и нововведений Запада. «Познакомившись с Европой, он, так сказать, влюбился в нее и захотел во что бы ни стало сделать Россию Европой». Но формы этого заимствования историком сразу же подвергаются критике. «Видя плоды, которое приносило европейское дерево, он заключал о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разности в возрасте, не подумав, что для дичка может быть еще не пришло время плодоношения) и потому захотел срубить его под самый корень и заменить другим»⁹.

Историк приводит очень интересное сравнение. «Можно, не переставая жить в доме, изменить фасад его, заменить каждый камень, каждый кирпич, из которых он построен, другими кирпичами или камнями; но по отношению к живому, образовавшемуся под влиянием внутреннего самобытного образовательного начала, такие замещения невозможны: они могут только его искалечить»¹⁰.

Н. Я. Данилевский различает две стороны государственной деятельности Петра: его деятельность государственную – «все военные, флотские,

административные, промышленные насаждения» и деятельность реформаторскую в плане изменений быта, нравов, обычаев. «Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства... запряжение всего народа в государственное тягло, – всем этим заслужил он себе имя Великого – имя основателя русского государственного величия». «Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так далеко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело...»¹¹.

Н. Я. Данилевский заключает, не оставляя возможности хоть как-то оправдать Петра: «Как бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества... Но мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вширь и вглубь, т. е. расходиться от высших классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и с наружности – проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародовающей реформе»¹².

Анализируя этот исторический приговор историка, вспоминаем примеры выдумок и фантазий по поводу объяснений поразительных и страшных преобразований Петра, описанные С. М. Соловьевым. Он писал, что говорили о немецком происхождении Петра и даже о приходе Антихриста в его облики. «Мы знаем, что в России были люди, которые давно уже толковали об Антихристе, видели его в Никоне, и даже в царе Алексее Михайловиче; понятно, что они заговорили еще громче о пришествии Антихриста, когда увидели такую полную перемену старины, совершенную сыном Алексея»¹³.

Н. Я. Данилевский считал, что после Петра наступили царствования, в которых правители относились к России уже не просто любя и ненавидя, «а с одной лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому»¹⁴.

Это «общественное настроение» развивалось в течение XVIII и XIX вв. и «принимало какой-то общеевропейский колорит то с преобладанием французских, то немецких, то английских колеров, смотря по обстоятельствам времени и по слоям и кружкам, на которые разбивается общество»¹⁵. Это общественное настроение историк называет «европейничаньем». Черты этого явления Н. Я. Данилевский тоже формулирует достаточно четко:

1. Искажение народного быта и замен «формами чуждыми, иностранными...».

2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – «с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо».

3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, «рассматривание их в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона...»¹⁶.

Отношение самого Петра I к России Н. Я. Данилевский оценивает также с точки зрения взаимоотношений Россия – Европа. «Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе любил и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже и сознавал, – любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни – самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами»¹⁷.

Таким образом, оценка деятельности российского императора Петра I дается Н. Я. Данилевским с точки зрения враждебности и отчужденности интересов Европы и России, а результат тяжелой операции, известной под именем Петровской реформы, определяется им как потеря самобытности и самоидентичности России. Не будет преувеличением сказать, что оценка деятельности многих российских монарших особ практически невозможна или, как минимум, не будет объективной, если не анализировать ее с точки зрения отношений России и Европы, так как осознание отсталости России и необходимости ее реформирования заставляло «сильных исторических деятелей» искать образец, эталон, пример для подражания и источник выгодных заимствований. Чаще всего все это находилось в образе жизни и государственной политике западных держав.

«Итак, западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к осознанию своей отсталости»¹⁸.

Примечания

- ¹ Гумилев Л. Н. От Руси к России. Л., 1992. С. 256.
- ² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 71.
- ³ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 56.
- ⁴ См.: Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 59–60.
- ⁵ См.: Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. С. 19.
- ⁶ См.: Гумилев Л. Н. От Руси к России. С. 256.
- ⁷ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 263.
- ⁸ Там же. С. 264.
- ⁹ Там же. С. 265.
- ¹¹ Там же. С. 265.
- ¹² Там же. С. 265–266.
- ¹³ Там же. С. 266.
- ¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1993. С. 98.
- ¹⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 266.
- ¹⁶ Там же. С. 267.
- ¹⁷ Там же. С. 268.
- ¹⁸ Там же. С. 265.
- ¹⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 243.

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1990-х ГГ.
О БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМАХ АЛЕКСАНДРА II**

60–90-е гг. XIX в. составили чрезвычайно важный и значительный этап в истории России. Самым выдающимся событием этого времени стало проведение императором Александром II буржуазных реформ – крестьянской, судебной, земской, городской, народного образования, военной и других. Эти крупные общественно-политические преобразования показали стране и Западной Европе, что русская монархия в лице дома Романовых была способна сделать серьезный и решительный шаг в деле приобщения России к европейской цивилизации, к созданию правового российского государства.

Истории реформаторства 1860-х гг. посвящено огромное количество научных работ. После проведения реформ и их реализации начали появляться аналитические исследования, авторы которых по-разному подходили к оценке реформ и их значению для будущности России. Одни из них (либеральные деятели и мыслители) давали преобразованиям Александра II высокую оценку, другие же в этих оценках высказывали (вместе с их положительным признанием) критические замечания о неполноте и ограниченности их проведения. В дальнейшем характеристика реформ исследователями, их анализ были далеко не однозначны и даже противоречивы. В данной статье автор рассматривает лишь некоторые аспекты историографии, связанные с трактовкой причин проведения буржуазных реформ. На этот вопрос в отечественной исторической литературе существовало и существует много весьма разноплановых ответов.

В советской историографии глубинные причины преобразований связывались с состоянием крепостнического хозяйства, говорилось о его прогрессирующем разложении, перешедшем примерно с 1830-х гг. в стадию кризиса. Наряду с этим анализировались политические факторы, ускорившие освобождение крестьян. Одни историки (П. А. Зайончковский) на первый план выдвигали реформаторскую деятельность либеральной части царской бюрократии, другие (М. В. Нечкина) акцентировали внимание на «революционной ситуации 1859–1861 гг.», которая и вынудила правительство пойти на проведение либеральных реформ.

В отдельных исторических исследованиях 1990-х гг. не поддерживалось положение о наличии в России на рубеже 1850–1860-х гг. революционной ситуации. Историки считали, что аморфное, полное монархических иллюзий крестьянское движение не представляло еще большой угрозы самодержавию¹. Современные исследователи, преодолевая тенденцию преувеличения роли крестьянского движения в истории проведения буржуазных реформ, зачастую впадали в другую крайность. В этой связи уместны выводы Л. Г. Захаровой о том, что усиливавшееся брожение среди крестьян накануне 1861 г., память о прежних крестьянских войнах, особенно о Пугачеве, об участии европейского крестьянства в революциях «многократно усиливали страх “верхов” перед “низами”»².

В новейшей историографии уделялось особое внимание импульсу реформ со стороны субъективных обстоятельств. Ученые особое внимание обращали на проблему реформаторской инициативы и роль Александра II в разрешении сложнейшего кризиса, носившего структурный характер. В работах Л. Г. Захаровой отмечалось, что в условиях самодержавной системы только с согласия монарха могли быть осуществлены любые изменения во внутренней политике³. «В силу особенностей российской действительности, недостаточной развитости классовых отношений, движение вперед было возможно лишь при импульсах со стороны самодержавной власти», – писала исследовательница. Л. Г. Захарова подчеркивала, что в обстановке кризиса старой системы и пробуждения общественного мнения Александр II сумел правильно оценить происходящие события и начал искать новые решения и новых людей.

Эти положения перекликались со взглядами А. Н. Боханова и В. Мироненко, изложенными в книге «Российские самодержцы 1801–1917 гг.»⁴. Историки считали, что Александр II решился на реформы в большей степени под влиянием угрозы потери Россией внешнеполитического престижа и статуса великой державы.

В исследованиях Н. Я. Эйдельмана, Г. Х. Попова, Б. Г. Литвака и др. также подчеркивалась важная роль императора в деле буржуазных реформ⁵. Историки отмечали, что Александр II играл роль «главного двигателя» реформы по отмене крепостного права, без которого дело не было бы завершено. Вместе с тем Б. Г. Литвак писал, что Александр II не достиг звания «революционера сверху», поскольку реформы не предусматривали создание представительного, пусть даже законосовещательного, учреждения.

В отечественной историографии высказывалась и другая точка зрения на проблему. Так, в статье М. Д. Долбилова в другом ключе характеризовалась роль императора в реформаторском процессе. Автор считал, что Александр II не был реформатором сам, а лишь «попустительствовал» либеральным чиновникам, проводившим с его согласия буржуазные преобразования⁶.

Таким образом, в современной литературе подробно рассматривались проблемы, связанные с ролью субъективных факторов в процессе реформирования социально-экономической жизни России в 1860–1870-х гг. Исследователи отмечали, что в истории подготовки буржуазных реформ роль императора оказалась самостоятельной и важной. Историки единодушно признавали, что в осуществлении реформаторского курса император опирался на представителей либерального чиновничества. Вместе с тем в литературе было высказано мнение о том, что Александр II не всегда проявлял инициативу, а лишь разрешал либерально настроенным чиновникам осуществлять предложенные проекты.

Примечания

¹ Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995. С. 21.

² Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX века в России // Вопросы истории. 1989. № 10; Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7.

³ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-ых годов XIX века в России. С. 4.

⁴ Российские самодержцы 1801–1917 гг. М., 1993.

⁵ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989; Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Попов Г. Х. Отмена крепостного права в России («Великая» реформа 19 февраля 1861 г.) // Истоки. Вопросы народного хозяйства и экономической мысли. М., 1989. Вып. 1.

⁶ Долбилов М. Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 47.

Е. В. Чернышева

**О МЕСТЕ И РОЛИ В ЗЕМСТВЕ
ВОЛЬНОНАЕМНЫХ СЛУЖАЩИХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ
И СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ НАЧАЛА XX В.)**

Процесс формирования основных профессиональных групп земских служащих – учителей, медицинских работников, статистиков – был непосредственно связан с русской общественной жизнью. Само появление и рост в России во второй половине XIX – начале XX в. провинциальной интеллигенции на службе земского самоуправления был обусловлен не только экономическими, но и социальными причинами, постоянно находился в зоне внимания прессы. В условиях модернизации страны общественная и культурная деятельность земских служащих, непосредственно работавших в среде крестьянства, становилась важным фактором трансформации условий, уклада и образа жизни народа. Земская интеллигенция являлась активным социальным элементом, стремившимся установить новые правила жизни в русской деревне. Осознание этого факта стало общим местом в рассуждениях государственных и общественных деятелей того времени.

Отечественная историографическая линия, берущая свое начало с либерально-народнической публицистики 1870-х гг., рассматривает формирование и развитие земской интеллигенции исключительно как положительный факт. Общественный характер ее профессиональной деятельности расценивается как противовес бюрократическому началу, как успешный и эффективный способ распространить блага культуры и помочь крестьянским массам изменить сложившуюся практику социальной жизни. Принципиально иная точка зрения на земскую интеллигенцию была характерна для дореволюционной консервативной историографии, но в силу крушения монархии она не получила серьезного развития. Между тем именно консерваторы обнажили многие проблемы земств, среди которых главная: их перерождение в бюрократические канцелярии с постоянно увеличивающимся

штатом служащих, чьи общественные и личные интересы входили в противоречие с интересами традиционных сословий.

Вторая половина 1880-х – 1890-е гг. были отмечены усилением влияния консервативной историографии, что было обусловлено, с одной стороны, политикой верховной власти, объявившей курс на укрепление государственности, а с другой – стремлением приверженцев самодержавия создать положительную программу развития страны, базирующуюся на монархических идеалах в противовес либеральным и социалистическим проектам. Представители консервативной мысли этого времени – А. Д. Пазухин, П. Л. Корф, М. Н. Катков, Д. Н. Цертелев, К. Ф. Головин, Г. А. Евреинов, Н. П. Семенов, В. П. Мещерский – обратились к анализу «великих» реформ в плане оценки их годности применительно к русскому быту и перспективам дальнейшего развития России. В итоге ими было пересмотрено господствовавшее в историографии мнение об исключительно положительном значении преобразований и выявлены серьезные просчеты в ходе их проведения¹. По мнению консерваторов, реформы Александра II, и прежде всего земская, вели к ослаблению государственной власти, размыванию сословного строя, они порождали интеллигенцию, лишенную национального сознания, способствовали распространению в обществе идей и движений разрушительного свойства.

В. П. Мещерский, влиятельный публицист того времени, в одной из своих статей писал: «...земство, пользуясь 25 лет предоставленными ему земским положением почти самодержавными правами, имело в своем распоряжении все платежные силы, и, взамен этого, по себе не оставило никаких следов водворения ни экономической, ни нравственной благосостоятельности». По его словам земский деятель, вместо решения насущных задач экономической жизни, занимается тем, что «составляет либеральную вывеску, и за что [его] хвалят в печати». В результате земские школы и отчасти больницы представляют «хорошие ширмы, за которыми скрывается внутренняя пустота, сопровождаемая канцелярщиной нового образца»².

Консерваторы выступали за ограничение самостоятельности земств, за усиление государственного контроля над их финансами, хозяйственными и культурными мероприятиями, а также за укрепление дворянского представительства в их органах. Тем не менее, они не предлагали полностью уничтожить земство, а только вписать его в существующую политическую систему.

После смерти М. Н. Каткова в 1887 г. редактором главной консервативной газеты страны «Московских ведомостей» стал С. А. Петровский, которого в 1896 г. сменил на этом посту педагог и публицист В. А. Грингмут (до 1907 г.). В 1890-е гг. именно журналисты «Московских ведомостей» первыми указали на складывание вокруг земств, главным образом губернских, «новой бюрократии» в лице земской интеллигенции, проявлявшей политическую активность, поддерживавшей и провоцировавшей антиправительственные выступления. Со страниц газеты они потребовали остановить рост земских налогов и упразднить губернские земства, передав их функции уездам.

Представители консервативного направления русской мысли были противниками бесконтрольного и экономически неоправданного, с их точки зрения, роста численности земских служащих, который стал особенно заметен с середины 1890-х гг. По мнению консерваторов, земская интеллигенция играла деструктивную роль, поскольку стремилась распространить в народе свою идеологию, в основе которой лежали социализм и атеизм. Для ее дискредитации они использовали термин «земская бюрократия», понимая под этим прежде всего служащих, объединенных в различного рода бюро, советы и комиссии, действовавшие при губернских земских управах. Учитывая, что в царской России термин «бюрократия» ассоциировался в сознании современников с самыми негативными проявлениями власти, пренебрежением к интересам народа и злоупотреблениями, обвинение было серьезным. В своих публикациях консерваторы обращали внимание на то, что содержание штатов «земской бюрократии» ложилось на плечи налогоплательщиков, и прежде всего крестьян, которые не видели реальной пользы от большинства культурных начинаний земств. Особенно отчетливо, по мнению публицистов «Московских ведомостей», это проявлялось в отношении крестьян к земской школе. По убеждению консерваторов, школа не устраивала народ своей программой, а давала «лишь бесполезные, неприменимые к практической жизни знания», которые скоро забывались³. Консерваторы настаивали на обязательном учете при разработке земских социальных программ специфической крестьянской рациональности, предлагали воспитывать детей в начальной школе в соответствии с православной этикой и обучать ремеслам. Вплоть до первой русской революции они были убеждены, что базовыми социально-нравственными ценностями крестьянского мира являлись монархизм и религиозность, которые не позволяли интеллигенции изменять уклад жизни народа и его мироощущение.

Своеобразное отношение консерваторов к земской интеллигенции можно понять, если учесть, что до 1917 г. основным критерием принадлежности к «интеллигенции» служили идейно-психологические характеристики. Консерваторы не отождествляли «земскую интеллигенцию» со всей массой земских служащих и не выступали против их хозяйственной и культурной работы.

В пределах консервативной историографии не была создана целостная концепция истории земства и земских служащих. Представители русской консервативной мысли и не ставили перед собой такой задачи. Однако наличие в дореволюционной литературе, прежде всего в публицистике, официальных изданиях, а также в воспоминаниях государственных и общественных деятелей, разнообразных оценок, выводов и комментариев, данных представителями консервативного направления, позволяет заглянуть за «парадный фасад» земств и попытаться увидеть за тем глянцем, который целенаправленно наводила либеральная и демократическая печать, реальные проблемы, сложности и противоречия. Кроме того, консервативная интерпретация истории земских служащих в методологическом и эпистемологическом

аспектах являлась единственной неинтеллигентской. Представители консервативного направления не считали себя «интеллигентами» и соответственно не были носителями специфичной социально-психологической интеллигентской ментальности, в то время как наличие общего интеллигентского мировоззрения у народнических, либеральных и марксистских авторов оказывало определяющее влияние на трактовку ими истории «третьего элемента» и роднило между собой их концепции.

Можно утверждать, что представители государственной власти впервые серьезно обратили внимание на земскую интеллигенцию в 1900 г. Автор неологизма «третий элемент» самарский вице-губернатор Г. В. Кондоиди на открытии очередной сессии губернского земского собрания сказал тогда следующее: «В деле местного хозяйственного управления с давних времен принимают участие лица правительственные и представители поместных обывателей... Высший надзор, решение и ответственность за успешность его возложены на администрацию; инициатива в большинстве случаев мероприятий и выполнение их лежит на обязанности представителей местных сословий. Ясно представляется, что этим двойным составом... исчерпывается необходимый контингент деятелей по местному хозяйственному управлению... Между тем... за последнее время все более и более усматривается в местной земской жизни участие нового, третьего элемента». Этот «новый фактор», по словам сановника, не принадлежит ни к администрации, ни к представителям местных сословий. Среди черт, присущих данной общественной группе, он выделил две: «большой запас научных теоретических познаний» и чрезмерное увлечение «отвлеченным принципом» в ущерб практическим данным. В своем выступлении, растиражированном центральными изданиями и вызвавшем бурные дискуссии в прессе, он с неудовольствием отмечал, что земские гласные «внемлют слову интеллигентов, хотя бы то были не более как вольнонаемные служащие в управе, лишь вследствие ссылки на науку или на поучения газетных и журнальных писателей». По его словам, грезы «третьего элемента» носят лишь фантастический характер, но могут, «допустив в основание политические тенденции, иметь и вредную сторону»⁴.

Другой представитель царской бюрократии – товарищ министра внутренних дел, сенатор Н. А. Зиновьев – так отзывался о роли «третьего элемента» в Московском земстве, которое он ревизовал в 1903 г.: «При численном преобладании в совете (врачебном) лиц, служащих в земстве по приглашению, над личным составом управы и членами от земского собрания, действительными хозяевами положения являются не выборные люди, а лица посторонние». Он находил, что представители «третьего элемента» «благодаря сплоченности и сравнительной продолжительности службы», а также из-за неверной позиции, занятой руководством губернской земской управы, получили крупное влияние на весь ход земских дел»⁵.

В своем рапорте на имя императора Н. А. Зиновьев указывал на то, что врачебный персонал Московского губернского земства сплотился в одну

корпорацию и стремится к расширению круга своей деятельности, не останавливаясь для этого перед открытой борьбой с уездными управами. Примеру врачей пытаются следовать статистики, фельдшеры, учителя. Следствием такого направления, резюмировал он, стало то, что «земское дело в Московской губернии уходит из рук земства»⁶. По наблюдению сенатора, коллективную линию поведения земских служащих характеризовало стремление к усилению влияния на земские дела через различные бюро и комиссии, действовавшие при губернской управе; участие в назначении и увольнении своих коллег; ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, отсутствие служебной дисциплины⁷.

К аналогичным выводам о неподобающем участии «третьего элемента» во всех отраслях земского хозяйства, не несущем никакой ответственности, отстраняющем гласных, управы и собрания от влияния на ход дел, судя по воспоминаниям И. И. Петрункевича, пришел директор департамента общих дел Министерства внутренних дел Б. В. Штюмер. Он одновременно с Н. А. Зиновьевым ревизовал Тверскую губернию⁸.

Однако власть дальше констатации ненормальности создавшегося в ряде земств положения не пошла, ограничиваясь сбором сведений о земских служащих и превентивными мерами – неутверждением лиц, желающих устроиться на работу в земство, с мотивировкой их политической неблагонадежности, а также рекомендации управам уволить служащих по той же причине. Однако земство могло и не согласиться с таким «предложением», если служащий не был привлечен к ответственности по суду. Правда, ревизия 1903 г. в Московском и Тверском земствах привела к смене руководства местных управ (двух губернских и одной уездной – Новоторжской, Тверской губернии), но это был нетипичный случай в истории земств. Видимо, коронная администрация ожидала, что раз проблема «третьего элемента» озвучена на высшем уровне, то руководители земств сумеют навести порядок в своем хозяйстве и возьмут управление в свои руки. Но ситуация в земствах зашла слишком далеко. Источники показывают, что некоторые земские управы к началу XX в. уже не в состоянии были полностью контролировать деятельность своего вольнонаемного персонала, противостоять его коллективным действиям и лоббированию интересов.

Ярким примером этому стал инцидент с увольнением председателем Екатеринославской губернской земской управы М. В. Родзянко в июле 1901 г. заведующего статистическим бюро В. Ф. Арнольди и трех статистиков за их отказ представить для проверки дневники и путевые журналы, введенные земством для учета работы. В ответ на это почти 50 земских служащих разных специальностей, в том числе из других земств (Харьковского, Нижегородского, Пермского), в знак солидарности с уволенными подали в отставку. Они направили М. В. Родзянко ряд протестов, где писали о «полицейском надзоре за служащими», о «тягостной атмосфере в земстве» и т. п.⁹ Дело получило общероссийскую известность. На сторону служащих стала либерально-демократическая печать, которая развернула настоящую травлю М. В. Родзянко¹⁰. В дело

пришлось вмешиваться высшей администрации. Директор Хозяйственного департамента МВД, на тот момент Н. А. Зиновьев, затребовал от екатеринославского губернатора графа Ф. Э. Келлера и от самого М. В. Родзянко объяснительные письма¹¹. Губернатор в этом деле поддержал председателя управы, заметив в своем конфиденциальном письме, что «указанные в печати причины увольнения служащих по статистике далеки от истины», а некоторые из публикаций «написаны в оскорбительной форме для общественного и служебного положения председателя губернской земской управы», которое не допускает над ним такого глумления¹².

Примечания

¹ Головин К. Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884; Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886; Корф П. Л. Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888; [Меуцкерский В. П.] Земство и правительство // Гражданин. 1888. № 94. 3 апр.; Цертелев Д. Н. Нужна ли реформа местного управления? М., 1889; Семенов Н. П. Наши реформы. М., 1884; Евреинов Г. А. Заметки о местной реформе. СПб., 1886; Катков М. Н. Недостатки земских учреждений // Московские ведомости (далее МВ). 1885. № 45, 47, 299; Самоуправство и земские учреждения // МВ. 1886. № 217.

² [Меуцкерский В. П.] Смысл земских учреждений // Гражданин. 1888. № 34. 3 февр.

³ Цертелев Д. Мысли и факты. Воспитательное значение школы // МВ. 1895. № 62. 4 марта; Земское просвещение // МВ. 1897. № 231. 23 авг.; Рецидив безграмотности // МВ. 1897. № 278. 9 окт.; Агитация против церковно-приходских школ // МВ. 1903. № 8. 8 янв.; Наше общественное самоуправление. Внешкольное образование // МВ. 1903. № 12. 12 янв.; Наше общественное самоуправление. Народ и образование // МВ. 1903. № 112. 25 апр.

⁴ От наших корреспондентов. Открытие XXXV губернского земского собрания в Самаре // Русские ведомости. 1900. № 18. 18 янв.

⁵ Зиновьев Н. А. Всеподданнейший рапорт товарища министра внутренних дел, сенатора, тайного советника. СПб., 1904. С. 11–12.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же. С. 13–14.

⁸ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993. С. 272–273. См. также: Правительственная ревизия и земская фронда // МВ. 1903. № 11. 11 янв.

⁹ Из Харькова // Русские ведомости. 1901. № 211. 2 авг.

¹⁰ Папа Родзянко I // Россия. 1901. № 798. 17 июля; Помпадуры в земстве // Волгарь. 1901. № 820. 8 авг.; Земская хроника // Новое время. 1901. № 9124. 30 июля; В. С. [Скалон В. Ю.] Вопрос о земской службе // Русские ведомости. 1901. № 255. 15 сент. и др.

¹¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 636 «По вопросу о массовом уходе земских вольнонаемных служащих в Екатеринославской и Харьковской губерниях». Л. 26–30.

¹² Там же. Л. 26, 27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГАОО – Государственный архив Орловской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
КГВ – Костромские губернские ведомости
КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – полное собрание русских летописей
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Костромской области
ЦДНИЯО – Центр документации новейшей истории Ярославской области
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Балдин Кирилл Евгеньевич**, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.
- Баркова Марина Юрьевна**, аспирант Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Белов Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, декан исторического факультета Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова, .
- Белова Татьяна Валентиновна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского технологического университета.
- Гневъшев Андрей Владимирович**, помощник главы городского поселения город Чухлома Чухломского муниципального района Костромской области, редактор журнала «Чухломский край».
- Голубева Ирина Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Горохова Ольга Вячеславовна**, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
- Денисов Валерий Витальевич**, кандидат культурологи, докторант Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, директор ГУК ЯО «Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей».
- Едошина Ирина Анатольевна**, зав. кафедрой теории и истории культур, доктор культурологии, профессор, Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Задоров Иван Александрович**, аспирант 2 года обучения кафедры теории и истории культур Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Иванова Елена Сергеевна**, аспирант 2 года обучения кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Карнишин Валерий Юрьевич**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета.
- Карнишина Наталья Геннадьевна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета.
- Кухаренко Алексей Евгеньевич**, аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета АлтГУ.
- Лебедев Антон Вячеславович**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.
- Майорова Наталья Сергеевна**, к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и историографии факультета Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Мальшко Сергей Вадимович**, кафедра всемирной истории Института истории, этнологии и правоведения имени А. М. Лазаревского Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко, секретарь Ученого совета Института истории, этнологии и правоведения имени А. М. Лазаревского.
- Мальцев Роман Юрьевич**, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

- Марасанова Виктория Михайловна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.
- Матвиевский Илья Николаевич**, аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Мельникова Инна Геннадьевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения и туризма Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова.
- Миловидова Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Мохначева Марина Петровна**, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, заместитель директора по научно-исследовательской работе и международным связям филиала РГГУ в г. Домодедово.
- Мухачев Николай Владимирович**, соискатель кафедры Всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Наградов Илья Сергеевич**, заведующий научно-информационным отделом Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Никитин Владимир Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета.
- Нифонтов Александр Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории и историографии факультета Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Новиков Алексей Валентинович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Новожилова Л. Н.**, старший научный сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Носова Елена Сергеевна**, ассистент кафедры музеологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
- Омельянчук Игорь Владимирович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Владимирского государственного университета.
- Палий Любовь Валерьевна**, кандидат исторических наук, заведующая методическим кабинетом, старший преподаватель кафедры истории России Курского государственного университета.
- Панкратова Ольга Борисовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории и историографии факультета Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Подделкова Полина Евгеньевна**, аспирант кафедры теории и истории культуры РГПУ имени А. И. Герцена.
- Половникова Марина Юрьевна**, аспирантка Вятского государственного университета.
- Репников Александр Витальевич**, доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российской государственного архива социально-политической истории, профессор Российской академии театрального искусства.
- Рубанков Кирилл Станиславович**, кандидат исторических наук, ООО «Профмедиа».
- Саражина Розалия Гизаровна**, аспирант кафедры дореволюционной Отечественной истории и документоведения Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

- Сидоров Дмитрий Вячеславович**, кандидат исторических наук.
- Смирнов Юрий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, декан исторического факультета Самарского государственного университета.
- Смирнова Юлия Борисовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.
- Соболев Владимир Семенович**, доктор исторических наук, профессор Института истории и естествознания и техники РАН г. Санкт-Петербург.
- Софьин Дмитрий Михайлович**, Пермский государственный университет.
- Сулимов Вадим Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры права Тобольской государственной социально-педагогической академии имени Д. И. Менделеева.
- Тесля Андрей Александрович**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.
- Турыгин Александр Александрович**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиал РГГУ в г. Костроме, кандидат исторических наук к.и.н.
- Усманов Сергей Михайлович**, доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета.
- Устинова Ирина Александровна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета.
- Чагин Георгий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета.
- Черничкина Вера Алексеевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.
- Чернышева Елена Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.
- Чувардин Герман Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.
- Шатохин Иван Тихонович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета.
- Шатохина Светлана Богдановна**, кафедра российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, старший преподаватель.
- Шипилов Александр Дмитриевич**, к.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Соболев В. С. Император Пётр I и создание Российского флота (по документам РГАВМФ)	5
Белов А. М. О символе и значении православного самодержавия в России	9

Р А З Д Е Л I

Взаимоотношения центра и регионов в модернизационном развитии России XVII – начала XX вв.

Балдин К. Е. Предприниматели и духовенство в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Верхневолжских губерний)	15
Репников А. В. Имперский и национальный принцип в идеологии русских монархических организаций начала XX в.	20
Усманов С. М. Государь Николай II и судьба империй: размышления Георгия Федотова	30
Белова Т. В. Изменение жизненного уровня рабочих Верхнего Поволжья в годы Первой мировой войны	35
Карнишин В. Ю. Реалии позднеимперской России в воспоминаниях князя В. А. Друцкого-Соколинского	37
Карнишина Н. Г. Реформы династии Романовых во второй половине XIX в.: восприятие и механизм трансляции в губерниях Российской империи	42
Лебедев А. В. Вклад династии Романовых в историю Северной железной дороги	47
Мальцев Р. Ю. Костромские предприниматели и органы местного самоуправления в начале XX в.	54
Марасанова В. М. 1913 год: Романовы в Ярославле	61
Матвиевский И. Н. Либералы провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Костромской губернии)	67
Мельникова И. Г. Провинциальная полиция в первой четверти XIX в. (на материалах Верхневолжских губерний)	76

Наградов И. С. Костромские и ярославские старообрядцы-странники в XIX в.	80
Никитин В. А., Павлуцких Г. Г. «Картофельные бунты» как социальное движение	88
Нифонтов А. В. Территориальная политика в имперской стратегии царей династии Романовых в 1613–1725 гг.	98
Новиков А. В. Костромская губерния в материалах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в период царствования Николая I	106
Носова Е. С. Механизм взаимодействия императора и губернатора в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской губернии)	120
Омельяничук И. В. Русские консерваторы и манифест 17 октября 1905 года	123
Рубанков К. С. Монархическое движение в Костромской губернии (1905–1913 гг.): символы и атрибуты	129
Саражина Р. Г. «Сибирский вопрос» в правительственной политике в начале XIX в.	134
Сидоров Д. В. Корпоративные организации дворянства периода великих реформ XIX в. (на материалах Костромской губернии)	137
Смирнов Ю. Н. Организация военными властями Екатерины II управления мятежными территориями Поволжья и Приуралья в 1773–1775 гг.	146
Софьин Д. М. Министр внутренних дел и августейший генерал-губернатор: В. К. Плеве и Великий князь Сергей Александрович	156
Сулимов В. С. Подготовка крестьян Тобольской губернии к приезду цесаревича Николая в 1891 г.	160
Тесля А. А. Остзейский вопрос в переписке Ю. Ф. Самарина 1846–1848 гг.	165
Чагин Г. Н. Чердынский край и династия Романовых	173
Черничкина В. А. Особенности праздничных мероприятий, приуроченных к приезду в губернский город Владимир «Высоких императорских особ» в последней трети XVIII – первой половине XIX в.	183
Чирков М. С. Реализация экономических реформ российского правительства в Самарском крае (1906–1914 гг.)	188

РАЗДЕЛ II

Провинция как органическая форма становления и развития отечественной культуры

Едошина И. А. Романовы: иконопись и Раскол	193
Миловидова Н. В. Жизнь и быт российской провинции XIX в. в произведениях А. А. Потехина	197
Майорова Н. С. Государственная политика в отношении старообрядческого духовенства во второй половине XIX в. Дело епископа Оренбургского и Пермского Константина (Коровина)	207
Баркова М. Ю. Великая княгиня Елена Павловна (по очерку А. Ф. Кони) .	213
Денисов В. В. Настоятели монастырей Верхнего Поволжья в системе управления Русской православной церкви (XIX – начало XX в.)	217
Евстратова А. И. Благотворительность российского купечества в середине XIX – начале XX в.	222
Задоров И. А. Кукольный театр цесаревича Алексея	228
Половникова М. Ю. Романовы и религиозно-просветительская деятельность в Палестине во второй половине XIX – начале XX в.	231
Устинова И. А. Из истории церковно-государственного сотрудничества в правление Михаила Федоровича Романова (1613–1645)	235
Чувардин Г. С., Подделкова П. Е. Почетный гражданин и орловский помещик: великий князь Михаил Александрович Романов в жизни г. Орла и Орловской губернии	241
Шатохин И. Т., Шатохина С. Б. Частная жизнь российских чиновников второй половины XIX – начала XX в. в мемуарной литературе: первая любовь и ухаживание за невестой	252

РАЗДЕЛ III

Научно-исторические изыскания в российских регионах XVIII – начала XX в. (история, археология, краеведение, архивоведение, этнология)

Мохначева М. П. Императорский конвой: 200 лет истории	259
Шипилов А. Д. Итоги развития исторических традиций регионоведения в Костромском крае в конце XVIII – начале XX в.	267

Голубева И. В., Пургина Н. Б. Деятельность Костромской земской санитарной организации в начале XX в.	272
Гневнышев А. В. Доходы и расходы православного монастыря Российской империи в XIX – начале XX в. (на примере Авраамиево-Городецкого монастыря Костромской епархии)	281
Горохова О. В. Романовский пансион при Костромской Григоровской женской гимназии	287
Иванова Е. С. Ревизия сенатором А. В. Алябьевым Костромской губернии	291
Кухаренко А. Е. К вопросу о коронной собственности главы Дома Романовых на Алтае	297
Малышко С. В. Последний протопресвитер российской императорской армии и флота: вехи биографии Г. И. Шавельского	306
Мухачев Н. В. Введение «сухого закона» в начале XX в. в России и его последствия (на материалах Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерний)	315
Новожилова Л. Н. Иван Осипович Селифонтов – на службе не государю, но государству	324
Палий Л. В. История одного пожалования: об устройстве по Высочайшему повелению императора Александра I городского сада в г. Курске	331
Панкратова О. Б., Турыгин А. А. «Россия должна была вынести еще тяжелую операцию, известную под именем Петровской реформы»: Россия и Европа: оценка деятельности Петра I Н. Я. Данилевским	339
Смирнова Ю. Б. Современная историческая литература 1990-х гг. о буржуазных реформах Александра II	344
Чернышева Е. В. О месте и роли в земстве вольнонаемных служащих (по материалам консервативной печати и сенаторских ревизий начала XX в.)	346
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	352
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	353

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ
В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ

**Материалы конференции
Кострома, 24–25 марта 2011 года**

Редакторы: *Н. А. Невская, Г. Д. Неганова*
Техническое редактирование *Е. В. Фотиной*
Компьютерная верстка *И. М. Ивановой*

Подписано в печать 15.06.2011.

Формат 70х108/16.

Уч.-изд. л. 30,1.

Тираж 500 экз.

Изд. № 102.

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14